ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

2026 Том 31 № 3

ПОСТМОДЕРНИЗМ: PRO ET CONTRA

Приглашенный редактор О.В. Богданова

DOI 10.22363/2312-9220-2026-31-3

http://journals.rudn.ru/literary-criticism

Научный журнал

Издается с 1996 г.

Средство массовой информации зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61204 от 30.03.2015

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Коваленко А.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Волкова И.И., доктор филологических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Базанова А.Е., кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Борхес-Рей Э., доктор в сфере медиакоммуникаций, адъюнкт-профессор по программе журналистики, Северо-Западный университет в Катаре, Доха, Катар

Голубков М.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Дрок Н., PhD, профессор, президент Европейской ассоциации преподавателей журналистики (EJTA), заместитель председателя Всемирного совета по журналистскому образованию (WJEC), профессор школы медиа, Университет прикладных наук Виндсхайма, Зволле, Нидерланды

Жаккар Ж.-Ф., профессор кафедры средиземноморских, славянских и восточных языков и литератур, Женевский университет, Женева, Швейцария

Желтухина М.Р., доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Российская Федерация

Киссель В.С., профессор восточноевропейской литературы и культуры, Институт европейских исследований, Бременский университет, Бремен, Германия

Кихней Л.Г., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А.С. Грибоедова, Москва, Российская Федерация

Лободенко Л.К., доктор филологических наук, профессор, директор Института медиа и социально-гуманитарных наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация

Меррилл Дж., PhD, профессор русского языка, Университет штата Мичиган, Ист Лэнсинг, США

Нигматуллина К.Р., доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой цифровых медиакоммуникаций, Институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Панасенко Н., доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации, факультет массмедиальной коммуникации, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, Трнава, Словакия

Полонский В.В., доктор филологических наук, профессор РАН, директор Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, член-корреспондент Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Саймонс Г.Дж., PhD, профессор, адъюнкт-профессор департамента государственного управления, научный сотрудник Института исследований России и Евразии, Университет Упсалы, Упсала, Швеция

Сколари К., доктор лингвистики и коммуникаций, профессор, адъюнкт-профессор факультета медиакоммуникаций, Университет Помпеу Фабра, Барселона, Испания

Тилак Г., PhD, доктор литературы, доктор менеджмента, профессор, декан факультета современных наук и профессиональных навыков, профессор департамента массовых коммуникаций, Университет Тилак Махараштра Видьяпит, Пуна, Махараштра, Индия

Шилина М.Г., доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ. СЕРИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
4 выпуска в год (ежеквартально).
Языки: русский, английский.
Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.
Материалы журнала индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Белый список РЦНИ, РИНЦ Научной электронной библиотеки (НЭБ), Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика» – периодическое научное издание в области филологических исследований. Международный состав редакционной коллегии и экспертного совета обеспечивает отбор, рецензирование и публикацию авторских материалов на русском и английском языках представителей различных научных школ и регионов мира.

Цели журнала – осуществление научного обмена и сотрудничества между российскими и зарубежными литературоведами и журналистами, а также специалистами смежных областей, публикация результатов оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем междисциплинарного характера, касающихся литературоведения и журналистики, освещение научной деятельности профессионального научного сообщества. Приоритетными направлениями журнала являются история русской и зарубежной литературы, теория литературы, история и теория журналистики, средства массовой коммуникации и средства массовой информации, реклама, связи с общественностью России и зарубежных стран, теория, практика и восприятие генеративных медиа. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования.

Одна из задач журнала – знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области литературоведческих и медиаведческих исследований, рекламы и связей с общественностью, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением. Основные рубрики журнала: «Литературоведение», «Журналистика».

Принимаются материалы, соответствующие следующим специальностям номенклатуры ВАК: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, 5.9.2. Литературы народов мира, 5.9.3. Теория литературы, 5.9.4. Фольклористика, 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика.

Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, обзоры, информацию о конференциях, научных проектах и т. д.

Редакционная коллегия журнала приглашает литературоведов и специалистов в области средств массовой информации и массовой коммуникации, рекламы и связей с общественностью, работающих в русле вышеуказанных направлений, к участию в подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте http://journals.rudn.ru/literary-criticism

Электронный адрес редакции журнала: litj@rudn.ru

Редактор *О.В. Салова*
Редакторы англоязычных текстов *К.Ю. Кашлявик, Н.В. Рабкина, О.В. Спачиль*
Компьютерная верстка *Т.Н. Селивановой*

Адрес редакции:
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Подписано в печать 26.09.2026. Выход в свет 30.09.2026. Формат 70×108/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 23,1. Тираж 500 экз. Заказ № 1036. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 2026

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

2026 VOLUME 31 NUMBER 3

POSTMODERNISM: PRO ET CONTRA

Guest Editor Olga V. Bogdanova

DOI 10.22363/2312-9220-2026-31-3
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

Founded in 1996

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA NAMED AFTER PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Alexander G. Kovalenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: kovalenko-ag@rudn.ru

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

Irina I. Volkova, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Mass Communications, RUDN University, Moscow, Russian Federation
E-mail: volkova-ii@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Anna E. Bazanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Theory and History of Journalism, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Eddy Borges-Rey, PhD in Media and Communication, Associate Professor in Residence Journalism Program, Northwestern University in Qatar, Doha, Qatar

Niko Drok, PhD, President of European Journalism Training Association (EJTA), Vice Chair of the World Journalism Education Council (WJEC), Professor of Media & Civil Society, Windesheim University of Applied Sciences, Zwolle, Netherlands

Michail M. Golubkov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History and Contemporary Literary Process, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Jean-Philippe Jaccard, Professor at the Department of Mediterranean, Slavic and Oriental Languages and Literatures, University of Geneva, Geneva, Switzerland

Liubov G. Kikhney, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economy named after A.S. Griboyedov, Moscow, Russian Federation

Wolfgang Stephan Kissel, Professor of East European Literatures and Cultures, Institute for European Studies, University of Bremen, Bremen, Germany

Lidiya K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Professor, Director of the Institute of Media, Social Sciences and Humanities, Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

Jason Merrill, PhD in Russian Literature, Professor of Russian, Michigan State University, East Lansing, USA

Kamilla R. Nigmatullina, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Digital Media Communications, Institute "Higher School of Journalism and Mass Communications", St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

Nataliya Panasenko, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Language Communication, Faculty of Mass Media Communication, University of SV Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovakia

Vadim V. Polonsky, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Director of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Carlos Alberto Scolari, PhD in Applied Linguistics and Communication Languages, Professor, Associate Professor at the Faculty of Communication, Pompeu Fabra University, Barcelona, Spain

Marina G. Shilina, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Advertising, Design and Public Relations, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Gregory John Simons, PhD, Professor, Associate Professor at the Department of Government, Researcher at Institute for Russian and Eurasian Studies, Uppsala University, Uppsala, Sweden

Geetali Tilak, PhD, DLit, DM, Professor, Dean of the Faculty of Modern Sciences and Professional Skills, Professor at the Department of Mass Communication, Tilak Maharashtra Vidyapeeth, Pune, Maharashtra, India

Marina R. Zheltukhina, Doctor of Philological Sciences, Professor of the English Philology Department, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF STUDIES IN LITERATURE AND JOURNALISM

Published by the Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
Publication frequency: quarterly.
Languages: Russian, English.
Indexed by White List of RCSI, Russian Index of Science Citation, Scopus, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodical Directory, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism is a peer-reviewed international academic journal publishing research in literature and journalism. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The goal of the journal is to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists, disseminate theoretically grounded research, and advance knowledge in a broad range of interdisciplinary issues pertaining to the field of literature studies, journalism, public relations and advertising.

The editors aim to publish original research devoted to literature and journalism: literary process, prose, poetry, drama, literary criticism, mass communication, press, radio, television, genres of journalism, public relations, theory, practice, and perception of generative media.

Contributions to the journal should show awareness of current research trends in these areas, and explore their implications. Methodologies for data collection and analysis can be quantitative or qualitative, and must be grounded in practices in this area. General journal sections are "Literary Studies", "Journalism".

Materials that correspond to the following specialties: Russian Literature and Literature of the Peoples of the Russian Federation, Literature of the Peoples of the World, Literary Theory, Folkloristics, Media Communications and Journalism are accepted.

As a Russian periodical with an international character, the journal also welcomes articles that advance research in relevant intercultural themes, and/or explore the implications of intercultural issues in communication generally.

In addition to research articles the journal also welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics).

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at http://journals.rudn.ru/literary-criticism

Copy Editor *O.V. Salova*
English Texts' Editors *K.Yu. Kashlyavik, N.V. Rabkina, O.V. Spachil*
Layout Designer *T.N. Selivanova*

Address of the editorial office:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of the journal:
10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 433-70-22; e-mail: litj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Printed at RUDN Publishing House
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Tel.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, 2026

Вестник РУДН.
Серия: **ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА**

2026 Том 31 № 3

http://journals.rudn.ru/literary-criticism

СОДЕРЖАНИЕ

Постмодернизм: pro et contra

ОТ РЕДАКЦИИ

Богданова О.В. Постмодернизм: pro et contra. Вводные замечания 539

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Постмодернизм сегодня

Кихней Л.Г., Яненко А.М. Преодолевая модернизм и постмодернизм: парадоксы субъектности в «Поэме без Героя» Анны Ахматовой 549

Богданова О.В., Чжан Юй. Рассказ Л. Петрушевской «С горы»: система образов, нарративные ходы постмодерного текста 562

Темиршина О.Р. Субъект в лирике Михаила Елизарова: *деконструкция* или *реконструкция*? 575

Коваленко А.Г., Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф. Постум-нарратив как маркер постмодернистской эстетики в современной узбекской литературе 588

История русской литературы

Щепалина Е.А. «Аз есмь»: утверждение бытия личности в художественном мире С.Н. Дурылина 605

Румянцева С.А., Голубков М.М. Миф о Петербурге в зеркале современной литературы 616

Новичкова Д.А., Муминов С.О., Демченко А.С., Ананьева С.В. Комическое в художественной антропологии произведений В.В. Вересаева 626

Современная литература

Сапрыкин М.Е. Генезис, имплементация и функция двух типов остранения в поэзии Вс.Н. Некрасова 1960-х гг. 636

Клинг О.А., Ермолаев И.О. Инициация как сюжетообразующий элемент романов М. Елизарова 647

Компаративистика

Нургали К.Р., Джолдасбекова Б.У., Толбаева Д.Е. Л.Н. Толстой в творческом восприятии Абая и Шакарима: этический диалог 658

ЖУРНАЛИСТИКА

История, теория и философия медиа

Тулупов В.В., Красова Е.Ю. Социальный заказ журналистике: представления и оценки региональных журналистов 667

Лободенко Л.К., Чередникова А.Б., Асташова Ю.В., Котов А.А. Медиаобраз промышленного региона: тематические доминанты и стереотипы 682

Ахунзянова Ф.Т., Волкова И.И. Трансформация дискурса ведущих в шоу о преображениях: от нормативного конформизма к легитимации индивидуальности 697

Медиаполитика, регулирование и политические коммуникации

Ершов Ю.М. Годовые отчеты Института Рейтера как форма отраслевого форсайта медиаиндустрии: эпистемологические основания и ограничения 710

Якова Т.С. Медиагеографический анализ смыслового пространства международных конфликтов и кризисов 723

Прутцков Г.В. Медиа как фактор формирования каталонского национального сознания 736

ИИ в медиа: производство, этика, восприятие

Поляков М.Л. Искусственный интеллект и человек: сравнительный анализ научных обзорных текстов 749

Мухина О.С., Олешко В.Ф., Олешко Е.В. Троллинг чат-ботов как реакция на нейрокомментинг и индикатор кризиса интерактивности 762

Литература как медийный архив

Arimuthu P.R., Balakrishnan A., Moreva A.N. The Politics of Fat Representation and Digital Media Discourse in Kate Stayman-London's *One to Watch*: A Review Article (**Аримуту П.Р., Балакришнан А., Морева А.Н.** Политика репрезентации полноты и дискурс цифровых медиа в романе Кейт Стейман-Лондон *One to Watch*: обзорная статья) 774

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

Десяева Н.Д. От истоков медиаобразования к цифровому будущему: интервью с профессором Александром Шариковым 785

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism

2026 Vol. 31 No. 3

http://journals.rudn.ru/literary-criticism

CONTENTS

POSTMODERNISM: PRO ET CONTRA

EDITORIAL COLUMN

Bogdanova O.V. Postmodernism: Pro et Contra. Introductory Remarks 539

LITERARY STUDIES

POSTMODERNISM TODAY

Kikhney L.G., Yanenko A.M. Overcoming Modernism and Postmodernism: Paradoxes of Subjectivity in Anna Akhmatova's *Poem Without a Hero* 549

Bogdanova O.V., Zhang Yu. L. Petrushevskaya's Story *From the Mountain*: System of Images, Narrative Strategies in a Postmodern Text 562

Temirshina O.R. The Subject in Mikhail Elizarov's Lyrics: *Deconstruction* or *Reconstruction*? 575

Kovalenko A.G., Garipova G.T., Shafranskaya E.F. Posthumous Narration as a Marker of Postmodern Aesthetics in Contemporary Uzbek Literature 588

HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

Shchepalina E.A. "I Am": The Affirmation of Personality in S.N. Durylin's Artistic World 605

Rumyantseva S.A., Golubkov M.M. The Myth of St. Petersburg in the Mirror of Modern Literature 616

Novichkova D.A, Muminov S.O., Demchenko A.S., Ananyeva S.V. The Comic in the Artistic Anthropology of V.V. Veresaev's Works 626

CONTEMPORARY LITERATURE

Saprykin M.E. The Genesis, Realization, and Function of Two Types of Defamiliarization in V.N. Nekrasov's Poetry of the 1960s 636

Kling O.A., Yermolaev I.O. Initiation as a Plot-Forming Element of M. Elizarov's Novels 647

COMPARATIVE STUDIES

Nurgali K.R., Joldasbekova B.U., Tolbayeva D.E. L.N. Tolstoy in the Creative Perception of Abai and Shakarim: An Ethical Dialogue 658

JOURNALISM

HISTORY, THEORY AND PHILOSOPHY OF MEDIA

Tulupov V.V., Krasova E.Yu. Social Mandate for Journalism: Perceptions and Assessments of Regional Journalists 667

Lobodenko L.K., Cherednyakova A.B., Astashova Yu.V., Kotov A.A. Media Image of an Industrial Region: Dominant Themes and Stereotypes 682

Akhunzianova F.T., Volkova I.I. Transforming Host Discourse in Makeover Shows: From Normative Conformity to the Legitimization of Individuality 697

MEDIA POLICY, REGULATION AND POLITICAL COMMUNICATIONS

Ershov Yu.M. Reuters Institute Annual Reports as a Form of Media Industry Foresight: Epistemological Foundations and Limitations 710

Yakova T.S. Media-Geographical Analysis of the Semantic Space of International Conflicts and Crises..... 723

Pruttskov G.V. Media as a Factor in the Formation of Catalan National Consciousness 736

AI IN MEDIA: PRODUCTION, ETHICS, PERCEPTION

Polyakov M.L. Artificial Intelligence and Human: A Comparative Analysis of Scientific Review Articles 749

Mukhina O.S., Oleshko V.F., Oleshko E.V. Trolling of Chatbots as a Response to Neurocommenting and an Indicator of the Crisis of Interactivity 762

LITERATURE AS A MEDIA ARCHIVE

Arimuthu P.R., Balakrishnan A., Moreva A.N. The Politics of Fat Representation and Digital Media Discourse in Kate Stayman-London's *One to Watch*: A Review Article 774

INTERVIEW

Desyaeva N.D. From the Origins of Media Education to the Digital Future: An Interview with Professor Alexander V. Sharikov 785

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 539–548
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

ОТ РЕДАКЦИИ
EDITORIAL COLUMN

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-539-548
EDN: AVVYGD
УДК 82-192

Редакционная статья / Editorial article

Постмодернизм: pro et contra. Вводные замечания

О.В. Богданова

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Российская Федерация
✉olgabogdanova03@mail.ru

История статьи: поступила в редакцию 25 января 2026 г.; отрецензирована 18 марта 2026 г.; принята к публикации 20 мая 2026 г.

Для цитирования: *Богданова О.В.* Постмодернизм: pro et contra. Вводные замечания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 539–548. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-539-548 EDN: AVVYGD

Postmodernism: Pro et Contra. Introductory Remarks

Olga V. Bogdanova

Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky, Saint Petersburg, Russian Federation
✉olgabogdanova03@mail.ru

Article history: submitted January 25, 2026; revised March 18, 2026; accepted May 20, 2026.

For citation: Bogdanova, O.V. (2026). Postmodernism: Pro et Contra. Introductory Remarks. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 539–548. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-539-548 EDN: AVVYGD

© Богданова О.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Эпоха постмодерности, которая уверенно властвовала в русской культуре, искусстве, литературе (в целом в российском обществе) конца XX в., завершилась. Взлет постмодернизма, пришедшийся на 1980–2000-е гг., к началу нового тысячелетия пошел на спад, тенденции постмодерности серьезно ослабли. Между тем в истории русской литературы период расцвета постмодернизма остается важным этапом и как факт истории литературы зафиксирован во всех анналах научной филологической мысли. Теперь по прошествии времени наступает срок подведения некоторых итогов и осознания объективных последствий, которые оказал постмодернизм на развитие русской литературы последующих десятилетий.

Термин «постмодернизм» (от лат. *post* – после и *modernus* – современный) буквально означает «после-современность». Странность и парадоксальность терминологической дефиниции получили отражение и в самом явлении – странном и парадоксальном, в условиях мощно развитой интеллектуальности, шокирующем и поражающем тотальным алогизмом. Человек разумный добровольно вставал на путь «сломов» и «перевертышей», дарующих эстетическое удовлетворение. Имевший довольно длительную историю (Р. Паннвиц, 1917 → Ф. де Онис, 1934 → А. Тойнби, 1954), в 1960-х гг. термин в интерпретации американских исследователей Л. Фидлера и И. Хассана активно сросся с представлением о постмодернистской литературе, которая *стирала границы* между формами традиционного и нового повествования, между высокой и так называемой массовой культурой, дерзко, творчески переосмысляя историю отдаленного и не очень удаленного прошлого. Концептуально и окончательно термин в современном его понимании утвердился как название целой эпохи и философского течения после выхода книги Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» (1979), в которой французский философ уверенно обосновал недоверие к «метанарративам» и «великим историям» с их верой в торжество разума, прогресс, коммунизм, религиозность, моральный кодекс и т.п. Позже *классики* теории постмодерности развили эту концепцию в различных областях искусства – У. Эко, Х.-Л. Борхес, А. Роб-Грийе, Д. Эшбери в области литературы, Д. Кейдж – в музыке, Ж.-Л. Годар, Э. Уорхол – в кино, М. Мерц, М. Паладино – в живописи и др. Термин закрепился, явление получило широкое распространение.

Вместо хронологического контента – «после-современность» – постмодернизм довольно скоро обрел статус *нормы* вневременно́го существования, которая вбирала диктат свержения прежних идеалов (разум, прогресс, наука, истина) и конституировала эпоху всеобщей деиерархизации, деконструкции не только человеческих убеждений, но законов земного мира. Смена полярностей базовых этических оппозиций *добро* и *зло, правда* и *кривда, свет* и *тьма, Бог* и *дьявол, разумное* и *чувственное* реверсировала мир: что было нельзя, стало можно; что раньше вмещало сущностную семантику превратилось в голую риторику. В культуре в целом и в литературе в частности цель сменилась игрой, синтез – деконструкцией, основной код – идиолектом, метафизика – иронией, трансцендентное – имманентным, означающее – означаемым и т.д. (например, в соотвествии с системой И. Хассана).

На Западе начало эпохи постмодерности можно связать с концом 1950-х гг. (осознание травм Второй мировой войны, расцвет потребительского общества, кризис модернистских идеалов), ее расцвет пришелся главным образом на 1970–1980-е (интеллектуальная игра во всех областях искусства), а закат – к 1990-м (переход в сферу поп-культуры). Россия же запаздывала, шла следом. Истоки российского постмодернизма исследователи относят к концу 1960–1970-х (А. Терц, Вен. Ерофеев, А. Битов, Саша Соколов) и связывают преимущественно с андеграундом и его ориентацией на теоретиков и практиков Запада[1]. Мощный всплеск пришелся на 1980–1990-е гг., когда в период перестройки постмодернизм легализовался и стал «массовым» явлением, а его репрезентанты – культовыми писателями (В. Сорокин, В. Пелевин, Л. Петрушевская, Т. Толстая, С. Довлатов, Вик. Ерофеев и др.). Наконец истощение можно связать с 2000–2010-ми гг., когда обозначился кризис метода, в литературе и искусстве начались поиски новой искренности, проявили себя постпостмодернистские, метамодернистские тенденции. В целом западный постмодернизм оказался более рациональным и теоретически ориентированным (писатели и теоретики У. Эко, Р. Барт, Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, А. Лакан и др.), его игра была направлена преимущественно на философию и культуру. Русский же постмодернизм кристаллизовался в более социо- и политизированных формах, его главными претекстами (фактически одним единым претекстом) были не столько мировая культура или литературная классика, сколько советская реальность и принципы соцреалистического искусства, локализированная область недавней советской истории. Если на Западе постмодернизм (в самом общем ракурсе) вырос из материальной сытости и философского пресыщения, то российский – на почве интеллектуального голода и культурных барьеров, порожденных политической изоляцией.

Одними из первых теоретиков российского постмодернизма стали Б. Гройс, А. Добренко, И. Смирнов, М. Липовецкий, Н. Лейдерман, М. Эпштейн, Вяч. Курицын, П. Вайль и А. Генис, В. Руднев, И. Скоропанова, О. Богданова и др., к настоящему времени этот ряд обширен и репрезентативен. Появились тематические словари, философские и культурологические энциклопедии, теоретические комплексы (И. Ильин, В. Руднев, А. Грицанов, М. Можейко и др.) – спектр фундаментальных материалов по постмодерну российских и зарубежных исследователей сегодня достаточно разнообразен. Между тем остается ряд важных вопросов, которые требуют осознания и анализа. В частности, вопросы наследия эпохи постмодерности в российской культуре и литературе, ее влияния на состояние общества и умов будущих поколений.

Сегодня уже очевидно, что в основной своей массе читатель удовлетворился достижениями постмодернизма и на современном этапе едва ли можно встретить примеры эксплуатации приемов и стратегий эстетики постмодернизма в обнаженном, чистом виде. Исключение составляют, может быть, те

[1] На наш взгляд, можно уверенно говорить о собственно внутрилитературных тенденциях. См. об этом: *Богданова О.В.* Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века – начало XXI века). СПб. : Филол. фак. СПбГУ, 2004. С. 3–35.

писатели-постмодернисты, фактические классики постмодерности, которые продолжают работать, и сегодня оставаясь приверженцами выработанной ими и проверенной годами манеры (пример тому все еще активно пишущие В. Сорокин или В. Пелевин). И хотя как доминирующая парадигма постмодернизм себя исчерпал, и специалистам, и читателям очевидно, что инструментарий постмодернизма, черты постмодернистских стратегий и тактик несложно разглядеть в современной литературе.

Так, доминантный принцип постмодернизма – деирархизация идей – отошел на задний план. За прошедшие сорок лет российский читатель, исторически и родословно ориентированный на смыслоемкую русскую литературу, вступил на этап усталости от алогизмов и бессмысленности, от тотальной иронии и сплошных «перевертышей». Современный период развития российской прозы связан и с тенденциями поиска новой искренности в искусстве, и с возвращением к традиционному логоцентризму и наследному литературоцентризму.

Как же происходил процесс угасания постмодернизма и с чем был связан его довольно короткий период процветания? Главное – это изменение общественно-политической атмосферы. Несмотря на то что период горбачевской перестройки был определен как этап расцвета российского постмодернизма, тем не менее именно перестройка лишила писателей-постмодернистов главного объекта художнической рефлексии – советской идеологии и возможности игры с принципами (штампами) социалистического реализма. В течение нескольких постперестроечных лет *по инерции* принцип асоциальности еще срабатывал и тешил автора и реципиента, однако вскоре оказался растушеванным сам предмет концептуально-постмодернисткой игры (идеологические догмы), а с течением времени (к настоящему моменту с очевидностью) угас и восторженный энтузиазм общества относительно открывшихся политических свобод и творческих возможностей новой демократической эпохи. Постмодернизм 1980-х, боровшийся с государственным официозом, с «совком», с соцреалистическим пафосом и тотальным героизмом, лишился платформы; идейно-идеологический базис постмодернизма обнулился[2].

Как следствие, изменения коснулись и принципа тотальной иронии: былая агрессивность и цинизм всеохватной иронии ослабли, ироническая заостренность притупилась и рассредоточилась, утратив центр фокусирования. Ирония (=*пост*ирония) перестала быть средством борьбы с тоталитарным сознанием и соцреалистическим нарративом, а мутировала в органичное качество современного языка – уже не только литературы и искусства, но и телевидения, радио, различных видов рекламы и само́й улицы. На этом фоне

[2] Формулировка, без сомнения, вбирает некую долю условности. Как помним, одна из основных деклараций постмодерна – безыдейность. Однако в рамках русской литературы этот подход не сработал изначально, в том числе и для постмодернистов. Как показывают текстуальные наблюдения, провозглашенные стратегические принципы безыдейности литературы на практике самими постмодернистами разрушались и преодолевались. См.: *Богданова О.В., Жилене Е.С.* Московский концептуализм: поиски и обретения. СПб. : Алетейя, 2026. 368 с.

всеобщая *де*конструкция, пронизанная иронией и сарказмом, утратила актуальность, постепенно начала смещаться в сторону *ре*конструкции.

С приумножающимися вариациями постмодернистских опусов и текстов эффект культурного и эстетического шока, будораживший 1980-е и 1990-е, начал постепенно ослабевать, с неизбежностью угасать. А стремительное развитие интернет-возможностей, интернет-экспериментов стало заслонять эпатажность («без»)индивидуального (вспомним бартовскую «смерть автора») искусства постмодерна. Если на раннем этапе постмодернистский коллаж или тотальная цитатность (центон) были признаком *элитарной* (вспомним «небожителей») культуры, то с развитием интернета любой пользователь, создающий мем, фактически эксплуатирует постмодернистский подход (компиляция смыслов, реверс семы и ремы, сквозная ирония и др.). Литература и искусство постмодерна словно бы «демократизировались», перестали быть единоличными носителями и распространителями этих приемов и тактик.

Наиболее весомым конструктивным наследием постмодерна в российском искусстве и в литературе, на наш взгляд, оказалась интертекстуальность – интертекст, медиатекст, текстуальная интерференция, межтекстовый диалогизм, закрепившиеся в современной русской литературе как привычная и широко пронизывающая любое художественное произведение стилевая норма. Писатели после-постмодернисты увлеклись интертекстуальной игрой с читателем и продолжают использовать претекст, эксплуатировать текстуальные аллюзии и реминисценции. Однако если для Сорокина или Пелевина 1980–1990-х межтекстовые переклички имели целевые мишени, прежде всего были способом деконструкции советского мифа, то сегодня это не больше, чем наработанный нарративный прием, опробованный и срабатывающий в литературе.

Иными словами, перспектива продолжения и развития постмодернизма как метода (в допущении отхода от строгой научной терминологии) на современном этапе неразличима, современное постмодернистское наследие – в ассимиляции его тактических приемов. *Классический* постмодернизм как философская система мутировал в сумму остаточных (нередко истощенных) форм, приемов и тактик. Однако не признать, что влияние постмодернизма на русскую литературу рубежа XX–XXI вв. (и как следствие – на общественное сознание) было весьма существенным, нельзя. Надтекстовые последствия были не менее радикальны и действенны, чем внутритекстовые – и это ментальное воздействие-влияние было далеко не однозначным.

Действительно, на определенном этапе постмодернизм стал главным инструментом *перекодировки русской культуры*. Он осуществил одну из своих важнейших и приоритетных целей: достиг *деидеологизации языка*, а следовательно, *деидеологизации* самого *текста*. Произведения постмодернистской литературы, как и их авторы, оставили службу какой-либо идеи или идеологии, будь то советская (= коммунистическая) или асоветская (в вариантах андеграунда и диссидентства или национального почвенничества). Писатель-постмодернист обретал право быть собой (на уровне манифестации – быть

всеми и одновременно *никем*), деконструировать привычные смыслы и инспирировать новое – намеренно шокирующее, противоречиво неоднозначное – ви́дение себя и мира.

Свобода самовыражения писателя получила реализацию через возможность говорить обо всем (высокое и низкое, высокое = низкое) и использовать множественность средств и приемов (эстетичных и деэстетичных), породивших неожидаемое для прежней литературы расширение тематики и собственно писательской манеры, языков и стилей – от уличного просторечья Л. Рубинштейна до изысканности метафорической речи Саши Соколова. В литературе постмодерна заговорили о реальном человеке – с его страхами, тайными надеждами, природными инстинктами и навязанными чуждыми мыслями. Постмодернизм разрушил образ-тип «во всем передового» советского человека и приблизил литературу к аксиологической неустойчивости и допустимости, к отказу от неприкасаемого соцреалистического штампа и к необходимости пробуждения индивидуального сознания.

Одновременно постмодернизм как явление готовил и обеспечивал полное и окончательное крушение советской цивилизации, стал мощным условием ярко-образного переосознания законов и наскучивших идеалов советской эпохи. На этом пути постмодернистская ирония на десятилетия стала способом психологической самозащиты, средством преодоления цивилизационной катастрофы, выживания в ее условиях. Контекст зарубежной постмодернистской культуры, вошедший в сознание советского человека с образцами постмодернизма российского, обеспечивал ментальную поддержку в понимании особости и неизбежности катастрофического момента, то есть горизонты сознания советского человека (и сознания не только образно-художественного) во всех смыслах значительно расширялись.

Между тем наследие, казалось, *объективированной безоценочности*, привнесенной и насажденной системой постмодерна, повлекло и последствия иного плана. Постмодернизм с его принципом деконструкции и деиерархии неизбежно приводил к кризису так называемой большой идеи – как всего общества, так и русской литературы с ее миссией пророчества и учительности. Если в предшествующие века русская литература традиционно приравнивалась писателями к «проповеди» (Л. Толстой) или «исповеди» (Ф. Достоевский), неизменно была востребованным *учебником жизни*, то в постмодернизме любая проповедь-исповедь оказалась маркированной как *симулякр*, копия без оригинала, ложь-истина, преподносимая как разнополюсное явление, не нуждающееся в аксиологических акцентах. Если для классической литературы были релевантны вопросы «Что делать?» и «Кто виноват?», «Камо грядеши?» и «Что есть истина?», то глубинный вопрос основоположника живописного концептуализма И. Кабакова – «Чья это муха?», в котором нравственно-духовный поиск оказался намеренно и иронично (или саркастично) вытеснен вакуумом смысла, выдвинутым в центр мироздания.

Русская классика перестала быть ориентиром – интеллектуальным, духовным, нравственным. Интертекстуальные проекции были направлены не на оживление образной мысли классики, а на ее ревизию, чаще просто на сниже-

ние и развенчание, когда ирония только смягчала удар и шокирующий эффект. В мире рубежа веков с огромным объемом информации зарубежная и русская классика оказались раздерганными на безликие цитаты, хаотично компилированные и безвозвратно утрачивающие смысл (не контент). Оттого в 1999 г., в год юбилея А.С. Пушкина, знаменитая и сакральная во всех смыслах фраза Ап. Григорьева «Пушкин – наше все» подверглась беспощадной дискредитации, которую никак не вытравить и не компенсировать уже четверть века спустя. *Все смешалось в доме* русской литературы. Интертекстуальность перестала быть диалогом идей и способом сопоставления мыслей, но стала воплощением всепроникающей псевдоинтеллектуальной иронии и игры.

Игра как сквозной прием постмодернизма оказалась выдвинутой на передний план текстовой структуры, использовалась как исключительно-прием, сверх-прием, то есть когда на место мыслительного диалога выводилось намеренное опустошение, игра ради игры в приемах моделирования текста-конструкта, который может трансформироваться без видимых потерь как в содержательности/бессодержательности, так и в форме/бесформенности (известные романы-трансформеры с различными героями и финалами-обманками). Не только автор (упомянутая уже «смерть автора»), но и герой исчезал из литературы, а вместе с ним и веками воспитываемое русской классикой чувство соучастия, сомыслия, сопереживания и катарсиса-очищения. Постмодерный человек остался «без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви…» и без преувеличения «оказался в сумрачном лесу».

Нулевая дистанция между автором и героем приводила к торжеству ничтожности и ее воспеванию. «Маленький человек», заметим, не Н. Гоголя или Ф. Достоевского с их мерой сострадания, а ничтожный *чел* возводился в статус венца творения, маскируя элитарность авторской интенции под *массовый* демократизм. И на этом пути опрощения следующий шаг и очередной «перевертыш» – разговор о низе, физиологии и патологии, говноедстве как норме, некрофилии и др. Этико-эстетические *границы* действительно были *разрушены*, *рвы* были *засыпаны*. Для их обозначения, как можно представить, потребуются еще долгие десятилетия.

По прошествии времени и осознания неоднозначности последствий постмодерной культуры возникает вопрос: возможно ли применительно к писателям-постмодернистам затронуть *вечную* проблему русской классики – о роли художника слова и о его ответственности перед читателем и обществом? Ответ, как понятно, далеко не однозначен. Кажется, если таковое возможно, в условиях постмодернистской системы необходимо пойти на еще одну деконструкцию и разделить личность творца и человека. С одной стороны, молодые и дерзкие постмодернисты изначально сами весьма настойчиво манифестировали отвержение этических интенций творческого процесса и настаивали на «нулевом градусе письма», безапелляционно снимали с себя ответственность быть «совестью нации» (см., например, «Вот я, предположим, обычный поэт…» Пригова). С другой стороны, по прошествии более четверти века все они теперь серьезно повзрослевшие люди, которые не могут не понимать, что продукт их творчества – уже не эстетская игра, а реальная угроза,

обнаруживающая свои последствия. Вряд ли может быть жизнеспособным мир, в котором нет представления об истине и морали (ср. у низвергателя-футуриста В. Маяковского «Что такое хорошо и что такое плохо…»). Постмодернизм родился из недоверия к любым традиционным универсалиям, в том числе к человеческой этике, но декларационный характер заявлений едва ли избавляет от чувства реальности, свойственного мыслящей личности. Неслучайно, например, В. Набоков (один из признанных прародителей постмодерного сознания) обостренно переживал, что в его «Лолите» далеко не все разглядели трагедию «искаженной» красоты, но акцентировали черты патологического влечения к ребенку. Или в сегодняшней литературе, как показывают современные исследования, черты и признаки *преодоления постмодернизма* довольно рано обнаружил Л. Рубинштейн, еще в 1980-х гг., наряду с *карточной* игрой, начавший последовательно двигаться к глубинному самоанализу, прибегая к психологизированным формам автобиографического повествования и многоаспектно реализовав эту тенденцию в поздней книге «Мама мыла раму» (2022)[3]. Однако чувство ответственности коснулось далеко не всех повзрослевших представителей литературного постмодернизма и концептуализма – каждый по-своему перерастает собственную *травму*, кто-то до сегодняшнего дня продолжает настаивать, что его творчество – «только буквы на бумаге», подогревая юношеский нигилизм современной молодежи.

В продолжение размышлений о постмодернизме возникает еще один существенный, на наш взгляд, вопрос. В основном и главном писатели-постмодернисты работают на стереотипах и шаблонах, повторяя механистически выработанную технику конструирования от текста к тексту, выхолащивая стиль и адаптируя собственную (по природе индивидуальную) манеру под чужую – в этом стремлении не возникает ли в творцах-постмодернистах потребность наконец обнаружить собственное лицо и написать очень-собственный роман, демонстрируя талант и мысль, ранее ограничиваемые техничностью и отточенностью константных приемов. Как в условиях завершившейся постмодерности должен чувствовать себя автор в такой системе, где конститутивно заявлена «смерть автора», а оригинальность *a priori* признается эстетически недопустимой и невозможной? Можно предположить, что и в этом вопросе нет однозначности – постмодернизм приучил нас смотреть на факты и события с разных точек зрения.

В русском постмодерне можно выделить ряд примеров, когда творческий путь писателя объективно и едва ли не с хронологической точностью совпал с пределами доминирования постмодернистской эстетики, границами расцвета и угасания явления, как уже было сказано, довольно непродолжительного. Такова, например, судьба Дмитрия Александровича Пригова (ДАП, 1940–2007). Обращение к творчеству и особенно к эссеистике ДАП позволяет констатировать сознательно избранную и жестко выдерживаемую им *творческую*

[3] См.: *Богданова О.В., Жилене Е.С.* Московский концептуализм: поиски и обретения; *Богданова О.В., Жилене Е.С.* «Картотека» Льва Рубинштейна. Концептуальные практики на границе искусств. СПб. : Алетейя, 2024. 142 с.

статику, не предполагающую развития и динамики и, как следствие, не демонстрирующую попыток создания оригинального произведения. Собственно-приговский текст есть текст никакой, ничей, безавторский, как он сам определял, однообразно-статичный и тем самым оригинальный.

Знаменитый проект Пригова им самим означен как «Проект ДАП», суть которого состоит не в создании отдельных произведений, а в стойком публичном поддержании образа-маски Дмитрия Александровича Пригова[4]. Маска ДАП вбирает в себя функции и автора, и многоликого героя «валового» приговского литературного продукта (как известно, обещание создать к миллениуму 20 тыс. опусов, потом 24 тыс., написание в день – по расписанию, по графику – не менее 5 стихотворных опусов и др.). В рамках подобного проекта отсутствие эволюции и отказ от личностности провозглашены как фундаментальный принцип. Для Пригова само желание создать нечто *свое* было бы изменой однажды найденной и закрепленной за ним стратегии. Пригов работал в намеренно замкнутой парадигме серийности: как Э. Уорхол бесконечно тиражировал банки супа «Кэмпбелл» или портрет М. Монро с минимальной долей колористической вариативности, так и ДАП штамповал опусы и стихограммы, которые манифестационно не допускали какого-либо внутреннего развития, а обеспечивались сменой (не)множественных масок – самого ДАП, милицанера, балеринки, сторожа и др. Применительно к закрепленно-статичному Пригову движение может быть обозначено только в одном – в *расширении поля* его *проекта*, в смене объекта приложения. Если он начинал как художник – с графических черно-белых листов, постепенно перешел к вербально-визуальным инсталляциям и перформансам, то со временем оказался п(П)оэтом (в его определении, современным-*п*ушкиным), автором опусов-стихограмм, оперных либретто и даже романа («Живите в Москве»). В культуре постмодерна и концептуализма Пригов вступал на путь движения не как развивающийся творец, а как квалифицированный многостаночник, осознанный графоман и график, осваивающий новые жанрово-тематические пространства, по существу близко смежные и очень подобные. Жанровый диапазон Пригова менялся, но художнический инструментарий и манера – маска, остранение, ирония – оставались неизменными. И в том было творческое кредо Пригова.

Однако, напомним, что в случае Пригова речь идет о поэте, который довольно рано ушел из жизни. Фактически одновременно с постмодернизмом. Но сегодня при всей теоретической обоснованности и практической выдержанности «Проекта ДАП» все-таки остается сомнение, насколько комфортно всю сознательную жизнь провести в маске, намеренно врастать в нее, будучи самим собой (или не собой?) только у кухонного окна московской квартиры («Банальные размышления…»)[5]. Прагматические резоны ДАП-Пригова ясны,

[4] Очевидцы помнят, что в любой более или менее публичной ситуации (как в литературе, так и среди коллег) Пригов неизменно требовал обращения к нему как Дмитрию Александровичу, не делая различия между личностью и маской, то есть продолжал *играть роль* и в житейски бытовых ситуациях.

[5] …даже принимая во внимание «проговорку» отца о необходимости финансовой поддержки сына, получавшего образование на Западе.

но драматизма ситуации они не снимают – одна клоунада (допустим, условно, советская) незаметно сменилась другой (железной маской примитивиста-постмодерниста).

Применительно к более молодым писателям-постмодернистам, теперь тоже уже дожившим до пышных седин и преодолевшим прагматическую зависимость от Запада, вопрос по-прежнему остается открытым и ощущается даже более остро. В рамках эстетики постмодернизма и его маркетологии образ писателя, небожителя и эстета, интеллектуала и мастера, похоже, оформился в стойкий житейский *миф*, внутри которого личность *не-свободного художника* уже не способна преодолеть изжившие себя юношеские манифестационные декларации и выйти за пределы законов, *им самим над собою признанных*. Даже в период, когда во всей мировой культуре не только автор, но и сам постмодернизм признан мертвым, вопрос о творческой самобытности, как видно, не встает перед постмодернистами – они продолжают запоздало и автоматически сталкивать чужие дискурсы, по привычке моделировать реальность в жанре антиутопической фантастики. Современная жизнь с новыми реалиями остается в стороне.

Как бы то ни было, *есть и*… научный взгляд, который, как можно надеяться, со временем становится объективнее и взвешеннее. Еще недавно авторитетные критики с солидным background*ом* с полной серьезностью или наивностью тщетно пытались выявить смысловые компоненты *в садах других возможностей* постмодерного псевдоромана или выдвигали на *триумфальные* премии точечный примитивизм и анекдотизм голубчикова остроумия. Как известно, большое видится на расстоянии… поэтому дистанция пусть пока и не огромного размера, но все-таки дает возможность современной критике и литературоведению взглянуть на постмодернистский текст именно как на текст, как на художественное творение, осмысленно и непредвзято, без опасения не понять затейливое предуведомление или не разгадать потаенный жест писателя-концептуалиста. В рамках специально выделенного в журнале раздела стратегия *pro et contra* позволит без восторженной апологетики и сопричастной субъективности рассмотреть поэтику писателей-постмодернистов, привлеченных к анализу, и с позиции нового времени оценить их место и значимость в истории развития русской литературы и культуры рубежа XX–XXI вв.

Сведения об авторе:

Богданова Ольга Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии, педагогики и литературы, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, д. 15. ORCID: 0000-0001-6007-7657; SPIN-код: 5314-1224. E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 549–561
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ПОСТМОДЕРНИЗМ СЕГОДНЯ

LITERARY STUDIES
POSTMODERNISM TODAY

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-549-561
EDN: AIXGCZ
УДК 82-192

Научная статья / Research article

Преодолевая модернизм и постмодернизм: парадоксы субъектности в «Поэме без Героя» Анны Ахматовой

Л.Г. Кихней, А.М. Яненко ✉

Московский университет им. А.С. Грибоедова, Москва, Российская Федерация
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Российская Федерация
✉avecanora@list.ru

Аннотация. Рассматривается проблема субъектной организации «Поэмы без Героя» в ее поздней редакционной фазе, соотносимой с 1963–1965 гг. На материале рамочных прозаических фрагментов, ремарок и ключевых эпизодов доказывается, что поэма одновременно осуществляет децентрацию субъекта и отменяет ее: чужие голоса, маски и интертекстуальные «роли» создают эффект полифонии, однако эта полифония мнима – она полностью регулируется субъектом-автором, который демонстративно управляет вводом и выводом голосов, а также задает границы интерпретации. Показывается, что автор одновременно выступает в нескольких ипостасях: как создатель-режиссер текстового и сценического пространства; лирический герой и участник событий; комментатор и «текстолог» собственного произведения; историософ, выводящий частный сюжет к исторической перспективе; судья, берущий на себя роль коллективного арбитра. Однако автор оказывается не только режиссером этой драмы голосов, но и сам включается в хоровое пространство. Отсюда и специфика субъектности «Поэмы без Героя». Так, с одной стороны, авторский голос как будто растворяется в стихии хора, а с другой – этот голос может объективироваться и во внешних феноменах, как бы передавая право говорения природным субстанциям и самому тексту. Сделан вывод о том, что данная субъектность в «Поэме без Героя» не сводится к модернистской масочности и не совпадает с постмодернистской «смертью автора»: перед нами модель собирающей субъективности, где внешний карнавал дискурсов превращается в инструмент единого авторского центра памяти и ответственности.

© Кихней Л.Г., Яненко А.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: автор, лирический герой, текст, А.А. Ахматова, субъектная организация текста, объективация и интеграция голосов

Вклад авторов. Разработка концепции, анализ материала и написание статьи – Л.Г. Кихней; анализ поэтики, составление библиографии и перевод – А.М. Яненко. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Финансирование. Исследование выполнено в Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03013.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 января 2026 г.; отрецензирована 18 марта 2026 г.; принята к публикации 20 мая 2026 г.

Для цитирования: *Кихней Л.Г., Яненко А.М.* Преодолевая модернизм и постмодернизм: парадоксы субъектности в «Поэме без Героя» Анны Ахматовой // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 549–561. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-549-561 EDN: AIXGCZ

Overcoming Modernism and Postmodernism: Paradoxes of Subjectivity in Anna Akhmatova's *Poem Without a Hero*

Lyubov G. Kikhney, Anna M. Yanenko ✉

A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation
✉avecanora@list.ru

Abstract. This article examines the subject organization of Anna Akhmatova's *Poem Without a Hero* in its late editorial phase, dating from 1963 to 1965. Drawing on the framing prose passages, stage directions and key episodes, the analysis demonstrates that the poem simultaneously decentralizes the subject while ultimately reasserting its unity. Alien voices, masks, and intertextual "roles" create an effect of polyphony; however, this polyphony proves illusory, since it is entirely regulated by the author-subject, who demonstratively controls the entrance and exit of voices and establishes the boundaries of interpretation. The author is shown to assume several roles simultaneously: creator and director of the textual and performative space; lyrical persona and participant in the events; commentator and textual scholar of her own work; a historiosophical thinker who projects the private plot onto a historical perspective; and a judge who assumes the role of a collective arbiter. At the same time, the author is not merely the director of this drama of voices but is herself incorporated into the choral space. This determines the distinctive subjectivity of *Poem Without a Hero*: on the one hand, the authorial voice appears to dissolve into the choral whole; on the other, it may itself become objectified in external phenomena, as though transferring the right to speak to the elements of nature and to the text of the poem itself. The article concludes that the subjectivity of "Poem Without a Hero" cannot be reduced to modernist masking and does not coincide with the postmodernist "death of the author". Rather, the poem presents an integrative model of subjectivity in which the external carnival of discourses turns into an instrument of a single author's center of memory and responsibility.

Keywords: author, lyrical hero, text, Anna Akhmatova, subject organization of the text, objectification and integration of voices

Author contributions. Development of the concept, analysis of the material & writing – Lyubov G. Kikhney; analysis of poetics, bibliography compilation, & translation – Anna M. Yanenko. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Funding. This study was carried out at Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, supported by a grant from the Russian Science Foundation (Grant No. 25-28-03013).

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted January 25, 2026; revised March 18, 2026; accepted May 20, 2026.

For citation: Kikhney, L.G., & Yanenko, A.M. (2026). Overcoming Modernism and Postmodernism: Paradoxes of Subjectivity in Anna Akhmatova's *Poem Without a Hero*. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 549–561. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-549-561 EDN: AIXGCZ

Введение

Проблема субъектности в «Поэме без Героя» обычно описывается через две соблазнительные и потому рискованные рамки: модернистскую – расщепление лирического «Я», масочность, театральность, аккумуляция предшествующей традиции (Белоусова, 2022; Темиршина и др. 2021; Тименчик, 1989), а также постмодернистскую – интертекстуальная игра, карнавал цитат, децентрация лирического «Я», «смысловая незамкнутость», смещение авторитета к «чужим голосам» и читателю (Кихней, Темиршина, 2002, с. 53–62). Однако позднее состояние текста, связываемое с редакцией 1963 г., демонстрирует конструкцию, в которой эти рамки оказываются одновременно применимыми и недостаточными: поэма инсценирует множественность голосов и тут же показывает, что множественность управляется единой волей автора.

Текстологическая оговорка здесь не формальность, а часть аргумента. Как показывает Н.И. Крайнева (2009а, с. 156–158; 2009б), «Поэма без Героя» не имеет единственного «канонического» завершенного текста: последняя по времени 9-я редакция относится к 1963 г., но и она не окончательна, поскольку включает исправления и добавления 1963–1965 гг.; исследователь вынужден работать в ситуации множественных источников и версий[1].

Методология статьи строится на трех опорах. Во-первых, это анализ рамки «автор – герой» и авторского «избытка видения»: авторская позиция определяется тем, что автор «знает и видит больше» героя и занимает по отношению

[1] В основном мы цитируем «критически установленный текст» «Поэмы без Героя» (1940–1963), реконструированный Н.И. Крайневой, на основе последней (9-й) ахматовской редакции 1963 г., с добавлениями последующих авторских вставок и изменений. См.: *Ахматова А.А.* Поэма без Героя : критически установленный текст // «Я не такой тебя когда-то знала…»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории / изд. подгот. Н.И. Крайнева ; под ред. Н.И. Крайневой, О.Д. Филатовой. СПб. : Изд. дом «Міръ», 2009. С. 871–897; *Ахматова А.А.* Поэма без Героя : девятая редакция (1963) // «Я не такой тебя когда-то знала…»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории / изд. подгот. Н.И. Крайнева ; под ред. Н.И. Крайневой, О.Д. Филатовой. СПб. : Изд. дом «Міръ», 2009. С. 587–615.

к нему принципиально недоступную герою позицию завершения целого (Бахтин, 1986, с. 16–20). Во-вторых, используется теория лирического субъекта как точки «момента постижения» (Сильман, 1977, с. 5–45): лирический герой может совпадать с поэтом или быть ролевым «Я», но для анализа важнее, как текст организует точку зрения и «веху» внутреннего опыта. В-третьих, применяется сравнительная схема критериев субъектности в модернизме и постмодернизме – в том виде, как эти термины закрепляются в гуманитарной метаязыковой традиции (например, через набор категорий «симулякр», «паралогия», «смерть автора» и других обсуждаемых понятий, связываемых с постмодернизмом (Эпштейн, 2019, с. 21–29).

Цель – описать механизм, благодаря которому «Поэма без Героя» одновременно демонстрирует децентрацию и преодолевает ее, создавая особую модель «соборной» субъектности.

Результаты и обсуждение

Теоретические ориентиры и критерии субъектности

Если говорить предельно сжато, то модернистские практики субъектности в лирике и в «Поэме без Героя» часто строятся на напряжении между «Я» и маской: субъект переживает кризис тождества, выступает в ролях, расщепляется на «двойников», но при этом сохраняет привилегию «центра переживания» – точки, из которой мир схватывается как внутренний опыт (даже если опыт травматичен или разломан). Для жанра лирической поэмы принципиально, что изображается не столько «сюжет» (ср.: Платонова, 2018), сколько переживание и постижение, принадлежащее лирическому «Я»; это ядро может быть дано через ролевые маски, но не исчезает как организующий центр.

Постмодернистская модель обычно радикализирует другое: вместо центра переживания – сеть дискурсов, цитат, симулякров; авторская «инстанция» мыслится как децентрированная («смерть автора»), а смысл – как эффект пересечения чужих языков и читательских практик. Характерно, что описания постмодернизма часто опираются на корпус западной теории, где «смерть автора» и «паралогия» входят в стандартный словарь, используемый для «перекодировки» литературного материала (Барт, 1994, с. 384–391; Деррида, 2000, с. 203–232; Лиотар, 1998, с. 61–67).

Однако уже на уровне чисто формальных механизмов «Поэма без Героя» демонстрирует не просто «многоязычие», а двойное (и тройное) обрамление: карнавал 1913 г. в *Части первой* инсценирован внутри авторского пространства Фонтанного Дома, а затем во второй и третьей частях – в «Решке» и «Эпилоге» – соотносится с исторической катастрофой России – с опытом войны, а в последних редакциях – и с опытом репрессий. Здесь полезна не столько анахроническая «постпостмодернистская» этикетка, сколько наблюдение: механизмы «закрытого пространства» и рамочного принуждения к определенной позиции (то, что Рауль Эшельман называет стратегией двойного обрамле-

ния и уходом от постмодернистской иронии в сторону позитивной (пусть трагической) идентификации; 2021, с. 1–3) помогают точнее описать функцию рамки в «Поэме без Героя»[2].

Ниже приведена рабочая таблица критериев субъектности, которая служит не «классификатором», а оптическим прибором для чтения.

Критерии субъектности

Критерий	Модернизм, типологически	Постмодернизм, типологически	«Поэма без Героя», поздняя редакционная фаза
Центр и децентрация	Центр переживания сохраняется, хотя «Я» масочно и расщеплено	Децентрация как принцип: «Я» растворено в дискурсах	Децентрация инсценирована, но затем «собирается» рамкой автора («комната автора»)
Авторский контроль над голосами	Высокий, часто «сакрализован»	Принципиально проблематизирован; «смерть автора» как метафора	Демонстративно высокий: автор не допускает «лишние строки» в основной текст
Множественность ипостасей автора	Маски, «двойники», ролевое «Я»	Автор как функция или эффект; игра с авторством	Автор одновременно режиссер, герой, комментатор, судья, историософ
Историческое сознание	Часто мифологизация истории; кризис времени	Склонность к «постисторизму», ироническая реконфигурации прошлого	Историческая память как этическое ядро; война и катастрофа не «играются», а судятся
Роль читателя	Активный интерпретатор «сложного текста», но в рамках авторской системы	Читатель как со-производитель смысла; множественные чтения	Читатель должен быть активен, но автор задает границы

Мнимая децентрация: как «чужие голоса» подчиняются авторской рамке

Парадокс «Поэмы без Героя» начинается с того, что «чужие голоса» вводятся как нечто внешнее по отношению к тексту, однако почти сразу превращаются в элемент авторской самоидентификации и оправдания: голоса погибших друзей и слушателей включаются в пространство авторской памяти. Следующий шаг еще более показателен: автор вводит прямое предписание интерпретации, отказываясь «изменять» и «объяснять» поэму и завершая формулой «Еже писах – писах».

В контексте дискуссий о «чужих голосах» эта формула работает как ключ к мнимости децентрации: если постмодернистская логика предполагала бы принципиальную открытость и «распыление» авторской инстанции, то здесь авторская инстанция, напротив, фиксирует пределы допустимого чтения (и тем самым – пределы «суверенитета» чужих голосов и читателя).

В собственно поэтической ткани *Части первой* («Девятьсот тринадцатый год») сюжет развертывается как сценическое действо: в новогодний вечер (в канун 1941 г.) в Ленинграде – в пространстве Фонтанного Дома, куда «вместо

[2] Оговоримся, термин *рама* мы используем в значении прозаического или ремарочного обрамления стихотворного текста поэмы. Этот термин в нашем изводе лишь частично совпадает с понятием *рама текста*, введенным А.В. Ламзиной, и дефиницией *заголовочно-финальный комплекс*. О раме текста «Поэмы без Героя» во втором смысле см. у С.А. Хомякова (2018).

того, кого ждали», приходят «тени» «тринадцатого года», то есть «чужие» персонажи и дискурсы. Важнейшая деталь: это не «самопроявление» теней, а приглашение, магически инициированное субъектом («Я зажгла заветные свечи…»[3]) и описанное как режиссируемая сцена.

Характерно, что уже в начале мизансцены авторская речь выступает как инстанция распределения ролей и корректировки «чужого». Реплика «Вы ошиблись: Венеция дожей…»[4] устроена как мягкая, но принципиальная «поправка» голосу-маске: карнавальная речь допускается, но под контролем того, кто задает «правильное» место и «правильные» имена. Важно не то, «о чем» сказано, а то, кто имеет право говорить: кто исправляет и кто распределяет вход в текст.

Этот же принцип формулируется не только лирически, но и «технически» – через ремарку-демонстрацию рамки: «Белый (зеркальный) зал снова делается комнатой автора»[5]. Децентративный карнавал (маски, многоголосие, культурные персонажи) буквально «схлопывается» в авторское пространство. На уровне поэтической прагматики это означает, что любые «чужие голоса» принадлежат не «уличному» множеству, а инсценировке внутри авторского дома и авторской комнаты.

Наконец, на уровне поэтики монтажа «мнимая децентрация» фиксируется в девятой редакции максимально прямолинейно – авторским признанием в преамбуле к «Интермедии»: рядом с основным текстом – «вокруг… места» о «маскарадной болтовне», «бродили еще такие строки, но я не пустила их в основной текст»[6]. И далее автор транслирует уловленные обрывки разговоров петербургской литературно-артистической богемы: «Уверяю, это не ново… / Вы дитя, синьор Казанова…» / «На Исакьевской ровно в шесть…»[7]. Здесь субъект-автор предстает не «растворенным» в дискурсах, а монтажером и цензором, который распоряжается степенью многоголосия как материалом. Именно эта ремарка – наиболее очевидный текстовый аргумент в пользу тезиса о мнимости децентрации: чужое слово присутствует в статусе потенциальности, но его реальное бытие внутри произведения определяется волей авторского центра.

Сопоставляя этот механизм с бахтинской логикой «автора и героя», можно уточнить теоретическую формулу. У М.М. Бахтина автор «знает и видит больше» героя и потому занимает позицию, принципиально недоступную герою; авторская позиция – позиция завершения целого и «избытка видения» (1986, с. 16). В «Поэме» этот «избыток» реализован не только в оценке и завершении, но и в буквальном техническом управлении рамкой: автор не просто «видит больше», он регулирует саму возможность слышимости чужих голосов.

---

[3] *Ахматова А.А.* Поэма без Героя : критически установленный текст. С. 875.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 879.

[6] *Ахматова А.А.* Поэма без Героя : девятая редакция (1963). С. 595.

[7] Там же. С. 596.

Авторские ипостаси

Второй парадокс претворения субъектности в «Поэме» обусловлен многоипостасностью автора. Причем мнимость децентрации становится убедительной именно потому, что автор не прячется за «масками», а обнаруживает себя в разных функциональных режимах (ср.: Платонова, 2019).

Первая ипостась – *автор-режиссер*. Она видна уже в сценических указаниях и ремарках: пространство превращается в сцену, «зеркальный зал» – в «комнату автора», а время и место фиксируются как театральная координатная сетка.

Вторая ипостась – *лирический герой – участник событий*: «Я» не просто «организует сцену», но и оказывается вовлеченным в опыт тревоги, ожидания, распознавания теней. В «Поэме» «Я» одновременно «внутри» и «снаружи» сцены: текст постоянно переключает режимы присутствия субъекта.

Третья ипостась – *комментатор* и *текстолог* собственного письма. Она воплощена в рамочных прозаических фрагментах и в метакоммуникативных жестах, где автор регулирует ожидания читателя. В разделе «Вместо предисловия» автор объясняет ситуацию слухов и толкований, отказывается «делать поэму понятнее» и тем самым задает этику чтения. К этому добавляется и «техническая» ипостась редактора-монтажера («не пустила…»), превращающая самопроизводство текста в часть художественной структуры.

Четвертая ипостась – *судья* и *арбитр*, задающий морально-историческую перспективу. В *Части первой* автор прямо говорит, что готов принять на себя «роль рокового хора»[8]. Это самообозначение важно как изменение статуса речи: автор перестает быть лишь «наблюдателем карнавала» и становится инстанцией судьбы или суда, то есть инстанцией, выносящей итог и задающей финальную оптику.

Пятая ипостась – историософ, для которого личный опыт и культурная память превращаются в модель истории. «Вместо предисловия» уже отражает важное сцепление дат и мест: написание частей поэмы в 1940–1944 гг., блокадный опыт, связь с Ташкентом, где фиксируется работа над частями текста. Это сцепление не позволяет читать Поэму как чистую «игру цитат»: «чужие голоса» здесь прежде всего голоса памяти и утраты, а не «равноправные дискурсы» в постмодернистском смысле.

Во второй части («Решка») многоипостасность принимает форму маски, которая тут же подвергается демаскировке. Формула «Я не та английская дама…»[9] демонстрирует, что «Я» может примерять культурные и жанровые идентичности – и отказываться от них, держивая собственную линию происхождения и самоописания. С точки зрения аргументации, это означает, что множественность идентичностей не «убивает» автора, а становится его стратегией – способом показать, как он создает и снимает маску.

[8] *Ахматова А.А.* Поэма без Героя : критически установленный текст. С. 883.

[9] Там же. С. 893.

Передача голоса и реверсия субъект-объект

Поздняя редакционная стратегия усиливает не просто «присутствие автора», а именно объективацию, то есть превращение авторского голоса в наблюдаемую и называемую субстанцию текста.

Субъектность в «Поэме без Героя» принципиально не сводится к устойчивому «Я» лирического повествователя. Скорее, она выступает как распределяемая функция голоса: право говорить здесь постоянно передается, утрачивается, возвращается и переопределяется.

Показательно, что уже в *Части первой* «голос» выносится в сценическую ремарку как самостоятельное событие: «Путаница оживает, сходит с портрета, и ей чудится голос, который читает»[10]. Субъектность речи здесь уже не совпадает ни с физическим автором, ни с единственной лирической инстанцией – она сценически вынесена в «голос как событие», возникающий у персонажа-объекта (портрета или роли) как слуховое видение.

Дальнейший ход еще радикальнее: автор как бы объективирует собственную субъектность, отождествляя ее не с личным «Я», а с природными субстанциями и предельными состояниями звучания. В преамбуле к 3-й главе «Петербургской повести» право речи прямо делегируется ветру: ремарка фиксирует, что «ветер, не то вспоминая, не то пророчествуя, бормочет»[11], то есть ветру приписывается роль носителя памяти или предвидения, и он начинает «вести» речевой фрагмент как нарратор.

В отличие от фольклорной и романтической персонификации природы, здесь «ветер» не выражает внутренние переживания героини, а выполняет функцию *медиума исторического времени*, а значит, соединяет прошлое и будущее, кануны двух великих войн – «1914» и «1941».

Четвертую главу предваряет авторская ремарка, завершаемая словами: «…говорит сама Тишина»[12]. Тишина перестает быть фоном, отсутствием слова, а становится говорящим субъектом, причем автор помещает ее речь в промежуток «между» звуками (колокольный звон, дворцовый бал, метель). Субъектность здесь переносится на «порог восприятия»: не человек «описывает тишину», а тишина «говорит», и ее речь становится структурным принципом сцены. Это важно для последовательного развития субъектности: субъект оказывается равен не «личности», он равен *акту говорения* и *слышания*, который может быть приписан и нечеловеческому агенту.

Кульминация последовательного развития субъектности объекта – финальная саморефлексия текста в послесловии «Девятьсот тринадцатого года» (ср.: «Все в порядке: лежит Поэма / и, как свойственно ей, молчит. / Ну, а вдруг как вырвется тема, / кулаком в окно застучит…»[13].

[10] *Ахматова А.А.* Поэма без Героя : критически установленный текст. С. 881.
[11] Там же. С. 884.
[12] Там же. С. 886.
[13] Там же. С. 887.

Смысл этого финального кадра первой части нельзя свести к постмодернистской самоиронии («текст о тексте») потому, что «тема» здесь не игра и не цитатный механизм, а опасная энергия исторического опыта, способная возвращаться как принуждение и как звук. Авторская воля не гарантирует молчания текста, текст сам обладает «силой темы».

Если соединить финал «Девятьсот тринадцатого года» с голосом сталинских жертв в «Решке» и голосом «лагерного двойника» автора в «Эпилоге» («А за проволокой колючей…»[14]), то становится понятным, о какой «теме» идет речь в послесловии. Субъектность здесь возникает не как стабильное «Я», а как напряжение между молчанием (по цензурным ограничениям) и запретной темой (личной и исторической травмой), напряжение, удерживаемое авторской рамкой.

Переворачивание «субъект – объект» достигает апогея в *Части второй* «Поэмы». Причем линия голосоведения переходит из преимущественно образно-нарративного регистра в метаописательный. При этом в «Решке» механизм делегирования голоса становится более явным и одновременно более энигматичным. Прозаическая экспозиция задает акустический источник – это снова ветер, но он воет «в печной трубе», и этот звук описан как носитель скрытых смыслов: «можно угадать… спрятанные обрывки» другого ахматовского текста – «Реквиема»[15]. Тем самым «голос» переносится в область шумового или природного звучания, которое выступает уже не пейзажной деталью, а контейнером травматической памяти, причем прямо интертекстуально маркированным.

Одновременно «Решка» строится как внутренняя полемика: появляется голос редактора, который предъявляет претензию к автору и вынуждает его отвечать. Субъектность делается диалогической: автор уже не «единственный говорящий», а сторона диалога и спора внутри самой «Поэмы». Важно, что «редактор» здесь может читаться как внутренний представитель внешней инстанции (читателя, критика, а в историческом контексте и цензурного давления), но на уровне субъектности он функционирует как конкурирующий голос, вынуждающий авторскую позицию становиться одной из сторон диалога.

Затем контрагентом автора становится «ожившая» и обретшая голос «Поэма». Один из самых глубоких комментаторов и исследователей ахматовской поэмы, Р.Д. Тименчик, прямо фиксирует специфическую природу произведения как «поэмы в поэме» и «поэмы о поэме», рассказывающей «о собственном происхождении» и «обреченной на дописывание, переписывание» при жизни автора (1989, с. 3). Для нашей концепции это означает, что поэма структурно устроена как субъект самопознания, «изучающий» свои истоки и собственные затруднения с самоидентификацией.

Причем субъектность «Поэмы» тоже ипостазирована: она сначала, согласно примечанию Ахматовой, «оживает» в качестве «романтической поэмы»,

[14] *Ахматова А.А.* Поэма без Героя : критически установленный текст. С. 895.

[15] Там же. С. 888.

а затем отрекается от романтических «предков»: «Вовсе нет у меня родословной»[16] и предстает как субъект воли, действенной силы и «воплощенного Слова» (ср.: «А твоей двусмысленной славе, / Двадцать лет лежавшей в канаве, / Я еще не так послужу»[17]).

В связке с послесловием *Части первой* (Поэма «молчит», но «тема» может «вырваться») это дает формулу, подходящую для «Поэмы» в целом: автор перестает быть единственным владельцем голоса потому что и «Поэма», и ее внутренний «редактор», и акустические субстанции (ветер и тишина) вступают в систему взаимных ограничений и ответов.

В третьей части («Эпилоге») отчуждение авторского голоса от его носителя не просто подразумевается, а оформляется ремаркой: «Голос автора, находящегося за семь тысяч километров, произносит…»[18]. Авторская речь утрачивает статус «присутствия» и становится дистанцированным голосовым следом – не центром пространства, а его акустическим отражением, что и дает опору для формулы об объективации субъектности: авторская субъектность перестает быть центром пространства, а рассеивается по миру, превращаясь в тень, отражение или голосовой след (ср.: «Тень моя на стенах твоих, / Отраженье мое в каналах, / Звук шагов в Эрмитажных залах»[19].

Внутри этой же эпилогической сцены «вещи» получают статус адресата и свидетеля: автор «аукалась с дальним эхом», смущая «сонь вещей»; предметный мир («вещи», «клен») вводится как инстанция, с которой устанавливается коммуникация, то есть объектный слой получает признаки субъективированного.

Хоровая субъектность и интеграция голосов

Вместе с тем в поздних редакциях «Поэмы без Героя» заметно усиливается хоровое начало, с которым порою сливается авторское «Я». Этот процесс логичнее всего описать как переход от «я-голоса» к «мы-голосу», причем этот переход в позднем корпусе текста поддержан сразу тремя уровнями: рамкой (авторские пояснения), вставными и пропущенными строфами и античной моделью трагического хора.

В рамочном прозаическом фрагменте «Вместо предисловия» автор фиксирует, что слышит «их голоса» (память погибших друзей или слушателей), и тем самым одновременно признает множественность голосов как условие поэмы; закрепляет их внутри собственной памяти и собственного чтения («когда читаю поэму вслух»). Это не автономная полифония, а «встроенный хор», существующий как внутренний ресурс авторского сознания.

Далее, во второй части (и в примыкающих к ней «пропущенных строфах»), фиксируется иной хоровой субъект – «безмолвный хор» страдающих современниц (который связывается с опытом сталинских репрессий). Самый

[16] *Ахматова А.А.* Поэма без Героя : критически установленный текст. С. 893.
[17] Там же.
[18] Там же. С. 894.
[19] Там же. С. 895.

сильный момент здесь – грамматический и ролевой: речь организуется от первого лица множественного числа («расскажем мы… загремим мы»), то есть субъект говорения становится коллективным.

Ключ к тому, почему этот хор сопоставим с античной моделью, – не только культурные аллюзии (Гекуба, Кассандра), но и функция: античный хор в трагедии – коллективный участник, который остается на сцене, выражает общую оценку происходящего и служит морально-комментаторским голосом сообщества.

Важнейшая для нашей концепции деталь – позднередакционная «политическая» судьба этих строф. Ряд строф в «Решке» и «Эпилоге» в советское время был абсолютно «непроходимым», поэтому в авторской, как бы «окончательной», девятой редакции 1963 г. присутствуют купюры и отточия[20]. При этом реконструкции и поздние издания по-разному возвращают эти строфы, меняя композицию «Решки». Это дает нам исследовательскую опору: хоровая субъектность здесь не только художественный выбор, но и зона предельного исторического риска, поэтому она структурно связана с поздними редакциями, автокомментарием и самоцензурой.

Наконец, связь с «Реквиемом» имеет прямое текстовое основание: ремарка в «Решке», как мы писали выше, говорит о «обрывках Реквиема», «спрятанных» в вое ветра в трубе. Это превращает «голос ветра» в акустический носитель реквиемного (траурного хорового) слоя внутри «Поэмы», что подчеркивает связанность двух итоговых вещей Ахматовой.

В результате объективация субъекта и хоровая интеграция голосов получают структурную опору: индивидуальная авторская субъектность отступает, превращаясь в дистанцированный голос и в один из голосов хора, тогда как «вещи», «тишина», «ветер», «Поэма» и коллектив «мы» получают право говорить, то есть субъективируются в пределах художественного мира.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов.

Во-первых, поздняя редакционная фаза «Поэмы без Героя», соотносимая с 1963 г., действительно строит эффект децентрации субъекта через «чужие голоса», карнавальные маски и интертекстуальные роли, но эта децентрация мнима – авторская рамка не только присутствует, но и демонстрируется как «комната автора» и как монтажный допуск и недопуск текста.

Во-вторых, субъектность поэмы реализуется как многоипостасная система: автор, режиссер, герой, комментатор, редактор, судья и историософ – это не «биографические лица», а функциональные режимы речи, которые последовательно развертываются в композиции. Именно эта многоипостасность удерживает единый центр при видимой множественности.

[20] См: *Ахматова А.А.* Поэма без Героя : девятая редакция (1963). С. 606–607.

В-третьих, в поздних редакционных слоях усиливается хоровая организация субъекта речи. В рамке «Вместо предисловия» поэма прямо оправдывается «тайным хором» голосов первых слушателей – погибших в блокадном Ленинграде: автор слышит их голоса и читает «Поэму» как бы «перед ними» и «вместе с ними». В «Решке» автор входит в режим хорового «мы», где индивидуальная позиция растворяется в коллективной. При этом «хор» не отменяет индивидуальный голос; он расширяет его в сторону исторической ответственности.

Таким образом, сопоставление с модернистской и постмодернистской моделями показывает, что поэма «выходит за рамки» обеих моделей не путем отказа от их техник, а путем их переработки: модернистская масочность и расщепление «Я» используются как инструмент памяти и суда, а постмодернистская интертекстуальность – как ресурс исторического сознания, не позволяющего игре стать самоцелью.

Список литературы

Барт Р. Смерть автора // Избранные работы : Семиотика. Поэтика / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М. : Прогресс, 1994. С. 384–391.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986. 445 с.

Белоусова О.Г. Цитатное эхо Дж. Китса в поздней лирике Анны Ахматовой // Филология: Научные исследования. 2022. № 10. С. 8–16. https://doi.org/10.7256/2454-0749.2022.10.39038 EDN: EDYZAN

Деррида Ж. Поля философии / пер. с франц. Д.Ю. Кралечкина. М. : Акад. проект, 2000. 376 с.

Кихней Л.Г., Темиршина О.Р. «Поэма без героя» Анны Ахматовой и поэтика постмодернизма // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2002. № 3. С. 53–64. EDN: XRZGZN

Крайнева Н.И. К проблемам текстологии произведений Анны Ахматовой: о принципах установления критического текста «Поэмы без Героя» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009а. № 114. С. 155–164. EDN: KVQUXJ

Крайнева Н.И. Обоснование и установление критического текста «Поэмы без Героя» // Я не такой тебя когда-то знала…»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о поэме. Наброски балетного либретто: материалы к творческой истории / изд. подг. Н.И. Крайнева ; под ред. Н.И. Крайневой, О.Д. Филатовой. СПб. : Изд. дом «Міръ», 2009б. С. 799–868.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М. : Ин-т эксперим. социологии ; СПб. : Алетейя, 1998. 159 с.

Платонова Ю.В. К вопросу об авторе в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2019. № 3(136). С. 243–248. EDN: EVULYI

Платонова Ю.В. Сюжет «Поэмы без героя» Анны Ахматовой как сюжет лирического типа // Научный альманах. 2018. № 10-3(48). С. 209–213. https://doi.org/10.17117/na.2018.10.03.209 EDN: YPOEXR

Сильман Т.И. Заметки о лирике. Л. : Советский писатель, 1977. 223 с.

Темиршина О.Р., Белоусова О.Г., Афанасьева О.В. Ономастические коды «Поэмы без героя» А. А. Ахматовой как скрытая интертекстуальная адресация // Litera. 2021. № 12. С. 48–56. https://doi.org/10.25136/2409-8698.2021.12.37214 EDN: NDHBER

Тименчик Р.Д. Заметки о «Поэме без героя» // Анна Ахматова. Поэма без героя : в 5 кн. / вступ. ст. Р.Д. Тименчика; сост. и прим. Р.Д. Тименчика при участ. В.Я. Мордерер. М. : Изд-во МПИ, 1989. С. 3–25.

Хомяков С.А. Архетиктоника рамочного текста (на примере «Поэмы без героя» А.А. Ахматовой) // Litera. 2018. № 3. С. 57–68. https://doi.org/10.25136/2409-8698.2018.3.26923 EDN: YZITHF

Эпштейн М. Постмодернизм в России. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 608 с.

Эшельман Р. Перформатизм как преодоление постмодерна // Логос. 2021. Т. 31. № 6(145). С. 1–34. https://doi.org/10.22394/0869-5377-2021-6-1-31 EDN: WGVVEV

Сведения об авторах:

Кихней Любовь Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Московский университет им. А.С. Грибоедова, Российская Федерация, 111396, Москва, Зеленый пр., д. 66А; ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Субъектность в русской лирике второй половины XX – начала XXI в.: аксиология и формы репрезентации», Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Российская Федерация, 150000, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. ORCID: 0000-0003-0342-7125; SPIN-код: 3393-0651. E-mail: lgkihney@yandex.ru

Яненко Анна Михайловна, старший преподаватель кафедры истории журналистики и литературы, Московский университет им. А.С. Грибоедова, Российская Федерация, 111396, Москва, Зеленый пр., д. 66А; младший научный сотрудник научной лаборатории «Субъектность в русской лирике второй половины XX – начала XXI в.: аксиология и формы репрезентации», Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Российская Федерация, 150000, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. ORCID: 0009-0007-7577-2282; SPIN-код: 4475-8068. E-mail: avecanora@list.ru

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 562–574
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-562-574
EDN: AKZELW
УДК 82.161.1

Научная статья / Research article

Рассказ Л. Петрушевской «С горы»: система образов, нарративные ходы постмодерного текста

О.В. Богданова[1], Юй Чжан[2]

[1]*Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург, Российская Федерация*
[2]*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация*
olgabogdanova03@mail.ru

Аннотация. Представлена новая интерпретация рассказа Л. Петрушевской «С горы», пересмотрены ранее предложенные критикой и литературоведением структурно-идейные акценты текста. В частности, с новой точки зрения рассмотрена система персонажей и стратегии повествования в рассказе. Если ранее в центре внимания критиков находились безымянные персонажи (*он* и *она*) и их любовная история, то в данной статье ключевым объектом анализа выступает героиня-рассказчица как автор-персонаж. Именно она становится свидетельницей любовной истории отдыхающих, показывая ее с особой – весьма субъективной – позиции. Оспорено представление о близости позиции автора и героини-рассказчицы, доказано, что рассказчица не может рассматриваться как *alter ego* автора. Показано, что речестилевые особенности суждений героини-наблюдателя выступают у Петрушевской средством портретирования центрального женского персонажа, контурирования его характера и образа. Сделан вывод о том, что текст Петрушевской имеет разнонаправленные векторы экспликации авторской позиции, «нулевую степень письма» (по Р. Барту).

Ключевые слова: героиня-рассказчица, постмодернизм, любовная история, система образов, стратегии повествования, позиция автора

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных, написание статьи – Юй Чжан; редактирование – О.В. Богданова. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Богданова О.В., Чжан Юй, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

История статьи: поступила в редакцию 25 января 2026 г.; отрецензирована 18 марта 2026 г.; принята к публикации 20 мая 2026 г.

Для цитирования: *Богданова О.В.*, *Чжан Юй.* Л. Петрушевская «С горы»: система образов, нарративные ходы постмодерного текста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 562–574. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-562-574 EDN: AKZELW

L. Petrushevskaya's Story *From the Mountain*: System of Images, Narrative Strategies in a Postmodern Text

Olga V. Bogdanova[1], Yu Zhang[2]

[1]*Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky, Saint Petersburg, Russian Federation*
[2]*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation*
✉olgabogdanova03@mail.ru

Abstract. The article offers a new interpretation of L. Petrushevskaya's short story *From the Mountain*. he structural and thematic emphases previously placed on the text by critics and literary scholars are revised. In particular, the character system and narrative strategies in the story are considered from a new point of view. While earlier critics based their analysis on the characters of 'He' and 'She', placing their love story at the center of scholarly discourse, this article proposes a different approach. Instead of focusing on these two figures, it examines the narrator-heroine, a witness to the love story of vacationers, as presented by her from a highly subjective perspective. The paper challenges the notion that the author's position and that of the narrator-heroine are identical, proving that the narrator cannot be considered the author's alter ego. It is demonstrated that the linguistic and stylistic features of the narrator-observer's evaluative statements serve as a means of portraying the protagonist, shaping her persona and image. The article concludes that there are multifaceted vectors for expressing the author's position, highlighting the presence of the "zero degree of writing" (Roland Barthes) in Petrushevskaya's postmodern narrative.

Keywords: narrator-heroine, postmodernism, love story, image system, narrative strategies, authorial stance

Author contributions. Development of the idea, research data collection & analysis, writing – Yu Zhang; editing – Olga V. Bogdanova. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted January 25, 2026; revised March 18, 2026; accepted May 20, 2026.

For citation: Bogdanova, O.V., & Zhang Yu. (2026). L. Petrushevskaya's Story *From the Mountain*: System of Images, Narrative Strategies in a Postmodern Text. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 562–574. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-562-574 EDN: AKZELW

Введение

В современной русской (российской) литературе проза (как и драматургия) Людмилы Петрушевской занимает особое место. Как будто бы до́лжная быть причисленной к женской литературе, ее проза таковой не является. Общим в критике стало суждение о том, что женская проза Петрушевской должна быть квалифицирована как мужская (Биль, 2023; Богданова, 2009; Маркова, 2024; Пахомова, 2006; Прохорова, 2007; Фан, Жучкова, 2022 и др.). Еще в конце 1990-х гг. нами уже высказывалась мысль, что «с ее „черным“, „жестоким“, „мужским“ талантом ей <Петрушевской> следует писать о жертвах культа, о периодах репрессий, о тирании и ее исполнителях» (Богданова, 2004, с. 379; 2023). Между тем «неженская» проза Петрушевской преимущественно посвящена бытовым аспектам современной жизни, судьбам одиноких и несчастных женщин, как правило, оставленных мужьями, влачащих жалкие дни с детьми на руках в одиночестве коммунального общежития (Красильникова, 2025; Муратова, Жиличева, 2022; Переслегина, 2022; Чжан, 2025 и др.). При этом Петрушевская не ищет истоки слабости своих героинь в социальных законах советской жизни, в препятствиях общественно-идеологического плана, но опирается на природу самого человека: вне зависимости от социального статуса все ее героини тотально и бесперспективно несчастны.

Согласно законам постмодерного мировоззрения позиция автора в рассказах Петрушевской воспринимается критикой равной нулю, или «нулевым письмом» (Барт, 2025). По мнению исследователей, точка зрения автора не корректирует события жизни героинь, но последовательно и объективно фиксирует сюжетику, устраняя из текста оценочные моменты. В результате проза Петрушевской как бы лишается психологической глубины, характеры не раскрываются в их индивидуальных чертах, но воспроизводятся как типы. По мнению А. Барзаха, проза Петрушевской внепсихологична, даже антипсихологична (1995, с. 253). М. Липовецкий считает, что герои Петрушевской – даже не типы, а архетипы (1994, с. 229), своеобразные клише и формулы, исчерпывающие себя в каждой конкретной рассказовой ситуации.

Между тем приведенные выше утверждения требуют корректировки. Прежде всего, Петрушевская *не* обращается в своих текстах к обычным рядовым жизненным событиям и бытовым ситуациям. С нашей точки зрения, подобные наблюдения ошибочны. Ранее нам приходилось писать о стратегии письма Петрушевской: «Из человеческих судеб, из людских „полосатых жизней“, сочетающих в себе „белое“ и „черное“, Петрушевская намеренно отбирает только „черные“, наиболее напряженные, накаленные, драматичные „полосы“. При условии отсутствия „альтернативы“, в положении когда из оппозиции „черное – белое“ вырывается только один из полюсов, „чернота“, не имеющая противовеса, уже не выглядит „очень-черной“. Лишенная цветового спектра, не оттененная другой гаммой, избегнувшая контраста с „белым“, „чернота“ выглядит единственно-убедительной и возможной, „не-такой-уж-черной“, а скорее – серой, обыденной, обыкновенной» (Богданова, 2004, с. 384). Но лишь мнимообыденной и псевдообыкновенной.

Петрушевская намеренно нагнетает черное, переводит необычное черное в статус обычного серого, нерядовое – в положение обыденного, якобы привычного и знакомого. В итоге сюжет рассказов выстраивается из суммарного набора только «черных» эпизодов, что усиливает впечатление от одиночества и трагизма жизни ее героинь, одной или нескольких. «Поэтика мрака» отвоевывает доминирующие позиции, опосредуя все остальные принципы повествования – «луча света» в мрачных текстах Петрушевской нет, ее художественный мир непроницаемо темен, тягостен, удручающе страшен.

Однако целый ряд рассказов Петрушевской, кажется, вопреки вышесказанному, открыто относится к традиционно светлой – любовной – тематике. И один из таких текстов – рассказ «С горы», который открывает наиболее репрезентативный сборник «Дом девушек».

Результаты и обсуждение

В рассказе «С горы» Петрушевская-повествователь излагает историю курортного романа, «настоящей любви», которая возникла между безымянными персонажами – мужчиной (*он*), Первым дядечкой, и женщиной (*она*), всеобщей Кармен, отдыхающими в санатории[1]. Функция изложения событий передоверена автором (как нередко бывает у Петрушевской) безымянной героине-рассказчице.

Рассказ «С горы» не так часто, как другие произведения Петрушевской, рассматривается специалистами. Один из наиболее развернутых текстуальных анализов предлагает исследователь из Казани Т.Г. Прохорова. С ее точки зрения, за канвой сюжетных событий «скрываются истории *чудесного преображения* героев под влиянием возвышенного чувства и *подлинная трагедия* любящих, разлученных не просто в результате стечения конкретных жизненных обстоятельств, но волею жестокой судьбы, перед которой они бессильны» (2007, с. 120). На взгляд Т.Г. Прохоровой, в рассказе Петрушевской «любовь противостоит пошлости», писатель «не просто пишет очередной вариант на тему любви и ревности, но дает свою, сугубо авторскую интерпретацию известного сюжета <…> „нашей Кармен“» (2007, с. 122). Исследователь придерживается убеждения, что в пространстве рассказа точка зрения автора эксплицирована посредством голоса героини-рассказчицы, условно – это *alter ego* автора.

На наш взгляд, вести речь о «сугубо авторской интерпретации» темы «любви и ревности» в рассказе «С горы» нельзя, причем по соображениям авторским – целевым и принципиальным. Чтобы обосновать высказанное предположение, следует обратиться к особенностям повествования Петрушевской, рассмотреть систему образов рассказа «С горы», а точнее – образ героини-рассказчицы. Как нам представляется, этот образ принципиально отличен от *alter ego* автора, не звучит голосом автора – он выразительно самостоятелен и подчеркнуто характерологичен, не обобщен, но индивидуально очерчен.

[1] *Петрушевская Л.* Дом девушек : рассказы и повести. М. : Вагриус, 1999. С. 10.

Критики-исследователи *a priori* полагают, что центральными героями рассказа «С горы» являются два персонажа: упомянутые выше *он* и *она*, встретившиеся у моря в доме отдыха и пережившие охватившее их чувство любви (Прохорова, 2007, с. 120). Однако позиция персонажей *он* и *она* в рассказе иллюзорна и обманчива. На передний план повествования у Петрушевской выведены не *они* – Кармен и Первый дядечка, – а героиня-рассказчица, излагающая историю любви некой курортной пары. Более того, *он* и *она* – единый совокупный персонаж, неделимый по сути, целостный образ *они*. По существу, в рассказе всего два персонажа: *они* (*он* и *она*) – отдыхающие и она-рассказчица, центральная героиня-наблюдатель. И ведущий среди них – рассказчица. Именно такой ракурс порождает смену смысловой (интерпретационной) перспективы.

Если следовать за повествованием Петрушевской, можно констатировать, что активным действующим лицом в рассказе предстают не герои-любовники (*они*), а рассказчица, излагающая историю не просто безымянных, но по сути безликих влюбленных отдыхающих со *своей* особой точки зрения. Героиня-рассказчица, в отличие от типологически упрощенных *ее* и *его*, обладает особым характером и собственной витальностью, которых едва прописанные *он* и *она* всецело лишены. *Они* не подлинные герои, *они* только отсветы тех субъектов-призраков, множественных персонажей-теней, за которыми наблюдает рассказчица и которых судит в своем рассказе. Заметим, что она судит своевольно, «по настроению». Характер изложения истории курортного романа фрагментарен. История героев-любовников подается не объективно, как могло бы быть у автора, – она целиком окрашена личностными интонациями, присущими свидетельнице курортной истории. Ее взгляд приоритетен.

Героиня-рассказчица не персонифицирована, ее портрет не выписан. Однако ее речь и язык столь ярко индивидуализированы, что можно утверждать, что именно *слово* становится средством портретирования героини, формирования ее (не)видимого, но, как было сказано выше, витального образа, активного и живого.

Героиня-рассказчица, в русле традиции прозы Петрушевской, вырисовывается автором как личность умная и наблюдательная, как женщина жесткая и далеко не сентиментальная (ср. в драматургии: Биль, 2023; Муратова, Жиличева, 2022). Как свидетельствует текст, героиня в принципе и изначально лишена чувства эмпатии к окружающим, ей чуждо сочувствие к людям, ее оценками-суждениями руководят скепсис и зависть, нескрываемая озлобленность.

Героиня-рассказчица Петрушевской – по-своему философ, своеобразный провинциальный домашний мыслитель-наблюдатель. Именно так, философически, она начинает свой рассказ:

> Удивительно воздействие группового существования вдали от реальной, повседневной жизни, от дома и родственников. Вся тяжесть обыденности как-то исчезает вкупе с проблемой, где взять денег: ты устроен, ты здесь на срок – на неделю, на время отпуска и т.д.[2]

[2] *Петрушевская Л.* Дом девушек. С. 9.

Следует отметить, что читателю представлена не точка зрения автора, как предположила Т.Г. Прохорова, но личностное наблюдение неглупой и наделенной правом на собственный голос и мнение героини-рассказчицы. Весь строй вводного суждения индивидуализирован и семантически маркирован – через начальное наречие («удивительно»), неопределенные местоименные обстоятельства («как-то»), обобщенную позицию личного местоимения «ты» и др.

Повествование начинается сентенцией героини, и, надо признать, вполне точной и жизненной. Действительно, опыт показывает, что тяжесть обыденности отступает в период отдыха. Помимо смысла самой фразы, у Петрушевской важен и характерологический момент – в первой фразе уже проступают черты самой рассказчицы, точнее *ее* жизни-обыденности. Как можно судить, главная акцентируемая ею проблема – «где взять денег». Социальное положение героини-рассказчицы локализуется.

Уже в зачинной фразе перед читателем возникает образ героини, которая *со стороны*, со своей особой точки зрения, наблюдает курортников, приехавших к морю на отдых за кусочком их счастья. И сразу формируется оппозиция: у нее нет денег, а у них нашлись деньги «на неделю, на время отпуска». Она и *они* – несовместимы, находятся по разные стороны жизненного барьера, они разные, другие. Потому повествование героини-рассказчицы с первых строк психологически мотивированно проникается интонациями показного высокомерия, по сути, возможно, невольной обиды и зависти, терзающих героиню, свидетеля *чужих* коротких счастливых романов.

Между тем уверенность, с которой произносится первое же суждение рассказчицы, позволяет предположить, что и у нее мог быть подобный опыт, дающий ей «право» быть уверенной в своих жизненных сентенциях (ср. в других рассказах и повестях: Красильникова, 2025; Переслегина, 2022; Чжан, 2025).

Зачинное наречие-эпитет «удивительно», использованное героиней Петрушевской, привносит в текст интонацию иронии, тональность сарказма, которые неизменно демонстрирует рассказчица. Ей *удивительно*, как окружающие не понимают того, что понимает она. И уже в следующей фразе героиня-рассказчица акцентирует оценочное слово, которым она квалифицирует курортный роман, – *иллюзия*:

> Тут и подстерегает человека иллюзия, что так и должно быть, от завтрака к обеду, от ужина к ночи, и одна забота – выглядеть все лучше и лучше, и уже находится кто-нибудь, кто оценит, восхитится, а отсюда недалеко и до восхищения тем, кто восхитился[3].

Дистанция между героями нарастает. Героиня-рассказчица разумна и несентиментальна, они же, курортники, – наивные идеалисты, которые готовы поверить в истинность возникших во время короткого южного отдыха чувств. Положение, в котором находятся она и *они*, – разные, антиномичные, если

[3] *Петрушевская Л.* Дом девушек. С. 9.

не добавить – антипатичные. Но, утверждая собственную точку зрения, героиня Петрушевской находит поддержку в том, что она не одна *так* думает. Героиня незаметно отходит от формы *я*, переходит на уровень говорения и размышления от имени *мы*: «Мы наблюдали – мы, живущие напротив их большого дома отдыха…»[4]. Заметим, что Петрушевская тонко эксплицирует оценочную зависть: у них *большой* дом отдыха, то есть у нас – нет. Сама речь, слово героини обретают статус и функции характерологии.

Переход героини-рассказчицы от *я* к *мы* позволяет разглядеть еще один смысловой ход прозаика: Петрушевская вне сюжета обобщает поведенческий импульс героини, помещает ее в окружение других, кто тоже о(б)суждает, судачит, сплетничает. Негативные коннотации, не эксплицированные автором прямо, проступают в междустрочии. Мир людей (героев) контрастирован, поделен на *наших* и *ненаших*, *мы* и *они*.

Наметившееся противопоставление *я* (рассказчица) – *они* (курортники) *a priori* мотивирует ту негативную оценочность, сниженные характеристики, которые дает рассказчица антитетичным героям, в частности влюбленной отдыхающей, иронично названной «всеобщей Кармен».

Исследователи утверждают, что Петрушевская и ее героиня-рассказчица «нейтрально» называют отдыхающую как Кармен, тем самым как бы актуализируя мотив ее трагической влюбленности. По словам Т.Г. Прохоровой, в имени героини «заключена неизбежность трагической развязки» (2007, с. 121). Однако никакой трагедии в рассказе Петрушевской не происходит, даже не намечается. К тому же, имя Кармен вводит ироничная *рассказчица*, то есть использует интертекстуально-прецедентное имя саркастически. Та не просто Кармен, но «*всеобщая* Кармен…» (в силу вступает затертая роль-банальность).

В сущности, ничего не зная о наблюдаемых ею отдыхающих, рассказчица без колебаний представляет курортную Кармен следующим образом:

> Мы наблюдали – мы, живущие напротив их большого дома отдыха, – эту женщину, которая выглядела отталкивающе вульгарной и именно что бросалась в глаза. Она много хохотала, отправляясь, скажем, на автобусе в компании мужчин своего рабочего дома отдыха куда-то на базар за фруктами или к местным за банкой их вина – как мы все это делали. Она во главе своей стаи, и вот вам вид: коротковато острижена, какие-то парикмахерские пружинки, дешевая завивка, мертвые волосы после свежесделанной химии, далее: выщипанные и выкрашенные сине-черной краской бровки, рот намазанный, разумеется, но тоже как-то дешево. Вся красота, как говорится, из аптеки рупь двадцать баночка[5].

Можно предположить, что портрет отдыхающей женщины дан в меру объективно. Действительно, эта женщина могла быть и вульгарной, и дешево одетой, и безвкусной. Петрушевская подтекстово – на уровне эмоциональной речи героини-рассказчицы – обнажает субъективность характеристики, следовательно, выдает сомнительность портретирования. Словесные обороты, почерпнутые из опрощенно-разговорной речи, стилистически и граммати-

[4] *Петрушевская Л.* Дом девушек. С. 9.

[5] Там же.

чески небезупречные, сниженные («…именно что бросалась в глаза…»; «…из аптеки за рупь двадцать баночка…»; «…как-то дешево…»), внедряются в описание внешности персонажа-отдыхающей и не дают абстрагироваться от того, что портрет написан с чужих слов, со стороны, противоположной «большому дому отдыха». Иными словами, Петрушевская на уровне речевой характеристики позволяет догадаться, что портрет не объективен и намеренно субъективен. Опираясь на собственный опыт, рассказчица адресует *ей*-отдыхающей наблюдение:

> Она покушалась, бедная бабенка, на счастье, хотела вкусить, оторвать себе клочок настоящего, не доступного ей счастья и той жизни, которую они все видели в телесериалах[6].

На фоне псевдофрейдовских «проговорок» это философическое наблюдение оказывается спроецированным и на саму рассказчицу: она, как видно, тоже оказывалась в числе «бедных бабенок», алчущих недоступного счастья. Рассказчица иронизирует:

> Итак, море, солнце, а у нее модные босоножки, крутая завивка, бровки, черные очки и тут же (внимание!) толпа восхищенных самцов, с ними она едет на базар[7].

Практически каждое слово в этом внутреннем монологе пронизано иронией: *внимание!* – с восклицательным знаком, еще совсем недавно *немодные* босоножки в этом пассаже иронично названы уже *модными*, поклонники-отдыхающие охарактеризованы как *толпа самцов*, где оба слова эмоционально окрашены и стилистически снижены. Эмоционально окрашенная речь служит у Петрушевской самораскрытию героини-рассказчицы: подобное отношение к мужчинам могло сформироваться только после ее собственного неудачного любовного опыта. Физиологический ракурс (*самцы, особи*) эксплицирует оценочное отношение рассказчицы к мужчинам (поклонникам). Процесс ухаживания брезгливо назван ею «собачьей свадьбой», лексема «толпа (самцов)» вскоре превращается в определение «стая»[8]. Снижающая тенденция и намеренна, и очевидна. Злость и скепсис героини эксплицированы. Незримый образ рассказчицы обретает все более отчетливые черты.

Ранее уже отмечалось, что рассказчица Петрушевской не глупа, наблюдательна, умеет философски обобщать свои наблюдения. Прозаик не позволяет ей опуститься до уровня недалекой и глупой сплетницы, но включает в ее речь философически мудрые (хотя и банальные) сентенции. К числу таковых можно отнести замечание героини о серьезности в поведении:

> Серьезность вообще более значима и весит много больше, нежели раскованность и свобода, легкость и веселье. Серьезность правит бал и тут, как везде[9].

---

[6] *Петрушевская Л.* Дом девушек. С. 10.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же.

Философические абстракции обретают характер всеобщности – «как везде». Рассказчица претендует на роль пророка. При этом Петрушевская-автор не сливается с образом по-своему умной героини-рассказчицы (Прохорова, 2007, с. 120), не допускает смешения, диффузии. Прозаик позволяет героине самостоятельно обобщать и обывательски философствовать, на основе ее частных наблюдений выводить некий всеобщий закон – в данном случае закон *любви-иллюзии*.

В интерпретации героини-рассказчицы фабульная канва любовных ухаживаний персонажей-отдыхающих обретает черты устойчивой типичности:

> Семейники Кармен и Первый дядечка ходят уже спокойно, она больше не хохочет, он носит ее сумочку, они как на работу идут в столовую, серьезно на пляж, как по делу едут в автобусе на рынок, это всегда тесный автобус, они тесно стоят, прижавшись друг к другу в давке, она снизу <…> взглядывает на него, но <…> в глаза ему не смотрит. Первый признак, что она влюблена, внимание[10].

В тексте вновь на лексическом уровне проявляются опыт и всезнание рассказчицы, выполняющие характерологическую функцию (аксиологическая ремарка «внимание»), актуализирующие ироничное отношение к наблюдаемому и описываемому. Обобщение героини-рассказчицы вновь расширяется до местоимения *мы*:

> …они двое любят друг друга и отделены ото всех; и толпа их тоже как бы отбраковывает, не одобряет, отшатывается – даже в общей свалке они какие-то обреченные, не свои[11].

Я-*мы* отбраковывают их, не-своих, не одобряют, отшатываются. Но противопоставление персонажей у Петрушевской (по-постмодернистски) реализуется инверсионно. Внешне счастливые влюбленные в глазах рассказчицы, по ее логике, оказываются несчастными: «Да, это с ними произошло, самое большое *несчастье*[12]». Инерционно ожидаемые читателем-традиционалистом слова *любовь* и *счастье* подменяются в речи рассказчицы словом *несчастье*, вытесняя представление о возможности счастья в реальном мире. Ощущение *общего несчастья* словно бы примиряет героиню-рассказчицу с героиней-отдыхающей. Наступает момент, когда рассказчица почти сердечно, по-доброму описывает облик теперь тоже несчастной героини-курортницы:

> Причем за отчетное время она, Кармен, как-то поутихнув, приобрела мягкость и некий золотой ореол (то ли юг повлиял, загар). Волосенки ее выцвели, распрямились слегка, легли белой волной, раз. Второе, что кожа потемнела, глаза посветлели и просияли. Стройненькая, ладная, не хуже никакой кинозвезды, наша Кармен вся светилась любовью, жалостью, как будто растерялась…[13]

[10] *Петрушевская Л.* Дом девушек. С. 10–11.
[11] Там же. С. 11.
[12] Там же.
[13] Там же.

Аксиологическая доминанта как будто меняется. Но это не признание силы «трагедийно-поэтической» любви, как полагает Т.Г. Прохорова (2007, с. 122), а, на наш взгляд, торжество мелкого и эгоистического чувства удовлетворения, охватившего рассказчицу. Она оказалась права в своем опыте и наблюдениях, ее точка зрения подтвердилась и восторжествовала.

Вновь обращает на себя внимание чуткость Петрушевской к слову. Героиня-рассказчица произносит: «за отчетное время…» – будто она вела некий сухой бухгалтерский учет тех эмоций и чувств, которые переживали влюбленные-отдыхающие. Теперь, в представлении рассказчицы, Кармен – «стройненькая» (ср. уменьшительно-ласкательный суффикс в слове «волосенки»), «ладная» и она теперь «наша». Любовь-иллюзия, на взгляд наблюдающей героини, ввела *ее*-чужую в круг *наших*, тотально несчастных. Коллективный конформизм восторжествовал, оппозиция стерта, контраст растушеван. Любовь и счастье в очередной раз («за отчетное время») дискредитированы, они только иллюзия, которая по истечении курортного 24-дневного срока катится «с горы» (название рассказа).

Согласиться с тем, что в название рассказа «С горы» Петрушевская вкладывает глубинный символический смысл, приближенный к традиционному, можно только с рядом оговорок. Т.Г. Пролхорова считает: «Поскольку образ „горы“ символизирует движение человеческой души вверх, вдаль от уродующей, коверкающей все живое обыденности, в рассказе выстраивается целая цепочка образов-знаков, как бы напоминающих о существовании иной реальности – „горней“: „гора“, „море“, „золотой слепящий свет рая» (2007, с. 123). На наш взгляд, для героини-рассказчицы не существует подобных горных высот, для нее это штампы, клише, банальности, которые вызывают в ней презрение и иронию. Рассказ потому и назван «С горы» – как констатация ее уверенного неприятия всех подобных стереотипов и трафаретов, их развенчания.

Между тем мотивы *моря, отдыха, курорта, юга* позволяют выявить интертекстуальный аспект и вспомнить весьма сходную ситуацию из рассказа А.П. Чехова «Дама с собачкой». В нем Чехов тоже изображает курортный роман, завязавшийся на ялтинской набережной. Однако если для писателя-классика ялтинская встреча Анны Сергеевны и Гурова была поводом для индивидуализации любовной истории, передачи глубинных нюансов их развивающихся чувств (вспомним «начальную» сцену с арбузом и последующий драматизм отношений), раздумчивых мыслей о перипетиях человеческой жизни (Богданова, 2026), то у Петрушевской, писателя-постмодерниста, ее история – это уже намеренно сухой и равнодушный отчет героини-рассказчицы о бывшем и «новом заезде в доме отдыха»[14], об однообразии мнимых любовных историй и жалком человеческом опыте.

> Их уже нет, на пляже бестолково топчутся новые белые тела, крикливые, ничьи, сами по себе, эгоистические свинюшки, рыла, а нашей чудесной пары тут нет, <…> они канули в вечность, летят где-то в мерзлой вышине в разных самолетах домой, в свои места, к своим детям и супругам, в зиму, снег и труд[15].

[14] *Петрушевская Л.* Дом девушек. С. 12.

[15] Там же.

Точка зрения героини-рассказчицы *как будто* изменилась (Прохорова, 2007, с. 120–122), но на самом деле она осталась прежней – опять животная символика («свинюшки»), негатив («рыла»). Позже, за пределами текста, рассказчица наверняка *отчитается* о том же самом – иллюзии любви – на примере другой пары, других «скотов», «собачьих свадеб», «свинюшек» и «рыл», оказавшихся на отдыхе в южнобережном санатории. Она (*мы*) бесстрастно наблюдает за повторением любовного сюжета каждые 24 дня («мы наблюдали…») – и они не трогают ее, вопреки мнению некоторых исследователей, но раздражают, злят, ожесточают. Потому и последний заключительный абзац текста звучит сухо и в форме отчетности, с характерными математическими метами:

> Только Кармен будет бегать на почту до востребования с паспортом, а Первый дядечка вызовет ее телеграммой на переговорный пункт, и там, по междугороднему телефону, они снова сольются душой, <…> будут плакать и что-то кричать ровно десять минут, сколько он заказал и оплатил – как тогда, летом, когда было оплачено ровно двадцать четыре дня[16].

Скептицизм и высокомерная ирония различимы и нескрываемы. Устойчивое выражение «сольются душой» – не перерождение героини-рассказчицы, не изменение ее точки зрения на свинюшек и рыла, а ее очередной сарказм по поводу банальщины и клише людской жизни.

В итоге в рассказе «С горы» Петрушевская выводит на поверхность постмодернистский принцип восприятия любви – любви как иллюзии, любви как сна, любви как обмана. По словам рассказчицы, дама-отдыхающая «покушалась, бедная <…>, на счастье, хотела вкусить, оторвать себе клочок настоящего, не доступного ей счастья»[17]. Но счастье в постмодернистской реальности доступно только на телеэкранах. В реальной жизни счастье не может быть настоящим и доступным.

Заключение

Завершая наблюдения над текстом Петрушевской «С горы», сделаем еще несколько замечаний. Как было сказано выше, в рассказе точки зрения Петрушевской-автора (в отличие от Чехова) как будто нет – позиция автора намеренно сведена к ранее упомянутому бартовскому «нулевому письму». «Нулевой градус письма» избавляет прозаика от необходимости выражать авторское сочувствие героям, передавая аксиологические акценты рассказчице.

Между тем выразительная стилевая экспликация зоны сознания и говорения героини-рассказчицы и «обнуление» позиции автора в тексте, несомненно, предприняты Петрушевской осознанно. Согласно постмодернистской поэтике прозаик отказалась от открытого выражения голоса художника-создателя, от экспликации собственной *авторской* позиции. Однако русская литература

[16] *Петрушевская Л.* Дом девушек. С. 12.

[17] Там же. С. 10.

(классическая, в первую очередь) всегда была и в своих лучших образцах по-прежнему остается мыслеемкой, *учительной*, по-своему *морализаторской*. Российский читатель традиционно ждет от писателя нравоучения, морали, вывода, как бы декларативно от них ни отказывались теоретики и практики постмодерна или концептуализма. Как показывает опыт, и сами писатели-постмодернисты, вопреки своим броским заявлениям, оставляют реципиенту возможность ощутить позицию автора, обнаружить ее аксиологическую направленность.

Речь о том, что если бы в рассказе «С горы» Петрушевская вела повествование от имени автора (объективная 3-личная форма наррации), то отношение к любви, к взаимоотношениям влюбленных было бы *a priori* маркировано сознанием автора-творца, обрело бы статус привычной объективности. В существующей же форме, когда повествование ведет героиня-рассказчица, чей образ не совпадает с образом автора, точка зрения прозаика остается невыявленной, затекстовой. Именно это обстоятельство и позволяет предположить, что оценки автора и рассказчицы не совпадают, что суждения героини-рассказчицы могут и должны быть подвергнуты переоценке. Суждения неглупой героини, отчасти подтверждаемые ходом событий и даже претендующие на обобщающую философичность, по прочтении предстают не-окончательными, доступными пересмотру и переосмыслению.

В итоге постмодерная *теория* «безмысленной» литературы оказывается потесненной *практикой* русского смыслосодержащего текста и обязательной направленностью (в том числе и современной) русской литературы на глубину и содержательность. Именно несовпадение позиций автора и героини порождает бифокальность наррации, обеспечивает смысловую неоднозначность и, как следствие, необходимость имплицитного поиска этически маркированного авторского подтекста.

Список литературы

Барзах А. О рассказах Л. Петрушевской: Заметки аутсайдера // Постскриптум. 1995. № 1. С. 244–269.

Барт Р. Нулевая степень письма / пер. с фр. Г.К. Косикова. М. : Ad Marginem, 2025. 96 с.

Биль О.Н., Заманова И.Ф., Половнева М.В. «Авторский голос» в драматургическом дискурсе Л. Петрушевской // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 10. С. 3312–3317. https://doi.org/10.30853/phil20230513 EDN: LBLCTG

Богданова О.В. «Некоторые тайны русской души…» Литературная классика XIX века с позиций современности : монография. СПб. : Алетейя, 2026. 802 с.

Богданова О.В. Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60–90-е годы XX века – начало XXI века). СПб. : Филол. ф-т СПбГУ, 2004. 716 с.

Красильникова Т. «Время ночь», умора: смех как сопротивление в повести Людмилы Петрушевской // Новое литературное обозрение. 2025. № 4(194). С. 227–241. https://doi.org/10.53953/08696365_2025_194_4_227

Липовецкий М. Трагедия и мало ли что еще // Новый мир. 1994. № 10. С. 229–232.

Маркова Т.Н. Практика интермедиального совмещения искусств («Карамзин деревенский дневник» Л. Петрушевской) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Филологические науки. 2024. Т. 5. № 3–4. С. 89–100.

Муратова Н.А., Жиличева Г.А. Специфика драматургического цикла Л.С. Петрушевской «Квартира Коломбины» // Новый филологический вестник. 2022. № 3(62). С. 46–56. https://doi.org/10.54770/20729316-2022-3-46 EDN: GEYVEH

О текстах Людмилы Петрушевской : сб. статей / сост. и отв. ред. О.В. Богданова. СПб. : Факультет филологии и искусств Санкт-Перербургского гос. ун-та, 2009. 124 с.

Пахомова С.И. Константы художественного мира Людмилы Петрушевской : монография. СПб. : Филологический фак. Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. 120 с.

Переслегина Е.Р. Смысловое наполнение концепта «женщина» в прозе Л. Петрушевской // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 223–228. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_6_223

Преодолевшие соцреализм. Авангард 1970–1980-х в борьбе с социалистическим реализмом / под ред. О.В. Богдановой. СПб. : Алетейя, 2023. 332 с.

Прохорова Т.Г. Проза Л. Петрушевской как художественная система. Казань : Казанский гос. ун-т, 2007. 264 с.

Фан Т., Жучкова А.В. Женское одиночество как лейтмотив рассказов Людмилы Петрушевской и Цань Сюэ // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 3. С. 501–510. https://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-3-501-510 EDN: QGPKCR

Чжан Ю. Иллюзия любви как форма эскапизма (мотив абсурдности в рассказе Л. Петрушевской «Мост Ватерлоо») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 4. С. 1303–1309. https://doi.org/10.30853/phil20250187 EDN: QLCVSR

Сведения об авторах:

Богданова Ольга Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры культурологии, педагогики и литературы, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. Российская Федерация, 191023, Санкт-Петербург, набережная реки Фонтанки, д. 15. ORCID: 0000-0001-6007-7657; SPIN-код: 5314-1224. E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Чжан Юй, аспирант кафедры истории русской литературы, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9. ORCID: 0000-0003-2821-6500; SPIN-код: 1819-8415. E-mail: yu.zhang92@yandex.ru

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 575–587
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-575-587
EDN: ALRCAD
УДК 82-192

Научная статья / Research article

Субъект в лирике Михаила Елизарова: *деконструкция* или *реконструкция*?

О.Р. Темиршина

Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Российская Федерация
✉o.r.temirshina@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы поэтики литературного постмодернизма в контексте определения специфики данного направления. Объектом исследования выступает поэтика литературного постмодернизма, материалом – лирика Михаила Елизарова. Выбор материала обусловлен возможностью выявления рецептивных противоречий. Данная коллизия связана с тем, что творчество М. Елизарова трактуется литературоведами и критиками в постмодернистских координатах, а сам Елизаров отрицает литературный постмодернизм как онтологический феномен, рассматривая его исключительно как категорию рецепции. Типологический анализ показывает, что на уровне поэтики постмодернистский текст манифестирует систему философских концепций, главной из которых является идея разрушения субъекта. Доказано, что именно эта идея детерминирует специфику всех художественных компонентов, входящих в поле субъектности и персональности, и обусловливает основные стратегии постмодернистского письма. Так, разрушение нарратора и героя вызывает распад сюжетных структур и нейтрализацию ценностной точки зрения, что, в свою очередь, приводит к апологии интертекстуальности и специфическому типу иронии. Поэтическое творчество Елизарова на формальном уровне демонстрирует отдельные стратегии, которые принято относить к постмодернистским. Однако за этим комплексом стоит совершенно иная система смыслов, фундаментом которой оказывается целостный субъект.

Ключевые слова: постмодернизм, автор, песенная поэзия, «новый роман», поэтика

Финансирование. Исследование выполнено в Ярославском государственном педагогическом университете им. К.Д. Ушинского за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03013.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 января 2026 г.; отрецензирована 18 марта 2026 г.; принята к публикации 20 мая 2026 г.

© Темиршина О.Р., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Темиршина О.Р.* Субъект в лирике Михаила Елизарова: *деконструкция* или *реконструкция*? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 575–587. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-575-587 EDN: ALRCAD

The Subject in Mikhail Elizarov's Lyrics: *Deconstruction* or *Reconstruction*?

Olesia R. Temirshina

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation
✉o.r.temirshina@yandex.ru

Abstract. The article examines the poetics of literary postmodernism in the context of defining the specificity of this movement. The empirical material of the study is the lyric poetry of Mikhail Yelizarov. The choice of the research material is motivated by the potential to problematize the status of postmodernism: on the one hand, Yelizarov's work is interpreted by literary scholars and critics within postmodernist frameworks; on the other hand, Yelizarov himself rejects postmodernism as an ontological phenomenon, reducing it to a problem of reception. The paper demonstrates that, when examined typologically, a postmodernist text at the level of poetics manifests a system of philosophical ideas, the central one being the idea of the dissolution of the subject. It is argued that this idea determines the specificity of all artistic components within the field of subjectivity and personality and underpins the main strategies of postmodernist writing. Specifically, the disintegration of the narrator and the protagonist leads to the collapse of narrative structures and the neutralization of evaluative perspective, which in turn results in the apologia of intertextuality and a specific type of irony. At the formal level, Yelizarov's poetic oeuvre employs certain strategies conventionally associated with postmodernism. However, as the study shows, this formal complex is underpinned by an entirely different system of meanings, the foundation of which is an integral subject.

Keywords: postmodernism, author, song lyrics, New Novel, poetics

Funding. The study was carried out at Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky and supported by a grant from the Russian Science Foundation (No. 25-28-03013).

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: submitted January 25, 2026; revised March 18, 2026; accepted May 20, 2026.

For citation: Temirshina, O.R. (2026). The Subject in Mikhail Elizarov's Lyrics: *Deconstruction* or *Reconstruction*? *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 575–587. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-575-587 EDN: ALRCAD

Введение

Поэзия Михаила Елизарова – феномен сложный и малоисследованный. По-видимому, сказывается известная парадоксальность его поэтики, связанная с неуловимостью и подвижностью авторской позиции, что фиксируется уже на лексико-семантическом уровне. Так, в его мастерски выстроенных

и сложно устроенных лирических текстах обнаруживается широкая семантико-эмоциональная амплитуда: тонкая интертекстуальная игра, в процессе которой комбинируются отсылки как к текстам, так и к музыкальным произведениям, сочетается с обсценной лексикой и другими сублитературными элементами (см.: Галустьян, Сергеева, 2024; Кузнецова, 2022).

Это семантическое столкновение никак «не разрешается»: читателю не предлагается однозначное решение «задачи на смысл», в результате чего смысловой фокус текста оказывается подвижным, а у реципиента возникает «эпистемологическая неуверенность».

Неуловимость авторской позиции и некоторые формальные особенности поэтики Елизарова дают исследователям возможность объяснить эту «неопределенность интерпретации» через отнесение творческой стратегии поэта к постмодернистской художественной парадигме (Сизых, 2016). В иных источниках утверждается, что творчество Елизарова «„балансирует“ на грани постмодернистских и реалистических практик» (Юрьев, 2016, с. 137).

В этом смысле крайне любопытной является небольшая дискуссия, произошедшая во время лекции Елизарова, посвященной постмодернизму. Комментируя получение Елизаровым Букеровской премии, И.О. Шайтанов отметил, что данное решение жюри вызвало «громкий скандал», ибо премию дали «постмодернисту, последователю Пелевина и Сорокина, Елизарову»[1]. На что Елизаров ответил, что ни Пелевин, ни Сорокин не являются авторами-постмодернистами, как и он сам. В этой же лекции М. Елизаров, будучи филологом, четко сформулировал идею коммуникативно-рецептивного подхода к постмодернизму:

> Как не существует ни одного автора-постмодерниста, так нет ни одного постмодернистского текста. Есть лишь новейшая (и одновременно безнадежно устаревшая) компилятивная система дешифровки – одна из многих прочих, которая предлагает не извлечение смыслов, а их разрушение, не анализ, а бесплодный дискурс ради дискурса. Перефразируя старый анекдот о чукче: «Постмодернизм – не писатель, постмодернизм – это читатель»[2].

По мысли Елизарова, постмодернистским может быть только *акт рецепции*, базирующийся на определенных правилах «дешифровки текста», но не сам *результат творчества*. Этот смысловой «зазор» между внешней и внутренней идентификациями и определяет целевую зону работы.

Цель данного исследования вовсе не в том, чтобы соотнести поэтическое творчество Елизарова с постмодернистской парадигмой или опровергнуть эту соотнесенность. Само наличие двух противоположных интенций, а также проблематика номера журнала заставляет нас поднять вопрос о *самих критериях* отнесения той или иной поэтической системы к определенному направлению или течению. В этом смысле творчество Елизарова становится

[1] *Елизаров М.* Постмодернизм как культурологическая спекуляция // RuTube. 2024. 24 сентября. URL: https://rutube.ru/video/3aecdb9a7d1fbd2c7c55f6cd6f101eac/ (дата обращения: 25.02.2026).

[2] Там же.

«удобным» объектом для анализа: наличие дискурсивных практик на формальном уровне и отрицание «постмодернистского кода письма» самим поэтом дает возможность не только по-новому посмотреть на литературный постмодернизм, но и понять онтологию направления и формы ее текстуального проявления.

На уровне дискурсивной организации лирические тексты Елизарова демонстрируют «классический» набор приемов, которые принято причислять к стратегиям «постмодернистского письма»: интертекстуальность, ирония, двойное кодирование, игра с авторскими масками и др. Очевидно, что простого перечисления приемов явно недостаточно для идентификации текста как постмодернистского. В самом деле, поэтика списка есть у Гомера, техника фрагмента обнаруживается в творчестве Пушкина и романтиков, а насыщенность интертекстами вкупе с уже упомянутыми приемами – характерный комплекс черт для текстов «высокого модернизма». Таким образом, подобный структурно-формальный подход, ориентированный на выявление специфических для постмодернизма приемов письма, не выполняет «дифференцирующей» функции и задает возможность «исследовательского» произвола[3]. Отсюда закономерно возникает вопрос: «Где искать надежные критерии определения художественного текста как постмодернистского?»

Результаты и обсуждение

Фактор субъекта

Принято считать, что художественные направления – это складывающиеся в ходе литературного процесса общности, за которыми стоит «близость содержательных принципов»[4]. Специфический тип поэтики является «семиотической производной» от системы этих содержательных принципов.

В случае с литературным постмодернизмом в его западном варианте связь между философской теорией и художественной практикой просматривается наиболее явно: постмодернистские художественные тексты часто оказываются «манифестациями» философских идей, а постмодернистская литература вписывается в сложное идейное образование «постмодернизм – деконструктивизм – постструктурализм».

Общей для этой триады стала установка на отрицание любых жестких смыслов. Однако сам акт отрицания не столь прост: за декларативным неприятием любых смысловых целостностей стоит своеобразная *иерархия разрушения*. Иными словами, отдельным философским категориям придается высокая *отрицательная значимость*, и именно они оказываются мишенью

[3] Так, в некоторых случаях категория «постмодернистский текст» чрезвычайно расширяется, включая в себя и «Египетскую марку» О. Мандельштама, и «Случаи» Д. Хармса, и роман К. Вагинова «Труды и дни Свистонова». См. работу М. Липовецкого (2008).

[4] *Кормилов С.И.* Направление, течение, школа // Литературная энциклопедия терминов и понятий / ред. М.Л. Гаспаров, С.И. Кормилов, А.Е. Махов [и др.]. М. : Интелвак, 2001. Стлб. 606. EDN: SBSDJP

постмодернистской деконструкции. Мы полагаем, что в роли такой категории выступает понятие субъекта.

Концепция субъекта, с одной стороны, определяет систему философских идей и критических установок (постструктурализм, деконструктивизм), а с другой – детерминирует систему художественных принципов (собственно постмодернистской литературы). В этом смысле постмодернистские дискурсивные стратегии представляют собой не механический набор приемов, но систему, совокупность элементов которой отражает значимый философский инвариант: категорию субъекта, находящую особые формы воплощения на художественном уровне.

Поэтому отказ от субъектности приводит к ряду типичных постмодернистских сдвигов и деформаций, обнаруживаемых на тех ярусах художественного текста, которые непосредственно связаны с этой категорией. Так, в субъектно-персонажном плане фиксируется отрицание героя, представляющего собой целостную личностную структуру, включенную либо в мир социальной реальности (как в реализме), либо в мифокосмос (как в модернизме). Отказ от целостного героя, в свою очередь, в сюжетно-нарративном плане приводит к хаотизации повествования и разрушению «миметического» сюжета с его логической последовательностью мотивов: если нет «персоналогической» точки зрения, то сюжет либо полностью исчезает (как у Р. Федермана), либо проблематизируется (как у У. Эко). На семантическом уровне отказ от субъекта закономерно ведет к апологии интертекстуальности: смерть субъекта инициирует смерть «своего», атрибутированного слова, текст превращается в поле свободной игры с «чужими смыслами», в тотальное «ужебыло» (Саша Соколов). Столкновение же интертекстуальных осколков, вызванное отрицанием «психологической» точки зрения, порождает специфическую постмодернистскую иронию (пастиш), дезавуирующую любые ценности.

Таким образом, перечисленные выше техники не являются отдельными дискурсивными практиками: рассмотренные совокупно и в контексте постмодернистской картины мира они, будучи функционально связанными друг с другом, представляют собой художественную систему, которая образно-материально воплощает систему философских идей. Если же указанной функциональной связи нет, то приемы будут использоваться порознь, в известной степени случайно, а сам постмодернистский код будет, как полагает Елизаров, определяться только рецептивно, через систему дешифровки.

Постмодернистская поэтика как манифестация разрушения субъекта

Таким образом, подлинная постмодернистская стратегия письма предполагает разрушение структур художественного текста, связанных с воплощением поля субъектности и персональности. В этом смысле разрушение субъекта в рамках постмодернистской поэтики оказывается не просто единичным актом, как, например, в модернизме (ср. диссоциированного субъекта в романе Г. Гессе «Степной волк»), но импульсом, который как будто запускает

каскад процессов, системно связанных с нейтрализацией субъектного центра: разрушается герой, персонаж, повествователь, исчезает нарратив, сюжет, распадается художественное пространство и стилевое единство текста. Эти *сдвиги и деформации*, взятые в совокупности, *определяют постмодернистский текст как онтологический феномен*.

Следует отметить, что «идеальные» постмодернистские тексты – в определенной степени редкость. В этом смысле сама совокупность текстов направления распределяется не столько по принципу списка, сколько по принципу поля: в этом поле есть небольшое ядро, включающее в себя самые репрезентативные тексты, и периферия, где располагаются тексты с меньшим набором значимых признаков, тяготеющие к соседним парадигмам художественности.

К числу ядерных текстов, свидетельствующих о том, что данный структурный тип поэтики является не реконструктом, а реальностью, можно отнести романы Алена Роб-Грийе. У истоков экспериментального метода писателя стоит установка на уничтожение персонажа – субъектного и ценностно-смыслового центра классического романа. Н. Саррот в «Эре подозрений» четко обозначает кризис субъектности, представленный у Роба-Грийе: «И похоже, что не только сам романист перестал верить в своих персонажей, но и читателю также не удается в них поверить. В результате персонаж романа <…> шатается и рушится на наших глазах» (2000, с. 196).

В романах Роб-Грийе герой моделируется вопреки миметическому принципу: он теряет свою самотождественность и исчезает как психологическая целостность. Это разрушение производится через сериализацию персонажа. Роб-Грийе конструирует своего героя так, что читатель затрудняется определить его как целостную – пусть и воображаемую – сущность: перед читателем предстает не герой, но серия почти идентичных героев. В этих зеркальных отражениях персонаж двоится, троится… и в конце концов превращается в вещь – человеческое тело начинает описываться как объект неживой природы.

Установка на распад субъектности закономерно деформирует и технику наррации: нарративный центр, предполагающий фиксированный взгляд, исчезает, соответственно, повествование хаотизируется: «В рамках каждой из серий Роб-Грийе упорно повторяет одно и то же, но с минимальными вариациями, так что постепенно стирается разница между тождественным, равным, различным, отличным и противоположным» (Рыклин, 1996, с. 9).

Сам писатель, как пишет М. Рыклин, «сформулировал основные правила своего метода так: хороший герой – тот, у которого есть двойник; хороший сюжет – максимально двусмысленный» (1996, с. 12). Следует отметить, что распад персонажа понимается отнюдь не как романтическое двойничество (которое все же предполагает наличие «оригинала»), а как подлинная постмодернистская серийность.

Распад субъектности (от героя до нарратора) вызывает и разрушение сюжета. Серийность персонажа приводит к тому, что классические типы сюжета исчезают, а их место занимает принцип простого повтора ситуаций с мини-

мальными вариациями. «В результате мы так и не знаем, сколько рассказчиков в „Проекте революции в Нью-Йорке“, сколько мальчиков, тумб с готическими завитушками и трактиров в романе „В лабиринте“, сколько временных пластов в „Мариенбаде“» (Рыклин, 1996, с. 9).

Исчезновение субъекта ведет не только к исчезновению нарративной точки зрения, но и к нейтрализации ценностной позиции. Авторской модальности в романе нет: чудовищные пытки описываются максимально нейтрально, беспристрастно. Эта «протокольность» не должна пониматься как «минус-прием», применяемый для усиления эмоционального воздействия (как, например, в романах Кафки), она моделирует принципиальное отсутствие «ценностно-эмоциональной» точки зрения, ибо «проект Роб-Грийе лишен гуманистической направленности» (Барт, 1996, с. 202).

Таким образом, все выявленные техники фундируются одной базовой установкой: распад субъектного центра провоцирует распад других текстуальных структур, которые связаны с полем субъектности. По-видимому, этот «сценарий» оказывается семантическим инвариантом для ряда постмодернистских текстов, часто даже безотносительно их жанрово-родовой природы (ср.: десубъективированность, серийность, цитатность, ироническое отстранение, принцип нарушения конструкции текста в творчестве московских концептуалистов).

Субъект в лирике М. Елизарова

Теперь с этой точки зрения можно посмотреть на художественную практику Елизарова, который в своих поэтических текстах активно использует как будто весь набор «постмодернистских приемов». «Сублитературная лексика», смешение жанрово-стилевых регистров, столкновение разных «дискурсов», цитатно-пародийная «масочность», травестийное снижение классических образцов, двуадресность текста, обращенного к массовому и «высоколобому» читателю, бифокальность – все это, казалось бы, дает основание трактовать елизаровского субъекта в посмодернистско-концептуалистском духе[5]. Однако семантическая нагрузка у этих приемов совершенно иная – они, сопрягаясь с функционально-целевой зоной текста, не разрушают субъекта, а, напротив, подчеркивают его *инвариантность* и *целостность*. Обратимся к анализу некоторых из перечисленных приемов и рассмотрим эти стратегии в их структурно-функциональной взаимосвязи.

Поэтические маски

Субъект в лирике Елизарова связан с целым набором речевых масок, которые варьируются от «доброго маньяка Тихона» до «воина Господня» и «Ивана Хлыстоса». Принято считать, что категория маски стала одним из индикаторов

[5] Об этих приемах как «маркерах» постмодернистского текста см.: *Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература : учеб. пособие для студ. филол. фак. вузов. М. : Флинта-наука, 2007. С. 69.

постмодернизма: масочность оказывается принципом, олицетворяющим пустоту (Делёз, 1998, с. 342). Однако постмодернистские маски являются таковыми лишь условно. В силу того, что постструктуралистская философия и постмодернистская художественная практика дезавуируют оригинальность как таковую, этот тип *маски* не предполагает *лица*. Маска, таким образом, будучи знаком без референта, не отсылает к герою, а скорее указывает на его фрагментарность и серийность.

В лирике Елизарова маска выполняет совершенно иную функцию: открыто указывая на субъекта, она прячет и одновременно обнаруживает его. Прячет – потому что субъект словно бы скрывается за маской; обнаруживает – потому что маски в лирике Елизарова – явление парадигматическое. Так, несмотря на свое видимое разнообразие, они являют одну общую существенную черту, объединяющую их в систему: все маски реализуют *идею маргинальности лирического субъекта*.

Герой песни «Матрица», выходящий за пределы иллюзорной реальности; маньяк, разочаровавшийся в любви («Чикатило»); искатель таинственной книги, приближающий конец света («Некрономикон»); пациент психиатрической клиники, обладающий тайным знанием («Воин Господень»); Иван Хлыстос, переживший метанойю («Секта Рабица»), – всех этих «лирических персонажей» объединяет один общий признак: они находятся за пределами «нормы» (воины, сумасшедшие, еретики, носители оккультного знания[6]).

Таким образом, маска в лирике Елизарова, выступая постоянной формой субъектности, становится также и формой смысловой «материализации» героя в конкретных координатах той или иной песни, что вовсе не разрушает субъектность (как в постмодернизме), а, напротив, подчеркивает ее онтологический инвариантный статус.

Сюжетные ситуации

Генетически сюжет и мотив являются смысловыми производными от субъекта (сюжет – акциональная форма реализации субъекта). Соответственно, инвариантность субъекта предполагает инвариантность сюжетных ситуаций, связанных с ним. Мотивная организация лирики Елизарова этот тезис подтверждает. Таким образом, никакого постмодернистского разрушения лирического нарратива здесь нет.

Лиминальность субъекта задает повторяющуюся семантическую ситуацию *столкновения героя* и *мира*. Эта ситуация оказывается сюжетообразующей. Так, в конкретных текстах она может развертываться в разных микросюжетах, один из которых – эсхатологический.

Эсхатологический сюжет обычно трактуется Елизаровым либо как глобальная гибель мира («Некрономикон»), либо как гибель страны (СССР, России), осложненная в некоторых случаях гибелью любви. Общая логика разви-

[6] Любопытно, что «оккультно-магический» пласт в лирике Елизарова органично сопрягается с политико-идеологическими и «бытовыми» смыслами, формируя особый «сниженно-высокий» стиль (см. об этом: Азаренков, 2021; Меркушов, 2014).

тия этого сюжета устойчива: герой, оказываясь носителем тайных знаний (идеалов, норм), сталкивается с чуждой реальностью, вступает в конфликт с темными силами, проигрывает – и мир рушится. В рамках статьи мы не можем дать развернутый анализ этого сюжетного инварианта; отметим только один важный факт: в творчестве Елизарова этот сюжет является одним из осевых, он связывается с центром субъектности, оказывается «встроенным» в семантическую модель мира (так, кажется, именно эта сюжетная конструкция и лежит в основе романа «Пастернак»).

Таким образом, целостность субъекта приводит к тому, что лирический нарратив Елизарова на глубинном уровне является жестко организованным, в отличие от сюжетики постмодернистских текстов.

Интертекстуальность

Выявленная сюжетная целостность как будто прячется за россыпью цитат и реминисценций, которыми это сюжет оснащен. Чужое слово – в его разных формах – как будто оказывается поверхностным уровнем репрезентации субъекта елизаровской лирики. И если брать во внимание только этот цитатный слой – без учета функций, которые он выполняет, – то можно интерпретировать соответствующие тексты в постмодернистском ключе. Между тем отсылки к чужим произведениям в лирике Елизарова, как правило, привязаны к образу лиминального субъекта: они, по-видимому, конструируют «цитатные маски» субъекта, являясь формой его репрезентации.

Действительно, маски героев елизаровских песен конструируются на границах разных культурных кодов: оккультизм, книги Лавкрафта, Толкина, скандинавская мифология, советская идеология и др. Однако, несмотря на гетерогенность этого цитатного поля, все отсылки разыгрывают указанную выше эсхатологическую ситуацию. Фактически сама структура эсхатологического сюжета задает правила отбора цитат, которые могут браться из разных источников.

Все это говорит о том, что функция интертекста у Елизарова принципиально иная, чем аналогичная функция в постмодернистском дискурсе. Цитата в постмодернистской парадигме играет роль «разрушителя», она проблематизирует целостность текста и делает его гетерогенным полем столкновения разных кодов. В лирике Елизарова функция цитаты совершенно иная, конструирующая: цитата встраивается в уже заданную целостность текста, оформляет его субъекта и сюжетную раму. Таким образом, текстуальные структуры (образ маргинального субъекта и мотив его столкновения с миром) оказываются своеобразными смысловыми фильтрами для подбора соответствующих цитат. Фактически здесь осуществляется интенциональная выборка «чужого слова», которая радикальным образом отличается от постмодернистского принципа нон-селекции («сгодится все»). Иными словами, не цитата вводит в текст новые смыслы, разрушая его целостность, но, напротив, текст как будто наполняет смыслом цитату, включая ее в свое смысловое единство.

Авторская модальность и ирония

В постмодернистском ключе можно трактовать и иронию Елизарова. С формальной точки зрения и в контексте рассматриваемого эсхатологического сюжета распада страны эту иронию можно интерпретировать как способ разрушения советских идеологических матриц (типичный топос для русского постмодернизма). Если мы рассмотрим иронию Елизарова в сопряжении с другими стратегиями его поэтики, то такое допущение окажется несостоятельным.

Мы полагаем, что истоки елизаровской иронии также лежат в субъектной плоскости: ирония обнаруживает определенные ценностные установки субъекта, находящегося в конфликте с миром. Следует отметить, что маргинальный субъект лирики Елизарова не борется с миром намеренно – скорее, ему *приходится сталкиваться* с миром, и в момент этого столкновения выясняется, что субъект оказывается носителем определенной системы ценностей, которые миру принципиально чужды. Конфликт, развертываемый в дальнейшем, сопровождается пафосом иронического отстранения и провоцирует фирменный елизаровский сарказм, который можно ошибочно принять за уничтожение всех ценностных кодов, принижение, дезавуирование мифа, идеологических языков и т.д.

Однако логика елизаровского художественного мира подсказывает, что жесткая ирония вовсе не уничтожает «ценностное суждение». Более того, елизаровская ирония парадоксально акцентирует высокое на фоне низкого через столкновение разных ценностных парадигм: идеальной («как должно быть» с точки зрения субъекта) и реальной («как есть» с позиции мира).

Пример такой иронической игры представлен в песне «Советская», где словно бы дана пастиш-комбинация вербальных и музыкальных интертекстов из советского культурного слоя вперемешку с отсылками к голливудскому кинематографу (ср. фрагмент: «Бывает, приходит последний момент / И пятый не в силах помочь элемент. <…>/ Но мы не напрасно за Родину бились, / Никто не сдается, мы все как Брюс Виллис»[7]).

Эта ранняя песня оказывается весьма показательной, ибо здесь сохраняется модальность елизаровского романа «Библиотекарь». Примечательно, что именно этот роман критики посчитали «постмодернистским», связав его с поэтикой Сорокина, который в своих текстах разрушает идеологемы советской эпохи через ироническую деконструкцию советского мифа.

Представляется, что не следует «вчитывать» в тексты Елизарова «сорокинские» смыслы: за одной и той же техникой может стоять разная функциональная нагрузка, радикально меняющая природу иронии. Высказывания Елизарова дают понять, что он вовсе не собирался «деконструировать» советскую мифологию, более того, автор мыслил СССР как некую идеальную небесную целостность, которая – в этом трагедия – не воплотилась в историче-

[7] *Елизаров М.* Советская // Сообщество читателей и слушателей. 2011. 7 сентября. URL: https://ru-elizarov.livejournal.com/212427.html (дата обращения: 25.02.2026).

ском хронотопе (ср. фрагмент из интервью 2007 г.: «Советский опыт – это опыт цельности. Именно это нужно перетаскивать сюда, к нам. Метафизический Советский Союз был фантастически цельной страной. Совершенной страной. Трагедия, что это не воплотилось. <…> Душа у СССР была прекрасна, тело – несовершенно»[8]). В подобном контексте предположение о постмодернистской всеразрушающей иронии Елизарова является сомнительным, как и трактовка романа «Библиотекарь» в рамках сорокинско-пелевинской традиции.

К феномену иронии в принципе невозможен «формально-технический» подход, ибо иронию как определенный *способ оценки* нельзя рассматривать вне категорий субъекта и мира – она является производной от их взаимодействия. И если природу иронии Елизарова интерпретировать в соотнесенности с этими категориями, то выяснится, что по своей сути она окажется типологически близкой романтической иронии, которая формируется на современном материале.

В творчестве романтиков, как и в лирике Елизарова, ирония всегда есть результат смыслового конфликта, заключающегося в столкновении реального и идеального, при этом субъект иронии, понимая принципиальную невоплотимость идеала, тем не менее стремится к нему. Эта бинарность и динамика в качестве основных признаков иронии задается уже в работах Ф. Шлегеля, который утверждает, что ирония «содержит и пробуждает чувство неразрешимого противоречия между безусловным и обусловленным, между невозможностью и необходимостью исчерпывающей полноты высказывания» (1983, с. 287)[9].

Советский миф в таком ценностном контексте оказывается реальностью идеала духа, который трагически не воплотился на уровне «материи» (ср. идею *небесного СССР*). Фактически небесный СССР – это онтологически-социальная разновидность романтической утопии. Сам же субъект оказывается между двумя «онтологическими матрицами», балансирует между реальным и идеальным. Пребывая в пороговом состоянии, «на краю», он видит все словно в двойной перспективе, одновременно утверждая «высокую норму» и отстраняясь от нее – но ни в коем случае ее не разрушая.

Таким образом, и елизаровская ирония, являясь результатом столкновения реального и идеального, оказывается тесно связанной с областью субъектного, что исключает ее постмодернистский генезис.

Заключение

Разрушение субъектной целостности – базовая установка философии постмодерна, которая приводит к специфическим практикам постмодернистского письма: деформации подвергаются все элементы, входящие в поле субъектности

[8] *Елизаров М.* «В чернуху не играю…». Известный писатель отвечает на вопросы «Завтра» // Завтра.ru. 2007. 30 октября. URL: https://zavtra.ru/blogs/2007-10-3171 (дата обращения: 25.02.2026).

[9] Такой тип иронии, типологически близкий к романтической, оказывается востребованным и в модернистской поэтике, которая также балансирует между страшным и смешным. См. об этом содержательную работу А.В. Мытаревой (2024).

и персональности. Так, центральные элементы этого поля – нарратор и герой – разрушаются; следовательно, распадаются сюжетно-нарративные структуры. Исчезновение субъекта как «ценностной» инстанции разрушает оппозицию «своего» и «чужого» слова, что приводит к конструированию текста как бесконечного поля интертекстуальной игры и моделирует специфическую постмодернистскую иронию.

Совокупность этих приемов должна рассматриваться как целостность, элементы которой, объединяясь в систему на основе единых мировоззренческих установок, превращаются в своеобразный повторяющийся кластер, реализующийся в разных текстах. Представляется, что только такие комплексы, взятые в своем формально-содержательном и идеологическом единстве, могут служить критериями идентификации текста как постмодернистского. Отдельно взятые приемы такой идентифицирующей функцией не обладают.

Таким образом, при анализе «направленческой» природы текста необходимо учитывать *системные отношения* между приемами (акцент на отдельных стратегиях приводит к исследовательским ошибкам). В частности, поэтическое творчество Елизарова на формальном уровне содержит отдельные стратегии, которые принято относить к постмодернистским (масочность, ирония, интертекстуальность и др.). Однако за этим комплексом стоит совершенно иная система смыслов, основой которой является целостный субъект.

Список литературы

Азаренков А. «Сакральный движ». Дискурс «метафизического пацанства» в русской песенной лирике // Вопросы литературы. 2021. № 4. С. 95–110.

Барт Р. Школы Роб-Грийе не существует // Роб-Грийе А. Проект революции в Нью-Йорке / пер. с фр. и примеч. М. Рыклина. М. : Ad Marginem, 1996. С. 202–207.

Галустьян Л.С., Сергеева Е.В. Особенности функционирования экспрессивной сниженной лексики в современных художественных текстах // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30. № 1. С. 144–148. https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-144-148 EDN: WQOUAY

Делёз Ж. Платон и симулякр // Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я.Я. Свирского, А.Б. Толстова. М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. С. 329–346.

Кузнецова У.С. Михаил Елизаров: в диалоге с музыкой и литературой // Вестник Череповецкого государственного университета. 2022. № 4(109). С. 44–55. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2022-4-109-5 EDN: PXTRKN

Липовецкий М. Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 848 с.

Меркушов С.Ф. Гностицизм, советский городской фольклор и творчество М.Ю. Елизарова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 339–343. EDN: TDWLOF

Мытарева А.В. Насмешка как особый тип смеха в прозе Леонида Андреева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 726–737. https://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-726-737 EDN: QQKBIV

Рыклин М. Революция на обоях // Роб-Грийе А. Проект революции в Нью-Йорке / пер. с фр. Е. Мурашкинцевой ; сост., вступ. ст. и примеч. М.К. Рыклина. М. : Ad Marginem, 1996. С. 7–26.

Саррот Н. Эра подозрения // Тропизмы. Эра подозрения / пер. с фр. М. : Полинформ, Талбури, 2000. С. 133–291.

Сизых О.В. Репрезентация метафоры «паяцы» в одноименном рассказе М.Ю. Елизарова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитерные и социальные науки. 2016. № 2. С. 127–137. EDN: WKVGTB

Шлегель Ф. Критические фрагменты // Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика : в 2 томах / вступ. ст., сост., пер. с нем. Ю.Н. Попова. М. : Искусство, 1983. Т. 1. С. 280–290.

Юрьев Д.Ю. Творческая личность М. Елизарова: аспекты критической рефлексии и самоидентификации // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 120. С. 137–146. EDN: WHGIIX

Сведения об авторе:

Темиршина Олеся Равильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и культуры, Российский государственный социальный университет, Российская Федерация, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1; ведущий научный сотрудник научной лаборатории «Субъектность в русской лирике второй половины XX – начала XXI в.: аксиология и формы репрезентации», Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Российская Федерация, 150000, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. ORCID: 0000-0003-0127-6044; SPIN-код: 5221-7391. E-mail: o.r.temirshina@yandex.ru

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 588–604
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-588-604
EDN: AQPTTK
УДК 821.512.133-31

Научная статья / Research article

Постум-нарратив как маркер постмодернистской эстетики в современной узбекской литературе

А.Г. Коваленко, Г.Т. Гарипова✉, Э.Ф. Шафранская

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
✉ggaripova 2017@yandex.ru

Аннотация. Показаны проблемы идентификации современной узбекской литературы в оптике «постмодернистской ситуации» (Ж. Лиотар), определившей ряд концептуальных тенденций постсоветского развития национальных литератур в условиях смены художественной парадигмы 1990-х гг. Установлены наиболее очевидные признаки и маркеры, описывающие включенность эстетических констант литературного постмодернизма в произведениях знаковых узбекских писателей неклассической парадигмы художественности. *Цель* – выявить, дефинировать и теоретически обосновать мировоззренческие и эстетические доминанты постум-нарратива, свидетельствующие о функционировании постмодернизма как типа художественного сознания, метода и стиля в литературной системе Узбекистана. Научная новизна работы заключается в системном анализе художественных произведений с опорой на методологию и теорию постмодернизма, в разработке идентификационных критериев соотнесения этнокультурных текстов с мировоззренческими, миромоделирующими и эстетическими принципами последнего. Проанализированы общие константы постмодернистского типа художественного сознания, при этом внимание акцентировано на постум-нарративе как стратегии особой организации постмодернистского художественного текста и маркере реализации модели «мир как текст». Этот тип нарратива определяет поэтику, способы миромоделирования и репрезентации этнокультурной идентичности в ряде произведений современных авторов с выраженной постмодернистской эстетикой. Материалом для исследования послужили роман на узбекском языке «Тўрт томон қибла» («Четыре стороны света») Амана Мухтара и роман на русском языке «Мбобо» транскультурного автора Хамида Исмайлова, связанного с узбекским андеграундом и литературным зарубежьем. Методологический аппарат работы включает интертекстуальный и нарративный анализ, а также рецептивный и герменевтический подходы к интерпретации культурных кодов и шифров. Установлено, что постмодернизм функционирует в современном узбекском литературном процессе не как художественное направление, а как вариативное проявление его принципов и тенденций в отдельных художественных произведениях с выраженной метафикциональной архитектоникой «мир как текст», которая организует стилистический (уровень интертекста и гипертекста) и структурный принципы построения текста (уровень нарратива).

© Коваленко А.Г., Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: постмодернизм, художественное сознание, роман, метафикциональная структура, Аман Мухтар, Хамид Исмайлов

Вклад авторов. Научное руководство, концепция исследования, дополнение и редактирование – А.Г. Коваленко; исследовательская работа по теме, написание основного текста – Г.Т. Гарипова; исследовательская работа по теме, написание итоговых выводов – Э.Ф. Шафранская. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках проекта № 050119-0-000 на базе кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 января 2026 г.; отрецензирована 18 марта 2026 г.; принята к публикации 20 мая 2026 г.

Для цитирования: *Коваленко А.Г., Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф.* Постум-нарратив как маркер постмодернистской эстетики в современной узбекской литературе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 588–604. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-588-604 EDN: AQPTTK

Posthumous Narration as a Marker of Postmodern Aesthetics in Contemporary Uzbek Literature

Alexandr G. Kovalenko, Gulchira T. Garipova✉, Eleonora F. Shafranskaya

RUDN University, Moscow, Russian Federation
✉ggaripova 2017@yandex.ru

Abstract. The article examines the problems of identifying modern Uzbek literature in the context of the "postmodern situation" (J. Lyotard), which has determined a number of conceptual trends in the post-Soviet development of national literatures during the shift of the artistic paradigm in the 1990s. The authors identify the most obvious constants and markers that determined the inclusion of the aesthetic constants of literary postmodernism in the works of the most iconic Uzbek writers of the non-classical artistic paradigm. The purpose of the article is to identify, define, and theoretically substantiate the worldview and aesthetic dominants of postum narrative, which demonstrate the functioning of postmodernism as a type of artistic consciousness, method, and style of the national literary system of Uzbekistan. The scientific novelty of the work lies not only in the systematic analysis of literary works based on the methodology and theory of postmodernism, but also in the development of identification criteria for relating ethno-cultural texts to the worldview, world-modeling, and aesthetic principles of postmodernism. The authors analyze the general constants of the postmodern type of artistic consciousness, but they focus on postum narrative as a strategy for the specific organization of postmodern literary texts and a marker of the "world as a text" model. This type of narrative determines the poetics, methods of world-modeling, and representation of ethno-cultural identity in a number of works by contemporary authors with a pronounced postmodern aesthetic. The research material comprises the Uzbek-language novel To'rt tomon qibla (*Four Directions of the World*) by Aman Mukhtar and the Russian-language novel Mbobo by Khamid Ismailov,

a transcultural author associated with the Uzbek underground and literary diaspora. The methodological framework of the study employs intertextual and narrative analysis, alongside receptive and hermeneutic approaches to the interpretation of cultural codes and ciphers. It has been established that in the contemporary Uzbek literary process, postmodernism functions not as a distinct literary movement, but as a variable manifestation of its principles and trends within individual literary works. These works feature a pronounced metafictional architectonics of the "world as text", which structures both the stylistic (intertextual and hypertextual levels) and structural principles of text construction (the narrative level).

Keywords: postmodernism, artistic consciousness, novel, metafictional structure, Aman Mukhtar, Khamid Ismayilov

Author contributions. Supervision, conceptualization, & writing (review & editing) – Alexandr G. Kovalenko; investigation and writing (original draft) – Gulchira T. Garipova; investigation & drafting the final conclusions – Eleonora F. Shafranskaya. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Funding. The research was carried out within the framework of project No. 050119-0-000 on the basis at the Department of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology of the RUDN University.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted January 25, 2026; revised March 18, 2026; accepted May 20, 2026.

For citation: Kovalenko, A.G., Garipova, G.T., & Shafranskaya, E.F. (2026). Posthumous Narration as a Marker of Postmodern Aesthetics in Contemporary Uzbek Literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 588–604. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-588-604 EDN: AQPTTK

Введение

С рубежа 1980–1990-х гг. XX в., когда социокультурная ситуация «распада СССР» определила основные черты непосредственно той парадигмы художественности, которую в критике обозначили как «нулевое десятилетие» (первое десятилетие XXI в.), знаковость литературного процесса для большинства этнокультурных художественных систем бывшей советской многонациональной литературы характеризуется двойным функциональным состоянием. С одной стороны, это этап подведения итогов художественно-мировоззренческих и эстетических исканий всего XX в., а с другой – период определения ориентиров и перспектив для дальнейшего развития национальных литератур в XXI в. Важную роль в эстетической ориентации национальных литератур сыграла ситуация постмодерна, предопределившая различные этнокультурные модификации в отдельных литературах распавшейся общности. Если в русской литературе этот период ознаменован зрелой постмодернистской эстетикой, то в ряде национальных литератур, обособившихся в самостоятельную общность, в том числе и узбекской, постмодернизм только зарождался.

В отличие от западноевропейского и русского постмодернизма, который рассматривался как реакция на модернизм, спровоцировавшая смену нарративных стратегий, в узбекской литературе он развивался в условиях одновременного слома советской идеологической парадигмы и интенции к этнокультурной реконструкции традиции. Если исходить из формулы У. Эко, что «ответ

постмодернизма модернизму состоит в признании прошлого: раз его нельзя разрушить, ведь тогда мы доходим до полного молчания, его нужно пересмотреть – иронично, без наивности» (1986, с. 228), то тезис постмодернизма определяется, в первую очередь, именно нарративной сменой творческой оптики. Задачей писателя становится деконструкция реальности и описание «мира как текста». Он, исходя из понимания природы текстовой вселенной искусства, должен вступать в ироничные отношения с этой художественной реальностью (равной по своей значимости объективной действительности), создавая культуру симулякров. В этих условиях характерный для постмодернизма процесс девальвации, декодировки и деканонизации предыдущих литературных традиций в новой узбекской «независимой» литературе был подменен дешифровкой соцреализма и реконструкцией (на уровне принципов ремифологизации) аутентичных этнокультурных традиций прошлого, прежде всего джадидской, в которой уже в начале XX в. были проявлены модернистские элементы.

На рубеже веков узбекские писатели (Х. Достмухаммад, Х. Султан, Р. Рахмат, А. Файх, С. Вафо, И. Султан, Н. Эшонкулов, А. Мухтар и др.) начинают использовать отдельные эстетические приемы постмодернизма, не ломая классический принцип «текст как мир»: частичная деканонизация миметических задач, игра с формой (*текст строится как коллаж, мозаика, где смешиваются жанры, стили и речевые пласты, разрушается строгая линейность сюжета и классического психологизма*), интертекстуальность и гипертекстуальность, нарративная фрагментарность, ироническое переосмысление канонических сюжетов (*как инструмент для критики архаичных традиций, историософем, догм советского прошлого*) и т.д. В их прозе постмодернизм проявляется через ре- и демифологизацию древневосточной мистической сюжетографики, ритуально-обрядовых мифологем, зороастрийских и суфийских мотивов, приводящих к созданию особой, сновидческой архитектоники с акцентом на игре пограничными ситуациями или состояниями человека, мира и культуры. Авторы размывают границы между реальностью и вымыслом, прошлым и настоящим, используя притчеобразную форму повествования, которая часто строится не только на деконструкции мифов и фольклорных сюжетов, но и на трансгрессивности, метафоризирующей внутреннее состояние «смыслоутраты» в ситуации смены миромоделей и парадигм национального бытия. Это разрушает границы и освобождает от канонов. Формы сознательной трансгрессии во «внутреннее бытие» культуры актуализируют постмодернистский принцип построения «культурной архитектоники» и героя *homo faber*. Писатели начинают активно использовать авторские вариации метафикционального инварианта – писатель пишет о писателе, пишущем текст культуры.

Национальная литература по-своему начинает концентрировать культурную память мира, создавая «фонд преемственности» неклассической парадигмы. *Ситуация постмодерна* (Ж. Лиотар) в узбекской модели развития литературы органично сочетает западноевропейскую и русскую постмодернистскую традиции, восточную притчевую стилистику, принципы латиноамериканского «магического реализма» и создает уникальный гибридный стиль

с акцентом не на доминанте формы «культурного текста», а на «семантической вселенной» (Налимов, Дрогалина, 1984, с. 118) – аналоге метатекста культуры, в котором ключевую роль играют смыслы, а мир рассматривается через призму их раскрытия и взаимодействия с интерпретацией. Наиболее целостно постмодернистская эстетика проявила себя в новейшем узбекском романе, демонстрирующем метафикциональную и метакультурную архитектонику.

Актуальность настоящего исследования связана с отсутствием теоретических и историко-литературных работ, систематизирующих маркеры постмодернистской поэтики, которые становятся не только ключевыми характеристиками современной узбекской прозы, но и важными факторами трансформации национального литературного процесса. Несмотря на существующий корпус научных работ, посвященных анализу специфики постмодернистских констант, в узбекском литературоведении нет концептуальной определенности в постулировании статуса постмодернистской эстетики[1].

Основные интерпретации сосредотачиваются преимущественно на проблемах не столько мировоззренческой проявленности постмодернизма, сколько на общих неклассических принципах, затрагивающих формальный уровень поэтики художественного текста без учета того, что постмодернизм, напротив, отдает предпочтение гетерогенности и различию как освободительным силам в переопределении культуры. Основными чертами постмодернистской мысли являются «фрагментация, неопределенность и неприятие всех универсальных, или тотализирующих, дискурсов. <…> Все это указывает на глубокие сдвиги как в культурной парадигме, так и в „структуре мировосприятия“ в конце XX в.»[2].

Важно отметить, что в узбекской критике постмодернизм часто рассматривается не как метод или направление, а скорее как стиль, в рамках которого писатели экспериментируют с неклассическими приемами письма. Это демонстрирует поиск новых форм отражения современности и переосмысления этнокультурных традиций в романных контекстах. В таких постмодернистских текстах усиливается историософское начало, структурированное в системе нарратива постпамяти, дающего возможность через децентрацию исторических смыслов недавнего прошлого деинтерпретировать его логику и понять причины смены национальных моделей бытия, часто травмати-

[1] Попытки рассматривать развитие неклассических романных форм представлены в следующих трудах узбекских литературоведов: Взаимодействие как источник обогащения национальной литературы : коллективная монография / отв. ред. П. Мирза-Ахмедова. Ташкент : Akademiya, 2007. 272 с.; *Мирза-Ахмедова П.М.* Классика и современность в аспекте взаимодействия : монография. Ташкент : Akademiya, 2008. 149 с. EDN: QTRSYZ; *Шарафутдинова М.О., Саидов А.Х., Мирза-Ахмедова П.М.* Художественная и критическая мысль в контексте национальной и мировой традиции : коллективная монография. Ташкент : Фан, 2009. 150 с.; *Шарафутдинова М.О.* Узбекская проза XX века в контексте мировой литературы. Ташкент : Фан, 2008. 160 с.; *Шарафутдинова М.* Стилистическое своеобразие романа О. Мухтара «Тысячеликие» в свете художественной национальной традиции // Филология масалалари. 2009. № 1(21). С. 9–12; *Пардаева З.* Ўзбек романи поэтикаси [Поэтика узбекского романа]. Ташкент : Мерос, 2003. 102 с. и др.

[2] Философия : учебник / под. ред. В.Д. Губина, Т.Ю. Сидориной, В.Т. Филатова. М. : Русское слово, 1996. С. 408.

ческих для этнической самоидентификации. Постмодернистская ирония в узбекских романах этого периода все чаще уступает место более глубокому анализу исторических травм: колониального прошлого, джадидизма, насильственной коллективизации, басмачества, распада СССР. Постмодернистский текст с заданностью на девальвацию идеологических и культурных канонов XX в. становится пространством для работы с коллективной памятью. В целом постмодернизм стал для узбекской литературы способом освободиться от идеологических и эстетических рамок прошлого, найти новый язык для описания сложной современности и занять собственное аутентичное место в мировом литературном процессе. Стоит вспомнить переосмысленный принцип девальвации в западноевропейском постмодернизме начала нового тысячелетия – формулу постмодернизма как утверждение ценностей:

> Still, the postmodern condition is as much a stranger to disenchantment as it is to the blind positivity of delegitimation. Where, after the metanarratives, can legitimacy reside? The operativity criterion is technological; it has no relevance for judging what is true or just[3].

Результаты и обсуждение

Современный узбекский роман подвергся настолько серьезным трансформационным процессам, деканонизировавшим саму структуру романного мышления, что даже диалогический принцип М. Бахтина (1979), согласно которому смысл рождается не в одиночном сознании, а в многоголосице перекличек между смыслами, в полифонии взаимообращенности друг к другу, не может более оставаться универсальным методом анализа архитектоники. Следует отметить, что в национальной модели постмодернистского романа приемы часто сочетаются с элементами традиционного реалистического повествования: психологизмом, социальной достоверностью, этической проблематикой. Однако доминантные принципы метаповествования и размывания границ между реальностью и текстом, когда персонаж начинает выпадать из реальности и осознавать себя участником и творцом культурного текста (текстового мира, подменяющего изображаемую действительность), формируют картину мира как условную, структурированную из культурных фрагментов «семантическую вселенную», а язык функционирует в ней как способ интертекстуальной игры. Появляются тексты с такой повествовательной композицией, как постум-нарратив, когда с целью реализации принципа «изъятия из произведения личности автора» повествование организуется от лица «умершего» героя, существующего не *по сю*, а *по ту* сторону реальности. Они, как правило, являются нарративными *alter ego* автора (иногда биографическими гетеронимами), а форма от первого лица закрепляет за такими персонажами позицию нарратора-повествователя, что позволяет акцентировать

[3] Postmodernism and the contemporary novel: a reader / ed. B. Nicol. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2022. P. 73. «И все же постмодернистским условиям так же чуждо разочарование, как и слепая позитивность делигитимации. Где, после метанарративов, может находиться легитимность? Критерий оперативности является технологическим; он не имеет отношения к оценке того, что является истинным или справедливым» – пер. *А.К., Г.Г., Э.Ш.*

константы постмодернистского тезиса о «смерти автора». Герой перестает действовать не только по законам действительности, но и по классической логике текста, он освобождается от воли автора, и его сознание в пределах текстового сознания моделирует свой автономный мир, который и пытается записать автор – *homo scribens*. По мнению М. Бахтина, «то, что выполняет автор, выполняет теперь герой, освещая себя сам со всех возможных точек зрения; автор же освещает уже не действительность героя, а его самосознание, как действительность второго порядка. <…> Всепоглощающему сознанию героя автор может противопоставить лишь один объективный мир – мир других равноправных с ним сознаний» (1979, с. 57–58).

Постум-нарратив представляет особый тип повествования, в котором рассказ о событиях ведется не просто из «постмира», а из точки, находящейся после финала истории, после катастрофы, завершения эпохи или даже после конца текста. Постум-нарратор уже знает эсхатологический итог, но его речь пронизана ощущением утраты, иронии или отстраненности не столько в оптике оценки, сколько в описании, инверсивной фиксации изнутри «тех» событий, которые воспринимаются одновременно как воспоминание и как настоящее. В.Б. Зусева-Озкан отмечает, что «ведение речи от лица мертвого рассказчика оказывается в современной прозе явлением фундаментальным, кардинально влияющим на все остальные уровни структуры произведения и связанным с принципиальнейшими философскими проблемами модерности. С другой стороны, это повествование укоренено в очень архаических представлениях, которые в современной прозе получают особый поворот, обусловленный онтологическим пессимизмом, характерным для постмодернистской литературы, в чьих рамках постум-нарратив стал наиболее распространен» (2022, с. 36).

В современной узбекской литературе постум-нарратив стал одним из ключевых маркеров постмодернистской эстетики, поскольку он идеально отражает разрыв с линейным историческим временем и позволяет работать с теми или иными травматическими событиями различного генеза, прежде всего с историческими и культурными.

Нарративы культурного постмира в трилогии Амана Мухтара «Четыре стороны света» («Тўрт томон қибла»)[4]

Следует отметить, что в современном узбекском романе динамика внешних и внутренних факторов художественно-эстетического миромоделирования проявляется в контаминации традиционно-национальных и модернистских элементов, зачастую выполняющих функцию фоновой традиции. Например, в трилогии Амана Мухтара «Четыре стороны света» в интертек-

[4] Данный перевод филологически и культурно обоснован. В исламской традиции «кибла» представляет собой нечто большее, чем просто географическую точку отсчета; она обозначает священную ориентацию по отношению к Каабе в Мекке – абсолютной духовной оси Вселенной для верующего. Для узбекского автора, глубоко укоренившегося в исламской культуре, где суфийские концепции поиска божественного имеют первостепенное значение, этот образ подразумевает, что персонажи пытаются одновременно найти новый духовный центр («киблу») во всех направлениях.

стуальном поле активно проявлены практически все основные элементы модернистской парадигмы художественности – неомифологизация, экзистенциализация, антимиметические установки «мироподобной» жанровой структуры. Писатель создает метароман, в котором сюжетная основа повествования размывается внесюжетными элементами (многочисленными мифотекстами, такими как притчи, легенды, сказы и т.д., литературными цитатами) в едином текстовом романном потоке без разграничения реальности и мифопространства по фрактальному принципу. Так, персонажи из настоящего вдруг начинают проживать свою жизнь в мифическом городе, описанном в системе «текст в тексте» в последующих главах.

Теоретик постмодернизма Ихаб Хассан, выстраивая парадигматическую оппозицию сюжетной реальности и смыслового семантического поля, выделяет следующие способы размывания границ между ними: неопределенность, фрагментарность, деканонизацию, безличность (поверхностность), непредставимое (непредставляемое), иронию, гибридизацию, карнавализацию, перформанс, конструктивизм, имманентность (Hassan, 1987). Практически все они используются в трилогии, что позволяет определить постмодернистский статус.

Большая часть персонажей является метагероями, содержащими в себе определенные философские идеи, архетипическую образность, ценностные координаты, открывающиеся в процессе интерпретации. Притчевая стилизация текста порождает метафизический пласт лиминальных образов (автобус без шофера, зеркала, кладбище, иномиры, книги, дороги, распавшийся на три Я-персонаж и т.д.), конструирующих эсхатологическую модель мира на грани между смертью и жизнью. Символика, высвечивающая условность, фантастичность, мистическую содержательность постмира, существует, однако, в тесном переплетении с реальностью (реальные люди, события, детали).

Аман Мухтар показывает некий выход за границы обыденно-реального, постигаемого в призме индивидуального смыслового пространства героя Абдуллы Хакима, оказавшегося после гибели по ту сторону жизни и смерти. Писатель помещает героя в постреальность, создавая персонаж-сознание (постум-нарратор), обитающего на границе постреальности и действительности. Изначально заданная мистификация движения героя в автобусе без водителя предопределяет все его дальнейшие блуждания в межреальности. Однако это и есть путь Абдуллы (*мыслимый как путь-тарикат совершенно-мудрого суфия*), наблюдающего реальный мир из небытия и постигающего свое «Я» в зеркале воспоминаний о любви и жизни, теперь уже одинаково прошлых. В ракурсе подобного состояния перехода выстраивается «внутреннее бытие», локализующееся в его поэтическом сознании через стихи. Постум-нарратор определяется как *homo faber* «мира как текста», подменяющий его прошлую жизнь «миром как текст». Проживание в нем осуществляется через тексты-высказывания (стихи, притчи, мифы) героя, развернутые как культурная рефлексия травматического опыта жизни всей страны. Исследователи отмечают, что «как тип ментальности постмодернизм – это гиперрефлексия, возникшая в условиях религиозно-философского вакуума, дискредитации идеологических концептов» (Лапина, 2008, с. 53).

Р. Барт, например, большое внимание уделяет постум-нарративному «акту высказывания» персонажей: «…прежде чем сказать: „я умер“, – голос уже фактом своего существования как бы говорит: „я говорю“. Сопряжение первого лица (*Je*) с предикатом *mort* (мертв) окажется в принципе невозможным: это языковая лакуна перед нами – перформативная конструкция. Невозможная фраза переформирует собственную невозможность. С чисто семантической точки зрения, фраза *je suis mort* утверждает одновременно два противоположных факта (Жизнь и Смерть); это уникальная энантиосемия: означающее выражает означаемое (Смерть), которое находится в противоречии с фактом высказывания. Перед нами доведенный до пароксизма момент трансгрессии, нарушения границы. Фраза „я умер“ – это вовсе не „невероятное сообщение“ (*l'énoncé incroyable*), но нечто более принципиальное – „невозможный акт высказывания“ (*renonciation impossible*)» (1989, с. 453–455).

Истоки постум-нарратива – в античности. В современных произведениях этот тип нарратива может использоваться для исследования тем, характерных для постмодернизма, например, сомнения в метафизической картине мира или переосмысления понятия «автор». В отличие от уже существующих художественных экспериментов с такой постмодернистской техникой, например в новеллах «Призрак» (*El Espectro*, 1921) и «По ту сторону» (*Más allá*, 1925) Орасио Кироги; в рассказах «Портобелло-роуд» (*Portobello Road*, 1956) и «Девушка, которую он оставил позади» (*The Girl I Left Behind Me*, 1957) Мюриэл Спар; в романе «Посмертные мемуары Браза Кубаса» (*Memórias póstumas de Brás Cubas*, 1881) Ж.М. Машаду де Ассиза и др., Аман Мухтар в своей трилогии структурирует метафикциональную архитектонику постум-нарративного письма. Стихи, которые писал герой-нарратор Абдулла Хаким при жизни, бесчисленные вспоминаемые цитаты из мировой культуры, теперь в постреальности являются единственным фиксатором его самосознания и связующей линией между бытием и небытием, прошлым и настоящим. Поток сознания и стихи, определяющие «поток самосознания», образуют модель «безбрежной текстуализации», актуализированную Ж. Дерридой. Сознание героя сливается с текстом, не имеющим границ, а совмещенная реальность (в жизни и в смерти) воспринимается как бесконечный, безграничный текст культуры, содержащий в себе мифы, метафоры, аллюзии, цитаты как элементы «семантической вселенной» прозреваемых смыслов:

> Ему показалось, что он идет по очень темной, длинной дороге. Прошло много времени, прежде чем кончилась дорога и началась бескрайняя долина, которую заливало сияющее солнце. Он почувствовал, что свободно и легко летит, огибая долину. И вдруг сверху увидел <…> что под высохшим деревом, полускрытый ветвями и листьями, лежит чей-то труп <…> очень знакомый <…>
>
> Эй, да это же я, вскричал он, вглядевшись.
>
> Когда умирает человек, то заканчивается и жизнь его тела, а душа, дух остается навечно, – об этом он то ли читал, то ли слыхал…
>
> Когда он был жив, он не думал об этом…[5]

[5] *Мухтор Омон.* Тўрт томон қибла: Уч романдан иборат Шарқ дафтари : трилогия. Ташкент : Шарк, 2000. С. 161. Пер. Г.Т. Гариповой.

В трилогии представлены все наиболее очевидные элементы постум-наррации: макабрическая и мортальная семиотика; меняющиеся точки зрения нарратора; архетипический мотивно-сюжетный комплекс лиминальности (пересечение границ миров, блуждания по фрактальным лабиринтам преисподней, мотив «живого-мертвого» двойника, мотив страшного суда и воскрешения и т.д.); загробные травелоги; беседы мертвых; библейский ономастикон и др. Например, части второго романа трилогии «Тысяча и один облик» («Минг бир қиёфа»), моделирующие апокалиптическую картину разрушения мира (как символа разрушения национальной культуры и личностного сознания героя), называются «Первый круг» («Биринчи давра»), «Второй круг» («Иккинчи давра»), отсылая к образу «круги ада».

Аман Мухтар словно пытается создать некую универсальную модель то ли начала мира, то ли его конца, в которой прочитываются все универсальные мифологические константы бытия: аналог христианской модели катарсического дня Страшного суда и Всемирного потопа; система четырех основных архетипичных космогонических образов мира (небо, дождь, земля, костер) символически соотносится с четырьмя стихиями зороастризма (небо, вода, земля, огонь), с ожиданием прихода Мессии, чтобы восстановить обновленный мир и воскресить мертвых; путь-тарикат духовного возвышения для суфийского совершенномудрого человека.

Писатель, соединяя в одном рецептивном поле мифологемы разного уровня, «вплетает» их в общую картину «эпохи катастроф». Одна из важнейших концепций третьего романа связана с культурной памятью, через которую человек способен возродиться к новой жизни. Герой Мирза Галиб осознает личную связь с преследовавшими его фантомами памяти – ожившими поэтами Байроном, Лютфи и Машрабом. Их воскресение и встреча с Мирзой Галибом в постмире и знаменовали собой момент «воскресения мертвых», который станет концом хаоса и рождением новой гармонии.

В романе центральная поэтологическая тема героя-творца (поэта, писателя, художника), то есть *homo scribens* или *homo faber*, становится оптикой дешифровки прошлого, когда древняя мудрость приносилась в жертву идеологии. Он реконструирует ницшеанский мир без Бога с признаками «дегуманизации искусства» (Х. Ортега-и-Гассет, 1990) в мир с Богом, воскрешаемый через культурную память человечества:

> Сейчас он вспомнил слово «призрак», а затем «арвох-капалак» (буквально «бабочка-дух») (по старому восточному поверью в нее воплощается дух предков). <…> Он долго кружил над долиной, не в силах приблизиться, но и не в силах покинуть ее. Она становилась для него – пространством надежды[6].

Основу постум-наррации Амана Мухтара составляет не столько постмодернистская деконструкция, сколько характерное для модернистской художественности метафорическое мышление. Х. Ортега-и-Гассет подчеркивал,

[6] *Мухтор Омон.* Тўрт томон қибла. С. 31–32.

«что метафора служит не только наименованию, но и мышлению. В этом заключается вторая – более глубокая и существенная функция метафоры в познании... Метафора не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления» (1990, с. 73–74).

Маркеры постмодернистской эстетики в романе Хамида Исмайлова «Мбобо»

Один из знаковых романов-андеграундов Хамида Исмайлова «Мбобо», впервые опубликованный на русском языке в журнале «Дружба народов» (2009), реконструировал в судьбе главного героя не только литературное сознание русского андеграунда второй половины XX в., но и внутреннее сознание узбекского литературного андеграунда, который начинался внутри страны, а заканчивается далеко за ее пределами и длится по сей день.

Вопрос идентификации Хамида Исмайлова как узбекского писателя достаточно неоднозначный и сложный. Он пишет одновременно на нескольких языках, в том числе и на родном узбекском, его соотносят с феноменом «альтернативной литературы Узбекистана», локализованной в системе двух школ – Ферганской и Ташкентской. Большинство их представителей в 1990-е гг. составили основу так называемого литературного андеграунда, оказавшегося в 2000-х уже в эмиграции. Многие из них впоследствии активно функционировали как представители российского литературного процесса, а затем вошли и в мировую литературную систему. Например, Хамид Исмайлов с 30 апреля 2010 г. пребывает в статусе английского писателя-резидента. Художественное сознание Исмайлова предопределено социокультурным размыканием границ языковых и художественно-национальных картин мира, культурные коды которых составляют основу его эстетического шифра с ярко выраженными принципами постмодернизма. В метапрозе Хамида Исмайлова концепт *homo narrans* реализуется через ряд эстетических ипостасей: *homo scribens* (человек пишущий), *homo faber* (человек творящий) и *homo interpres* (человек толкующий). Фокусом метафикционального повествования Исмайлова становится культурный андеграунд. Этот феномен выступает главным «внутренним» текстом метафикции, где метафизическое сознание русского андеграунда XX в. осмысляется как продолжение модели «уединенного сознания» постсимволизма (с акцентом на авангарде) в его конфликте с официальной идеологией.

Герой романа – «странный хакасско-негритянский русский мальчик» Мбобо является идеальным субъектом постмодернизма. Его идентичность не цельна, а составлена из фрагментов. Постум-нарратив идеально соответствует этому состоянию: текст романа представляет собой коллаж из реалий советской Москвы, афроамериканских мифов, хакасского фольклора и русского литературного канона (похож на Пушкина, именован друзьями *Пушкиином*). Хамид Исмайлов, восстанавливая в своем «подпольном» национал-маргинальном человеке утраченное «Я», добавляет новые смыслы, новые ценностно-культурные ориентиры. Образ Мбобо есть воплощение метагероя андеграунда,

отлученного от своих культурных корней, от духовного опыта страны, который в 1920–1930-е и 1960–1980-е гг. ушел в подполье самиздата и тамиздата (ленинградские ЛИТО и МЕТРО, Клуб-81, московские концептуалисты, хиппи, Митьки, Товарищество экспериментального изобразительного искусства), а в 1990-х спустился в реальное московское (питерское) метро, определив его как пространство неофициальной культуры (группы Ленинградского рок-клуба и Московской рок-лаборатории). Примерно такая судьба была и у узбекского андеграунда 1980–1990-х гг. Был создан культурный проект так называемого «Восточного шелкового пути», в рамках которого выходили сборники «Фергана и поэзия», а затем его представители массово эмигрировали из страны, локализовавшись в виртуальном пространстве (сайты «Ферганское сообщество», «Библиотека ферганской школы», «Крымский клуб», «Вавилон» и т.д.). Своеобразный феномен «андеграунда в эмиграции».

В оптике постмодернистских ориентиров на девальвацию и деконструкцию «великих нарративов» прошлого Исмайлов выстраивает стратегию постум-наррации, усиливая ощущение эсхатологичности эпохи, загоняющей свободную культуру в пространство неофициоза. Главный герой романа существует даже не в пограничье, а в метафорическом загробном мире, обозначенном архитектоникой карты московского метро. Мбобо-нарратор в оптике своего повествующего постум-сознания фиксирует реалии «травматического времени», словно структурирующего его абсолютно несчастное детство «чужого среди своих»:

> Когда твоя большей частью непрожитая хакасско-негритосовская жизнь обречена быть проведенной под землей, самым близким твоим другом становятся не черви, высасывающие твои раскосо-лиловые глаза, не корни косматых елей, вытягивающие из тебя темную краску на ночь, и даже не другие мертвецы, каждый из которых гниет в одиночку, а городское метро. И не потому, что, когда тебе исполнилось пять лет, протрезвевшая мать за неимением денег подарила тебе разноцветную схему метро и сказала: «Это твой портрет, мое топырчатое солнышко, Мбобо!», и не потому, что я всегда убегал от страхов и наваждений наземной жизни в царство, где сам становился бледной тенью, не отличимой ни цветом, ни судьбой, и даже не потому, что дни мои кончились в нем, а ночи начались по соседству, нет! Просто – пройдет по земле гуд, расстелется дрожь проходящего неподалеку поезда, и кости невольно начинают биться друг о друга, зубы начинают стучать в такт, и мураши, устроившие здесь свое жилище, начинают бежать врассыпную по той темноте, где когда-то была кожа[7].

Семиотика станций метро, в которых пребывает душа героя, маркирована событиями «личной мифологии», но при этом они соотносимы с эпохальными событиями советской истории. По мнению Н.Б. Ивановой, «явная и главная тематическая тенденция последних лет – векторная направленность в прошлое, к памяти (коллективной или частной), истории. <…> Будущее русской литературы – это наше коллективное прошлое. Память всегда субъективна,

[7] *Исмайлов Х.* Мбобо. Роман. М.; СПб. : Т8 Издательские технологии, 2022. С. 10.

окрашена личным как кровью. <…> История – в отличие от памяти – объективна и личности не принадлежит» (2019, с. 34–36).

Концепция Р. Барта о мифе как «высказывании» позволяет рассматривать наррацию текста-высказывания воспоминаний Мбобо как «личный миф», детерминируемый авторской попыткой выстроить историософскую интерпретацию русского культурного андеграунда не как конкретно исторический феномен XX в., а как некое национальное аутентичное мировосприятие, восходящее в первую очередь к пушкинской традиции. Мбобо – некий симулякр андеграундного пространства антимира-метро, его «личный миф» – некое экзистенциальное культурное «подполье» с ментальными «андеграундными» коннотациями расщепленного сознания личности (индивидуально-смысловое пространство в терминологии постмодернизма). Исмайлов использует своеобразную инверсивность в кодировании нарративного статуса героя, а значит, симулякр андеграунда одновременно мыслится и как знак постмодернизма, поскольку «связь постмодернизма с модернистско-авангардным каноном очевидна» (Мескин, 2014, с. 6). Герой – транснациональный маргинал, транскультурный герой и т.д. Постум-нарратив становится для Исмайлова инструментом для исследования сложной, гибридной идентичности другого Чужого, чье сознание сформировано на стыке культур и травматического опыта.

«Мертвая зона» московского андеграундного хронотопа также обозначена метафорическим образом фотонегатива как симулякра истинной реальности:

> С самого детства я смотрел на свои розовые пятки и выдумывал теории о том, что и негры, должно быть, рождаются светлыми, но солнце мгновенно чернит их, натыкаясь на подкожные клетки, которые поглощают солнечный свет, отражая только темноту. Так проявитель действует на фотобумагу. Ведь и себя изнутри я не чувствовал негром, скорее, хакасом, когда ощущал в своем взгляде еще и мамин взгляд, как бы слитый с моим. И лишь зеркало делало меня тем ненавистным, кого воспринимали окружающие, называвшие Мбобой, обзывающие «Пушкином», окликающие «черным», «шоколадкой» и еще бог весть какими именами[8].

Постум-нарратив по определению ведется из точки «после», строится на «негативе» реальности. Это позволяет автору отказаться от создания единого, героического метанарратива о советском (антисоветском) человеке, заменяя его мозаикой из обрывков памяти, мифов и культурных кодов. Постум-позиция позволяет взглянуть на эти события с дистанции, но эта дистанция не исцеляет, а лишь обнажает зияющую рану:

> Я стал озираться по сторонам. Впереди, прямо напротив трельяжного зеркала, стоял стул, на спинку которого была накинута кожаная куртка, а на самом стуле, опершись о куртку, стояла играная-переигранная гитара. В углу, за гитарой, пряталась белая фарфоровая ваза с портретом какого-то хмурого человека. Перед трельяжем на столике стояло вразнобой несколько баночек, цилиндриков, коробочек. Две

[8] *Исмайлов Х.* Мбобо. С. 238.

> голые лампы на длинных и кривых ножках торчали по двум сторонам стола, и за дальней из ламп на стене висела фотография того самого сердитого и волосатого человека с вазы. Правда, на этой большой фотографии со своей гитарой он казался добрее[9].

В романе создается смысловая оппозиция: документальная телесность фотоснимка Высоцкого противопоставляется отсутствующему, «негативному» образу Мбобо. Эта антитеза служит для фиксации времени жизни ушедшего, который свидетельствует о травматической реальности «других» в эпоху декларируемого «всеобщего счастья». Встроенные в текст песни и образ Высоцкого функционируют как знаки культурного сопротивления, усиливая эффект травматической постпамяти. Это чувство особенно остро переживается теми, кто был вытеснен в андеграунд или в эмиграцию. Их судьбы становятся проекцией «негатива» – странной, гибридной судьбы маленького героя. Его андеграундная постпамять отражает опыт «поколения после», которое усваивает коллективные травмы прошлого (крушение страны) через призму судеб знаковых личностей (Пушкин, Высоцкий), но проживает эту катастрофу как глубоко личную драму. Постум-нарратив романа связан с неким всеобщим «андеграундным сознанием», поддержанным особым резонерством героя и зафиксированным в значении культурного феномена метро.

В романе «Мбобо» выстраивается сложная метафорическая цепочка: *подземный мир – московское метро – культурный андеграунд*. Этот образ функционирует на грани оксюморона, создавая поле парасемантики, выстраивающей референциальную цепочку смысловых ассоциаций, случайных на первый взгляд. Многоплановая семантика московского метро как «вечно движущегося, но остановившегося времени» становится ядром постум-структуры. Герой находится в постоянном движении (его сознание «живо» только в вагонах метро), но это движение лишено векторности и цели. Оно замыкается в кольцо, символизируя исторический тупик и невозможность вырваться из травматического прошлого. Время здесь не течет из прошлого в будущее, а существует одновременно, как посмертное воспоминание. Историософским ядром этого хронотопа становится семантика «удушья», порождаемого диссонансом между идеологическим мифом о счастье и подлинной жизнью. Постум-нарратив выступает не просто как стилистический прием, а как фундаментальный способ организации художественного мира, который напрямую деконструирует модернистскую веру в линейный прогресс и историческую целесообразность.

В ответ на теорию Ж. Бодрийара и других сторонников постмодернистского состояния прогресса через отрицание К. Норрис в своей критике постмодернизма доказывает, что их позиция является одновременно политически неэффективной и философски запутанной; что она основана на совершенно необоснованном скептицизме в отношении утверждений просвещенной

[9] *Исмайлов Х.* Мбобо. С. 35.

критики; что существуют более убедительные альтернативные теории истины, языка, идеологии и репрезентации и что постмодернизм лучше всего понимать как симптом глубокого культурного неблагополучия (Norris, 1992).

Заключение

Тексты постмодернистских романов напоминают палимпсест – рукопись, где под новым текстом проступают старые. Постум-рассказчик пишет поверх уже написанной истории, и сквозь новые строки видны старые слои смыслов. Это напрямую связано с интертекстуальностью. Например, романы Амана Мухтара и Хамида Исмайлова насыщены цитатами из фольклора, русской, узбекской, мировой классики и советских лозунгов. В отличие от классического повествования, где читатель вместе с героем движется из прошлого в будущее, постум-нарратив сразу помещает нас в ситуацию «после». Точка зрения постум-нарратора всегда опосредована знанием о крушении надежд или утопий. Сюжетная основа держится на фрагментах, воспоминаниях, обрывках, которые герой пытается собрать воедино, но целостность уже недостижима. Постум-нарратив позволяет в безоценочной оптике, в инверсивной ситуации постисторического настоящего говорить о событиях, которые невозможно описать линейно: о распаде СССР, крахе социальных проектов, утрате идентичности. Травма разрушает непрерывность времени, и постум-нарратив становится ее художественным эквивалентом. Фиксируясь в точке зрения «ненадежного рассказчика», повествователь сам является частью разрушенного мира, его память фрагментарна, а суждения субъективны. Акцент на метафикциональной архитектонике позволяет тексту осознать себя как текст, написанный «после» событий, что подчеркивает его сконструированность.

Трилогия «Четыре стороны света» оказывается важным примером взаимодействия глобальной постмодернистской практики с локальной этнокультурой и опытом, предлагая читателю уникальный художественный эксперимент, обогащающий понимание узбекской литературы рубежа веков. Образ сознания постум-нарратора представляется как метафора исторического опыта. Использование техники постум-нарратива позволяет Аману Мухтару создать сложный и многогранный портрет общества, находящегося в переходном периоде. Путешествие героя через различные временные и пространственные уровни подчеркивает идею разрыва связей с историей и одновременно необходимость восстановления связи с универсумом мифологической культуры человечества.

В отличие от этой позиции всеобщности «культурной памяти», в романе Хамида Исмайлова «Мбобо» постум-нарратор выступает как носитель конкретного русского этнокультурного сознания, прежде всего его андеграундного вектора. Постум-нарратив реализует важнейшую эпистемологическую задачу постмодернизма – деконструирует исторический «великий нарратив» советской идеи единой культуры для всей семьи народов. Постмодернизм объявляет «войну» подобным большим историям. Транскультурный писатель

Хамид Исмайлов, пишущий на стыке эпох, государств, языков, использует постум-нарратив, чтобы показать экзистенциальную трагедию многих людей, оказавшихся заложниками этой утопии. Рассказ ведется из точки, где утопия рухнула, а ее обломки стали материалом для ироничной игры смыслами нового постмира. В романе рождается мощная метафора: московское метро как модель загробного мира и прибежище культурного андеграунда. Но автор не создает и пафосного гимна андеграунду, а показывает его трагикомичность и обреченность с точки зрения вечности (постума). Ирония становится единственным адекватным способом говорить о великом, но травматичном прошлом, лишая его сакральности.

Постум-нарратив в романе позволяет автору разрушить иллюзию линейной истории и единого смысла, спроектировать модель гибридной, травмированной идентичности героя на стыке культур, играть оксюморонными образами и тотальной иронией для переосмысления исторического опыта. Таким образом, Исмайлов демонстрирует, что говорить о травматическом прошлом можно только из точки его отсутствия, превращая руины истории в материал для сложной интеллектуальной и художественной игры. Так, через культурный дискурс «по ту сторону» дешифруются искусственные истории, которые узбекские писатели осмысляют как разрушение этнокультурных границ их аутентичного мира. Постум-нарратив в современной узбекской литературе – это не просто стилистический прием. Это фундаментальный способ осмысления истории и культуры в эпоху после идеологии. Он позволяет авторам говорить о сложном прошлом не напрямую, а через призму иронии, фрагментарности и культурной памяти, что и составляет ядро постмодернистской эстетики.

Список литературы

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. и ред. Г.К. Косикова. М. : Прогресс, 1989. 616 с.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М. : Сов. Россия, 1979. 318 с.

Зусева-Озкан В.Б. Повествование от лица мертвеца в современной прозе // Новый филологический вестник. 2022. № 2(61). С. 27–38. https://doi.org/10.54770/20729316-2022-2-27 EDN: MDRGHQ

Иванова Н.Б. Литературный парк с фигурами и беседкой : избирательный взгляд на русскую прозу XXI века. М. : Ruthenia, 2019. 480 с.

Лапина Е.В. Базовые понятия постмодернистской эстетики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 1. С. 56–63. EDN: KVUXKF

Мескин В.А. Реализм – постмодернизм в российской литературе вчера и сегодня // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2014. № 4. С. 5–10. EDN: TCRWBN

Налимов В.В., Дрогалина Ж.А. Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической вселенной // Психологический журнал. 1984. Т. 5. № 6. С. 111–122.

Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры / пер. с исп. Н.Д. Арутюновой. М. : Прогресс, 1990. С. 68–81.

Эко У. Из заметок к роману «Имя Розы» // Называть вещи своими именами / пер. с итал. А. Гришанова, М. Семерникова и В. Уварова ; ред. Л.Г. Андреев. М. : Прогресс, 1986. С. 224–229.

Hassan I. The postmodern Turn: Essays in Postmodern Theory and Culture. Columbus : Ohio State University Press, 1987. 267 p.

Norris C. Uncritical Theory: Postmodernism, Intellectuals, and the Gulf War. London : Lawrence & Wishart, 1992. 218 p.

Сведения об авторах:

Коваленко Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-6747-285X; SPIN-код: 4970-3875. E-mail: ak-taurus@mail.ru

Гарипова Гульчира Талгатовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-7675-2570; SPIN-код: 1926-8676. E-mail: ggaripova 2017@yandex.ru

Шафранская Элеонора Федоровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и лингвокультурологии, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-4462-5710; SPIN-код: 5340-6268. E-mail: shafranskaya-ef@rudn.ru

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 605–615
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-605-615
EDN: AUTGKQ
УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

«Аз есмь»: утверждение бытия личности в художественном мире С.Н. Дурылина

Е.А. Щепалина

Самарская духовная семинария, Самара, Российская Федерация
Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
✉katerina-shhepalina@yandex.ru

Аннотация. Выявляются мировоззренческие особенности литературного творчества С.Н. Дурылина (1886–1954) – писателя, священника, богослова, педагога и театроведа. *Цель* – описать процесс утверждения человеческого бытия в художественном мире писателя. Для этого решаются следующие задачи: рассматривается библейская традиция выражения имени Божия в Ветхом и Новом Завете; анализируется связь дурылинского «аз есмь» со Священным Писанием; раскрывается «пасхальный потенциал» художественного текста С.Н. Дурылина на материале рассказа «На чужой могиле». Несмотря на мировоззренческие кризисы XX в., творческое наследие писателя хранит «пасхальный опыт», запечатленный в его душе еще с детства. Сделаны выводы о том, что бытие личности и обретение внутренней целостности в произведениях С.Н. Дурылина напрямую сопряжены с евангельскими откровениями, обнажающими божественную сущность. Установлено, что «онтологическое беспокойство» преодолевается человеком в художественном мире С.Н. Дурылина посредством обретения веры в процессе духовно-нравственного усилия, основанного на памятовании. Формула «Я помню, следовательно, я существую...» выступает как непреложный закон бытия. В результате становится очевидным, что воспоминание для С.Н. Дурылина «пасхально», соединено с вечностью, «животворящей памятью» и способно гармонизировать «человеческое рассеяние».

Ключевые слова: память, памятование, бытие личности, имя Божие, аз есмь-изречения, пасхальный опыт, русская литература XX в., мировоззрение

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (грант № 25-28-02326) в Российском университете дружбы народов.

© Щепалина Е.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 января 2026 г.; отрецензирована 18 марта 2026 г.; принята к публикации 20 мая 2026 г.

Для цитирования: *Щепалина Е.А.* «Аз есмь»: утверждение бытия личности в художественном мире С.Н. Дурылина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 605–615. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-605-615 EDN: AUTGKQ

“I Am”: The Affirmation of Personality in S.N. Durylin’s Artistic World

Ekaterina A. Shchepalina

Samara Theological Seminary, Samara, Russian Federation
RUDN University, Moscow, Russian Federation
✉katerina-shhepalina@yandex.ru

Abstract. The article reveals the worldview features in the literary oeuvre of S.N. Durylin (1886–1954), who was a writer, priest, theologian, teacher and theater scholar. The purpose of the work is to describe the process of affirming personal existence in the writer’s artistic world. To this end, the following tasks are addressed: the biblical tradition of expressing the name of God in the Old and New Testaments is analyzed; the connection between Durylin’s “I am” and Holy Scripture is described; and the “paschal potential” of S.N. Durylin’s literary texts is revealed based on the story *On Someone Else’s Grave*. Despite the value crises of the 20th century, the writer’s warm literary preserve the “paschal experience” imprinted in his soul since childhood. The study concludes that Gospel revelations, which disclose the divine essence, are directly related to the existence of the individual and the attainment of inner integrity. It is established that in S.N. Durylin’s artistic world “ontological anxiety” is overcome by the individual through the acquisition of faith and spiritual and moral effort based on remembrance: “I remember, therefore I exist...” – which serves as an immutable law of being. As a result, it is demonstrated that remembrance for S.N. Durylin has a “paschal” nature, is linked to eternity and “life-giving memory”, and is capable of harmonizing “human fragmentation”.

Key words: memory, remembrance, personal existence, the name of God, I am statements, paschal experience, 20th-century Russian literature, worldview

Funding. The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 25-28-02326) conducted at RUDN University.

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: submitted January 25, 2026; revised March 18, 2026; accepted May 20, 2026.

For citation: Shchepalina, E.A. (2026). “I Am”: The Affirmation of Personality in S.N. Durylin’s Artistic World. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 605–615. (In Russ.) http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-605-615 EDN: AUTGKQ

Введение

XX в. ознаменовался сломом ценностных ориентиров, поиском уникальных художественных решений в области искусства в целом и литературы в частности. Отсюда интерес к новым религиозным формам или к интерпретации старых: увлечение Ветхим Заветом и Кораном (И.А. Бунин), переосмысление новозаветных сюжетов (Л.Н. Андреев, А.А. Ахматова, М.А. Булгаков и др.), обращение к буддизму (И.А. Бунин, К.Д. Бальмонт, М.А. Волошин, В.В. Хлебников), внимание к темной, инфернальной стороне бытия (Ф.К. Сологуб, М.А. Булгаков) и т.д.

Однако, несмотря на распад привычного политического, экономического, социально-культурного уклада, в русской литературе оставался живой интерес к христианской традиции. В связи с этим А.М. Любомудров вслед за А.П. Черниковым и М.М. Дунаевым использует термин «духовный реализм» (Алексеев, 2007, с. 223), задача которого – «воспроизвести не только социально-психологическую, эмоционально-душевную сферу, но именно духовную жизнь личности», отразить «реальность присутствия Бога в мире» (Любомудров, 2001, с. 123–124). Называя духовных реалистов XX в., Любомудров обращает внимание на творчество И.С. Шмелева, Б.К. Зайцева эмигрантского периода, В.А. Никифорова-Волгина и А.К. Герцык в период создания последних стихотворений (Алексеев, 2007, с. 223).

Творчество С.Н. Дурылина по ценностному содержанию близко к «духовному реализму». Писатель концентрирует внимание «на вертикальной плоскости бытия, несводимой к миру видимого» (Коршунова, 2021, с. 129). Утверждение человеческого бытия в распадающемся, фрагментированном мире XX в. возможно для Дурылина через памятование о Боге. Рациональная декартовская формула «Я мыслю, следовательно, я существую» (*cogito ergo sum*) в художественном мире писателя трансформируется в сердечное и теплое слово: «Я помню, следовательно, я существую – вот истинный закон человеческого бытия...»[1].

«Памятование» – «неоспоримое свидетельство бессмертия души», «великий и радостный акт», благодаря которому преодолевается «человеческое рассеяние»[2]. Важно, что в Священном Писании память рассматривается как «одно из свойств Вседержителя и как одно из качеств мира, дарованных ему Господом»[3]: «Памятными соделал Он чудеса Свои… вечно помнит завет Свой» (Пс. 110:4–5)[4]. Утверждение бытия через человеческое воспоминание ведет к возвышению до «Животворящей Памяти Божией» (Карпенко, 2018, с. 6).

---

[1] *Дурылин С.Н.* Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 1. М. : Журнал «Москва», 2014. С. 14.

[2] Там же. С. 15.

[3] *Карпенко Г.Ю.* Творчество И.А. Бунина и религиозное сознание рубежа веков : учеб. пособие к спецкурсу «Литература и религиозное сознание» для студентов дневного и заочного отделений специализации «Русский язык и литература». Самара : Универс-групп, 2005. С. 52. EDN: QRVMFX

[4] Синодальный перевод дается по изданию: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Изд-во Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2022. 1376 с.

«Аз есмь»: божественное и человеческое

«Аз есмь», по мысли С.Н. Дурылина, реализуется в непрерывности и целостности бытия:

> И, однако же, взрослый, пожилой, старый человек помнит себя младенцем, ребенком, отроком, юношей. Памятью запечатлевает человек непрерывное единство своей личности; памятью объединяет человек все моменты своего существования ребенком и юношей в едином «я есмь» своего бытия...[5]

Более того, «аз есмь» Дурылина напрямую связано с библейской традицией выражения имени Божия в Ветхом и Новом Завете. Таким способом выстраивается целостность личности: от откровения имени Божьего Моисею в неопалимой купине, горящей, но не сгорающей, до воплощенного Слова. По мысли архимандрита Иоанна Ивлиева, перевод не всегда точно отражает священный текст: еврейское *Эхье Ашер Эхье*, или коротко *Яхве*, в греческом переводе – Ἐγώ εἰμι ὁ ὤν, в церковнославянском тексте – *Аз есмь Сый* (Исх. 3:14), в синодальном русском переводе – *Я есмь Сущий»* (Исх. 3:14)[6]. Речь в данном отрывке идет о свободном волеизъявлении Творца быть со Своим творением: «Я буду с вами, но такой, какой Я́ буду с вами»[7]. Это не языческий Бог, а свободный Единый Бог – Помощник и Покровитель богоизбранного народа: *«*...се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему: Эммануил» (Исх. 7:14). «Эммануил» в переводе с еврейского – «с нами Бог»: Ветхий Завет пронизан этой мыслью.

В Новом Завете реальность этого присутствия станет еще ощутимее. «Аз есмь»-изречения связаны в первую очередь с Христом и ярче всего проступают в Евангелии от Иоанна. Такие символические свидетельства встречаются семикратно: в метафорической форме Воплощенное Слово говорит о Себе:

1. Аз есмь хлеб животный (Ин. 6:35)[8].
2. Аз есмь свет миру (Ин. 8:12).
3. Аз есмь дверь (Ин. 10:9).
4. Аз есмь пастырь добрый (Ин. 10:11).
5. Аз есмь воскресение и живот (Ин. 11:25).
6. Аз есмь путь и истина и живот» (Ин. 14:6).
7. Аз есмь лоза истинная» (Ин. 15:1).

---

[5] *Дурылин С.Н.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 14.

[6] *Иоанн (Ивлиев), архим.* Лекция № 5 из цикла о Новом Завете: Евангелие от Иоанна, его особенные свойства / под ред. Л. Голубковой и О. Суровегиной. 2018. 8 июля. URL: http://iannuary.ru/lekcija-5-iz-cikla-o-novom-zavete-evangelie-ot-ioanna-ego-osobennye-svojstva/ (дата обращения: 15.02.2026).

[7] Там же.

[8] Церковнославянский текст Нового Завета с использованием русского гражданского шрифта приводится в соответствии с изданием: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа на церковнославянском и русском языках. М. : Изд-во Сретенского монастыря. 1172 с.

В образовании конструкции «аз есмь» («я есть») участвуют личное местоимение «аз», глагол «быти» в форме 1-го лица ед. числа – «есмь». От особого архаического спряжения глагола «быти» в русском сохранились лишь остатки – формы «есть» и «суть»[9]. Кроме того, при переводе на русский глагольная связка может и вовсе опускаться, тогда как в церковнославянском тексте таким способом подчеркивалось «сущностное», обреталась определенная онтологическая глубина.

Сравним несколько переводов на русский стиха из Евангелия от Иоанна (Ин. 6:35), текст которого принципиально важен для понимания творчества С.Н. Дурылина: греческий вариант – Ἐγώ εἰμι ὁ ἄρτος[10]; синодальный перевод – *Я есмь хлеб жизни* (сохраняется архаическая глагольная форма); перевод епископа Кассиана Безобразова – *Я – хлеб жизни* (глагольная связка опускается)[11]; перевод профессора А.С. Десницкого – *Хлеб жизни – это Я* (за основу взят критический текст (Nestle-Aland 28), в данном переводе в роли подлежащего выступает «хлеб», а личное местоимение «я» становится частью составного именного сказуемого)[12]. Итак, хлеб здесь – это символ Евхаристии и самого Христа. Спасение невозможно без участия в Божественном пире: «Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие» (Ин. 6:55). Такой хлеб, который «дает жизни» и «содержит в себе жизнь», нужен, чтобы «утолить духовный голод» (Ивлиев, 2021, с. 79, 81).

Для С.Н. Дурылина приобщение к «хлебу животному» сакрально, неразрывно связано с детскими воспоминаниями, пронизанными теплом и трепетом «родного», «народного». В рассказе С.Н. Дурылина «Сладость ангелов» вкушение «ангельского хлеба» неграмотной «людской» Ариной, ее «памятование о Боге» воспитывает в маленьком Сереже глубокую веру:

> …под Великий четверг, как начать Арине пасхи и куличи готовить, она на погребе, одна на ранней заре ключевой водой окатилась и долго поклоны клала. Все эти дни святую воду пила. А в Великую субботу она пришла от ранней обедни, в новом платье, тихая, счастливая, увидал я ее и по лицу узнал, что она ангельский хлеб ела: «сладость ангелов» на лице ее была…[13]

Отнюдь не случайно видное место в книге воспоминаний писателя «В родном углу» занимает глава «О хлебе насущном»: речь идет не только о съестном изобилии старой Москвы, где «хлеб насущный – на „днесь“,

[9] *Миронова Т.Л.* Церковнославянский язык : учебник. М. : Московская Патриархия Русской Православной Церкви, 2018. С. 135.

[10] Nestle-Aland. Novum Testamentum Graece. 27th ed. Peabody, MA : Hendrickson Publishers, 2006. P. 313.

[11] Евангелие от Иоанна (перевод под ред. еп. Кассиана Безобразова) // Издание портала «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Kassian_Bezobrazov/novyj-zavet-perevod-pod-red-ep-kassiana-bezobrazova/4_6 (дата обращения: 15.02.2026).

[12] Евангелие от Иоанна / пер. проф. А.С. Десницкого // Издание портала «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/biblia/?Jn.6&ru-d (дата обращения: 15.02.2026).

[13] *Дурылин С.Н.* Три беса : художественная проза, очерки / сост., коммент., статья А.Б. Галкина. М. : Совпадение, 2013. С. 216.

на сегодняшний день, – был у каждого московского жителя»[14], но и о духовном окормлении, где хлебом «благословляли», милосердно не отказывали в «даровом ломте черного хлеба»[15] нищему. Эта мысль прослеживается в романе И.С. Шмелева «Лето Господне»: обед для «разных»[16], на котором к столу «хозяина благого» доступ есть у блаженных и убогих, напоминает Евхаристический пир из притчи о званых на вечерю: «…пойди скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых» (Лк.14:21).

«Аз есмь» в тексте Дурылина соотносится с народным опытом. Так, в рассказе «Четвертый волхв» хлеб становится символом соборности: человеческое «аз есмь» укоренено в Боге и в служении русского народа Христу. Четвертый волхв, у которого было «русское имя», должен принести Богомладенцу в дар «со всей земли, от праведных трудов, от хресьянских рук „русский хлеб“»[17]. «Животный хлеб» восполняет духовный голод человека, а собирание праведного хлеба символизирует общее, «цельнокупное» единство для всех русских людей.

Евангельские фразы-откровения, обнажающие божественную сущность, указывают человеку путь спасения и достижения целостности, которая возможна через единение с Богом. С.Н. Дурылин свидетельствует, что личность, отступившая от Бога, не обладает истинным присутствием в мире и не может утвердить свое бытие без участия Творца: «Я и болью, и кровью своей не мог бы доказать себе, что я существую»[18].

Обретение веры и собирание личности

Потеря веры также ведет к «раздроблению» личности, но самостоятельно обрести целостность, «некую онтологию» уже невозможно. Об этом упоминает архимандрит Евфросин из рассказа «Сладость ангелов»:

> …я не имел свидетельства о собственном своем бытии – самовар был реальнее меня. Он все-таки пел и шумел, и няня его ставила, и в нем был жар, некая его онтология, а у меня ее не было[19].

Человек, по свидетельству С.Н. Дурылина, не может не стремиться к высшим смыслам: «…путь героя часто лежит в церковь, на колокольню, в монастырь, то есть к Богу» (Непомнящих, 2023, с. 99).

Личность, утратившая веру, находится в непрестанном «онтологическом беспокойстве», как ребенок, потерявший мать. Буквальное воплощение этой мысли раскрывается в пасхальном рассказе С.Н. Дурылина «На чужой могиле»: Андрей Омутов, чувствующий тихую тоску после смерти матери, задается,

[14] *Дурылин С.Н.* В своем углу: из старых тетрадей. М. : Московский рабочий, 1991. С. 75.
[15] Там же. С. 54.
[16] *Шмелев И.С.* Лето Господне. Богомолье. М. : Лепта Книга, 2012. С. 439.
[17] *Дурылин С.Н.* Три беса. С. 259.
[18] Там же. С. 222.
[19] Там же.

казалось бы, детским вопросом: «Где же мама?» (Коршунова, 2021). Однако за этой репликой стоит экзистенциальный кризис героя, его духовная потерянность, сомнения в существовании вечной жизни. Похожий вопрос адресует Творец человеку, совершившему грехопадение: «Адам, где ты?» (Быт. 3:9). В этих словах – скорбь и призыв к покаянию: «С кем ты? Почему так удалился от Меня?»

Примечательно, что писатель в 1914 г. тяжело перенес смерть матери – Анастасии Васильевны, которая сыграла важную роль в становлении веры Сергея Николаевича: увлечение народничеством, идеями первой революции, философией Ф. Ницше, М. Штирнера и др. было побеждено материнской молитвой, поездками в Оптину пустынь, воспоминанием опыта православного детства, прошедшего в купеческой среде и заложившего духовно-нравственные основы в его сознании. Надо отметить, что существующие в семьях христианские обычаи и сегодня обладают воспитательным потенциалом, «способны помочь в формировании личности человека, достойного его изначальному предназначению» (Дворяшина, 2025, с. 9). Так, С.Н. Дурылин испытал и преодолел разные искушения XX в.: шатания в вере, тюремное заключение, «мучительное осознание тщеты всего этого, душевное опустошение» (Изумрудов, 2021, с. 42).

«Какая же вечная память?.. Еще можно сказать: вечная память Ньютону, положим, Канту, Пушкину – это понятно, хоть и это только метафора, но мама, родная мама? – тихая и никому не известная – зачем ей эта вечная память?»[20] – размышляет Омутов, переживающий «внутреннее рассеяние». Удивительно точный ответ на эти вопросы С.Н. Дурылин формулирует в своих воспоминаниях «В родном углу»: самое страшное, что может постигнуть человека – это *казнь забвением*, а молитва Церкви, сотворение *вечной памяти* спасительно. Так, «Животворящая память Божия» побеждает забвение и смерть, однако мысль об этом еще не доступна Омутову в полной мере. Метания героя достигают своего апогея на Лазареву Субботу, когда чудо воскресения близко как никогда. Важно, что С.Н. Дурылин делает акцент на реальности божественного присутствия, на теплоте любви, слезах Христа, оплакивающего своего друга: «Слезы, это самое-самое человеческое, наше, слабое, сердечное, женское, детское, – и это все у Него: у него, которое сейчас скажет мертвецу: «Лазаре, гряди вон!» – и тот пойдет. А пока Он идет «ко гробу» – а по-нашему, на могилку – на святую, только что насыпанную, еще рыхлую, – и плачет! «Прослезися Иисус!» – значит, по-нашему идет, как мы, там, в девятый или сороковой день, не поспев к похоронам, не простившись заживо, идет и плачет по друге своем» (Коршунова, 2021а, с. 308). «Божественное» и «человеческое», «небесное» и «земное» причудливым образом соединяются в тексте писателя, возводя таким образом личность от мира «дольнего», «тленного» к миру «горнему», «преображенному».

[20] *Дурынин С.Н.* Три беса. С. 305.

Показательно, что сюжет о воскрешении Лазаря является духовным центром романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Слова Родиона Раскольникова: «Где тут про Лазаря?»[21] – не только текстологический вопрос для Достоевского (11-я глава Евангелия от Иоанна, написанная «апостолом любви» о Любви, которая сильнее смерти), но и, прежде всего, экзистенциальный: «Где путь к свету Воскресения?». Ответ также есть в Евангелии от Иоанна: «Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ин. 11:25). Очевидно, что «воскресения не бывает не только без смерти, но и без твердой веры в реальную возможность этого чуда» (Есаулов, 1998, с. 358). Этой твердой детской веры так не хватает героям-идеологам: стяжание веры происходит через «соборное» спасение, совместное крестоношение. Раскольников и Соня совместно читают Евангелие, разделяют тяготы греховной жизни и каторги.

В тексте Дурылина очевидны похожие моменты: Омутов выходит из самозамкнутости через соборную молитву в храме, через то самое «памятование», собирающее личность: «Вот, вот, это детское, это было, было!» – сладко припомнилось ему. Торжественная служба с ее ликованием и «игранием Воскресшего Солнца» постепенно проникает в душу Омутова. Вопрос: «Где мама?» – сменяется другим: «Нет, она есть, – поправил он себя с тоской, – зачем же это забывать?» (Коршунова, 2021а, с. 315–316).

Вместе с четвородневным Лазарем Омутов движется к духовному воскресению: евангельские слова – «уже смердит» (Ин. 11:25) – побеждаются пасхальным возгласом: «Пасха нетления, мира спасение»[22] (из ексапостилария Пасхи). Исчезает и мысленное тление: соборная молитва с отцом Александром на могиле его покойной жены в Пасхальную ночь открывает Омутову эту радость Пасхи: «Какое счастье!.. Он слышит это слово. «Христос воскресе!» – не он, а чужая могила говорит ему, а он не шепчет, он только плачет ей в ответ безмолвное, светлое: „Воистину воскресе!“» (Коршунова, 2021а, с. 323).

В тексте рассказа формируется особая «онтологическая концепция, утверждающая бесконечность и отсутствие границы»: временная триада «прошлое – настоящее – будущее» неразрывно связана с вечностью (Коршунова, 2021б, с. 82). Несомненно, С.Н. Дурылин широко видит Божий мир: почившие и ныне живущие – все составляют Тело Христово, живой организм. Разрозненное, забытое вспоминается, воскрешается. Собирание личности, восстановление этого «аз есмь» возможно через памятование о Боге. Таким образом герой в художественном мире писателя выходит из самозамкнутости, получает возможность «уширить себя до всего сущего», обретает «ощущение мира как Дома Божия, где Он хозяин» (Кнорре, 2023, с. 190).

[21] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений : в 30 томах. Т. 6. Л. : Наука, 1973. С. 249.

[22] Служба Святой Пасхи. Светлая Утреня и Божественная Литургия с русским переводом и изъяснением. Киев : Общество им. М.Н. Скабаллановича, 2014. С. 20.

Заключение

Евангельские фразы-откровения, обнажающие божественную сущность, напрямую сопряжены с утверждением бытия личности, обретением внутренней целостности, что ярко отражено в текстах С.Н. Дурылина. «Аз есмь» писателя восходит к библейской традиции репрезентации имени Божьего в Священном Писании. В связи с этим «онтологическое беспокойство», «внутренняя раздробленность», «человеческое рассеяние» преодолеваются, по мысли С.Н. Дурылина, через обретение веры в процессе духовно-нравственного усилия и памятования. В результате исследования становится очевидным, что воспоминание для С.Н. Дурылина «пасхально», соединено с вечностью, «Животворящей памятью».

Победив гордое интеллигентское «я» в себе, Сергей Николаевич выстраивает «пасхальный путь» в своих текстах, где человек призван просветиться «одним из бесчисленных лучей этого Светозарного Солнца Памяти»[23]. Обеспамятеть, по Дурылину, – лишиться в первую очередь не свойства запоминания, а возможности быть включенным в Божественную память. Забывание равнозначно духовной гибели, погружению в небытие: «Я ли перестал быть – или… или я забыл что-то, только забыл живúвшее меня, и могу вспомнить и, если вспомню, буду опять жить»[24]. Вспомнить и помнить «пасхальный опыт», запечатленный в сердце еще с детства, – задача личности, желающей вкусить от полноты бытия.

Список литературы

Алексеев А.А. Истоки духовного реализма в русской классической литературе // Классическая словесность и религиозный дискурс (проблемы аксиологии и поэтики) : сб. науч. ст. / отв. ред. О.В. Зырянов. Екатеринбург : Уральский ун-т, 2007. С. 223–234. EDN: UOAUSR

Дворяшина Н.А. Праздник детства: православное рождество в мемуарах рубежа XIX–XX веков // Литература в школе. 2025. № 5. С. 9–29. https://doi.org/10.31862/0130-3414-2025-5-9-29 EDN: DIJVXF

Есаулов И.А. Пасхальный архетип в поэтике Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 1998. № 5. С. 349–362. EDN: RUYKKX

Иоанн уарий (Ивлиев) архим. Евангелие от Иоанна. Богословско-экзегетический комментарий. М. : Библейско-богословский институт, 2021. 285 с.

Изумрудов Ю.А. Сергей Дурылин и Борис Садовской: неизданная переписка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 3. С. 42–57. https://doi.org/10.31857/S241377150015621-6 EDN: ZZTBQI

Карпенко Г.Ю. «Физика» и метафизика литературных воспоминаний С.Н. Дурылина «В родном углу» // Кризисный двадцатый век: парадоксы революционного кода и судьбы литературы : сб. науч. статей / отв. ред. Л.Г. Тютелова, Е.С. Шевченко. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2018. С. 18–25.

[23] *Дурылин С.Н.* Собрание сочинений. Т. 1. С. 15.

[24] *Дурылин С.Н.* Собрание сочинений : в 3 томах. Т. 2. М. : Журнал «Москва», 2014. С. 223.

Кнорре Е.Ю. «Делили имение во время войны»: традиции Л.Н. Толстого в усадебном тексте XX в. // Два века русской классики. 2023. Т. 5. № 3. С. 164–201. https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-164-201 EDN: ZSNPIN

Коршунова Е.А. Вариации русского модернизма: С.Н. Дурылин : монография. М. ; Берлин : Директ-Медиа, 2021а. 388 с.

Коршунова Е.А. Пасхальный рассказ С.Н. Дурылина «На чужой могиле»: обновление жанра // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021б. № 3. С. 82–86. https://doi.org/10.20339/PhS.3-21.082 EDN: CQFRAL

Любомудров А.М. Духовный реализм как отражение религиозной культуры в художественной литературе // Вестник славянских культур. 2008. № 1–2(9). С. 113–120. EDN: KWDFVN

Непомнящих Н.А. Семиотика цвета в прозе С.Н. Дурылина в свете идей Е.Н. Трубецкого и П.А. Флоренского // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2023. Т. 9. № 4(36). С. 94–105. https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-94-105

References

Alekseev, A.A. (2007). The origins of spiritual realism in Russian classical literature. In O.V. Zyryanov, *Classical Literature and Religious Discourse (Problems of Axiology and Poetics): Collection of Scientific Articles* (pp. 223–234). Ural University Publ. (In Russ.) EDN: UOAUSR

Dvoryashina, N.A. (2025). Childhood holiday: Orthodox Christmas in memoirs of the turn of the 19–20 centuries. *Literature at School,* (5), 9–29. (In Russ.) https://doi.org/10.31862/0130-3414-2025-5-9-29 EDN: DIJVXF

Esaulov, I.A. (1998). Easter archetype in Dostoevsky's poetics. *The Problems of Historical Poetics,* (5), 349–362. (In Russ.) EDN: RUYKKX

Iannuariy Ivliev, Archimandrite. (2021). *The Gospel of John. A Theological and Exegetical Commentary*. Biblical Theological Institute Publ. (In Russ.)

Izumrudov, Yu.A. (2021). Sergei Durylin and Boris Sadovskoy: an unpublished correspondence. *The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language, 80*(3), 42–57. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S241377150015621-6 EDN: ZZTBQI

Karpenko, G.Yu. (2018). "Physics" and metaphysics of literary memoirs by S.N. Durylin "In my native Corner". In L.G. Tyutelova, E.S. Shevchenko (Eds.), *The Twentieth Century in Crisis: Paradoxes of the Revolutionary Code and the Fate of Literature: Collected Research Articles* (pp. 18–25). Samara Humanitarian Academy Publ. (In Russ.)

Knorre, E.Yu. (2023). "They divided the estate during the war": L.N. Tolstoy's traditions in the estate text of the 20th century. *Dva Veka Russkoi Klassiki, 5*(3), 164–201. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-3-164-201 EDN: ZSNPIN

Korshunova, E.A. (2021a). *Variations of Russian Modernism: S.N. Durylin.* Direct Media Publ. (In Russ.)

Korshunova, E.A. (2021b). S.N. Durylin's Easter story "On someone else's grave": genre update. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education,* (3)*,* 82–86. (In Russ.) https://doi.org/10.20339/PhS.3-21.082 EDN: CQFRAL

Lyubomudrov, A.M. (2008). Spiritual realism as a reflection of religious culture in fiction. *Bulletin of Slavic Cultures,* (1–2), 113–120. (In Russ.) EDN: KWDFVN

Nepomnyashchikh, N.A. (2023). Semiotics of color in the prose of S.N. Durylin in light of the ideas of E.N. Trubetskoy and P.A. Florensky. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, 9*(4), 94–105. (In Russ.) https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-94-105

Сведения об авторе:

Щепалина Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой классического и зарубежного языкознания, Самарская духовная семинария, Российская Федерация, 443110, Самара, ул. Радонежская, д. 2; научный сотрудник кафедры русской и зарубежной литературы, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0003-6459-1081; SPIN-код: 1843-6196. E-mail: katerina-shhepalina@yandex.ru

Bio note:

Ekaterina A. Shchepalina, PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department of Classical and Foreign Linguistics, Samara Theological Seminary, 2 Radonezhskaya St, Samara, 443110, Russian Federation; Research Officer at the Department of Russian and Foreign Literature, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0003-6459-1081; SPIN-code: 1843-6196. E-mail: katerina-shhepalina@yandex.ru

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 616–625
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-616-625
EDN: ADZUWQ
УДК 82.01

Научная статья / Research article

Миф о Петербурге в зеркале современной литературы

С.А. Румянцева✉, М.М. Голубков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
✉sonya_kit-kit@mail.ru

Аннотация. *Цель* исследования – системное описание перехода «петербургского текста» из живой литературной традиции в гипертрофированный, фрагментарный и саморефлексивный мифологический код. Данный вопрос раньше не рассматривался в комплексе: исследования либо останавливались на классике XIX в., либо фиксировали отлельные постмодернистские приемы без связи с архаическим пластом. Научная ценность работы – в выявлении устойчивой структуры «архетипа смерти», который сохраняется при любых идеологических сдвигах и становится ядром русской культурной идентичности. Статья содержит разделы, посвященные теории петербургского текста, анализу политических катаклизмов как факторов его трансформации и сопоставлению ключевых мифологем (воды, смерти). Методологическую основу исследования составили анализ корпуса текстов, семиотическая деконструкция повторяющихся сюжетных узлов. Петербург в современной литературе – не топос, а оператор культурной памяти; миф о нем пережил свой референт и превратился в автономный генератор смыслов. Полученная модель может служить инструментом для дешифровки других «городских текстов» русской культуры.

Ключевые слова: петербургский текст, культурная идентичность, мифология города, городской текст, гипертрофия мифа, русская литература XX–XXI вв.

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных, написание статьи – С.А. Румянцева; редактирование – М.М.Голубков. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 января 2026 г.; отрецензирована 18 марта 2026 г.; принята к публикации 20 мая 2026 г.

Для цитирования: *Румянцева С.А., Голубков М.М.* Миф о Петербурге в зеркале современной литературы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 616–625. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-616-625 EDN: ADZUWQ

© Румянцева С.А., Голубков М.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

The Myth of St. Petersburg in the Mirror of Modern Literature

Sofya A. Rumyantseva✉, Mikhail M. Golubkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
✉sonya_kit-kit@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to systematically describe of the transition of the St. Petersburg text from a living literary tradition to a hypertrophied, fragmentary, and self-reflexive mythological code. The question of how political cataclysms (revolutions, blockades, the renaming of the city) and the change of place names transformed the archaic myth had not previously been addressed comprehensively: studies either focused on the classics of the 19th century or identified individual postmodern techniques without connection to the archaic stratum. The scholarly contribution of this work lies in identifying the stable structure of the "archetype of death", which remains stable across ideological shifts and becomes the core of Russian cultural identity. The article contains sections devoted to the theory of the St. Petersburg text, examination of political upheavals as catalysts for the transformation of the St. Petersburg text, and comparison of key mythemes (of water and death). The research methodology included comparative analysis of the corpus of texts, and semiotic deconstruction of recurring narrative nodes. St. Petersburg in modern literature is not a topos, but an operator of cultural memory; the myth of the city has outlived its referent and turned into an autonomous generator of meanings. The resulting model can serve as a tool for deciphering other "urban texts" of Russian culture.

Keywords: St. Petersburg text, cultural identity, city mythology, urban text, myth hypertrophy, 20th–21st century Russian literature

Author contributions. Development of the idea, research data collection & analysis, writing – Sofya A. Rumyantseva; editing – Mikhail M. Golubkov. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted January 25, 2026; revised March 18, 2026; accepted May 20, 2026.

For citation: Rumyantseva, S.A., & Golubkov, M.M. (2026). The Myth of St. Petersburg in the Mirror of Modern Literature. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 616–625. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-616-625 EDN: ADZUWQ

Введение

Миф о Петербурге формировался под влиянием двух противоположных, но взаимодополняющих источников: фольклора и официальной литературной традиции. В фольклорной среде ключевую роль сыграло упоминание царевичем Алексеем на допросе слов жены Петра I Евдокии Лопухиной: «Быть Петербургу пусту» (Долгополов, 1977, с. 60). Это изречение, воспринятое как проклятие, стало основой мифологемы, превратившей город в символ Божьего гнева, зла, непорядка и неестественности – «ненатурального» поселения, навязанного силой и чуждого русской душе. В преданиях, песнях и анекдотах Петербург предстает как город-призрак, проклятый самим небом, где царят холод, иноземные нравы и моральная деградация. Этот миф не просто передается устно – он становится культурным кодом, в котором город ассоциируется с трагедией, предательством и божественным наказанием.

В противовес этому в официальной литературе, особенно в эпоху империи, господствовали апологетические нарративы, превозносящие Петербург как «окно в Европу», символ просвещения, цивилизации и имперской мощи. Поэты, историки и государственные деятели изображали город как плод гения Петра I, воплощение разума, порядка и прогресса. Однако, как подчеркивает Л. Долгополов (1977), суть дискуссий вокруг Петербурга никогда не сводилась к спорам о его историческом возникновении – они были и остаются спорами об отношении к нему, то есть речь идет не о том, как был основан город, а о том, как его понимать: как богохульное чудовище или как величайшее достижение цивилизации.

Социальные катаклизмы как катализаторы трансформации петербургского текста

Коренной перелом в судьбе петербургского текста русской литературы обусловили Октябрьская революция 1917 г. и последовавшее переименование города в Ленинград в 1924 г. Ряд исследователей, вслед за М.В. Рождественской, полагают, что с этого момента классический петербургский текст, описанный В.Н. Топоровым, фактически прекращает свое существование, уступая место идеологически переориентированному «ленинградскому тексту», где Ленин замещает Петра в роли демиурга (2002, с. 10).

Хотя одни ученые, такие как И.З. Вейсман (2005), говорят о трансформации и продолжении традиции, другие, например В.И. Тюпа, настаивают на принципиальном разрыве: «Ленинградский текст, если таковой может быть выявлен и описан, не является продолжением петербургского», поскольку «топонимия в искусстве слова принципиально важнее топографии» (2005, с. 91). Этой же позиции придерживается М. Окутюрье, который отмечает, что «переименованием города завершается то, что В.Н. Топоров назвал „петербургским текстом русской литературы“» (1997, с. 164). В то же время часть современных исследований опирается на «ленинградский текст» как на продолжение петербургского, особенно в контексте литературы XXI в., например исследование Н.А. Колондаевой (2021).

С другой стороны, предлагается концепция «главы» петербургского текста, предполагающая, что на разных исторических этапах она сохраняет свои основные структурные элементы, но при этом обогащается новыми смысловыми слоями и ассоциациями под влиянием внешних событий, например эмиграция начала XX в. или Великая Отечественная война. Эту идею развивают З.Г. Минц, указывающая, что «„петербургский текст“ русских символистов предстает и как „глава“ в непрерывно становящемся „петербургском тексте русской литературы“» (2004, с. 103–115), и И.З. Вейсман, согласно которой «тяготение петербургского текста к открытости нашло реализацию в ленинградском тексте русской литературы, который может рассматриваться как „глава“ петербургского текста или сепаратно по отношению к нему» (2005, с. 4).

Независимо от избранной точки зрения очевидно, что в период 1920–1990-х гг. петербургский текст оказался оторван от своих классических осно-

ваний. Его мифологическая структура не исчезла, но подверглась сильной деформации: прежние семантические компоненты были переосмыслены, идеологизированы или доведены до крайности. Для современных авторов, таких как А. Аствацатуров или А. Обух, принципиально важно разделение между Петербургом и Ленинградом как двумя топосами, несущими два совершенно разных культурных кода.

Как уже отмечалось, термин «петербургский текст», введенный В.Н. Топоровым (2005), является устоявшимся и продолжает развиваться за счет включения произведений современной литературы, то есть накапливает новые смысловые субстраты.

В современной литературе интерес к петербургскому интертексту не угас, однако он существует уже как сознательная игра с гипертрофированным мифом. Как показывают исследования Д.Ф. Керимовой (2017), а также В.Д. Черняк и М.А. Черняк (2018), современные писатели (Т. Толстая, А. Битов, М. Веллер и др.) активно апеллируют к образам Пушкина, Гоголя, символистов, но делают это через призму личного, автобиографического опыта и жанров нон-фикшн. Петербургский текст сегодня – это уже не органичная семиотическая среда, а сознательно эксплуатируемый набор мифологем, яркий, но во многом утративший связь со своим первоисточником.

Трансформация архетипа смерти в петербургском тексте

Преобразования петербургского текста вызваны политическими причинами, но литературные корни остались прежними. Важной мифологемой становится ненормальность города Петра, берущая начало в предсказании Е. Лопухиной. В «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевский собирает лейтмотивы петербургского мифа и выявляет сюжеты, которые неизменно присутствуют в последующих текстах. Город здесь – среда, оказывающая странное влияние на людей, он заражает их, подобно трихинам из сна Раскольникова, где микроскопические существа поражают всех, рождая странные идеи.

Раскольников видит губительное влияние Петербурга, но не осознает его; проследить погружение человека в среду удается Свидригайлову:

> Да вот еще: я убежден, что в Петербурге много народу, ходя, говорят сами с собой. Это город полусумасшедших. Если б у нас были науки, то медики, юристы и философы могли бы сделать над Петербургом драгоценнейшие исследования, каждый по своей специальности. Редко где найдется столько мрачных, резких и странных влияний на душу человека, как в Петербурге. Чего стоят одни климатические влияния![1]

И правда, теория Раскольникова, порожденная не им, но самим городом, будто искала своего героя, способного ее воплотить: сначала он видит галерею персонажей, которые гибнут от бедности и безысходности – Мармеладова,

[1] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений : в 30 томах. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. Т. 6. С. 357.

Катерину Ивановну, девушку на бульваре; затем случайно узнает время, когда старуха будет дома одна; наконец, он находит аргументы в пользу верности теории, услышав разговор офицера и студента в трактире.

Однако и после убийства Раскольников не чувствует облегчения: город продолжает его душить и сводить с ума; лишь на каторге, вдали от Петербурга, герой совершает первый шаг к избавлению от губительной идеи о разделении людей на имеющих право и тех, у кого его нет.

Подобное «лишение мира нормальности», «разлад мечты и действительности» (Башкеева, 2023, с. 70) отражается и в современной литературе. Пусть гиперболизировано и где-то иронично, но то же погружение, подобное втягиванию в болото вымысла, в нереальный мир, изображают прозаики XXI в.

Андрей Аствацатуров, потомственный петербургский интеллигент и филолог, строит свои тексты как «роман в рассказах» – жанр, отсылающий к традициям русской литературы и идеально подходящий для изображения фрагментарного, мозаичного опыта жизни в современном Петербурге. Автор иронизирует над «рыхлой» композицией своих книг, но эта кажущаяся хаотичность, бессюжетность, мерцание эпизодов, напоминающее калейдоскопическую игру, является осознанным художественным приемом, отражающим саму природу города.

В эссе-размышлениях А. Аствацатуров прямо противопоставляет «питерских» и «московских» писателей, выводя это различие из атмосферы двух столиц. Он отмечает, что петербургские авторы «явно уступали им [московским] в изобретательности, словоохотливости и были более сдержанны, словно что-то скрывали»[2]. Эта сдержанность и скрытность, по его мнению, продиктована городом, где всегда сыро и холодно. Он цитирует «безумного философа», утверждавшего, что «гении не рождаются там, где сыро, холодно и не бывает снега»[3]. Таким образом, ироничная, легкая и забавная проза Аствацатурова – это не отрицание традиционного петербургского мифа, а его новая, адаптированная к современности версия, где хтонь и абсурд скрыты под маской интеллектуального юмора.

В «Скунскамере» А. Аствацатурова городское пространство порождает гротескные и абсурдные ситуации: проститутка, укравшая у клиента штаны и вставную челюсть; филолог, угрожающий соседу карандашом как «оружием филолога»[4]. Это не бытовые зарисовки, а своего рода городской фольклор, присказка у каждого петербуржца, отражающая глубинное, иррациональное начало жизни в этом городе. Для Аствацатурова Петербург – место взросления, окультуривания, где ирония становится защитным механизмом против давления гнетущей городской мифологии.

Совершенно иную, но столь же мифологизированную грань Петербурга показывает Катя Пицык в романе «Город не принимает». Ее героиня – приезжая студентка, для которой город становится местом инициации, столкнове-

[2] *Аствацатуров А.* Люди в голом. М. : АСТ, 2019. С. 121.

[3] *Аствацатуров А.* Скунскамера. М. : АСТ, 2021. С. 49.

[4] Там же. С. 10.

ния с жестокой реальностью 1990-х. Если у Аствацатурова 1990-е – это богемные вечеринки с иностранцами, то у Пицык – бедное студенческое общежитие, голод и маргинальность.

Город здесь – одушевленное, враждебное существо, которое «не принимает» чужаков. Он физиологичен: героиня видит «черную мерцающую слизь»[5] в тупиках дворов-лабиринтов, а скульптор, коренной петербуржец, создает статуи животных с человеческими гениталиями. Пространство города гипертрофировано до гротеска: общага со «сросшимися по-сиамски корпуса́ми»[6], «желтое каменное влагалище»[7] подземного перехода. Даже любовная драма здесь доведена до абсурдного ужаса: героиня готова сделать операцию на носу, потому что он, по словам ее избранника, «мешает делать минет»[8]. Петербург Пицык – это город-фантом, источник боли и урок, где абсурд и жестокость становятся нормой.

Елена Вяхякуопус в детективе «Из бездны с любовью» и Антон Секисов в «Комнате Вагинова» выводят на первый план мистическую, иррациональную составляющую петербургского мифа. Сюжеты обоих романов разворачиваются на грани сна и яви, реальности и бреда. У Е. Вяхякуопус пропавшие дети могут быть жертвами то ли маньяка, то ли древних мифологических гарпий, оживающих на городских монументах. Героиня видит кошмары, где лепит пельмени из живых человечков, а расследование приводит ее в мир, где другая страна пролегает через Петербург.

А. Секисов идет еще дальше, буквально поселяя своего героя-филолога в квартире писателя-обэриута Константина Вагинова. Дом на канале Грибоедова становится порталом в сюрреалистический мир, где соседи – полубезумные поэты и философы, а за одной из дверей томится похищенная девушка. Герои фиксируют смерти как нечто обыденное («очередная резня в питерской коммуналке»[9]), классифицируя их по каббалистической системе. Городское пространство пропитано безумием: иностранец, уехав, с ужасом вспоминает, что, по его мнению, «одна половина жителей Петербурга – сумасшедшие, а вторая – алкоголики»[10]. Петербург здесь – это место, где реальность искажается, а литература (изучение Вагинова) требует готовности к саморазрушению.

Алексей Конаков в романе «Табия тридцать два» и Арина Обух в «Следующей остановке – „Пионерская-стрит“» предлагают свои вариации на тему тотального отчуждения и переписывания мифа. Конаков создает альтернативную реальность, где улицы Петербурга именуются в честь шахматистов, а не деятелей искусства. Но и этот «новый» город остается враждебным: он «вызывает приступы омерзения»[11], а его ветры будят паранойю. Петербург – это шахматная доска, где люди – пешки в чужой игре.

---

[5] *Пицык К.* Город не принимает. М. : Эксмо, 2016. С. 221.
[6] Там же. С. 16.
[7] Там же. С. 10.
[8] Там же. С. 24.
[9] *Секисов А.* Комната Вагинова. М. : Альпина, 2023. С. 217.
[10] Там же. С. 186.
[11] *Конаков А.* Табия тридцать два. М. : Индивидуум, 2024. С. 241.

А. Обух использует форму сказки-некролога для рассказа о трагических судьбах реальных петербургских художников. Ее повествование построено как цепь историй о том, как город «забирает» людей: самоубийства, исчезновения, необъяснимая жестокость. Финал истории всегда один – «ее забрал Петербург». Это доведенная до предела концепция города как самостоятельной, враждебной человеку силы, действующей по своим жестоким и необъяснимым законам. «Петербург Обух неожиданным образом лишен своих привычных четких и строгих линий – для нее он пространство возможных событий, переменчивых, тонких настроений, город – атмосфера» (Веретенова, 2025, с. 256).

Трансформация архетипа воды в петербургском тексте

Предречение «Петербургу быть пусту» традиционно трактуется как обреченность северной столицы на гибель от воды – тут может быть виновато как болото, на котором стоит город, так и неукротимая Нева, которая и при жизни Петра буйствовала и губила горожан. В художественной литературе к этому сюжету присоединяется мотив роковой смерти, преследующей петербуржцев. В «Преступлении и наказании» Нева – не только причина, но и предзнаменование скорого финала. Почти обязательной чертой Петербурга Ф.М. Достоевского становится его «сырость»: «Концепты вода, туман, дождь, снег получают репрезентацию практически во всех его составляющих, реализуя при этом почти исключительно негативные признаки» (Шурупова, 2021, с. 128).

Раскольникову перед убийством снится сон о голубой воде, но сразу после убийства он видит «на лавке ведро, наполовину полное воды»[12], куда он окунает и руки, и лицо. Это уже не утопический оазис, а начало губительного водоворота. Избавиться от краденого Родион планировал тоже с помощью воды: «Бросить все в канаву, и концы в воду, и дело с концом»[13], но в итоге в воду он бросает монетку, которую ему дали на улице, приняв по ошибке за просящего. И эта брошенная монета становится символом: «Как будто ножницами отрезал себя сам от всех и всего в эту минуту»[14].

Наконец, вода показывает герою, что может нести гибель обитателям города: проходящая мимо женщина прыгает с моста, а Раскольников лишь наблюдает, как «грязная вода раздалась, поглотила на мгновение жертву»[15]. Эта сцена будто предупреждает, что смерть скоро случится: в этот же день Раскольников случайно видит смерть Мармеладова.

Чуть позже герой узнает трагические судьбы женщин, чьи жизни оказались связаны со Свидригайловым – героем, вокруг которого витает атмосфера гибели. Его жена – «как только вошла в воду, вдруг с ней удар»[16]; да и шестнадцатилетняя, с которой Свидригайлову приписывают интимную связь, буд-

[12] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. Т. 6. С. 65.
[13] Там же. С. 84.
[14] Там же. С. 90.
[15] Там же. С. 131.
[16] Там же. С. 175.

то бы тоже бросилась в воду зимой, лишь бы избежать встречи с Аркадием Ивановичем. Возможно, именно поэтому путь утопленницы Родион предлагает Соне, увидев ее жизнь изнутри: «Ведь справедливее, тысячу раз справедливее и разумнее было бы прямо головой в воду и разом покончить!»[17]

Эта гибельная притягательность воды сохраняется и в современных текстах, где обретает возможность манить и вершить судьбы. У Елены Вяхякуопус в романе «Из бездны с любовью» вода приобретает мистический характер: «Гуля спустилась к реке... Она наклонилась над черной водой, и последний луч озарил на дне маленького мальчика... Она засмеялась и шагнула вперед»[18]. Здесь вода – не просто стихия, а портал в иную реальность, заманчивый и смертельно опасный.

У Антона Секисова мотив потопа не в первый раз проявляется в «Комнате Вагинова»: еще в «Боге тревоги» герои в маленьких петербургских комнатушках переживают потоп – «губительная сила водной стихии Петербурга активизируется в рамках квартир главных героев» (Смирнова, 2024, с. 113). И это влияет на главного героя, ведь он еще с детства «понял», что все водоемы сообщаются между собой, а потому морские чудовища могут достать где угодно.

Арина Обух в сборнике рассказов «Следующая остановка – „Пионерская-стрит“» доводит водную тему до крайности. Вода пишется с заглавной буквы: «Это уважение? Или священный ужас? Это что-то рыбье: поэт говорил, что мы произошли от хордовых. Вода. Праматерь. Первый дом. Из которого нас изгнали»[19]. Сцена у Невы становится метафорой тотального отчуждения: героиня балансирует между жизнью и смертью, а поступок ее спутника, не попытавшегося спасти девушку, становится толчком к тому, что героиня представляет себя утопленницей. Один из сценариев смерти похож на ритуальное погружение девушки в воду. Это акт своеобразного «арт-хауса», где смерть становится перформансом:

> Герман хватает ее, берет на руки. Спасена.
>
> Но еще не успела отойти от ужаса. Ей хочется ощутить гранит под ногами. Герман все еще держит ее.
>
> Пауза затягивается. Начинает моросить дождь. И она бросает взгляд, мол, дождь, отпусти меня, нам надо идти. В ответ он бросает свой взгляд: «Нет, не надо. У нас ведь арт-хаус».
>
> – Герман, что ты делаешь?!
>
> Этот вопрос прозвучал глупо, почти как «Эй! Ты куда?!».
>
> Он опускал ее в воду. Медленно. И, можно сказать, бережно.
>
> Сначала в воду ушёл край её плаща, потом вся она оказалась в стихии.
>
> Барахтается, пытается ухватиться за ту самую ступеньку.
>
> Он тянет к ней руку. Она понимает, что он ее все-таки вытащит. Потом она его убьет, выбросит за борт, сожжет, но сейчас он ее вытащит. Он прикасается рукой к ее голове и резко опускает вниз[20].

[17] Там же. С. 245.

[18] *Вяхякуопус Е.* Из бездны с любовью. М. : АСТ, 2023. С. 215.

[19] *Обух А.* Следующая остановка – «Пионерская-стрит». М. : АСТ, 2024. С. 7.

[20] Там же. С. 191–192.

Как отмечает Г.Р. Насибуллова, «здесь Нева – это безысходная ситуация, в которой оказалась героиня» (2025, с. 108). Вода в этом контексте сохраняет свою роковую функцию, но приобретает новые смыслы – от мистического портала до инструмента ритуального убийства.

Заключение

Исследование показывает, что петербургский текст русской литературы, формировавшийся под влиянием фольклорных и официальных нарративов, претерпел радикальные трансформации в XX–XXI вв. Если в XIX в. город представал как пространство морального и экзистенциального кризиса (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский), то в современной прозе он становится ареной гротеска, абсурда и мистических экспериментов. Переименование Петербурга в Ленинград в 1924 г. ознаменовало не только смену топонима, но и переосмысление его мифологической структуры.

Современные авторы (А. Аствацатуров, К. Пицык, А. Обух, А. Секисов и др.) не отвергают классические мотивы, а переосмысляют их, исследуя город как враждебную силу, поглощающую личность. Вода, смерть, безумие – эти архаичные элементы петербургского мифа приобретают новые формы: от мистических порталов до атрибутов ритуальных убийств.

Таким образом, современный «петербургский текст» существует как сложная система гипертрофированных мифологем. Это уже не целостный семиотический код, описанный В.Н. Топоровым, а набор интенсивно тиражируемых образов: город-лабиринт, город-абсурд, город-сон, город-смерть. От сдержанной иронии А. Аствацатурова до тотального пессимизма А. Обух – все эти стратегии являются попыткой художественного осмысления одного и того же: жизни в пространстве, где миф окончательно вытеснил реальность.

Список литературы

Башкеева В.В. Тело как предмет в повести Н.В. Гоголя «Нос» // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. 2023. № 4. С. 66–72. https://doi.org/10.18101/2686-7095-2023-4-66-72 EDN: XSOPPH

Вейсман И.З. Ленинградский текст Сергея Довлатова : автореф. дис. … канд. филол. наук [Место защиты: Саратов гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского]. Саратов, 2005. 21 с.

Веретенова Т. Надо ли быть своим? // Дружба народов. 2025. № 4. С. 250–258.

Долгополов Л. На рубеже веков : о рус. литературе конца 19 – начала 20 в. Л. : Советский писатель. Ленингр. отд-ние, 1977. 368 с.

Керимова Д.В. Интертекстуальность как текстообразующая категория литературы постмодернизма (на примере сборника рассказов и эссе Т.Н. Толстой «Не кысь») : автореф. дис. … канд. филол. наук [Место защиты: Дагестанский гос. ун-т]. Махачкала, 2017. 21 с. EDN: DOPNAM

Колондаева Н.А. Архетип ленинградской квартиры в романах Е.С. Чижовой // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 5. С. 100–105. https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-5-100-105 EDN: EZYMMK

Минц З.Г. Петербургский текст» и русский символизм // Блок и русский символизм : избранные труды : в 3 кн. / сост. Л.Л. Пильд. СПб. : Искусство-СПб, 2004. Кн. 3 : Поэтика русского символизма. С. 103–115.

Насибуллова Г.Р. Городской текст в современном художественном дискурсе: интерпретация смыслов // Филологический класс. 2025. Т. 30. № 3. С. 105–112. https://doi.org/10.26170/2071-2405-2025-30-3-105-112 EDN: QKNACO

Окутюрье М. Смерть Петербурга // Санкт-Петербург: окно в Россию. Город, модернизация, современность : материалы Междунар. науч. конф., Париж, 6–7 марта 1997 г. / сост. Е. Берар. СПб. : Феникс, 1997. С. 164.

Рождественская М.В. «Ленинградский текст» Петербургского текста // Петербургский текст в русской литературе XX в. : материалы XXXI Всерос. науч.-метод. конф. преподавателей и аспирантов. СПб. : Сударыня, 2002. Ч. II. С. 10.

Смирнова А.К. Традиции «петербургского текста» в творчестве Антона Секисова (на материале романов «Бог тревоги», «Комната Вагинова») // Гуманитарный научный вестник. 2024. № 5. С. 107–115. https://doi.org/10.5281/zenodo.11639748 EDN: FNTETI

Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы : избр. тр. / ред. Н.Г. Николаюк. СПб. : Искусство-СПБ, 2003. 616 с.

Тюпа В.И. Коренная мифологема Петербургского текста // Существует ли Петербургский текст? / под ред. В.М. Марковича и В. Шмида. СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2005. Т. 4. С. 82–91. EDN: RZXWWP

Черняк В.Д., Черняк М.А. Москва и Петербург в текстах нон-фикшн // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2(191). С. 9–13. https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-2-9-13 EDN: YRREWX

Шурупова О.С. Петербургский текст Ф.М. Достоевского как составляющая петербургского сверхтекста русской классики // Творчество Ф.М. Достоевского в непрошедшем времени России : материалы Всерос. науч. конф., Липецк, 6–7 апреля 2021 г. / отв. ред. А.С. Кондратьев, Е.А. Попова. Липецк : Липецкий гос. пед. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 125–131. EDN: VWUDLS

Сведения об авторах:

Румянцева Софья Александровна, аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991 Москва, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 51. ORCID: 0000-0001-7143-1770; SPIN-код: 2048-5186. E-mail: sonya_kit-kit@mail.ru

Голубков Михаил Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей русской литературы и современного литературного процесса, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51. ORCID: 0000-0001-9162-6006; SPIN-код: 8586-2616. E-mail: m.golubkov@list.ru

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 626–635
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-626-635
EDN: AYAUSN
УДК 82-192

Научная статья / Research article

Комическое в художественной антропологии произведений В.В. Вересаева

Д.А. Новичкова[1], С.О. Муминов[2]✉, А.С. Демченко[2], С.В. Ананьева[3]

[1]*Специализированный лицей «Арыстан», с. Бескайнар, Алматинская область, Республика Казахстан*
[2]*Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан*
[3]*Институт мировой литературы и искусств им. М.О. Ауэзова, Алматы, Республика Казахстан*
✉s.muminov2012@yandex.ru

Аннотация. Источники комического эффекта в литературном творчестве В.В. Вересаева практически не исследованы, поэтому нуждаются в последовательном изучении. *Цель* – проанализировать функции приемов и средств создания комического эффекта в художественной антропологии произведений В.В. Вересаева. Портреты литературных героев этого автора образуют систему, каждый элемент которой выражает определенную черту характера персонажа. Поэтика комического реализуется в юмористической или сатирической форме. Сатира формирует негативную художественную антропологию. Объекты сатирического осмеяния вырисованы с помощью агрессивной риторики, юмор более дружелюбен по отношению к персонажам. В процесс воплощения комического активно вовлекаются внешние и внутренние качества литературных героев. Для создания художественного эффекта автор трансформирует (гиперболизирует или редуцирует) элементы портретных описаний действующих лиц. Портреты литературных героев В.В. Вересаева отражают их комически окрашенные социальные и психологические характеристики, комическое обогащает и конкретизирует художественную антропологию прозы.

Ключевые слова: проза, поэтика, комическое, юмор, сатира, портрет персонажа, литературный герой

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных, написание статьи – Д.А. Новичкова; написание и редактирование – С.О. Муминов и А.С. Демченко; интерпретация данных, научное консультирование – С.В. Ананьева. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Финансирование. Исследование выполнено в рамках научного проекта BR27101897 «Цифровая трансформация экосистемы литературоведения, фольклористики и искусствоведения Казахстана: междисциплинарные исследования».

© Новичкова Д.А., Муминов С.О., Демченко А.С., Ананьева С.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 января 2026 г.; отрецензирована 18 марта 2026 г.; принята к публикации 20 мая 2026 г.

Для цитирования: *Новичкова Д.А., Муминов С.О., Демченко А.С., Ананьева С.В.* Комическое в художественной антропологии произведений В.В. Вересаева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 626–635. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-626-635 EDN: AYAUSN

The Comic in the Artistic Anthropology of V.V. Veresaev's Works

Darya A. Novichkova[1], Salakhitdin O. Muminov[2]✉, Alyona S. Demchenko[2], Svetlana V. Ananyeva[3]

[1]*Arystan Specialized Lyceum, Besqaynar Village, Almaty Region, Republic of Kazakhstan*
[2]*Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan*
[3]*M.O. Auezov Institute of Literature and Art, Almaty, Republic of Kazakhstan*
✉s.muminov2012@yandex.ru

Abstract. The sources of the comic effect in the literary works of V.V. Veresaev have scarcely been studied and therefore require systematic scholarly investigation. The purpose of this article is to analyze the functions of the techniques and devices used to create a comic effect within the artistic anthropology of Veresaev's prose. The study demonstrates that the principal source of the comic effect in Veresaev's works lies in the portraits of literary characters. These portraits form a system in which each element manifests a specific character trait of the character. The poetics of the comic in Veresaev's writing is realized in either a humorous or a satirical mode. Satire constructs a form of negative artistic anthropology, while the objects of satirical ridicule are depicted through aggressive rhetorical strategies. Humor, in contrast, produces a more benevolent rhetorical perspective toward the characters. Both the physical and inner qualities of the characters are actively involved in the creation of the comic effect. To achieve the desired artistic result, the author transforms elements of portrait description – either by hyperbolizing or reducing particular features. This transformation creates the conditions necessary for the emergence of the comic effect. Each component of the literary portrait of a satirical or humorous character functions as a sign carrying a specific semantic dimension of the comic. Humorous and satirical contexts thus concretize and give visible form to the artistic anthropology of Veresaev's prose. The elements of the comic impart a realistic character to the artistic anthropology of Veresaev's works.

Keywords: prose, poetics, comic, humor, satire, character portrait, literary hero

Author contributions. Concept development, collection & analysis of research data, text writing – Darya A. Novichkova; writing & editing – Salakhitdin O. Muminov, Alyona S. Demchenko; data interpretation & scientific consulting – Svetlana V. Ananyeva. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Funding. The study was carried out within the framework of the scientific project BR27101897 "Digital Transformation of the Ecosystem of Literary Studies, Folklore Studies, and Art Studies in Kazakhstan: Interdisciplinary Research".

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted January 25, 2026; revised March 18, 2026; accepted May 20, 2026.

For citation: Novichkova, D.A., Muminov, S.O., Demchenko, A.S., & Ananyeva, S.V. (2026). The Comic in the Artistic Anthropology of V.V. Veresaev's Works. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 626–635. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-626-635 EDN: AYAUSN

Введение

Комическое отражает мировоззренческие установки авторов: «Смех как общечеловеческая способность воспринимать мир во всем сплетении его светлых и темных сторон, несомненно, таит в себе мудрое начало» (Столович, 1999, с. 246). М.М. Бахтин писал, что «... необозримый мир смеховых форм и проявлений противостоял официальной и серьезной (по своему тону) культуре церковного и феодального средневековья» (1990, с. 8). Проблемам смеховой культуры Древней Руси посвящен труд Д.С. Лихачева и А.М. Панченко (1976), где также раскрыта идея мировоззренческой природы смеха. Комическое имеет разнообразные формы, для которых в науке разработаны различные классификации, но нас интересуют две его основные формы: сатира и юмор.

Юмор не столь категоричен в своей оценке, как сатира. Сатира жестко и последовательно разоблачает пороки. Юмор, напротив, – это добрый и снисходительный смех, добродушное осмеивание забавных черт человека, которые не являются опасными для общества.

Представляет большой интерес книга Б. Дземидока, в которой охарактеризованы различные концепции смешного в европейской философии и эстетике, выделены конкретные средства создания комизма (1974). Одной из фундаментальных работ, посвященных теории комического, является книга В.Я. Проппа «Проблемы комизма и смеха», в которой выдвигается следующая методологическая установка: «...в каждом отдельном случае надо определять специфику комического, надо проверять, в какой степени и при каких условиях, всегда или не всегда одно и то же явление обладает комизмом» (1976, с. 15). Ценность труда В.Я. Проппа определяется тем, что в нем представлена классификация приемов комического, охарактеризованы их функции.

В современном литературоведении наблюдается определенный интерес к исследованию комического в художественной литературе. Так, осуществлен анализ приемов репрезентации комического в прозе В.В. Ерофеева (Олешкевич, 2019), комического в творчестве Ф.М. Достоевского (Мухина, 2012) и Н.А. Тэффи (Бочкарева, 2009).

Комическое выступает одним из средств воплощения художественной антропологии, которая представляет собой различные формы изображения человека в литературе. Так, антропология художественной прозы А.П. Чехова изучается в аспекте ее связи с архитектоникой произведения (Липке, 2017), И.С. Тургенева – с учетом типологии его литературных героев (Давыдов, 2022).

Поэтика комического – это система знаков, которые находят отражение в литературном произведении. В филологической науке представлены разнообразные подходы к изучению семиотики комического. Например, А.Г. Козинцев (2024) рассматривает семиотику юмора, Н.А. Орлова (2010) исследует семиотические механизмы комического в прозе С. Довлатова, С.В. Ивлева (2010) выявляет лингвосемиотические характеристики комического абсурда.

В современных статьях изучаются особенности рецепции А.С. Пушкина в творчестве сатириконцев (Карпов, 2025), насмешка как особый тип смеха в прозе Л. Андреева (Мытарева, 2024), ирония как средство комического в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина (Султанова, 2024). Исследуется поэтика комического в «английских» повестях Е.И. Замятина (Быстренков, 2022), в романе А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (Елепова, Орлова, 2025).

Все существенные работы о творчестве В.В. Вересаева написаны в прошлом веке. Авторы этих трудов – И.М. Гейзер (1957), Г.А. Бровман (1959), Ю.В. Бабушкин (1966), В. Нольде (1986). Новейшие исследования творчества писателя – это статьи, посвященные анализу образа женщины в романе «Сестры» (Новичкова, 2020б) и рассказе «Эйтемия» (Новичкова, 2020а). Указанные статьи и другие работы содержат анализ и интерпретацию поэтики и проблематики прозы В.В. Вересаева. К сожалению, остаются существенные пробелы в исследовании категории комического.

Актуальность настоящей работы обусловлена недостаточной изученностью темы. Поэтика комического в прозе В.В. Вересаева нуждается в последовательном анализе. *Цель* – исследовать элементы комического в художественной антропологии произведений В.В. Вересаева, то есть выяснить природу комического, определить его основные функции в художественной литературе, а также проанализировать поэтику комического.

Материалы и методы

Для раскрытия темы проведены стилистический и поэтико-структурный анализы художественного текста, использован типологический подход к осмыслению материала. Исследование выполнено в рамках междисциплинарного подхода с привлечением выводов и положений лингвистики, литературоведения, эстетики, культурологии. В работе использованы достижения перечисленных наук при анализе форм воплощения комического в прозе В.В. Вересаева.

Результаты и обсуждение

Комическое воплощается в литературном произведении различными способами. Описание внешности действующих лиц содержит антропологические характеристики. Этот подход к художественному изображению человека в литературе является одним из ключевых в реализме. Основной источник комического эффекта в реалистических произведениях В.В. Вересаева – портреты

литературных героев, образующие особую художественную систему, каждый элемент которой отражает определенную черту характера.

Приведем типичный пример юмористического портрета в рассказе В.В. Вересаева «Прекрасная Елена»:

> В Лесном, куда сегодня вечером собирался Воронецкий, жил на даче его университетский товарищ Можжелов, учитель математики, недавно переведенный из провинции в Петербург. Воронецкий искренне любил его, но не мог без иронической улыбки представить себе его фигуру с добродушною, обросшею волосами физиономией, конфузливым смехом и быстрою, запинающеюся речью. Можжелов остался совсем таким, каким был студентом: по-прежнему в каждом извозчике и дворнике видел «брата», по-прежнему горячо рассуждал о Спенсере и Марксе, Михайловском[1].

Поэтика приведенного портрета несет в себе юмористический контекст. Объект юмора – внешность литературного героя. Художественные детали (добродушное лицо, длинные волосы, конфузливый смех, быстрая, запинающаяся речь) образуют семиотику портрета типичного, демократически настроенного интеллигента. Это социальный аспект портретного описания. Однако портрет отражает и психологические особенности персонажа. Можжелов – добрый, чуткий и деликатный человек. Герой едет в Летний сад на представление оперетты «Прекрасная Елена». Главный источник художественной антропологии этого эпизода – портреты актеров. Поэтика портрета может содержать негативные характерологические оценки:

> Калхас, плешивый и краснорожий, осматривал подношения богам и, разочарованно качая головою, говорил: «Слишком много цветов!..»[2].

Портрет указывает на явную деградацию персонажа, который показан глазами главного героя произведения Воронецкого, наделенного автором высокомерием и презрительным отношением к людям. Источниками комического выступают лысина и красный цвет лица. Эти элементы образуют негативную художественную антропологию. Агрессивная направленность эпитетов-вульгаризмов «плешивый» и «краснорожий» свидетельствует о высокомерии и духовной черствости главного героя. Портрет отражает «злое» зрение циничного главного героя, лишенного деликатности и доброты.

Гиперболизация игры и фальшь актеров отражаются в портретах персонажей, которые также показаны глазами главного героя:

> Елена, хорошенькая, полная блондинка с подрисованными глазами, величественно закидывала голову и говорила неестественным театральным голосом; Парис, с неприятными, чувственными губами под светлыми усиками, то и дело растерянно поглядывал на публику[3].

[1] *Вересаев В.* Прекрасная Елена // Собрание сочинений : в 5 томах. Т. 1. М. : Правда, 1961. С. 193.
[2] Там же. С. 194.
[3] Там же.

В приведенном фрагменте средством комического является описание лица, жестов и телодвижений. Негативную характерологию несет семантика лица: подрисованные глаза дамы и неприятные губы актера, играющего Париса. Эти антропологические элементы портрета образуют сатирический контекст. Семантика тела и телодвижений также комически окрашена. Пышные формы актрисы не соответствуют образу античной Елены. Актриса в своей игре использует штампы («величественно закидывала голову») и явно увлекается напыщенной и пустой декламацией («говорила неестественным театральным голосом»). Растерянные взгляды актера в роли Париса, его неприятные губы – это также знаки сатирического антропологического дискурса, рисующего человека, не уверенного в себе, в своем таланте.

Художественная антропология создается не только с помощью образов литературных героев, но и посредством привлечения предметов или вещей. Семантика предметов вовлекается в формирование контекстов комического. Предметы придают комический облик литературному персонажу:

> Калхас объявил, что боги повелевают Менелаю ехать в Крит; на Менелая надели смешной капюшон, дали ему в руки разноцветный зонтик, чемодан, и Менелай стал прощаться[4].

Капюшон, разноцветный зонтик, чемодан вырваны из контекста своего времени и помещены в эпоху античности. Этими предметами не мог пользоваться Менелай. Предметы в этом случае создают дополнительный фон для создания юмористической антропологии. Книга также привлекается для создания комического эффекта:

> Воронецкий давно уже собирался познакомиться с философией и купил себе для этой цели «Историю новой философии» Фалькенберга, но дальше четвертой страницы введения никак не мог пойти; там была одна фраза, на которой его раза два отвлекли от чтения и с которой он каждый раз начинал читать снова; фраза эта очень надоела Воронецкому; прочтет ее, – и у него пропадает охота читать дальше. И он отложит Фалькенберга в сторону и возьмется за Мопассана[5].

Книга – это знак интеллектуальной и духовной несостоятельности главного героя. Семантика образа книги в этом фрагменте используется автором для негативной характерологии персонажа, не способного прочитать труд с философской проблематикой.

Вынесение предмета в центр портретной зарисовки формирует комический план. Приведем примеры из повести В.В. Вересаева «К жизни»:

> Бегут извозчичьи лошади. Гимназист с криво сидящим ранцем покупает у грека халву, похожую на замазку. Идет господин, блестя новым цилиндром. И кажется, все они тоже чуть-чуть дергаются: все чужды душе, мертвы и плоски. И невыразимо смешна их серьезная самоуверенность, их неведение о безвольном своем участии в мировом кинематографе[6].

[4] *Вересаев В.* Прекрасная Елена. С. 194.

[5] Там же. С. 192.

[6] *Вересаев В.* К жизни // Собрание сочинений : в 5 томах. Т. 4. М. : Правда, 1961. С. 65.

Ранец и новый цилиндр доминируют над персонажами. Предметы создают эффект автоматизации поведения людей, лишенных индивидуальности и души. Юмористический план может создаваться посредством авторского фокуса на определенных чертах лица персонажа:

> По обледенелой тропинке, под веревками с развешанным бельем, катался на одном коньке Гаврик, братишка Прасковьи. Феня надрала ему вихры, – все тесемки на белье он завязал узлами, и так они замерзли. Он катался, – худой, с остреньким, вынюхивающим носом, и плутовские глаза выглядывали, где бы опять наколобродить[7].

Здесь художественная нагрузка содержится в описании носа и глаз мальчика. Нос и глаза наделяются некоторой самостоятельностью с помощью их олицетворения, что вкупе с содержанием портрета создает юмористический контекст. Нос наделяется автором собственной семантикой. Гиперболизация определенных элементов портрета персонажа (носа и лба) создает комический контекст:

> Сидел приехавший из Москвы Крахт, маленький человек с огромным лбом и мясистым носом. Все почтительно его слушали[8].

Лоб и нос в описании гиперболизированы. Огромный лоб и мясистый нос – это ключевые элементы портретной зарисовки, создающие представление о внешнем виде персонажа. Художественные детали портрета могут указывать на духовную и физическую деградацию человека:

> Противны были люди кругом, противно ухал орган. Мужчины с развязными, землистыми лицами кричали и вяло размахивали руками; худые, некрасивые женщины смеялись зеленовато-бледными губами. Как будто все надолго были сложены кучею в сыром подвале и вот вылезли из него – помятые, слежавшиеся, заплесневелые... Какими кусками своих излохмаченных душ могут они еще принять жизнь?[9]

В приведенном фрагменте нарисован сатирический обобщающий портрет персонажей, утративших физическое и духовное здоровье. С помощью негативных антропологических характеристик (развязные, землистые лица мужчин, зеленовато-бледные губы женщин) показывается их полная деградация. Акцент на отступлении от нормы – источник сатирической тональности этого фрагмента. На процесс духовной деградации указывает сравнение литературной героини с животным:

> Из залы, из кухни, из коридора непрерывно несся захлебывающийся криками голос Анны Петровны. В тон ему истерично заливались-кудахтали куры в курятнике[10].

Героиня косвенно сопоставляется с курами. Зоологизация образа героини – один из способов сатирической характерологии.

---

[7] *Вересаев В.* К жизни // Собрание сочинений : в 5 томах. Т. 4. М. : Правда, 1961. С. 46.

[8] Там же. С. 65.

[9] Там же. С. 76.

[10] Там же. С. 105.

Противоречие в поведении персонажа – прием создания юмористической антропологии. На противоречии построено описание внешности литературного героя рассказа В.В. Вересаева «Исанка»:

> Николай Павлович – суетливый человек, постоянно потирает руки, под носом – маленький темный треугольничек волос на выбритой губе. Во всей его фигуре – как будто он сейчас хочет куда-то предупредительно броситься, что-то сделать для собеседника. Это у него от застенчивости перед малознакомыми людьми. Наедине со своими он спокоен и даже медлителен[11].

В формировании юмористического контекста ключевую роль играют руки. Потирание рук – знак неуместной услужливости персонажа. В юмористическое поле вовлекаются нос и губы. Усы и бородка несут информирующую функцию. Другие значимые черты лица (глаза) в портрете не упоминаются. Стратегия автора заключается в описании элементов портрета, актуальных для создания комической тональности.

На актуализации отдельных черт построено следующее юмористическое описание внешности героя одного из рассказов В.В. Вересаева:

> Звали его Иван Михайлович. Фельдшер приемного покоя больницы, где я тогда работал ординатором. Редкие усы и бородка, держится солидно, с большим достоинством. Вид глубокомысленный, на жизнь и людей смотрит свысока, с затаенною в глазах сожалеющею усмешкою[12].

На первый план выводятся редкие усы и бородка, глаза, улыбка. Эти элементы портрета несут внешнюю информацию о герое, указывают в основном на его внешние характеристики, которые предваряют упоминание глаз и улыбки. Глаза и улыбка выполняют констатирующую функцию. С помощью этих элементов непосредственно воссоздается характерология героя. Следовательно, они выполняют функции доминантных микрообразов в портрете. С их помощью рисуется образ высокомерного и скептически настроенного к людям персонажа, что не соответствует его скромному социальному положению и уровню образования. Это несоответствие является источником создания комического эффекта.

Таким образом, поэтика комического в прозе В.В. Вересаева является одной из форм сатирического или юмористического изображения внешности и характера персонажей.

Заключение

В заключение анализа форм воплощения комического в художественной антропологии произведений В.В. Вересаева подведем итоги.

Портреты литературных героев являются средством создания характерологии. Описания внешности персонажей образуют художественную систему, каждый элемент которой содержит определенную антропологическую семантику.

---

[11] *Вересаев В.* Исанка // Собрание сочинений : в 5 томах. Т. 4. М. : Правда, 1961. С. 205.

[12] *Вересаев В.* Фельдшер Кичунов // Собрание сочинений : в 5 томах. Т. 4. М. : Правда, 1961. С. 271–272.

Комическое в произведениях В.В. Вересаева реализуется в юмористической или сатирической форме. Сатира содействует порождению отрицательной художественной антропологии.

Портреты литературных героев построены на нарочитой трансформации элементов внешности, что способствует созданию комического эффекта.

Комическое – одно из основных средств формирования художественной антропологии прозы В.В. Вересаева, развивающейся в контексте русской реалистической литературы.

Список литературы

Бабушкин Ю.В. В. Вересаев (к столетию со дня рождения). М. : Знание, 1966. 32 с.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М. : Худож. лит., 1990. 541 с.

Бочкарева Е.В. Комическое в художественном мире Н.А. Тэффи : автореф. дис. … канд. филол. наук [Место защиты: Ульян. гос. пед. ун-т им. И.Н. Ульянова]. Ульяновск, 2009. 21 с.

Бровман Г.А. В.В. Вересаев. Жизнь и творчество. М. : Советский писатель, 1959. 367 с.

Быстренков Д. Л. Русская и английская литературные традиции и поэтика комического в «английских» повестях Е.И. Замятина // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 106–117. https://doi.org/10.17223/18137083/79/8 EDN: CNAFSD

Гейзер И.М. В.В. Вересаев – писатель-врач. М. : Медгиз, 1957. 147 с.

Давыдов В.В. Художественная антропология И.С. Тургенева (к вопросу о типологии «тургеневского человека») // Современное педагогическое образование. 2022. № 9. С. 134–137.

Дземидок Б. О комическом / пер. с польск., послесл. А. Зися. М. : Прогресс, 1974. 223 с.

Елепова М.Ю., Орлова Д.С. Приемы и функции комического в романе А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2025. № 2(125). С. 66–78. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-2-125-6 EDN: IQQRMT

Ивлева С.В. Лингвосемиотические характеристики комического абсурда : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Место защиты: Волгогр. гос. пед. ун-т]. Волгоград, 2010. 23 с.

Карпов Н.А. Особенности рецепции Пушкина в творчестве сатириконцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Т. 30. № 4. С. 750–759. https://doi.org/10.22363/2312-9220-2025-30-4-750-759 EDN: PGZQXV

Козинцев А.Г. Язык – реальность – игра – смех : антропологические фрагменты. М. : Изд. дом ЯСК, 2024. 369 с.

Липке Ш. Антропология художественной прозы А.П. Чехова : неизреченность человека и архитектоника произведения : автореф. дис. … канд. филол. наук [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. Томск, 2017. 23 с.

Лихачев Д.С., Панченко А.М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л. : Наука. Ленинградское отд-ние, 1976. 204 с.

Мухина С.А. Феномен комического в творчестве Ф.М. Достоевского : 1864–1881 гг. : автореф. дис. … канд. филол. наук [Место защиты: Моск. гос. обл. ун-т]. М., 2012. 26 с.

Мытарева А.В. Насмешка как особый тип смеха в прозе Леонида Андреева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 4. С. 726–737. https://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-726-737 EDN: QQKBIV

Новичкова Д.А. Семья и женщина в художественном осмыслении В.В. Вересаева (рассказ «Эйтемия») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020а. № 2. С. 90–96. https://doi.org/10.18384/2310-7278-2020-2-90-96 EDN: RKDCIQ

Новичкова Д.А. Художественное изображение женщины в романе В.В. Вересаева «Сёстры» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020б. № 3(28). С. 10. https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.3(28).10 EDN: XIMWMS

Нольде В. Вересаев : Жизнь и творчество. Тула : Приок. кн. изд-во, 1986. 188 с.

Олешкевич В.В. Приемы репрезентации комического в прозе В.В. Ерофеева : дис. … канд. филол. наук [Место защиты: Смол. гос. ун-т]. Смоленск, 2019. 206 с.

Орлова Н.А. Поэтика комического в прозе С. Довлатова: семиотические механизмы и фольклорная парадигма : автореф. дис. ... канд. филол. наук. [Место защиты: Адыг. гос. ун-т]. Майкоп, 2010. 22 с.

Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М. : Искусство, 1976. 182 с.

Столович Л. Философия. Эстетика. Смех. СПб. ; Тарту : [Б. и.], 1999. 383 с.

Султанова Э.А. Языковые средства выражения иронии как эстетической категории комического в идиостиле М.Е. Салтыкова-Щедрина // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2024. Т. 21. № 4(98). С. 201–210. https://doi.org/10.25587/2222-5404-2024-21-4-201-210 EDN: BKQMPW

Сведения об авторах:

Новичкова Дарья Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка и литературы, специализированный лицей «Арыстан», Республика Казахстан, 041610, Алматинская область, Талгарский район, Бескайнарский сельский округ, с. Бескайнар, ул. Жамбыла Жабаева, д. 67. ORCID: 0000-0002-5967-2501.

Муминов Салахитдин Омирдинович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, 050040, Алматы, пр. Аль-Фараби, д. 71. ORCID: 0000-0002-7137-737X; SPIN-код: 6502-4880. E-mail: s.muminov2012@yandex.ru

Демченко Алена Сергеевна, доктор PhD, ассоциированный профессор кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, 050040, Алматы, пр. Аль-Фараби, д. 71. ORCID: 0000-0002-0635-9247.

Ананьева Светлана Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая отделом международных связей и мировой литературы, Институт мировой литературы и искусств им. М.О. Ауэзова, Республика Казахстан, 050010, Алматы, ул. Курмангазы, д. 29, 2 этаж. ORCID: 0000-0001-7349-1590.

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 636–646
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
CONTEMPORARY LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-636-646
EDN: AZOZIV
УДК 82-193

Научная статья / Research article

Генезис, имплементация и функция двух типов остранения в поэзии Вс.Н. Некрасова 1960-х гг.

М.Е. Сапрыкин

Государтсвенный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина, Москва, Российская Федерация
✉mikhail2909@gmail.com

Аннотация. Рассматривается один из начальных этапов творческой эволюции поэта Вс.Н. Некрасова, его роль в русской литературе 1950–2000-х гг. с целью уточнения картины русской неофициальной литературы второй половины XX в. Представляется, что знакомство и последующее вхождение Некрасова в состав Лианозовской группы поздней осенью 1959 г. привело к усилению в его творчестве конкретистского начала, сложившегося еще в середине 1950-х гг. Новизна статьи – в определении творческих новаций Некрасова в поэзии 1960-х гг. как реализации двух типов остранения слова. Первый был непосредственно связан с приемом лексического повтора и предполагал погружение слова в ряд многочисленных созвучий, аттракций и контекстов. Второй, напротив, предполагал минималистичное абсорбирование слова на пространстве книжного листа. Оба этих типа остранения вели к деавтоматизации повседневной речи и обнаружению творческого начала потенциально в каждом слове. Вместе с тем указанные подходы не только не противоречили друг другу, но гармонично сосуществовали как в одном художественном тексте, так и в контексте поэтического сборника. Выработанные типы остранения слова к концу 1960-х – началу 1970-х гг. привели к актуализации прагматического аспекта и к пониманию самим Некрасовым художественного текста как действия. Кроме того, проанализированные типы остранения позволяют выявить общие эстетические принципы поэта, в частности его веру в творческий потенциал каждого слова, что отличало Некрасова от некоторых других представителей московской неофициальной литературы.

Ключевые слова: Всеволод Некрасов, неофициальная литература, Лианозовская группа, московский концептуализм, художественный прием, прагматика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Сапрыкин М.Е., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

История статьи: поступила в редакцию 25 января 2026 г.; отрецензирована 18 марта 2026 г.; принята к публикации 20 мая 2026 г.

Для цитирования: *Сапрыкин М.Е.* Генезис, имплементация и функция двух типов остранения в поэзии Вс.Н. Некрасова 1960-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 636–646. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-636-646 EDN: AZOZIV

The Genesis, Realization, and Function of Two Types of Defamiliarization in V.N. Nekrasov's Poetry of the 1960s

Mikhail E. Saprykin

A.A. Bakhrushin State Central Theatre Museum, Moscow, Russian Federation
✉mikhail2909@gmail.com

Abstract. The relevance of this article is determined by the importance of the role that the poet V.N. Nekrasov played in Russian literature between the 1950s and the 2000s, as well as the need to clarify and add complexity to the picture of Russian unofficial literature of the second half of the 20th century. The purpose of this article is to describe one of the initial stages of Nekrasov's creative evolution. His acquaintance with and subsequent joining of the in Lianozovo Group in the late autumn of 1959 led to an intensification of the concretist element in his work, which had developed in the mid-1950s. The novelty of the article lies in the definition of Nekrasov's creative innovations in the poetry of the 1960s as the realization of two types of defamiliarization of the word. The first was historically rooted in the device of lexical repetition and involved immersing the word in numerous consonances, attractions, and contexts. The second one, on the contrary, entailed a minimalistic absorption the word across the space of the book page. Both types of defamiliarization led to the deautomatization of everyday speech and the discovery of a creative principle potentially inherent in every word. At the same time, these approaches not only did not contradict each other, but harmoniously coexisted both in one literary text and in the context of a poetry collection. The result of the research is the identification of the mechanism of Nekrasov's creative evolution. By the end of the 1960s and the beginning of the 1970s, the developed types of defamiliarization of the word led to the actualization of the pragmatic aspect and to Nekrasov's own understanding of the literary text as an act. In addition, the analyzed types of defamiliarization make it possible to identify Nekrasov's more general aesthetic principles, particularly his belief in the creative potential of every word, which distinguished Nekrasov from some other Moscow unofficial poets.

Keywords: Vsevolod Nekrasov, unofficial literature, Lianozovo Group, Moscow conceptualism, artistic device, pragmatics

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: submitted January 25, 2026; revised March 18, 2026; accepted May 20, 2026.

For citation: Saprykin, M.E. (2026). The Genesis, Realization, and Function of Two Types of Defamiliarization in V.N. Nekrasov's Poetry of the 1960s. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 636–646. (In Russ.) http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-636-646 EDN: AZOZIV

Введение

Поэзия Всеволода Николаевича Некрасова (1934–2009) с 1970-х гг. является объектом разнообразных и богатых на результаты литературоведческих исследований. В пионерских работах о творчестве Некрасова отмечались такие особенности его поэтики, как использование лексического повтора (Ujvary, 1975) и паронимической аттракции (Janecek, 1989), минимализм, актуализация визуальной составляющей стихотворений и некоторые другие приемы (Hirt, Wonders, 1992), которые при этом не были встроены в более широкие концепции. В 1990–2000-е гг., когда неподцензурная литература стала доступна постсоветскому академическому миру, поэзия Всеволода Некрасова чаще оказывалась в поле зрения литературоведов, хотя нельзя не отметить характерную для работ тех лет редукцию. В 1990–2000-е гг. исследователи неподцензурной литературы чаще отдавали предпочтение работам обобщающего характера, в которых анализировались магистральные тенденции неофициального литературного процесса. С одной стороны, этот подход позволял экстенсивно восполнить пробелы, возникшие в годы замалчивания неподцензурных авторов, и вернуть в оборот как можно больше имен, а с другой – это закономерно вело к выстраиванию истории неофициальной литературы как истории литературных групп, а не отдельных персоналий. При таком подходе нельзя не отметить неизбежно возникающие упрощения как на синхронном уровне (описание творческой индивидуальности автора через поэтику того или иного литературного объединения), так и на диахронном (игнорирование изменений в творчестве отдельного автора на исторической дистанции). Поэтому характерно, что отмеченные еще первыми исследователями формальные особенности поэзии Некрасова в работах 1990–2000-х гг. связывались либо с поэтикой Лианозовской группы[1] (Кулаков, 1999, с. 11–34), либо с творческой практикой московского концептуализма[2] (Эпштейн, 2019, с. 174–175).

Исследования неофициальной литературы последних лет, напротив, стремятся к анализу индивидуальных поэтических и прозаических миров (Lipovetsky et al., 2024; Smola et al., 2024), то же можно сказать и об изучении поэзии Некрасова (Зыкова, 2024, с. 161–173; Зыкова, Пенская, 2021, с. 211–238). Сложившийся подход к анализу творчества Вс.Н. Некрасова представляется крайне продуктивным, поскольку за полувековой путь, начавшийся в середине 1950-х гг., поэзия автора не могла не меняться, оставаясь при этом актуальной и в среде лианозовцев, и в среде московских концептуалистов, и для младшего поколения авторов уже 1980–1990-х гг. (И.А. Ахметьева, М.А. Сухотина, Г. Лукомникова и др.). Анализ происходивших изменений позволит подчерк-

[1] См.: *Лейдерман Н.М., Липовецкий М.Н.* Современная русская литература 1950–1990-е годы учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032900 – Рус. яз. и лит. : в 2 томах. Т. 1. М. : Academia, 2003. С. 391–403.

[2] См.: *Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература : учеб пособие. М. : Флинта : Наука, 2001. С 197–202.

нуть индивидуальность творческой практики Некрасова и избежать наложения коллективной творческой идентичности (Лианозовской группы, московского концептуализма или неподцензурной поэзии в целом) на автономный художественный мир поэта. Попытаемся рассмотреть одну ступень творческой эволюции Некрасова. В качестве методологической основы используем концепцию остранения, сформулированную в классической работе В.Б. Шкловского «Искусство как прием» (1983, с. 9–25). Как нам представляется, в 1960-е гг. Некрасов выработал два способа остранения повседневного слова, которые определили специфику его индивидуального творческого голоса. При этом импульсом, который усилил сложившееся еще в середине 1950-х гг. конкретистское начало в поэзии Некрасова, стало его вхождение в Лианозовскую группу.

Генезис остранения в поэзии Некрасова

Как известно, личное знакомство Некрасова с поэтами Лианозовской группы состоялось осенью 1959 г. благодаря А.И. Гинзбургу, опубликовавшему в № 1 самиздатского журнала «Синтаксис» стихи Г.В. Сапгира, И.С. Холина и самого Некрасова, а также других поэтов. Некрасов неоднократно вспоминал, что в Лианозове особенно близкими для него были горизонтальные связи, лежавшие в основе социального взаимодействия между участниками группы, а также однонаправленность собственных творческих поисков и поисков других поэтов – Е.Л. Кропивницкого, Г.В. Сапгира и И.С. Холина, а позже и Я. Сатуновского (Зыкова, Пенская, 2022, с. 149–157). Большинство исследователей схожи во мнении, что каждый из перечисленных поэтов обладал индивидуальным авторским голосом, поэтому попытка выделить какую-либо общую черту поэтики для каждого из них вряд ли возможна. Тем не менее сложносочиненное творческое родство поэтов-лианозовцев отмечал М.Н. Айзенберг (1999, с. 110–112), а вслед за ним и М.Г. Павловец (2021, с. 57–58). Для лианозовцев общим было недоверие к поэтизированному, «олитературенному» слову, что, судя по всему, было видовым сходством всей европейской поэзии, остро реагировавшей на разрушительные катастрофы первой половины XX в. К этим крайне ценным наблюдениям кажется необходимым сделать небольшое дополнение, которое позволит уточнить положение Некрасова в Лианозове. Осенью 1959 г. Некрасов приезжает в Лианозово как поэт с уже сформированным авторским методом, однако сопоставительный анализ сборников, датируемых 1959 и 1961 гг., позволяет проследить и то влияние, которое Лианозово оказало на него.

В архиве Некрасова сохранилась авторская машинопись самиздатского поэтического сборника «Ерунда Сует»[3], на обложке которого сохранился

[3] Машинопись этого сборника в данный момент передана наследниками поэта в РГАЛИ, в котором фонд поэта пока недоступен. Отсканированную версию сборника автору предоставила одна из наследниц Некрасова, доктор филологических наук, доцент, профессор филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Г.В. Зыкова.

рукописный инскрипт поэта: «Русанову А.Б. от Севы 8/VII – 59 г.». Этот архивный документ представляет огромный интерес, поскольку позволяет реконструировать облик поэзии Некрасова на момент середины 1959 г., то есть еще до его приезда в Лианозово. Мир лирического субъекта сборника «Ерунда Сует» – это мир молодого человека оттепели. Много стихотворений посвящены природе («Небо в тучах / Мокрых очень. / Солнце то, / Чего мы хочем»; «От востока с заходом слиться / Через небо во весь размах»; «Я сучков не ломал, / Листьев я не сжигал. / Восходи, месяц май, / На поживу жукам»), но чаще встречаются элементы городского пейзажа, очевидно, московского («Под ногой от порога / Шевелится листва. / Тут должна быть дорога, / Там должна быть Москва»). Лирический герой переживает первые любовные удачи («Ну, девочка, тебя не убудет / От прощального одного) и неудачи («Потому что город уже весь / Днем и ночью, летом и зимою / Смотрит на меня – как вещь / Что подарена тебе не мною»), сдает сессию в университете («Светятся соседние крыши / Мы не спим – читаем и пишем») и разделяет общее для тех лет увлечение джазом («Алые реклами[4] ли / Черный лак ли / Белые ли клавиши / Бьют, как капли»), а также литературными и кинематографическими новинками («Грэм Грин», «Летят журавли»). Отразились в этом тексте и биографически близкие Некрасову темы: голодные годы войны («Но луну я пробовал на язык / В сорок первом году в Казани»), уже послевоенная, оттепельная и студенческая бедность («Что вы от меня хотите? / Я на сдельной. Я без денег. / Знают все в моей квартире – / Я отъявленный бездельник»). Порой в этих ранних стихотворениях встречаются характерные для юношеской поэзии максимализм и нарочитая поэтическая поза («Я справляю скверный юбилей, / Я, наверное, сегодня заболею»; «Вероятно, впоследствии я умру…/ Думаете вру?.. / Нет, серьезно»). Несмотря на присутствие некоторых пессимистичных по настроению и теме стихотворений, можно отметить доминирующий пафос молодости, радость жизненных открытий, ощущение красоты окружающей жизни. В сборнике явно прослеживается конкретистская составляющая, благодаря которой поэзия Некрасова, несмотря на характерную для поэзии оттепели юношескую интонацию и тематику, была воспринята лианозовцами как родственная. Некрасов активно работает с аллитерацией и ассонансами, которые отдаленно напоминают паронимическую аттракцию в более поздних произведениях поэта («Это капли / Автомобилей / Блики в лаке / Плавали, плыли»); нарушается и традиционная строфика стиха, что впоследствии приведет к будущим экспериментам с визуальной составляющей стихотворений («Белый свет бел / Как / Не своя / Мелкая тарелка»); активно используется живая, устная речь и служебные слова («Где-то тут, / Где-то там, / Где-то около лица»; «Все бы стекла выбили / Кабы видели»). В сборнике есть даже одно стихотворение, в котором используется примечание («Шли солдатики на бой…»), что напоминает многочисленные сноски, которые Некрасов часто использовал

[4] Воспроизводится в соответствии с орфографией машинописи. Вероятно, такое написание объясняется необходимостью ассонанса.

в своих поздних текстах и осмыслял как один из своих главных приемов в теоретическом тексте «Объяснительная записка» (Журавлева, Некрасов, 1996, с. 299–304).

Конкретистская составляющая начнет активнее развиваться и разрабатываться Некрасовым после его знакомства с лианозовцами, о чем свидетельствует авторский самиздатский сборник «Слово за слово», воспроизведенный усилиями наследников в 2013 г. Из сорока двух стихотворений сборника «Ерунда Сует» в «Слово за слово», датируемый 1961 г., попадут только пятнадцать. Практически все тексты, не вошедшие в «Слово за слово», отличались нарочитой литературностью или наличием характерных для оттепельной поэзии образов и мотивов. Большинство из шестидесяти шести новых (или ранее не включенных в «Ерунду Сует») стихотворений из сборника «Слово за слово» можно с уверенностью определить как конкретистские, поскольку зачастую они строятся на регистрации того или иного фрагмента речи как поэтического и на отказе от попыток эстетизации, «олитературивания» слова: «Дятел бил. / Лист упал. / Дятел делал листопад»[5]; «Относительно небес – / Свод небес / Совсем белес»[6]; «Охотник / Выстрелил / По зайцу. / А если бы ему самому дробью в задницу»[7]. Знакомство и параллельное сотворчество с лианозовцами существенно повлияло на творческую практику Некрасова, что выразилось в избавлении от характерных для поэтической продукции оттепели штампов и в возросшем внимании к повседневной речи как источнику свободного, поэтического слова. Однако и в этом аспекте поэзия Некрасова отличается от творческой практики Сапгира или Холина. Как отмечали Айзенберг и Павловец в уже упомянутых работах, Некрасов не разделяет общего для европейской конкретной поэзии и русского конкретизма в его лианозовском варианте скепсиса по отношению к поэтическому слову и сохраняет веру в возможность лирического высказывания, о чем поэт вспоминал уже в середине 1990-х гг.: «Выражаясь по-теперешнему, хотелось лирического конкретизма – хотя тогда мы так не разговаривали» (Журавлева, Некрасов, 1996, с. 503). Эта вера Некрасова в возможности лирического и – шире – поэтического, художественного слова будет позже отличать его от многих авторов из круга московских концептуалистов.

Два механизма реализации остранения

Конкретистская творческая практика, характерная для поэтов Лианозовской группы, послужила стимулом к поиску поистине свободного, поэтического слова и тем самым задала направление творческой эволюции Некрасова в 1960-е гг. Конкретизм при этом не следует понимать как тривиальную фиксацию повседневной речи в качестве художественной на основе исключительно своевольного решения поэта. В своих теоретических текстах, основной

[5] *Некрасов Вс.Н.* Авторский самиздат (1961–1976). М. : Совпадение, 2013. С. 35.

[6] Там же. С. 42.

[7] Там же. С. 46.

корпус которых был создан в 1970–1980-е гг., Некрасов неоднократно подчеркивал актуальность критерия качества, по которому и определяется (не)состоятельность художественного произведения[8]. Регистрация фрагмента повседневной речи как поэтической, с точки зрения Некрасова, является результатом не случайного и произвольного акта номинации со стороны художника, а результатом работы по остранению повседневного слова и превращения его в слово художественное. Анализ самиздатского сборника «Новые стихи Севы Некрасова» (1965) и «Авторского поэтического свода» (1970) показывает, что в 1960-е гг. Некрасов выработал два магистральных метода остранения слова.

Первый из них был изначально связан с приемом лексического повтора. Двойное использование одного и того же слова появляется в поэзии Некрасова в начале 1960-х гг.: «Фотография / Фотография // Безобразия / Безобразия»[9]; «Кавказ кавказ / Учхоз учхоз // Пейзаж пейзаж / Рюкзак рюкзак»[10], «Мандарины мандарины / Помидоры помидоры / Виноградыы виноградыы / Агудзеры агудзеры»[11] и т.д. Очевидно, что в повседневной речи говорящий не повторяет слова (за исключением медицинских случаев нарушения речи); в художественном – и особенно поэтическом – тексте повтор в одной строке, строфе или в целом произведении неизбежно акцентирует внимание на слове, выводит его из автоматизма восприятия и превращает его в объект рефлексии. Тогда же, в начале 1960-х гг., Некрасов задумывает создание крупного произведения, которое было бы целиком построено на повторе и на приемах, родственных или созвучных ему. Работу над этим текстом Некрасов продолжал до своей смерти, однако при публикации завершенного фрагмента словаря поэт сформулировал цель этого произведения следующим образом:

> Собственно говоря, в виде текста должен был как бы оформиться не больше не меньше, как активный словарь автора. И наиболее активная часть пассивного – скажем так; активизируемого словарного запаса. То, что в голове под рукой. Что знаю, как сказать, и готов услышать. Для чего надо было на слух, на зуб, повтор и отбор внимательно перепробовать что-нибудь несколько десятков тысяч слов. Никуда не денешься[12].

Синтагматический уровень этого произведения организован при помощи двухкратного повтора отдельных слов или небольших словосочетаний в одном или двух стихах: «печать печать / союзпечать / союзпечать / боюсь читать»[13]. Однако на парадигматическом уровне, как уже писал М.Г. Павловец, слова собирались в единое целое по ритму, интонации, паронимическому созвучию, семантическому сходству (2020, с. 363–378), что по характеру функ-

[8] *Некрасов Вс.Н.* Авторский самиздат (1961–1976). М. : Совпадение, 2013. С. 305–323.

[9] Там же. С. 94.

[10] Там же. С. 98.

[11] Там же. С. 104.

[12] *Некрасов Вс.Н.* К тексту «Правила исключения» // Друзья и знакомые кролика. 2001. URL: https://frkr.ru/FRIENDS/NEKRASOV/Pravila.html (дата обращения: 21.07.2025).

[13] Там же.

ционирования напоминает паронимическую аттракцию, один из излюбленных приемов Некрасова (Janecek, 1989). Попытка реализовать лексический повтор в рамках крупного произведения закономерно предопределило один из видов остранения в поэзии Некрасова, который строится на включении слова в сеть многочисленных (и потенциально бесконечных) связей с другими словами, благодаря чему оказывается возможным обнаружить заложенное в слове как творческое, так и авторитарное начало.

Параллельно с этим методом уже во второй половине 1960-х гг. Некрасов приходит к еще одному, прямо противоположному по исполнению (но не по функции) способу работы со словом – его абсорбции и минимизации возможных контекстуальных связей. В «Авторском поэтическом своде» (1970) можно найти ряд текстов, в которых либо заметно сокращено количество используемых в стихотворении лексем («Луна / А / Луна / А / Луна / <…> А небо / О»)[14]; либо заметно редуцировано положение текста на пространстве листа («Вот она // Свобода / От снега»[15]; «Одно только / То что видно // Всё это»[16]). Вспоминая, как он пришел к этому методу, Некрасов рассказывал в интервью В.Г. Кулакову о создании артефакта – небольшого размера карточек с одним или несколькими словами на них: «И параллельно, у меня была вторая попытка самодействующего, „волшебного“ метода: отдельные возгласы, маленькие таблички на колечках. Дело не в колечках, а в том, что надо было каждую табличку отделить от другой. Чтобы каждый возглас был самостоятельным. Возгласы были, например, такие: „вот“, „хлоп! – и все не так уж плохо“. Здесь не повтор, а если угодно, что-то повтору противоположное» (Зыкова, Пенская, 2022, с. 114–115). Этот минималистский метод закономерно приводил к интенсификации тесноты стихотворного ряда, поскольку все внимание читателя оказывалось сконцентрировано на нескольких лексемах, из которых и состоял текст. Тем самым расположенное на всем пространстве листа повседневное слово или даже междометие деавтоматизируется и обнаруживает свою поэтическую природу. Стоит отметить, что в 1970-е гг. этот метод будет развиваться дальше, что приведет к редукции текстов Некрасова до отдельных дейктических единиц, которые и составляли текст стихотворения, а уже в 1980-е гг., как отмечала Г.В. Зыкова, «в лирике Некрасова складывается эстетика радикального минимализма, допускающего нелексические средства создания смысла (положение слов на листе, астериски, точки, линии и проч.)» (2020, с. 153).

Заключение

Итак, знакомство с поэтами Лианозовской группы интенсифицировало поиски Некрасовым собственного метода в 1960-е гг., благодаря чему в его творчестве сформировались два приема остранения: либо путем гиперконтекстуализации, либо, напротив, минимизации возможных связей. Стоит

[14] *Некрасов Вс.Н.* Авторский самиздат (1961–1976). С. 361.

[15] Там же. С. 406.

[16] Там же. С. 425.

отметить, что в поэзии Некрасова вряд ли можно говорить о строгом разделении этих подходов, которые могли успешно сочетаться как в рамках одного текста, так и на более общем композиционном уровне, когда минималистичные произведения при публикации заполняли все пространство листа. Именно таким образом были расположены стихи в прижизненной книге поэта «Живу. Вижу». В интервью М.А. Кучерской Некрасов по случаю выхода этой книги назовет такой способ расположения текстов одним из наиболее предпочтительных[17].

Выработанные Некрасовым в 1960-е гг. методы остранения обусловили эволюцию его творчества в следующем десятилетии. В корпусе текстов Некрасова 1970–1980-х гг. можно отметить ослабление семантического аспекта и противоположное усиление прагматического аспекта поэтического произведения. Сам процесс преображения становится сутью произведения; иными словами, произведения Некрасова функционируют не как констативы, но как перформативы: они не столько обозначают что-либо, сколько совершают определенное действие, поскольку сам процесс остранения слова становится сутью текста, стремящегося к обнажению творческого потенциала гипотетически каждого возможного слова.

Вместе с тем проанализированный этап творческой эволюции Некрасова 1960-х гг. позволяет сделать важное наблюдение об общих эстетических принципах, которых придерживался автор. Как известно, творческая практика московского концептуализма базировалась на тотальном недоверии к слову и поиске авторитарных пресуппозиций и интенций, пронизывающих тот или иной тип дискурса. Творческая позиция Некрасова в этом аспекте оказывается противоположной общему для круга московского концептуалистов скепсису. Некрасов верит в слово, и выработанные им в 1960-х гг. методы остранения будут играть важную роль как в критике, так и в апологии слова в его зрелом творчестве 1970–1980-х гг.

Список литературы

Айзенберг М.Н. Точка сопротивления // Взгляд на свободного художника. М. : Гендальф, 1999. С. 110–112.

«Живем словом»: Всеволод Некрасов в письмах и воспоминаниях / сост. и отв. ред. Г.В. Зыкова, Е.Н. Пенская. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 640 с. https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2112-0 EDN: DEYCWD

Журавлева А.И., Некрасов Вс.Н. Пакет. М. : Меридиан, 1996. 629 с.

Зыкова Г.В. «*ГОСПОДЬ БОГ* / *по умолчанию»: некоторые особенности проговаривания сакрального в лирике Всеволода Некрасова // Неканоническая эстетика : материалы VII Апрельской междисциплинар. науч. конф., Тверь, 27–28 апреля 2020 г. / отв. ред. С.В. Денисенко. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2020. Т. 7. С. 143–159. https://doi.org/10.31860/978-5-7609-1596-2-143-159 EDN: NZDUCM

[17] *Некрасов Вс.Н.* Не хочу и не ищу – живу и вижу // Русский журнал. 2002. 23 декабря. URL: https://web.archive.org/web/20190319173257/http://old.russ.ru/ist_sovr/20021223_nekr.html (дата обращения 20.07.2025).

Зыкова Г.В. Стихотворение Всеволода Некрасова «И я про космическое» в контексте 1959 года // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2024. № 9. С. 161–173. https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-9-161-173 EDN: OQSVVA

Зыкова Г.В., Пенская Е.Н. «Детский случай» Всеволода Некрасова в памяти свидетеля // Шаги / Steps. 2021. Т. 7. № 1. С. 211–238. https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-211-238 EDN: SEMUGY

Кулаков В.Г. Поэзия как факт. М. : Новое литературное обозрение, 1999. 400 с.

Павловец М.Г. «Лианозовская школа» и «конкретная поэзия» // «Лианозовская школа»: между барачной поэзией и русским конкретизмом. М. : Новое литературное обозрение, 2021. С. 32–59.

Павловец М.Г. «Мой словарь» Вс. Некрасова: между неоавангардистскими «системами» и поставангардистскими «сериями» // Субъект и лиминальность в современной поэзии. Т. 8.1. Границы, пороги, лиминальность и субъективность в современной русскоязычной поэзии. Berlin : Peter Lang, 2020. С. 363–378.

Шкловский В.Б. Искусство как прием // О теории прозы. М. : Советский писатель, 1983. С. 9–25.

Эпштейн М.Н. Постмодернизм в России. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. 608 с.

(Counter-)Archive: Memorial Practices of the Soviet Underground / ed. by K. Smola, I. Kukulin, A. Bachmaier. Berlin : Springer Nature, 2024. 521 p. https://doi.org/10.1007/978-3-031-67133-3 EDN: LHERLL

Janecek G. Vsevolod Nekrasov, master paronymist // The Slavic and East European Journal. 1989. Vol. 33. No. 2. P. 275–292. https://doi.org/10.2307/309348

Kulturpalast Neue Moskauer Poesie & Aktionskunst / Hrsg. u. ins Dt. übertr. von Günter Hirt and Sascha Wonders. Wuppertal : S-press, 1984. 155 s.

The Oxford Handbook of Soviet Underground Culture / eds. by M. Lipovetsky, M. Engström, T. Glanc, I. Kukuj, K. Smola. New York : Oxford University Press, 2024. 1044 p. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197508213.001.0001

Ujvary L. Inoffizielle sowjetische Dichtung: Eine Einführung // Freiheit ist Freiheit inoffizielle sowjetische Lyrik : Russisch, Deutsch. Zürich : Arche Verlag, 1975. S. 9–15.

References

Ajzenberg, M.N. (1999). The point of resistance. In *A Look at a Freelance Artist.* Moscow: Gendalf Publ. (In Russ.)

Epstein, M.N. (2019). *Postmodernism in Russia.* Azbuka, Azbuka-Atticus Publ. (In Russ.)

Janecek, G. (1989). Vsevolod Nekrasov, master paronymist. *The Slavic and East European Journal, 33*(2), 275–292. https://doi.org/10.2307/309348

Hirt, G., & Wonders, S. (Eds.). (1984). *Kulturpalast Neue Moskauer Poesie & Aktionskunst* (pp. 7–18). S-Press.

Kulakov, V.G. (1999). *Poesy as a Fact.* Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)

Lipovetsky, M., Engström, M., Glanc, T., Kukuj, I., & Smola K. (Eds.). (2024). *The Oxford Handbook of Soviet Underground Culture.* Oxford University Press. https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197508213.001.0001

Pavlovets, M.G. (2021). “Lianozovo school” and “Concrete Poetry”. In *The Lianozovo School: Between Barrack Poetry and Russian Concretism* (pp. 32–59). Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ. (In Russ.)

Pavlovets, M.G. (2020). “My Dictionary” by Vs. Nekrasov: between neo-Avant-garde “systems” and post-Avant-garde “series”. In *Subjekt und Liminalität in der Gegenwartsdichtung. Bd. 8.1: Grenzen, Schwellen, Liminalität und Subjektivität in der russischen Gegenwartsdichtung* (pp. 363–378). Peter Lang. (In Russ.)

Shklovsky, V.B. (1983). Art as a device. In *About the Theory of Prose* (pp. 9–25). Moscow: Sovetskij Pisatel' Publ. (In Russ.)

Smola, K., Kukulin, I., & Bachmaier, A. (Eds.). (2024). (*Counter-)Archive: Memorial Practices of the Soviet Underground*. Springer Nature, 2024. 521 p. https://doi.org/10.1007/978-3-031-67133-3 EDN: LHERLL

Ujvary, L. (1975). Unofficial Soviet poetry: an introduction. In *Freiheit ist Freiheitinoffizielle sowjetische Lyrik: Russisch, Deutsch* (pp. 9–15). Arche Verlag.

Zhuravleva, A.I., & Nekrasov, Vs.N. (1996). *The Package.* Moscow: Meridian Publ. (In Russ.)

Zykova, G.V. (2020). "*GOSPOD' BOG* / *po umolchaniyu" (Lord God / by default): Some features of articulating the sacred in the lyrics of Vsevolod Nekrasov. In *S.V. Denisenko (Ed.), Non-Canonical Aesthetics: Proceedings of the 7th April Interdisciplinary Scientific Conference, Tver, April 27–28, 2020* (Vol. 7, pp. 143–159). Tver State University. (In Russ.) https://doi.org/10.31860/978-5-7609-1596-2-143-159 EDN: NZDUCM

Zykova, G.V. (2024). Vsevolod Nekrasov's poem "And I Mean the Cosmic" in the context of 1959. *RSUH/RGGU Bulletin. Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies,* (9), 161–173. (In Russ.) https://doi.org/10.28995/2686-7249-2024-9-161-173 EDN: OQSVVA

Zykova, G.V., & Penskaya, E.N. (2021). "Children's Case" by Vsevolod Nekrasov in the memory of a witness. *Shagi / Steps, 7*(1), 211–238. (In Russ.) https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-1-211-238 EDN: SEMUGY

Zykova, G.V., & Penskaya, E.N. (Eds.). (2022). *Living in the World: Vsevolod Nekrasov in Letters and Memoirs*. HSE Publishing House. (In Russ.) https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2112-0 EDN: DEYCWD

Сведения об авторе:

Сапрыкин Михаил Евгеньевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Государственный центральный театральный музей им. А.А. Бахрушина, Российская Федерация, 115054, Москва ул. Бахрушина, д. 31/12, стр. 1. ORCID: 0009-0002-0030-113X; SPIN-код: 4411-3324. E-mail: mikhail2909@gmail.com

Bio note:

Mikhail E. Saprykin, PhD in Philology, Senior Researcher, A.A. Bakhrushin State Central Theatre Museum, 31/12 Bakhrushin St, bdlg 1, Moscow, 115054, Russian Federation. ORCID: 0009-0002-0030-113X; SPIN-code: 4411-3324. E-mail: mikhail2909@gmail.com

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 647–657
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-647-657
EDN: BFEBCC
УДК 82.01

Научная статья / Research article

Инициация как сюжетообразующий элемент романов М. Елизарова

О.А. Клинг, И.О. Ермолаев ✉

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
✉jahislove888@gmail.com

Аннотация. Рассматривается понятие инициации, детально проанализированное в трудах представителей традиционализма (Р. Генона, Ю. Эволы, М. Элиаде) и играющее сюжетообразующую роль во многих произведениях современного русского писателя М. Елизарова. *Цель* – проанализировать конкретные формы, которые инициация принимает в прозе писателя. Выдвигается тезис о том, что инициация понимается Елизаровым как экзистенциальный переход персонажа из профанного (обыденного) в сакральное (магическое) состояние. Данный переход носит стадиальный характер и может быть пройден персонажем как полностью, так и частично. Собственно магическому посвящению предшествует воинское, принятие которого невозможно без предшествующей маргинализации. Последняя не является непосредственной частью инициатического процесса, но выступает его необходимой предпосылкой. Несмотря на то что инициация представляет собой процесс, происходящий «внутри» человека, она невозможна без совершения субъектом особых действий – обрядов. Фигурирующие в романах Елизарова инициатические обряды выполняют сходные функции, однако обладают рядом формальных различий, которым также уделяется внимание в исследовании.

Ключевые слова: персонаж, мистика, традиционализм, современная русская литература, современная русская проза, автор

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных, написание статьи – И.О. Ермолаев; научное редактирование – О.А. Клинг. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 января 2026 г.; отрецензирована 18 марта 2026 г.; принята к публикации 20 мая 2026 г.

© Клинг О.А., Ермолаев И.О., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Клинг О.А., Ермолаев И.О.* Инициация как сюжетообразующий элемент романов М. Елизарова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 647–657. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-647-657 EDN: BFEBCC

Initiation as a Plot-Forming Element of M. Elizarov's Novels

Oleg A. Kling, Ivan O. Ermolaev ✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
✉jahislove888@gmail.com

Abstract. The article examines the concept of initiation, which is analyzed in detail in the works of traditionalist thinkers (R. Guénon, J. Evola, M. Eliade) and plays a plot-forming role in many works of the contemporary Russian writer M. Elizarov. The aim is to explain the place that initiation occupies in the novels of the author. The task is to analyze the specific forms that it takes in these novels. The thesis is put forward that initiation is understood by Elizarov as the character's existential transition from a profane (ordinary) state to a sacred (magical) one. This transition is a staged process and can be undergone by the character either completely or partially. The actual magical initiation is preceded by a warrior one, and the acceptance of military initiation is impossible without previous marginalization, which is not an immediate part of the initiatory process, but serves as its necessary prerequisite. Although initiation is a process that takes place "inside" a person, it cannot be carried out without performing special actions – rituals. The initiatory rites featured in Elizarov's novels serve similar functions, but have a large number of formal differences, each of which is also discussed in the article.

Key words: character, mysticism, traditionalism, contemporary Russian prose, modern Russian prose, author

Author contributions. Development of the idea, research data collection & analysis, writing – Ivan O. Ermolaev; editing – Oleg A. Kling. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted January 25, 2026; revised March 18, 2026; accepted May 20, 2026.

For citation: Kling, O.A., & Ermolaev, I.O. (2026). Initiation as a Plot-Forming Element of M. Elizarov's Novels // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 647–657. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-647-657 EDN: BFEBCC

Введение

В творчестве М. Елизарова, современного русского писателя, лауреата ряда литературных премий, элементы традиционного реализма органично сосуществуют с мистикой. Рассмотрению различных аспектов творчества Елизарова – поэтике, аксиологии, интертекстуальности – посвящены многочисленные научные статьи, а также кандидатская диссертация Д.Ю. Юрьева

(2016). Мистическая составляющая елизаровских произведений подвергалась анализу в работах Е.А. Погорелой (2009), Н.П. Дворцовой (2010), С.Ф. Меркушова (2014), Т.С. Агаджановой и М.В. Юрьевой (2020), В.И. Павлюковой (2016), О.В. Щегольковой (2022), И.О. Ермолаева (2024а; 2024б; 2026). Инициацию, то есть акт приобщения человека к мистической реальности, в качестве значимой единицы художественного мира писателя выделил А.А. Аствацатуров. В статье «Архаический ритуал в творчестве Михаила Елизарова» Аствацатуров, вслед за А. ван Геннепом и В. Тёрнером, называет инициацию «обрядом перехода», подразумевая переход из обыденного мира в мистический. На материале сборника рассказов «Мы вышли покурить на семнадцать лет» исследователь показывает, что главными героями елизаровских произведений почти всегда оказываются люди, находящиеся в процессе инициации: «Этим персонажам не свойственно устойчивое состояние. Они внутренне подвижны, преодолевают собственные границы, <…> существуют между статусами» (Аствацатуров, 2022, с. 167). При этом внимание А.А. Аствацатурова фокусируется на тех произведениях писателя, для которых важен «мотив неудачи, непрохождения обряда»: «серия обрядов <…> так и не завершится ритуальным посвящением героя, хотя тот будет довольно долго пребывать в промежуточной, то есть лиминальной фазе (2022, с. 168).

Актуальность настоящего исследования подтверждается вниманием научного сообщества к творчеству М. Елизарова в целом и к его мистической составляющей в частности. Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые предпринимается попытка проанализировать инициатический обряд, как понимает его Елизаров, во всей полноте фаз, вплоть до успешно пройденного (состоявшегося) посвящения. Для достижения цели выбраны романы «Библиотекарь», «Земля», «Мультики». Решение поставленной задачи опирается на результаты, достигнутые И. Ермолаевым в статье «Модусы экзистенции персонажей прозы М. Елизарова» (2026). В этой работе, опирающейся, в свою очередь, на терминологический аппарат М. Хайдеггера, рассмотрены фиксируемые писателем принципиально различные состояния человека, а также установлено, что экзистенция его персонажей может пребывать в одном из четырех модусов: обывательском, подразумевающем заполненность экзистенциального контура субстанцией обыденной реальности; маргинальном, предполагающем опустошение экзистенциального контура; воинском, выражающемся в соприкосновении экзистенциального контура бывшего маргинала с мистической реальностью и в готовности персонажа усугублять это соприкосновение; или магическом, вхождение в который означает размывание экзистенциального контура и слияние экзистенции с субстанцией мистической реальности. Полное или частичное прохождение персонажем экзистенциального маршрута «обыватель – маргинал – воин – маг» является центральной сюжетной линией крупных произведений Елизарова, а акты перехода из модуса в модус неизменно выполняют сюжетообразующую функцию. Кроме того, они всегда носят ритуальный характер, являясь обрядами инициации (посвящения).

Понятие инициации: традиционалисты и М. Елизаров

Согласно М. Элиаде «…под инициацией понимают совокупность обрядов и устных наставлений, цель которых – радикальное изменение религиозного и социального статуса посвящаемого. В терминах философских посвящение равнозначно онтологическому изменению экзистенциального состояния. К концу испытаний неофит обретает совершенно другое существование, чем до посвящения» (2002, с. 12–13). Различные типы посвящения можно отнести к двум большим категориям: 1) обряды взросления, благодаря которым люди «становятся по-настоящему *человеческими существами*»; 2) специализированные посвящения, «которые отдельные индивидуумы предпринимают, чтобы выйти за рамки обыденного и получить защиту от *Сверхъестественных Существ* или даже стать им подобными», необходимые «для осуществления мистического призвания» (Элиаде, 2002, с. 317–319). Применительно к персонажам Елизарова, чья экзистенциальная динамика – это напряжение между полюсами обыденности и мистики, речь идет об инициации во втором значении, которое в трудах некоторых представителей традиционализма оказывается и вовсе единственным.

Ссылка на традиционализм актуальна также в силу почти буквального сходства характеристик, даваемых инициации и ее составляющим, с одной стороны, его приверженцами, а с другой – Елизаровым и елизаровскими героями-резонерами. Достаточно сопоставить следующие фрагменты:

1) «(инициатическая тайна) является таковой по самой природе вещей, следовательно, никоим образом не могла бы быть передана, ибо, будучи тайной чисто внутреннего порядка, она „несказуема“…» (Генон, 2004, с. 427);

2) «природа инициатической тайны невыразима, „несказуема“ – слова ее не выражают» (Елизаров, 2023, с. 228), «в том и суть, что инициатическая тайна – событие неописуемое и несказанное…»[1].

Показательно и то, что, давая определение инициации, писатель непосредственно прибегает к конструкции «по Генону…» (Елизаров, 2023, с. 261). Зафиксировав тесную связь понимания инициации Елизаровым с пониманием ее традиционалистами, необходимо сконцентрироваться на этом последнем: будучи близким елизаровскому, но, в силу аналитического, а не художественного характера транслирующих его текстов, более системным, оно может послужить объяснительной моделью некоторых сгенерированных прозаиком элементов сюжета.

Ю. Эвола считает, что «…предпосылкой к пониманию инициации является теория множественных состояний бытия, из которых человеческое состояние является только одним из множества возможных» (2020, с. 161). В художественном мире Елизарова этому отвечают имеющиеся у персонажа возможности быть аффилированным с обыденной реальностью (функционировать в качестве человека в естественном его состоянии), быть аффилированным с мистической реальностью (стать магом, сверхъестественным существом) и находиться в промежуточном состоянии (чему соответствуют модусы

[1] *Елизаров М.Ю.* Земля : роман. М. : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 765.

маргинала и воина). «Человеческое состояние со всеми теми ограничениями, которые оно накладывает на обычную индивидуальность, может быть преодолено. Речь идет об изменении состояния, о переходе от одного образа бытия к другому в совершенно объективном смысле. <…> Посвященный <…> в принципе более не принадлежит человеческому виду» (Эвола, 2020, с. 161). Стадиальность инициатического процесса анализируется Геноном, говорящим как «о стадиях и степенях одной и той же инициации» (2004, с. 573), так и о «малых» и «великих мистериях»: «„малые мистерии“ включают все то, что относится к развитию возможностей человеческого состояния», а «„великие мистерии“ касаются собственно реализации сверхчеловеческих состояний» (2004, с. 574). В прозе Елизарова первые переживаются персонажем, когда его экзистенция входит в воинский модус, вторые – когда она входит в модус магический. Для произведений писателя актуально и то, что «каждое существо на деле может дойти только до той точки, где кончаются его собственные возможности, следовательно, некоторые окажутся пригодными только для „малых мистерий“ или даже для более или менее ограниченной части последних; но это означает лишь то, что они не способны следовать инициатическим путем до конца, а отнюдь не то, что они следуют иным путем, нежели те, кто может идти дальше, чем они» (Генон, 2004, с. 573). Этот тезис Елизаров иллюстрирует, демонстрируя читателю экзистенциальную динамику различных персонажей, идентичную до определенного момента, после которого она прекращается у многих и продолжается у одного. Таковы случаи Вязинцева и Володи Кротышева, которых посвящают в воины наравне с другими, но к посвящению в маги подошедших в одиночестве; показательна реплика, обращенная к Володе Гапоном: «Я б сам с дорогой душой, но, видишь, не зовут с собой наши старшие товарищи…»[2]. «Зов», исходящий от «старших товарищей», является еще одним важным аспектом инициации. «Для инициации необходимо наличие представителя некой организации, являющейся владелицей и хранительницей эзотерических и инициатических учений, который способен передать их неофиту» (Эвола, 2020, с. 174). В прозе Елизарова функция мистагога (от др.-греч. μυσταγωγόσ – «тот, кто посвящает в мистерии») возлагается на любые сущности, находящиеся с мистической реальностью в более тесном соприкосновении, чем посвящаемый: посвятить персонажа в воины может персонаж, сам являющийся воином (опытные читатели в «Библиотекаре»), персонаж-маг (насельники кафе «Ивушка» в «Земле») или непосредственно обладающая субъектностью единица мистической реальности (Книги в «Библиотекаре»), перечень возможных посвятителей в маги сужается за счет некомпетентности в этом качестве героев-воинов. Принадлежность мистагога к обладающей соответствующими полномочиями организации возможна (маг Разумовский в «Мультиках» – сотрудник Детской комнаты милиции), но не обязательна; чаще всего она реализуется персонажами, чья экзистенция находится в воинском модусе (библиотеки и читальни в «Библиотекаре», мафиозные кланы в «Земле»).

[2] *Елизаров М.Ю.* Земля. С. 745.

Существенным дополнением к уже высказанным соображениям будет принятое в традиционализме сопоставление инициации с алхимическим Великим Деланием, показывающее отношение инициатического процесса к играющей важнейшую роль в произведениях Елизарова маргинальной экзистенциальной модальности. Великое Делание заключает в себе три этапа:

1) результатом «Работы в Черном» оказывается «состояние диссоциации организма, каковой более не удерживается в единстве жизненной силой» (Эвола, 2019, с. 137);

2) итог «Работы в Белом» «выражает состояние активного экстаза, которое прерывает обычное состояние человека» (Эвола, 2019, с. 180);

3) «Работа в Красном» позволяет «реинтегрироваться сверхприродным образом» (Эвола, 2019, с. 205).

По мнению Ю. Эволы, «…существуют определенные основания для того, чтобы провести параллели между Работой в Белом и Работой в Красном и инициацией в классические Малые и Большие (= Великие) Мистерии соответственно» (2019, с. 222), точным аналогом которых в художественном мире Елизарова являются посвящение в воина и посвящение в мага. Маргинализация же, не могущая считаться частью непосредственно инициатического процесса, выполняет в этом мире функцию «Работы в Черном», то есть дезинтеграции естественной, обыденной экзистенции персонажа, необходимой для того, чтобы она получила возможность реинтегрироваться в другом – сверхъестественном, мистическом – статусе.

Конкретные формы, принимаемые инициацией в романах М. Елизарова

Определив сущностные, смыслосодержащие характеристики инициации в прозе Елизарова, можно обратиться к рассмотрению характеристик акцидентных, обрядовых.

Воинские инициатические обряды описываются Елизаровым более подробно, чем магические, и результаты их проведения всегда предъявляются читателю непосредственно, в отличие от магических, каковые неизменно выносятся писателем за фабульные рамки произведений. Воинское посвящение протагониста детально запечатлевается прозаиком в «Земле», разветвление системы воинских посвящений организует сюжет «Библиотекаря».

Многочисленные воинские инициатические обряды, фиксируемые в «Библиотекаре», проходят по одинаковому сценарию: посвящаемый впервые читает *одну* из Книг соцреалиста Громова. Воинским посвящением с участием Книг иллюстрируются два важнейших принципа инициации. Во-первых, это упоминавшийся выше принцип «несказуемости» инициатической тайны: эффект от прочтения Книги не достигается ничем, кроме ее прочтения, не может быть воображен и адекватно описан не читавшим ее. Во-вторых, это принцип необратимости инициации («инициация любой степени является для существа, получившего ее, обретением постоянным» (Генон, 2004, с. 449)): прочи-

танная Книга не может снова стать непрочитанной. Важное различие фигурирующих в романе воинских посвящений состоит в том, кто или что выполняет в них функцию мистагога. В случаях с самыми первыми читателями, ставшими у истоков громовского универсума, ответственность за трансмиссию воинской модальности лежит на самих обладающих субъектностью Книгах. Книги посвящают людей не случайных, но обладающих «инициируемостью», то есть «определенной способностью или естественной предрасположенностью» (Генон, 2004, с. 373–374) к имеющей мистическую направленность экзистенциальной динамике; в художественном мире Елизарова инициируемость тождественна маргинальности – несовпадению экзистенции и предлагаемой ей социальной рамки, что иллюстрируется биографиями всех посвящаемых персонажей. По мере инициирования все большего числа людей Книги перекладывают мистагогическую функцию на уже посвященных – поначалу «бродячих апостолов»[3], а затем на членов организаций. Значимыми для понимания сути елизаровской воинской инициации являются также изменения, происходящие с инициированным в качестве субъекта и объекта социальных отношений внутри такой организации: лишь вместе с посвящением Вязинцев получает возможность реально руководить читальней, участвовать в военных советах с другими читальнями, а также собственные доспехи и «право на женщину»[4].

Существенным компонентом инициации являются, согласно Генону, инициатические испытания. Если в «Библиотекаре» они ограничиваются необходимостью соблюсти, читая Книгу, Условия Непрерывности и Тщания (Вязинцеву это удается лишь с третьей попытки), то в «Земле» к их прохождению сводится все воинское посвящение. Применительно к Володе речь идет об испытании встречей с одним из мистагогов – магом Лёшей Крикуном: инициируемому следует спокойно выслушать запредельно громкий крик мага, после чего ударить Крикуна с более или менее ощутимыми для него последствиями. Володя выдерживает испытание с исключительной честью, в результате чего удостаивается осмысленного вербального напутствия от мистагогов (товарищей Крикуна, других магов, постоянно обитающих в «Ивушке») и зримого знака изменения своей экзистенциальной модальности – «помраченного»[5] Лёшиным криком левого уха, чуткого к колебаниям мистической реальности; в большинстве случаев телесная трансгрессия касается персонажей Елизарова только по достижении ими магической ступени инициации, поэтому частичную трансгрессию Володи можно рассматривать как зачаток его будущей экзистенциальной динамики.

Испытание («вечный труд»[6]) невычленимо и из магического посвящения в «Библиотекаре», более того, этот обряд неотделим от вызываемого им состояния. Существование персонажа в качестве мага длится постольку,

[3] *Елизаров М.Ю.* Библиотекарь : роман. М. : Ad Marginem, 2012. С. 18.

[4] Там же. С. 243.

[5] *Елизаров М.Ю.* Земля. С. 407.

[6] *Елизаров М.Ю.* Библиотекарь. С. 360.

поскольку продолжается обряд, и полностью состоит из его прохождения – в буквальном соответствии с характеристикой, даваемой Ю. Эволой в «Работе в Красном»: «„Я“ преобразуется в ходе данных действий, при этом являясь самими действиями» (2019, с. 203). Речь идет о циклическом чтении героем *полного собрания сочинений* Громова, дающем чтецу бессмертие и отсутствие физиологических потребностей, нужные именно и только для того, чтобы не прервалось чтение: инициация и ее результат в данном случае взаимообусловливаются и переходят друг в друга. По замыслу Книг, магического посвящения может и должен удостоиться всего один представитель громовского универсума. Соответственно, в романе нет антропных персонажей, могущих выполнить в этом обряде функцию мистагога; таковая онтологически закреплена за Книгами, причем особая роль принадлежит определенной части семитомника – Книге Смысла. Своей первой читательнице, Руденко, Книга Смысла указывает на человека, избранного ею для посвящения в мага, – Вязинцева, а Вязинцеву открывает форму и суть уготованного ему посвящения. Характерно, что незадолго до того, как протагонист принимается за чтение Семикнижия, одна из старейшин громовского универсума, Горн, начинает готовить его к инициации (это слово непосредственно фигурирует в ее репликах), обряд которой намеревается провести своими силами; однако действительность заставляет Горн – совершенного воина, но не мага – продемонстрировать свою мистагогическую несостоятельность и оставить Вязинцева наедине с Книгами.

Иерархия похоронной мафии включает больше ступеней, и потому магическое посвящение главного героя «Земли» проводится антропными персонажами – магами Денисом Борисовичем и Глебом Вадимовичем, причем термин «инициация» применяется опять-таки ими самими. В ходе беседы с мистагогами Володя переживает стремительно усугубляющуюся трансгрессию, фиксирует свое одновременное пребывание в нескольких слоях реальности, что воспринимается им как испытание, проведенный над ним «болевой прием»[7]. «При этом вещее мое ухо, обычно чуткое ко всякой потусторонней опасности, смолчало, не отозвалось белым шумом»[8]: став магом, Володя получает аффилиацию с мистической реальностью, и нужда в медиаторе отпадает; вся экзистенция Кротышева, а не одно автономное от нее ухо, становится «вещей», сообщается с мистикой. Кульминационной составляющей обряда оказывается телесный контакт с мистагогом: «Денис Борисович участливо зачерпнул мою ладонь в свое прохладно-вялое пожатие»[9], – отмечает герой, – «на мое лицо приземлились и тотчас высохли веснушки его ораторской слюны»[10], – что заставляет протагониста вспомнить рассказ его возлюбленной о человеке, некогда инициировавшемся в мага посредством сжатия руки колдуньи и глотания ее плевка.

[7] *Елизаров М.Ю.* Земля. С. 736.
[8] Там же. С. 763.
[9] Там же. С. 751.
[10] Там же. С. 754.

Наиболее специфична структура магического посвящения, находящегося в центре сюжета романа «Мультики». Этот обряд отличает от рассмотренных ранее то, что он, во-первых, успешно проводится без предшествующего ему воинского посвящения, а во-вторых, переносит видимые проявления своих результатов в будущее. Это последнее свойство как имманентное всякой инициации упоминается в «Земле» («Инициация не обязана вот так взять и состояться. Достаточно того, что она заложена, как потенциальная возможность, которой можно воспользоваться или отложить»[11]), однако из упоминавшихся выше персонажей Елизарова его реализация коснулась только Шульгу и Лагудова: прочитав первые в своей жизни громовские Книги, они осуществили ставшую доступной им экзистенциальную динамику не сразу, а спустя годы, напомнив себе об имеющейся у них возможности прочтением других Книг. В «Мультиках» мистагог Разумовский говорит о повторении его экзистенциальной динамики Германом как о том, что непременно осуществится, но в тексте романа экзистенция Германа предстает технически еще не вошедшей в магический модус. Что касается отсутствия в опыте Германа воинской инициации, означающего смену его экзистенциальной модальности с маргинальной сразу же на магическую, то данному обстоятельству способствует приобретение экзистенцией героя качеств, по сути являющихся воинскими, без посредства инициации, еще в маргинальном модусе.

Магическое посвящение Германа заключается в демонстрации ему диафильма, содержанием которого является череда магических посвящений, имевших место ранее и приведших к возникновению «плеяды наставников-учеников»[12], чьим следующим звеном предстоит стать протагонисту. Елизаровым детально фиксируется умирание прежней экзистенции героя: по мере ознакомления с содержанием пленки у него сначала отекают ноги и поясница, затем немеет все тело и наконец – как у Володи Кротышева вследствие воинского посвящения – закладывает уши. Герман, лишенный прежней субъектности, получает возможность стать вместилищем субъектности иной: мистагог передает ее потерявшему волю протагонисту, заставляя его воспроизводить мимику, артикуляцию, слова, чувства и мысли рисованного двойника. В «Мультиках» трижды воспроизводится часть инициатического сценария, оговариваемая Р. Геноном, но почти не играющая роли в других произведениях Елизарова, – наделение трансмутирующего существа новым именем. Горн, обещая Вязинцеву самостоятельно инициировать его в мага, придумывает ему новую фамилию, однако посвящение происходит по иной модели, допускающей сохранение посвященным прежнего имени; Володя с подросткового возраста носит прозвище Крот, обладающее в художественном мире «Земли» важным *символическим* значением, однако назвать его *инициатическим* именем невозможно. Прозвища Рэмбо, Разум и Гребень Герман, Разумовский и Гребенюк (мистагог Разумовского) получают также не в ходе инициатических обрядов, однако вследствие обстоятельств милитарно окрашенной

[11] *Елизаров М.Ю.* Земля. С. 765.

[12] *Елизаров М.Ю.* Мультики : роман. М. : АСТ ; Астрель, 2010. С. 195.

маргинализации, без которых их дальнейшие посвящения были бы невозможны, и потому эти прозвища оказываются сущностно ближе к инициатическим именам в их традиционалистском понимании. Особого внимания заслуживает прозвище Разум, которым герой-маргинал продолжает пользоваться после посвящения в мага и даже заменяет в устной коммуникации имя, полученное при рождении. С другой стороны, инициатическое значение приобретается и самими прирожденными именами, реактуализация которых после посвящений служит знаком преодоленности прежней, маргинальной экзистенции. Так, инициация Гребенюка комментируется в диафильме словами: «На этом заканчивается рассказ о мальчике Витьке Гребне и начинается история педагога Виктора Тарасовича Гребенюка»[13]. Инициацию Германа рисованный двойник сопровождает репликой: «Только не называйте меня „Рэмбо“. После всего, что случилось, мне противно мое прозвище…»[14]. Тем же значением обладают лексемы «Аркадьевич» и «дядя», одной из которых (соответственно, либо в пост-, либо в препозиции) предлагает собеседнику сопровождать прозвище Разум инициировавшийся Разумовский.

Заключение

Настоящая работа представляет собой первую попытку комплексного рассмотрения инициации в творчестве М. Елизарова. Было установлено, что елизаровское понимание инициации близко к пониманию, предлагаемому в трудах представителей традиционализма М. Элиаде, Р. Генона и Ю. Эволы. С опорой на указанные исследования соавторы интерпретировали инициацию как смену персонажем модуса экзистенции – маргинального на воинский («малые мистерии», или воинское посвящение) и воинского на магический («великие мистерии», или магическое посвящение). На материале романов «Библиотекарь», «Земля» и «Мультики» были выявлены ключевые характеристики инициации по Елизарову – как сущностные (двухэтапность инициатического процесса, необходимость особой предрасположенности персонажа, тождественной маргинальности, а также наличия фигуры мистагога), так и акцидентные, многообразие которых соответствует многочисленности описываемых прозаиком инициатических обрядов. В заключение авторы приходят к выводу, что инициация является важнейшим элементом художественного мира Елизарова и играет в его романах сюжетообразующую роль.

Список литературы

Агаджанова Т.С., Юрьева М.В. Мифологизм повести Михаила Елизарова «Ногти» // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 23 мая 2020 г. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2020. С. 186–190. EDN: HGGGJE

[13] *Елизаров М.Ю.* Мультики. С. 200.

[14] Там же. С. 249.

Аствацатуров А.А. Архаический ритуал в творчестве Михаила Елизарова (на материале рассказа «Мы вышли покурить на семнадцать лет…») // Текст и традиция. 2022. № 10. С. 153–173. https://doi.org/10.31860/978-5-94668-365-4-153-173 EDN: FPEBJV

Генон Р. Заметки об инициации // Генон Р. Символика креста / пер. с фр. Т.М. Фадеевой и Ю.Н. Стефанова. М. : Прогресс-Традиция, 2004. С. 355–691.

Дворцова Н.П. Метафизические сказки Михаила Елизарова // Художественная литература, критика и публицистика в системе духовной культуры : сб. статей / отв. ред. С.А. Комаров. Тюмень : Печатник, 2010. Вып. 7. С. 160–167. EDN: SCFSOR

Елизаров М.Ю. Бураттини : эссе. М. : АСТ ; Редакция Елены Шубиной, 2023. 288 с.

Ермолаев И.О. Магические предметы и их место в прозе М. Елизарова // Вопросы литературы. 2024а. № 4. С. 36–50. https://doi.org/10.31425/0042-8795-2024-4-36-50 EDN: RSYDEV

Ермолаев И.О. Модусы экзистенции персонажей в прозе М. Елизарова // Новый филологический вестник. 2026. № 1(76). С. 201–210. https://doi.org/10.54770/20729316-2026-1-201 EDN: LRFAXN

Ермолаев И.О. Особенности заклинаний в прозе М. Елизарова // Новый филологический вестник. 2024б. № 2(69). С. 247–259. https://doi.org/10.54770/20729316-2024-2-247 EDN: FPIKOI

Меркушов С.Ф. Гностицизм, советский городской фольклор и творчество М.Ю. Елизарова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 339–343. EDN: TDWLOF

Павлюкова В.И. Поэтика неомифологизма в повести М. Елизарова «Ногти» // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2016. № 1. С. 72–76. EDN: XDBPOX

Погорелая Е.А. «…Кровавый отсвет в лицах есть…»: Михаил Елизаров // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 135–148. EDN: TZGJUP

Щеголькова О.В. Бордерные тенденции в романе М. Елизарова «Земля» // Филология и культура. 2022. № 3(69). С. 195–201. https://doi.org/10.26907/2074-0239-2022-69-3-195-201 EDN: CXVCWH

Эвола Ю. Герметическая традиция / пер. с ит. и предисл. Г. Бутузова. 3-е изд. Воронеж : Terra Foliata, 2019. 272 с.

Эвола Ю. О понятии инициации // Эвола Ю. Лук и булава / пер. с ит. В.В. Ванюшкиной. СПб. : Владимир Даль, 2020. С. 158–188.

Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / пер. с фр. Г.А. Гельфанд. Киев : София ; М. : Гелиос, 2002. 352 с.

Юрьев Д.Ю. Проза Михаила Елизарова (поэтика и нравственная проблематика) : автореф. дис. … канд. филол. наук [Место защиты: Север.-Кавказ. федер. ун-т]. Краснодар, 2016. 22 с. EDN: TJDMEL

Сведения об авторах:

Клинг Олег Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории литературы, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51. ORCID: 0000-0003-1543-5253; SPIN-код: 3633-7782. E-mail: teolit@philol.msu.ru

Ермолаев Иван Олегович, аспирант кафедры теории литературы, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51. ORCID: 0009-0007-8239-0864. E-mail: jahislove888@gmail.com

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 658–666
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

КОМПАРАТИВИСТИКА
COMPARATIVE STUDIES

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-658-666
EDN: BURKSH
УДК 821.112.2

Научная статья / Research article

Л.Н. Толстой в творческом восприятии Абая и Шакарима: этический диалог

К.Р. Нургали[1], Б.У. Джолдасбекова[2], Д.Е. Толбаева[1]

[1]*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Республика Казахстан*
[2]*Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан*
tolbayeva.dinara@gmail.com

Аннотация. Рассмотрена рецепция этических идей Л.Н. Толстого в казахской литературе конца XIX – начала XX в. на примере творчества Абая Кунанбаева и Шакарима Кудайбердиева. Особое внимание уделено сравнению концептов «нравственного перерождения» и «совести» в позднем творчестве Л.Н. Толстого и философском трактате Ш. Кудабердиева «Три истины». Методологическую основу исследования составляют сравнительно-исторический и герменевтический подходы, позволяющие выявить не только типологические схождения, но и культурно-религиозные различия в интерпретации универсальных этических категорий. Установлено, что Шакарим, в отличие от Абая, вступил в более прямой и осознанный диалог с Л.Н. Толстым, переосмыслив его идеи через призму казахской суфийской традиции. Ключевым понятием этого переосмысления становится «ұждан» (совесть); оно у Шакарима приобретает значение универсального критерия бессмертия души. Работа вносит вклад в изучение межкультурных литературных связей и может быть полезна специалистам по сравнительному литературоведению, а также исследователям русско-казахских литературных отношений.

Ключевые слова: диалог, Шакарим Кудайбердиев, Абай Кунанбаев, этика, совесть, рецепция, сравнительное литературоведение, суфизм

Вклад авторов. Разработка идеи, сбор и анализ исследовательских данных – К.Р. Нургали; написание статьи – Д.Е.Толбаева; научное редактирование – Б.У. Джолдасбекова. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 25 января 2026 г.; отрецензирована 18 марта 2026 г.; принята к публикации 20 мая 2026 г.

© Нургали К.Р., Джолдасбекова Б.У., Толбаева Д.Е., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Для цитирования: *Нургали К.Р., Джолдасбекова Б.У., Толбаева Д.Е.* Л.Н. Толстой в творческом восприятии Абая и Шакарима: этический диалог // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 658–666. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-658-666 EDN: BURKSH

L.N. Tolstoy in the Creative Perception of Abai and Shakarim: An Ethical Dialogue

Kadisha R. Nurgali[1], Bayan U. Joldasbekova[2], Dinara E. Tolbayeva[1]✉

[1]*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan*
[2]*Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan*
✉tolbayeva.dinara@gmail.com

Abstract. The article examines the reception of L.N. Tolstoy's ethical ideas in Kazakh literature of the late 19th – early 20th centuries through the works of Abai Kunanbaev and Shakarim Kudaiberdiev. Special attention is paid to the comparison of the concepts of "moral regeneration" and "conscience" in Tolstoy's later writings and in Kudaiberdiev's philosophical treatise *Three Truths*. Methodologically, the study is based on comparative-historical and hermeneutic approaches, which make it possible to reveal not only typological convergences but also cultural and religious differences in the interpretation of universal ethical categories. The analysis shows that Shakarim, unlike Abai, entered into a more direct and deliberate with Tolstoy, reinterpreting his ideas through the lens of the Kazakh Sufi tradition. The key concept of this reinterpretation is "uzhdan" (Kazakh for "conscience", Russian: "sovest'"), which in Shakarim's philosophy acquires the significance of a universal criterion for the immortality of the soul. The article contributes to the study of intercultural literary connections and may be useful for specialists in comparative literary studies, as well as for researchers of Russian-Kazakh literary relations.

Keywords: dialogue, Shakarim Kudaiberdiev, Abai Kunanbaev, ethics, conscience, reception, comparative literary studies, Sufism

Author contributions. Development of the idea, research data collection & analysis – Kadisha R. Nurgali; writing – Dinara E. Tolbayeva; editing – Bayan U. Joldasbekova. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted January 25, 2026; revised March 18, 2026; accepted May 20, 2026.

For citation: Nurgali, K.R., Joldasbekova, B.U., & Tolbayeva, D.E. (2026). L.N. Tolstoy in the Creative Perception of Abai and Shakarim: An Ethical Dialogue. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 658–666. (In Russ.) http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-658-666 EDN: BURKSH

Введение

Лев Толстой – фигура, чье влияние выходит далеко за пределы русской литературы. Интерес Л.Н. Толстого к восточной философии и этике неоднократно становился предметом научного анализа. Как отмечает исследователь

Р.Ф. Бекметов, писателя «увлекал Восток как средоточие различных вероучений (индуизм, буддизм, мусульманство, конфуцианство, даосизм)», причем особое место в его духовных исканиях занимал суфизм (2016, с. 110). Особая «толстовская оптика» по отношению к Востоку стала предметом масштабных исследований, наиболее значительным из которых по праву считается монография А. Шифмана «Толстой и Восток», где подробно описываются связи писателя с народами Африки и Азии (1971). Примечательно, что Ромен Роллан предсказывал, что воздействие Толстого на Азию окажется более значительным, нежели его влияние на Европу (Шифман, 1971, гл. 1).

Однако при всем внимании к «восточному вектору» Толстого исследователи сравнительно редко обращаются к тому, как его идеи были восприняты и творчески переосмыслены в культурах народов Центральной Азии. Между тем казахская интеллектуальная элита конца XIX – начала XX в. оказалась удивительно восприимчивой к основным толстовским концепциям: непротивления злу насилием и нравственного стремления к совершенствованию.

Говоря о рецепции Толстого в контексте казахской литературы, нельзя не упомянуть основоположника казахской письменной литературы, поэта, просветителя и философа Абая Кунанбаева (1845–1904). Кунанбаев и Толстой были современниками; оба пережили глубокий духовный перелом в зрелом возрасте. Для Абая центральная идея «толық адам» («целостный человек») перекликается с толстовским пафосом нравственного пробуждения: оба мыслителя видели в моральном совершенствовании единственный путь преодоления социального зла, косности среды и несправедливости. В этом плане показательна книга Ш. Сатпаевой «Веяния времени» (2000), где содержится подробная статья «Л.Н. Толстой и Казахстан».

При всем сходстве устремлений между Абаем Кунанбаевым и Львом Толстым сохранялась значительная дистанция: языковая, культурная, религиозная. Абай, глубоко укорененный в исламской традиции, двигался к универсальной этике через синтез казахской народной мудрости, суфизма и русской литературы – он одновременно знал труды Навои, Низами и Фирдоуси и переводил А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова и И.А. Крылова. Толстой же, оттолкнувшись от православия, строил свою этику на рациональном переосмыслении христианства. Их «встреча» произошла, скорее, в пространстве общечеловеческих ценностей, чем в поле прямого литературного контакта. О настоящей близости литературно-философских взглядов мы можем говорить лишь применительно к творчеству другого казахского поэта и философа – Шакарима Кудайбердиева.

В казахстанском литературоведении широкое бытование получил термин «поэты абаевской школы», проистекающий из названия работы Мухтара Ауэзова «Абай ақындығының айналасы» (1997, с. 262) и последовавших за ней трудов Каюма Мухамедханова. К числу таких поэтов автор относил сыновей Абая, Шакарима и всех, кто знал великого поэта лично; сегодня этот термин вышел за пределы личностного влияния и обозначает творческую преемственность. Шакарим Кудайбердиев (1858–1931), младший современник Абая

и его ученик, до сих пор остается фигурой малознакомой иностранному читателю, при том что именно он вступил в наиболее прямой и осознанный диалог с Толстым: переводил его прозу на казахский язык и создал под влиянием его идей собственную этическую систему – «науку совести» (ұждан ғылымы).

Проблема рецепции Толстого в национальных литературах не раз поднималась на страницах научных изданий. Однако случай Шакарима уникален: здесь мы имеем дело не с опосредованным влиянием или заимствованием сюжетов, а с глубоким духовным резонансом, в котором философская, переводческая и поэтическая работы слились в единый акт познания. Сам Шакарим утверждал, что состоял в переписке с Толстым, однако прямых документальных подтверждений этому в настоящее время не обнаружено. Отсутствие писем, впрочем, не отменяет того факта, что между двумя мыслителями шел напряженный метафизический диалог, пронизывающий все творчество Ш. Кудайбердиева – от ранних переводов до итогового трактата «Три истины». Наиболее последовательно тема духовного родства Толстого и Кудайбердиева раскрыта в работе Ж.К. Смагулова, который ввел в научный оборот понятие «унисон великих» (2012, с. 228).

Знаковым в этом смысле является стихотворение Шакарима:

Таңбаймын, шәкіртімін Толстойдың,
Алдампаз, арам сопы кәпір қойдың.
Жанымен сүйді әділет, ардың жолын,
Сондықтан ол иесі терең ойдың[1].

Цель статьи – рассмотреть, как ключевые идеи позднего Толстого (совесть, нравственное усилие, поиск истины) преломились в творчестве Шакарима Кудайбердиева и вписались в более широкий контекст казахской этической мысли.

«Три истины» как итог метафизического диалога

Центральным текстом, в котором наиболее полно отразился метафизический диалог Кудайбердиева с Толстым, является его итоговый труд «Три истины» (Үш анық), работа над которым велась с 1898 по 1928 г. Это неоднородное по жанру произведение представляет собой одновременно философский трактат, научно-популярный очерк и этический манифест. Шакарим вводит казахского читателя в круг понятий, совершенно новых для кочевой среды того периода (атом, электричество, античная философия), но не просто излагает их, а пропускает через призму собственного восприятия, давая каждому явлению нравственную оценку. Такая установка – не просто «просвещать»,

[1] *Кудайбердиулы Ш.* Жол табалық ақылмен [Найдем путь с помощью разума] : однотомный сборник сочинений. Жидебай : Халыкаралык Абай клубы, 2006. С. 187. Подстрочный перевод этих строк приводится в издании: *Кудайбердиулы Ш.* Казах в зеркальном отражении : стихи и поэмы / пер. с каз. М. Султанбекова. Семей : [б.и.], 2008. 258 с. Здесь и далее мы опираемся на поэтический перевод автора настоящей статьи Д.Е. Толбаевой: «Не отступлюсь, я ученик Толстого, / Пусть ты назвал его безбожным и лжецом. / Он был душою всей за честь и правду слова, / Глубоких дум всегда был полон он».

но, просвещая, формировать этическое отношение к миру – типологически сближает его с поздним Толстым, который, как известно, также соединял популяризацию знаний с моральной проповедью.

Шакарим верил в бессмертие души и жизнь после смерти. Его увлечение сверхъестественными явлениями часто связывают с суфизмом – мистическим направлением в исламе, для которого характерны аскетизм и стремление к непосредственному единению с Богом. Возможно, именно поэтому в числе переведенных им рассказов Толстого находится «Ассирийский царь Асархадон» (в переводе – «Асархадон-Лаэли»), где затронута тема переселения душ и присутствует прямая отсылка к учению о непротивлении злу насилием. Как отмечает Ж.К. Смагулов, шакаримовские переводы Толстого – это не механическое переложение текстов, а глубокий творческий акт, свидетельствующий о «духовном унисоне» двух мыслителей (2012, с. 227).

Душа и бессмертие: Л.Н. Толстой и Ш. Кудайбердиев

Особенно ярко глубина метафизического диалога проявляется в понимании души и ее бессмертия. В мае 1910 г., всего за полгода до смерти, Л.Н. Толстой пишет ученикам школы в селе Ключицы: «Жить надо для души, а не для тела. Тело хочет для себя, а душа – для Бога, для любви, для всех»[2]. Эта афористичная формула – квинтэссенция его позднего мировоззрения, в котором душа становится главным мерилом жизни.

Практически ту же мысль, но в иной культурной системе координат, высказывает и Шакарим. В финале «Трех истин», труда всей жизни, он формулирует эту мысль как универсальный закон: «Ничто не ущемит и не обессмертит человеческую душу, если ее, как в этой, так и в последующей жизни, одухотворяет ұждан-совесть»[3]. Иными словами, путь к бессмертию души лежит через жизнь по совести.

Сходство этих двух итоговых формулировок поразительно. И Толстой, и Кудайбердиев независимо друг от друга приходят к одному и тому же выводу: подлинная жизнь души не прерывается смертью, если человек жил нравственно; бессмертие есть функция совести, а не награда за соблюдение обряда.

Различие, однако, не менее важно, чем сходство. Толстой с его рационалистическим складом ума категорически отвергал любые формы мистики – магнетизм, спиритизм, веру в потустороннее в ее наивном виде. Шакарим же, укорененный в суфийской традиции, допускал мистическое измерение души и говорил о ее посмертном существовании в образах, близких исламскому эзотеризму. Но при всем различии исходных посылок – рационалист и суфий – оба приходят к единому этическому итогу. Этот универсальный нрав-

[2] *Толстой Л.Н.* Письмо ученикам школы в селе Ключицы (май 1910) // Полное собрание сочинений. Т. 80. М. : Художественная литература, 1910.

[3] *Кудайбердиев Ш.* Үш анық [Три истины] // Шығармалары [Сочинения]. Т. 1–2. Алматы : Жалын, 2010. С. 391.

ственный закон, проступающий сквозь разность культур и религиозных традиций, и есть главное свидетельство того, что духовный диалог между русским писателем и казахским философом действительно состоялся.

Концепт «совесть»: сравнительный анализ

Продолжая разговор о совести, необходимо отметить, что в казахском языке существует несколько слов для обозначения этого понятия: ар, ұят, ар-ұят, ождан и ұждан. Шакарим выбирает именно ұждан, прямо указывая: «Человеческую скромность, справедливость, доброту я называю мусульманским словом „ұждан“, русским – „совесть“»[4]. Выбор термина не случаен: в отличие от ар (честь) или ұят (стыд), связанных с внешней, социальной оценкой, ұждан несет в себе внутреннее, этическое измерение, что делает его идеальным мостом между толстовской этикой и казахской духовной традицией.

Применение семиотического подхода к анализу концепта открывает дополнительные перспективы для исследования. Как справедливо отмечает Ю.С. Степанов, концепт представляет собой «сгусток культуры в сознании человека» и, в отличие от понятия, является «переживаемым», включающим в себя этимологию, историю и современные смыслы (2004, с. 42–43). С этой точки зрения сравнительный анализ внутренней формы русского слова «совесть» и выбранного Шакаримом термина «ұждан» позволяет выявить глубинные культурно-мировоззренческие различия.

По мнению Ю.С. Степанова, структура русского концепта прозрачно вытекает из его внутренней формы: приставка «со-» и корень «-весть» (знание) указывают на то, что совесть есть «знание, которое задано человеку извне как закон», и что она «выступает как субъективная инстанция, санкционирующая это знание» (2004, с. 156). Русская «совесть» – это «сознание» высшего нравственного закона, который человек постигает внутри себя как нечто данное свыше. Сознательно отказываясь от исконно тюркских «ар» и «ұят», Шакарим останавливается на арабо-персидском заимствовании «ұждан», которое, как и русская «совесть», указывает на внутреннее знание. Однако, в отличие от рационалистической трактовки Толстого, «ұждан» у Кудайбердиева приобретает ярко выраженное суфийское, мистическое измерение: это не просто «знание закона», но и «свет души», позволяющий человеку различать добро и зло в «этой и последующей жизни»[5].

Оба автора апеллируют к близким понятиям доброты, совести и истинности, но Шакарим отдает предпочтение истине, которую человек не способен увидеть: «Истину человек видит не просто глазами, а глазами разума»[6]. Похожая метафора встречается и у Толстого – в позднем произведении «Путь жизни» он посвящает совести несколько абзацев, определяя ее как «зрячую, духовную часть человека» и сравнивая со стрелкой компаса, которая молчит,

[4] *Кудайбердиулы Ш.* Жол табалық ақылмен [Найдем путь с помощью разума]. С. 315.

[5] *Кудайбердиев Ш.* Үш анық [Три истины]. С. 391.

[6] Там же. С. 347.

пока человек идет верным путем, но указывает на отклонение, стоит с него сойти[7]. Совесть в понимании Кудайбердиева – это синтез скромности, справедливости и доброты, тогда как для Толстого, особенно в его поздних трудах, первостепенной была именно «доброта».

Особого внимания заслуживает история перевода рассказа «Ассирийский царь Асархадон». Как отмечает А.Б. Гольденвейзер (1959), сюжет был заимствован Толстым из «Тысячи и одной ночи»; сам Толстой в письме к Шолом-Алейхему уточнял: «Мысль сказки „Царь Асархадон“ принадлежит не мне, а взята мной из сказки неизвестного автора, напечатанной в немецком журнале *Theosophischer Wegweiser* в № 5 за 1903 год, под заглавием *Das bist du*»[8].

Примечательно, что на казахский язык это произведение было переведено Шакаримом как «Асархадон-Лаэли» – по именам двух главных персонажей, которые по сути являются одним героем. Е.Б. Сыдыков (2012) определяет этот прием как «допустимое упрощение» переводчика. В центре рассказа – жестокий ассирийский царь Асархадон, собирающийся казнить своего врага Лаилиэ. Старец, явившийся к царю, совершает обряд, и душа Асархадона оказывается в теле Лаилиэ, проживая его плен и мучения. Пережив все, чему он подверг врага, Асархадон осознает связь между всеми живущими и приходит к выводу, что «улучшить жизнь в себе можно только разрушая пределы, отделяющие твою жизнь от других существ»[9]. Эта мысль – переложение толстовского тезиса о непротивлении злу насилием.

Лев Толстой не объясняет механизма переселения души: его внимание обращено исключительно на нравственную трансформацию персонажа. Для Шакарима Кудайбердиева же, укорененного в суфийской традиции, значимо было переселение именно души как носителя сокровенной информации о человеке и как мерила нравственности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что диалог между Толстым и Кудайбердиевым носит не столько текстуальный, сколько типологический характер. Как показано в работе Ш. Сатпаевой (2000), казахские просветители конца XIX в. были восприимчивы к идеям русского писателя не только благодаря переводам, но и вследствие внутреннего созвучия этических исканий. Однако в случае Шакарима это созвучие перерастает в системное переосмысление.

Сравнение Шакарима с Абаем показывает, что Кунанбаев, при всем уважении к русской культуре, сохраняет дистанцию; Кудайбердиев же преодолевает ее через прямой перевод и философский комментарий. В этом смысле фигура Шакарима – уникальный пример не просто «влияния», но сотворчества, когда чужая идея обретает новую жизнь в ином культурном контексте, становясь полностью своей. Показательно, что среди переводов Кудайбердиева

[7] *Толстой Л.Н.* Путь жизни // Полное собрание сочинений. Т. 45. М. : Художественная литература, 1956. С. 3.

[8] Там же. Примеч.

[9] *Толстой Л.Н.* Ассирийский царь Асархадон // Полное собрание сочинений. Т. 34. М. : Художественная литература, 1952. С. 126–130.

именно «Асархадон», где присутствует мотив переселения душ, оказывается особенно близок казахскому философу – идея перевоплощения души имеет параллели в суфийских учениях.

Заключение

Таким образом, Л.Н. Толстой был не просто прочитан в Казахстане, но органично вписался в местную интеллектуальную традицию – через опосредованное влияние на Абая Кунанбаева и прямое переосмысление Шакаримом Кудайбердиевым, который стал самым ярким примером глубокого этического диалога между русским и казахским мыслителями. Его трактат «Три истины» и переводы рассказов Толстого демонстрируют, как универсальные нравственные категории – совесть, истина, бессмертие души – могут быть переосмыслены через призму казахской суфийской традиции.

Примечательно, что можно наблюдать не только сближения в области литературы, но и параллели другого рода. Как пишет Е.Б. Сыдыков, Шакарим «был немного родственным тем, что его отшельничество – реализованная мечта Л.Н. Толстого». Как и Толстой, он отказался от денег за свои книги, и в письме к Сабиту Муканову сообщал: «Напечатанные на мои средства по 1000 экземпляров „Зеркало казахов“, „Енлик и Кебек“, „Калкаман мамыр“ я раздал людям»[10].

Этот диалог, продолжающийся и сегодня, является не только фактом истории литературы, но и живым свидетельством возможности взаимопонимания культур в пространстве общечеловеческих ценностей. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ переводов Шакарима Кудайбердиева и других казахских переводчиков Толстого, а также на изучение рецепции толстовских идей в более широком контексте тюркской философской мысли.

Список литературы

Ауэзов М.О. Абай ақындығының айналасы [Сфера поэтического творчества Абая]. Алматы : Жазушы, 1997. 384 с.

Бекметов Р.Ф. Суфизм в духовной биографии Л.Н. Толстого: татарский контекст // Филология и культура. 2016. № 4(46). С. 110–115. EDN: XELUXD

Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. Л. : Гослитиздат, 1959. 517 с.

Сатпаева Ш.К. Веяния времени. Статьи. Алматы : Ғылым, 2000.

Смагулов Ж.К. Унисон великих (о переводах Ш. Кудайбердиевым произведений Л. Толстого) // Толстовский сборник – 2012. Творческое наследие Л.Н. Толстого в контексте развития современной цивилизации : материалы XXXIII Междунар. Толстовских чтений. Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2012. С. 228–233.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд. М. : Академический проект, 2004. 992 с.

Сыдыков Е.Б. Шакарим. М. : Молодая гвардия, 2012. 161 с.

Шифман А. Лев Толстой и Восток. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1971. 551 с.

[10] Шәкәрім энциклопедия [Энциклопедия Шакарима] / глав. ред. Е.Б. Сыдыков. Семей : Алаш-таным, 2019. 864 с.

References

Auezov, M.O. (1997). *The Sphere of Abai's Poetic Creativity.* Zhazushy Publ. (In Kazakh.)

Bekmetov, R.F. (2016). Sufism in the spiritual biography of L.N. Tolstoy: tatar context. *Philology and Culture,* (4), 110–115. (In Russ.) EDN: XELUXD

Gol'denveizer, A.B. (1959). *Near Tolstoy.* Goslitizdat Publ. (In Russ.)

Satpaeva, Sh.K. (2000). *Trends of the Time. Articles.* Gylym Publ. (In Russ.)

Shifman, A. (1971). *Leo Tolstoy and the East.* Nauka Publ. (In Russ.)

Smagulov, Zh. K. (2012). The unison of the greats: on Shakarim Kudaiberdiuly's translations of Leo Tolstoy's works. In *Tolstoy Collection – 2012. The Creative Heritage of L.N. Tolstoy in the Context of the Development of Modern Civilization: Proceedings of the 33rd International Tolstoy Readings* (pp. 228–233). Tolstoy Tula State Pedagogical University Press. (In Russ.)

Stepanov, Yu.S. (2004). *Constants: Dictionary of Russian Culture* (3rd ed.). Akademicheskii Proekt Publ. (In Russ.)

Sydykov, E.B. (2012). *Shakarim.* Molodaya Gvardiya Publ. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Нургали Кадиша Рустембековна, доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Республика Казахстан, 10000, Астана, ул. Сатпаева, д. 2. ORCID: 0000-0002-8178-2782; SPIN-код: 7518-4331. E-mail: nurgalik1@mail.ru

Джолдасбекова Баян Умирбековна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Республика Казахстан, 050040, Алматы, пр. Аль-Фараби, д. 71. ORCID: 0000-0003-1217-4799; SPIN-код: 3546-6819. E-mail: baiyan.zholdasbekova@kaznu.kz

Толбаева Динара Ермековна, магистр педагогических наук, старший преподаватель кафедры русской филологии, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Республика Казахстан, 10000, Астана, ул. Сатпаева, д. 2. ORCID: 0000-0002-4056-0075; SPIN-код: 9989-7919. E-mail: tolbayeva.dinara@gmail.com

Bio notes:

Kadisha R. Nurgali, Doctor of Philological Sciences, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satpayev St, Astana, 10000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-8178-2782; SPIN-code: 7518-4331. E-mail: nurgalik1@mail.ru

Bayan U. Joldasbekova, Doctor of Philological Sciences, Professor at the Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University, 71 Al-Farabi Ave, Almaty, 050040, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0003-1217-4799; SPIN-code: 3546-6819. E-mail: baiyan.zholdasbekova@kaznu.kz

Dinara E. Tolbayeva, Master of Pedagogy, Senior Lecturer at the Department of Russian Philology, L.N. Gumilyov Eurasian National University, 2 Satbaev St, Astana, 10000, Republic of Kazakhstan. ORCID: 0000-0002-4056-0075. SPIN-code: 9989-7919. E-mail: tolbayeva.dinara@gmail.com

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 667–681
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

ЖУРНАЛИСТИКА
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ МЕДИА

JOURNALISM
HISTORY, THEORY AND PHILOSOPHY OF MEDIA

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-667-681
EDN: CBKAXP
УДК 070:316.7(470.324)

Научная статья / Research article

Социальный заказ журналистике: представления и оценки региональных журналистов

В.В. Тулупов✉, Е.Ю. Красова

Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация
✉vlvtul@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены представления региональных журналистов Воронежа о социальном заказе журналистике. Обобщаются результаты авторского социологического исследования, проведенного методом качественного полуструктурированного интервью (n = 38). Решаются задачи методологического подхода к феномену: выявлена структура, формы существования и вариативность социального заказа; анализируются его связи с системой журналистского образования; определяются потребности в его реализации и средства реализации в региональных СМИ. Установлено, что социальный заказ транслируется преимущественно через проблемно-аналитические материалы и специальные проекты. Выделены базовые направления исследований и сделаны выводы о доминировании потребностей социальных групп и запросов властных структур в представлениях журналистов; о трудностях реализации, связанных с дефицитом кадров, финансовых ресурсов и времени. Сформулированы рекомендации по развитию медиаобразования и оптимизации взаимодействия региональной прессы с органами власти и локальным сообществом.

Ключевые слова: местные СМИ, медиаобразование, профессиональные компетенции, локальное сообщество, общественный интерес, запросы аудитории, медиапрактики

Вклад авторов. Разработка программы исследования, сбор материалов, анализ данных, написание и редактирование – В.В. Тулупов; сбор материалов, анализ данных, написание статьи – Е.Ю. Красова. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Тулупов В.В., Красова Е.Ю., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

История статьи: поступила в редакцию 14 марта 2026 г.; отрецензирована 30 апреля 2026 г.; принята к публикации 29 мая 2026 г.

Для цитирования: *Тулупов В.В., Красова Е.Ю.* Социальный заказ журналистике: представления и оценки региональных журналистов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 667–681. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-667-681 EDN: CBKAXP

Social Mandate for Journalism: Perceptions and Assessments of Regional Journalists

Vladimir V. Tulupov ✉, Elena Yu. Krasova

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation
✉vlvtul@mail.ru

Abstract. This study examines regional journalists' perceptions of the social mandate for journalism, using the Voronezh region as a case study. Based on an empirical sociological study comprising 38 qualitative semi-structured interviews, the research explores the structure, manifestations, and variability of the social mandate. It also analyzes the mandate's connection to journalism education and identifies the conditions for its implementation in regional media. The findings indicate that the social mandate is primarily realized through analytical reporting and special media projects. Furthermore, the study reveals that journalists perceive this mandate as shaped by a combination of societal needs and state demands. Key barriers to implementation include staffing shortages, financial constraints, and time limitations. The paper concludes by outlining future research directions and offering recommendations for advancing media education and optimizing interactions among the regional press, government authorities, and the local community.

Keywords: local media, media education, professional competencies, local community, public interest, audience demands, media practices

Author contributions. Development of the research program, data collection & analysis, writing and editing – Vladimir V. Tulupov; data collection & analysis, text writing – Elena Yu. Krasova. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted March 14, 2026; revised April 30, 2026; accepted May 29, 2026.

For citation: Tulupov, V.V., & Krasova, E.Yu. (2026). Social Mandate for Journalism: Perceptions and Assessments of Regional Journalists. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 667–681. (In Russ.) http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-667-681 EDN: CBKAXP

Введение

Понятие социального заказа связано с декларациями лефовцев и конструктивистов в 1920-х гг. прошлого века. Художники и архитекторы, театральные деятели и кинематографисты, писатели и журналисты, дизайнеры и педагоги, принявшие революционные идеи, отказались от «чистого искус-

ства». Они переосмыслили свое творчество в контексте «производственной дисциплины» и стали активно сотрудничать с Народным комиссариатом просвещения по нескольким программам, прежде всего по ликвидации безграмотности. Теория социального заказа тогда определила приоритетные векторы развития государства, формирующего заказ на конкретные ценности, знания, навыки или услуги, которые были направлены на создание социалистической культуры, форм быта нового человека.

Понимая сегодня ограниченность крайних теоретических претензий новаторов тех лет с их «идеологией технического делячества» и преувеличением роли техники, следует признать продуктивность их взгляда на журналистику как на инструмент социального проектирования, а не только информирования (анализ социальных процессов, акцент на «литературе факта», развитие репортажа, социального очерка, кинохроники). Уже в 1928 г. лефовцы В.В. Маяковский и А.М. Родченко выступили «против апологетики факта, против сведения творческих задач к утилитарно-производственным функциям» (Волков-Ланнит, 1968, с. 80).

На рубеже нового тысячелетия и в последующие годы российские исследователи массмедиа актуализировали и развили взгляд авангардистов 1920-х гг. на журналистику как на активный инструмент социального проектирования (Дзялошинский, Дзялошинская, 2014; Олешко, 1996, 2012; Тулупов, 2009). Социальность стала пониматься в качестве фундамента, сущностной характеристики журналистики как открытой системы, обеспечивающей информационное взаимодействие между социальными группами, обслуживающей интересы общества[1]. Наряду с социальными функциями – информационной, образовательной, коммуникативной – называлась и организаторская функция, реализация которой позволяла журналистам активно влиять на социальные процессы. Ученые подчеркивали, что журналистика как инструмент отражения и функционирования социальной структуры вне социального контекста существовать не может (Киричёк, 2022; Олешко, Журавлева, 2023; Фролова, 2003). Медиа становятся материальным субстратом общественных отношений, всепроникающим техническим средством, способом изменения социального пространства, а не просто его конструирования.

В 2024 г. в Высшей школе журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета состоялась научно-практическая конференция «Журналистика XXI века: социальный заказ», на которой был актуализирован вопрос о социальном заказе журналистике, что объясняется приоритетностью социальных проблем при обновлении политической и экономической ситуации в стране (Корконосенко, 2024). На конференции 2025 г. «Журналистика XXI века: повестки дня» был рассмотрен вопрос взаимодействия институтов власти и медиа, при котором последние «обеспечивают не только трансляцию управленческих решений, но и их

[1] *Прохоров Е.П.* Введение в теорию журналистики : учебник для студентов вузов. 9-е изд., испр. М. : Аспект Пресс, 2012. 351 с.

общественную интерпретацию, способствуя формированию пространства рациональной дискуссии» (Стеценко, 2025, с. 340). Это подтверждается и другими исследованиями: экспертный анализ, оригинальные аспекты темы, авторский взгляд более важны для успешности СМИ, нежели оперативность (Полянская, 2025, с. 316).

Эффективность СМИ необходимо рассматривать с точки зрения аудитории, то есть тех, кто является источником социального заказа журналистике (Воскресенская, 2025, с. 530). Важно культурное состояние общества, которое с утверждением феномена «пассивного читателя» (Полянская, 2025, с. 313) не может не беспокоить.

Региональная журналистика в России проходит через глубокую трансформацию, вызванную как технологическими изменениями, так и необходимостью адаптации к новой социально-экономической реальности. Среди основных тенденций: сокращение традиционных СМИ; переход местных газет на еженедельный выпуск; цифровая трансформация и практика мультимедийных форматов; увеличение и усиление роли площадок для взаимодействия жителей (гиперлокальность и комьюнити-менеджмент); освоение технологии искусственного интеллекта, становящегося рабочим инструментом для автоматизации рутины, персонализации новостных лент и др. (Тулупов, 2025). Региональные медиа более «человекоориентированные», нежели федеральные, так как знакомы со всем спектром местных проблем и не понаслышке знают, какие вызовы стоят перед людьми (Стебловская, 2019, с. 551). К тому же по уровню доверия региональные государственные СМИ достойно конкурируют с федеральными (Шиняева, Каманина, 2021, с. 81).

Еще в 2013 г. одним из авторов статьи среди проблем, стоящих перед региональными средствами массовой информации, были выделены социальная, идеологическая и экономическая угрозы. Следует заметить, что данный перечень не только сохранился, но и пополнился. По-прежнему стареет сельское население. Сокращается читающая аудитория, так как уходят привычки и способности читать большие тексты в качественных СМИ, снижается уровень и широта читательского интереса, а предпочтение отдается интернету. На фоне концентрации медиаактивов наблюдается политическая и экономическая зависимость: при сильном влиянии местных властей или экономических структур на редакционную политику традиционные общественно-политические СМИ превращаются в корпоративные издания, в PR-инструменты. В «эпоху постправды», характеризуемую информационным шумом и засильем фейков, от региональных редакций требуется повышенное внимание к верификации данных, что не всегда возможно в силу финансовых, технологических причин, а также из-за дефицита профессиональных кадров.

Традиционные СМИ теряют монополию на новость из-за перехода аудитории в мессенджеры. Растет конкуренция между авторскими каналами и медиа, в том числе по оперативности предоставления информации. Сужается круг тем для экспертной журналистики и падает качество текстов, растет дове-

рие к авторской журналистике[2]. Предлагается идея «медленной журналистики» в ответ на быстро меняющийся цифровой ландшафт и калейдоскопическую смену новостных сюжетов в условиях поколенческих сдвигов в аудитории (Гавра, 2024, с. 274–275; Ливанова, 2024, с. 315–316). Соответственно непреходящим остается вопрос о роли журналистики в современном обществе[3]. В исследовании ВЦИОМ 2025 г., посвященном потреблению новостей и доверию журналистам, был констатирован кризис восприятия журналистики из-за несоответствия между ожиданиями россиян и реальностью[4].

Очевидно, что такое направление, как социальная журналистика, особо значимо и востребовано в современных условиях. В связи с этим исследовательская группа факультета журналистики Воронежского государственного университета подключилась к участию в межвузовском проекте (общее научное руководство осуществляется профессором Санкт-Петербургского государственного университета С.Г. Корконосенко). *Цель* – определить социальный заказ на теоретико-понятийном, структурно-содержательном и функционально-деятельностном уровнях. Воронежская часть программы охватывает предметно-тематические детерминанты социального заказа журналистике.

Материалы и методы

Представления и оценки практикующих журналистов изучались с помощью прикладных методов – вторичного анализа данных социологических опросов и качественного полуструктурированного интервью (n = 38).

В первом случае использовались и обобщались результаты социологических изысканий таких центров и организаций, как *Mediascope*, ВЦИОМ, Ассоциации компаний-консультантов (АКОС), а также исследований российских ученых.

В программе авторского экспертного интервью было сформулировано основное противоречие – между значимостью социальной проблематики и трудностями ее реализации журналистами. Обозначен комплекс задач: определение практикующими журналистами сущностных характеристик социального заказа, его структуры, форм существования и вариативности; анализ взаимосвязей с образованием на основе опыта журналистов; выявление потребности

[2] См.: Медиатренды современного рынка // АКОС. URL: https://akospr.ru/issledovaniya/mediatrendy-sovremennogo-rynka#rec841076260 (дата обращения: 18.02.2026); *Солопов Д.* Тренды медиарынка в 2025 году: что будет с новостями и журналистикой // Коммуникационная группа «ПРОГРЕСС». 2025. 29 января. URL: https://companies.rbc.ru/news/l8uKIpQYwZ/trendyi-mediaryinka-v-2025-godu-chto-budet-s-novostyami-i-zhurnalistikoj/ (дата обращения: 18.02.2026).

[3] См.: О российской журналистике и журналистах // ФОМнибус. 2023. 21 марта. URL: https://fom.ru/posts/14850?ysclid=m3n96g1cjy88608663 (дата обращения: 18.02.2026); Образ журналиста в массовом сознании россиян. Результаты исследования // ЦИРКОН, Фонд «Медиастандарт». 2018. URL: http://journalists.research2018.tilda.ws/ (дата обращения: 18.02.2026).

[4] *Кравцова А.* Россияне хотят знать правду от журналистов, но не всегда ей доверяют: исследование ВЦИОМ // Наш Красноярский край. 2025. 7 ноября. URL: https://gnkk.ru/news/rossiyane-khotyat-znat-pravdu-ot-zhurnal/ (дата обращения: 18.02.2026).

в удовлетворении социального заказа и средств его реализации в региональных СМИ.

Проведен анонимный опрос с закрытыми и открытыми вопросами. В выборку попали 38 журналистов разных изданий Воронежа («Берег», «Российская газета: ЦФО», РИА «Воронеж», «Ъ-Черноземье» и др.):

- 17 мужчин, имеющих специальность «Журналистика» (15), в ряде случаев с двойным высшим образованием или получивших образование по иным специальностям (государственное и муниципальное управление, английский язык, филология);
- 21 женщина, имеющая специальность «Журналистика» (14) и «Реклама и связи с общественностью (1), в ряде случаев с двойным высшим образованием (2) или получившая образоване по иным специальностям (филология, экономика, педагогика).

При анализе и интерпретации полученных данных и при демонстрации оригинальных ответов на открытый вопрос фиксировались социально-демографические признаки: пол, возраст, полученная специальность высшего образования.

Результаты и обсуждение

Несмотря на неоднозначный и противоречивый смысл современного понятия «социальный заказ журналистике», целесообразно выделить в нем главное – совокупность потребностей общества (Корконосенко, 2025, с. 9). В профессиональном сообществе рефлексия в отношении социального заказа проявляется в самооценке и определении приоритетов (Блохин, 2024, с. 20).

У экспертов – журналистов Воронежа – сложилось следующее понимание (ответы проранжированы):

- конкретная социальная потребность, актуальная для общества в целом или для определенной его части;
- освещение определенных тем, которые формируются под влиянием различных социальных групп, институтов и самого общества;
- симбиоз социального и государственного заказа;
- государственный запрос на информацию.

Лишь два эксперта упомянули заявку бизнеса на освещение проблем, разрешение которых способствует развитию экономики страны, региона, города, района. Еще один добавил: «работа с обращениями читателей, как правило, редкими и неконкретными» (мужчина, 28 лет, журналистика).

В изданиях, где работают журналисты, социальный заказ транслируется в проблемных статьях, связанных с расследованиями, в статьях-передовицах, в специальных проектах. Всего четыре эксперта упомянули авторские колонки. В графе «Другое» в воронежском исследовании было добавлено:

- обычные журналистские материалы на актуальную тематику, а также публикации в рамках договоров с органами государственной власти (мужчина, 44 года, журналистика);

• новости, новости на ленте, расширенные новости (женщина и мужчина, 28 лет, журналистика).

Один скептически настроенный журналист указал, что «нет социального заказа – есть заказ собственника и рекламодателя, в том числе государства» (мужчина, 41 год, журналистика). По-видимому, его смутил неоднозначный термин «заказ». Действительно, в русле разработки методологии предлагается осмыслить вопросы социальной ответственности журналистов в контексте таких категорий, как «общественный интерес» и потребности общества, чтобы предотвратить сближение понятий «социальный заказ» и «заказная журналистика» (Пронина, 2024, с. 100–111).

По оценкам экспертов, в изданиях для публикаций социального заказа в социальные медиа практически в равной степени используется поиск тем, инфоповодов, героев и экспертов, мониторинг событий, а также распространяется контент. Что касается взаимодействия с аудиторией, то это направление менее представлено, характерно больше для журналистов-женщин.

Экспертов попросили оценить, насколько учитывается общественный запрос при выборе тем социальной направленности в их редакции. Большинство считает, что учитывается в разной степени, впрочем, в два раза больше тех, кто резюмировал так: «больше учитывается, чем нет». Всего два эксперта полагают, что «больше не учитывается, чем учитывается». Вопрос был воспринят как щепетильный, связанный с критикой редакции, хотя альтернативы строились с помощью деликатной пятичленной шкалы. Предполагаем, что из-за деликатности вопрос вызвал затруднение у части интервьюированных. Меньше половины опрошенных указали на причины игнорирования социального запроса в редакциях. В первую очередь это недостаточный штат, не позволяющий заниматься серьезными расследованиями, которые требуют больших временных и финансовых затрат. В ряде случаев указывалось, что издатель не ставит такой задачи. Наконец, два эксперта посетовали, что в нестабильных общественных условиях у них появилось чувство равнодушия.

По мнению экспертов, аудиторию воронежских изданий привлекает специфический контент, охватывающий сферы общественной жизни. Проблемы политики и здравоохранения являются приоритетными. Круг экономических, правовых и культурных контекстов сужен, а образование вообще остается вне актуального интереса.

Между тем треть опрошенных жителей Воронежа высказалась о том, что сообщения о культуре других народов не привлекают их внимания, а в СМИ недостаточно интересных материалов об их обычаях и традициях (Красова, 2023, с. 27). В результате высветилась проблема качества информирования об этнической культуре разных народов, проживающих в регионе, об их традициях, символах и убеждениях.

Исследователи Поволжского региона провели анкетный опрос населения «Журналисты и СМИ в современном российском обществе: мнения населения» и глубинные интервью «Профессия журналиста: взгляд изнутри». Выяснилось, что на вопрос о достаточности освещения актуальных проблем

России больше половины респондентов отметили, что медиа освещают лишь некоторые проблемы, другие же замалчивают (Шиняева, Каманина, 2021, с. 78).

Участникам воронежского исследования было предложено выразить свое согласие или несогласие со следующим суждением: «Для развития страны необходима качественная журналистика, но аудиторию, особенно молодежную, привлекает развлекательная или скандальная информация, а чиновников – сугубо позитивная информация в пользу корпорации (страна, регион, организация, предприятие)». Большинство хотя и согласилось, но с оговорками. Шесть экспертов не поддержали эту идею, один заключил «ничего не поможет» (мужчина, 57 лет, журналистика), другой возразил, что «нельзя утверждать, что молодежь привлекает только развлекательная или скандальная информация, другое дело, что она предпочитает новые форматы ее подачи (мужчина, 37 лет, журналистика).

Для формирования качественной журналистики, по мнению экспертов, необходимо в первую очередь следование соответствующим принципам, а также защита журналистов и забота о правовой поддержке. Треть экспертов считает важным заключение общественного договора «Власть – бизнес – СМИ» для понимания миссии журналистики как важнейшего социального института. Встречались и такие высказывания: «необходимо отделение соцсетей и блогеров от журналистов в правовом и общественном поле»; «финансовая независимость редакций и высокая медиаграмотность аудитории». Один скептик, считающий, что социальный заказ отсутствует в принципе, сделал вывод, что необходим «запрос на качественную журналистику от заказчика» (мужчина, 41 год, журналистика).

На просьбу обозначить главные принципы качественной журналистики большинство экспертов называли качества, которые характеризуют социальную роль журналиста в обществе: объективность, достоверность в подаче материалов (проверка фактов), ответственность, беспристрастное и всестороннее освещение проблемы, честность, открытость, грамотность, компетентность, доступность и оперативность. Упоминалась добропорядочность, отсутствие ангажированности. Делался упор на совесть, следование интересам общества и ориентацию на социальные запросы разных его слоев, созидательность и социальную значимость.

Приведем наиболее интересные и развернутые ответы экспертов.

- Правдивость, умение интересно подать информацию, рассказать историю так, чтобы она заинтересовала читателя, материальное обеспечение со стороны редакции. Тогда будет конкуренция за место в издании, что позволит подбирать наиболее качественные кадры (мужчина, 56 лет, журналистика, история и политология).
- Уважение ко всем сторонам, когда все они высказываются о проблеме и всегда есть эксперт, который выполняет функцию рефери-примирителя-эксперта, принцип «не навреди» (женщина, 40 лет, журналистика, педагогика, экономика).

- Открытость читателям, выстраивание доверительных отношений с ними (мужчина, 64 года, журналистика, социальная работа, лесное хозяйство).
- Умение замечать все острые проблемы в обществе, не бояться их показать, уметь заинтересовать читателей так, чтобы они читали материал до конца, находить оригинальных героев, эксклюзивные темы, эффективно формировать общественное сознание в нужном направлении, но делать это ненавязчиво, профессионально (женщина, 42 года, филология).
- Аргументация, а не манипуляция (мужчина, 41 год, журналистика).
- Уважение журналиста к фактам и к своей аудитории, анализ информации даже в новостях, попытки выйти за пределы пресс-релизов и оперативное реагирование на общественно значимые события, грамотность и стройность изложения (женщина, 28 лет, журналистика).
- Умение ранжировать темы/события по значимости и ценности будущего высказывания. Умение грамотно писать. Понимание, зачем и к кому обращаешься. Прибавим к этому и базовые профессиональные навыки (мужчина, 57 лет, филология).
- Набор разных мнений, вовлекающая подача материала (мужчина, 38 лет, журналистика).
- Независимость от власти и бизнеса, этичность и уважение к аудитории, профессионализм и глубина анализа (женщина, 40 лет, журналистика).
- Сбалансированность и прозрачность (женщина, 44 года, журналистика).
- Информативность, гуманизм, уважение к героям и аудитории, стремление к объективности в виде посильного разграничения фактов, гипотез и оценок (женщина, 40 лет, журналистика, переводчик).

Большинство интервьюированных получили соответствующее высшее образование. Было интересно узнать, удовлетворены ли они им и чем именно. Лишь пять экспертов выразили разную степень неудовлетворенности. Остальные участники исследования испытывают чувство удовлетворения (правда, в два раза больше тех, кто выбрал альтернативу «больше согласен, чем не согласен»). Удовлетворенность связывается с системностью полученных знаний, умением коммуницировать, а также с пониманием миссии журналистики. В графе «Другое» добавляли: «Хорошая общегуманитарная база, хороший русский язык»; «Все в норме, а альма-матер хочется пожелать развития материально-технической базы и более высоких стипендий». Ни один эксперт не отметил пункты «затруднения в применении полученных знаний на практике» и «барьеры в проявлении креативности».

В других прикладных исследованиях также констатируется, что несмотря на цифровую революцию и глобальные изменения в области медиа, важность навыков коммуникабельности, знания иностранных языков, креативности и грамотности остаются самыми ценными для практикующих журналистов (Бабюк, Рацкевич, 2021).

Неудовлетворенность в оценках экспертов больше всего в той или иной степени связана с излишней «теоретизированностью» обучения, а также с невозможностью учиться по индивидуальной траектории. Возможно, они

ощущают, что формирование компетенций инструментального характера противоречит традициям журналистского образования, концепция которого была исторически направлена на поиск баланса между технологическими, социально-гуманитарными и творческими дисциплинами (Распопова, 2023, с. 29).

Женщина-эксперт, 40 лет, с журналистским и переводческим образованием предложила: «Нужно больше часов математики (не высшей как на первом курсе, а обычного повторения алгебры и геометрии применительно к практическим профессиональным задачам), логики, иностранного языка с прицелом на чтение иноязычных источников. Нужна обновленная программа Концепции современного естествознания и подобные общеразвивающие предметы, меньше рефлексии по поводу жанровых систем».

Журналистка, 42 года, которая училась на заочном отделении, так обосновала свое недовольство образованием: «Университет сформировал мышление, понимание, что такое и зачем журналистика. Вместе с тем было немного по-настоящему практических занятий, мало реального понимания о том, что такое работа в редакции. Сформировалось понятие, что в районных газетах все ужасно, что там работают спустя рукава (например, на литературном редактировании все примеры ошибок были именно из районных газет). Оказавшись в редакции районки, увидела, что там очень следят за ошибками и за качеством материала, журналисты побеждают в областных конкурсах – так было в начале 2000-х гг.».

Эксперт-мужчина, 44 года, со специализированным образованием, резюмировал: «В целом при наличии интереса к собственному профессиональному развитию студент имеет возможность получить все необходимое. Но лично мне порой не хватало компьютерных навыков, хотя, учитывая развитие цифровой среды, все равно их приходится постоянно добирать по мере необходимости».

Заключение

Проблемы социального заказа журналистике вызывают значительный интерес российских ученых. Среди направлений их внимания выделяются методологические подходы к изучению журналистики в пространстве социального заказа, влияние процесса цифровизации, особенности региональных СМИ в связи с социальным запросом.

Результаты качественного полуструктурированного интервью с практикующими журналистами Воронежа свидетельствуют о том, что в понимании социального заказа ключевыми стали положения о потребностях социальных групп и заказе государственных структур. Для его трансляции в изданиях широко используются такие форматы, как проблемно-аналитические статьи, связанные с расследованиями, и статьи-передовицы, при этом авторские колонки – достаточно редкое явление. Порой в редакциях игнорируется социальный запрос из-за малого штата, финансовых проблем и недостатка времени.

При выборе тем социальной направленности в основном учитывается запрос со стороны общества, хотя обращения читателей редки и не конкретны. Широко представлены проблемы политики и здравоохранения, на которые сориентированы читатели. Недостаточным является обращение к вопросам образования и культуры.

В социальных медиа журналисты ищут темы и инфоповоды, героев и экспертов, мониторят события и распространяют контент. Взаимодействия с аудиторией, судя по всему, недостаточно.

Практикующие журналисты голосуют за качественную журналистику с ее принципами объективности и просветительства. Большинство участников интервью осознают миссию журналистики и в основном удовлетворены полученным журналистским образованием, его системностью и практическими навыками. Было отмечено, что требуется правовая защита журналистов.

По результатам интервью сформулированы следующие рекомендации:

1. Власть должна перестать рассматривать местную прессу лишь как инструмент властного влияния и как неприятную «традиционную нагрузку», перестать заниматься излишней опекой и даже негласной цензурой, запрещенной законом о СМИ. Если видеть в СМИ не только оппонента, но и помощника в поиске проблемных мест, воспринимать объективную критику как полезный конструктив, это в итоге сделает управление районом или городом более эффективным.

2. Важно поставить и последовательно решать сложную комплексную задачу по воспроизводству качественной аудитории (см. советский опыт: литература, кино, театр, журналистика для детей младшего и школьного возраста, для юношества, молодежи и т.д.). Для этого необходимы организация и развитие всеобщего медиаобразования: факультативы в школах и вузах; фестивали СМИ и детско-юношеской прессы.

3. Редакциям местных газет следует продолжать разработку на различных платформах (печать, радио, ТВ, интернет) контента, интересного локальному сообществу. Необходимо публиковать дискуссии по актуальным проблемам, выпускать тематические страницы и тематические номера, отдавать полосы под читательские письма, предлагать аудитории соучастие в создании газеты, создавать клубы друзей, сеть селькоров, форпосты. Необходимо открывать школы юных журналистов при редакциях местных СМИ (странички, специальные выпуски, газеты в газете, приложения) и кружки журналистики в школах, поддерживать школьные медиацентры, СМИ (от юнкоров – в селькоры), организовывать выезды редакций в села, проводить встречи с читателями, читательские конференции с приглашением героев публикаций и работников библиотек, организовывать конкурсы читателей.

Перспективным направлением дальнейших исследований может стать сравнительный анализ представлений о социальном заказе журналистике у российских и зарубежных региональных журналистов, что позволит выявить как универсальные, так и национально-специфические черты его реализации.

Список литературы

Бабюк М.И., Рацкевич А.А. Профессиональные компетенции спортивных журналистов и специалистов в области массовых коммуникаций в спорте // Медиаскоп. 2021. № 3. С. 7. https://doi.org/10.30547/mediascope.3.2021.4 EDN: CEDKFH

Блохин И.Н. Методологические подходы к изучению журналистики в пространствах социального заказа // Журналистика XXI века: социальный заказ : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2024 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. СПб. : Медиапапир, 2024. С. 18–25. EDN: GSPWHF

Волков-Ланнит Л. Александр Родченко рисует, фотографирует, спорит. М. : Искусство, 1968. 192 с.

Воскресенская М.А. Культурно-гуманитарное измерение социального заказа журналистике: проблемное поле исследования // Журналистика XXI века: повестки дня : материалы XXIX Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2025 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. СПб. : Медиапапир, 2025. С. 527–534. EDN: DTBIHJ

Гавра Д.П. Социальный запрос на медленную журналистику в быстром цифровом мире // Журналистика XXI века: социальный заказ : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2024 г. / ред. С.Г. Корконосенко. СПб. : Медиапапир, 2024. С. 273–280. EDN: BUANIK

Дзялошинский И.М., Дзялошинская М.И. Технологические аспекты социальной ответственности журналиста // Медиаальманах. 2014. № 2. С. 32–40. EDN: SFBAJL

Киричёк П.Н. Социальные риски либеральной модели информационного рынка в России // Вопросы журналистики, педагогики и языкознания. 2022. Т. 41. № 3. С. 443–453. https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-3-443-453 EDN: BHEORM

Корконосенко С.Г. Социальный заказ журналистике: к постановке вопроса // Журналистика XXI века: социальный заказ : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2024 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. СПб. : Медиапапир, 2024. С. 11–18. EDN: SBVDLM

Корконосенко С.Г. Понятие социального заказа в теории и практике журналистики // Вопросы теории и практики журналистики. 2025. Т. 14. № 1. С. 5–19. https://doi.org/10.17150/2308-6203.2025.14(1).5-19 EDN: OSQKCD

Красова Е.Ю. Этническая толерантность в представлениях воронежцев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 1. С. 24–29.

Ливанова М.В. Медленная журналистика: социальный заказ на вдумчивое медиапотребление // Журналистика XXI века: социальный заказ : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 22–23 ноября 2024 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. СПб. : Медиапапир, 2024. С. 315–321. EDN: IHNYWN

Олешко В.Ф. Социальная журналистика: какой она должна быть в информационную эпоху? // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5(260). С. 113–117.

Олешко В.Ф. Социожурналистика: прагматическое моделирование технологий массово-коммуникационной деятельности : монография. Екатеринбург : Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 1996. 262 с. EDN: VEPTPZ

Олешко В.Ф., Журавлева В.М. Социальная журналистика в контексте развития тенденций цифровизации контента // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2023. № 4. С. 152–155. EDN: ICPGZB

Полянская А.М. Проблема цифровизации журналистики и появления пассивного читателя // Журналистика XXI века: повестки дня : материалы XXIX Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2025 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. СПб. : Медиапапир. С. 311–317. EDN: ZMMJMH

Пронина Е.Е. «Социальный заказ» и «общественный интерес» в журналистике: разрешение антиномии // Журналистика XXI века: социальный заказ : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург 22–23 ноября 2024 г. / отв. ред. С.Г. Корконосенко. СПб. : Медиапапир, 2024. С. 99–104. EDN: UPKAPS

Распопова С.С. Система журналистского образования в условиях глобальной трансформации медиа // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 3. С. 21–30. https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.3.043

Стебловская С.Б. Специфика освещения социальной проблематики в региональных СМИ (на примере Мурманской радиостанции «Большое радио») // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 2(75). С. 551–553. EDN: ZIXJPV

Стеценко Т.И. Институты власти и медиа: партнерство в интересах общества // Журналистика XXI века: повестки дня : материалы XXIX Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 21–22 ноября 2025 г. / отв. ред. С. Г. Корконосенко. СПб. : Медиапапир, 2025. С. 338–344. EDN: UKZQZC

Тулупов В.В. Конвенциональная коммуникационная стратегия в журналистской деятельности // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2009. № 5. С. 20–49. EDN: KZUORD

Тулупов В.В. Особенности отечественной прессы в цифровую эпоху // Медиа в 2025 году: темы, форматы, возможности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Тирасполь, 24 октября 2025 г. Тирасполь : Приднестровский гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 2025. С. 7–13. EDN: MHOYAX

Фролова Т.И. Социальная журналистика и ее роль в общественном диалоге. М. : Пульс, 2003. 44 с.

Шиняева О.В., Каманина В.Е. Реализация функций средств массовой информации в условиях глобальных и национальных вызовов: оценки населения и журналистов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1(57). С. 70–85. https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-1-7 EDN: HKQRRQ

References

Babyuk, M.I., & Ratskevich, A.A. (2021). Vocational competencies of sports journalists and experts in the field of mass communications in sports. *Mediascope,* (3), 7. (In Russ.) https://doi.org/10.30547/mediascope.3.2021.4 EDN: CEDKFH

Blokhin, I.N. (2024). Methodological approaches to the study of journalism in the spaces of social mandate. In S.G. Korkonosenko (Ed.), *Journalism of the 21st Century: Social Mandate: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, November 22–23, 2024, St. Petersburg* (pp. 18–25). St. Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russ.) EDN: GSPWHF

Dzyaloshinsky, I.M., & Dzyaloshinskaya, M.I. (2014). Technological aspects of journalists' social responsibility. *Media Almanac*, (2), 32–40. (In Russ.) EDN: SFBAJL

Frolova, T.I. (2003). *Social Journalism and its Role in Public Dialogue.* Moscow: Puls Publ. (In Russ.)

Gavra, D.P. (2024). Social demand for slow journalism in a fast digital world. In S.G. Korkonosenko (Ed.), *Journalism of the 21st Century: Social Mandate: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, November 22–23, 2024, St. Petersburg* (pp. 273–280). St. Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russ.) EDN: BUANIK

Kirichek, P.N. (2022). Social risks of the liberal model of the information market in Russia. *Issues in Journalism, Education, Linguistics, 41*(3), 443–453. (In Russ.) https://doi.org/10.52575/2712-7451-2022-41-3-443-453 EDN: BHEORM

Korkonosenko, S.G. (2024). Social mandate in journalism: formulating the question. In S.G. Korkonosenko (Ed.), *Journalism of the 21st Century: Social Mandate: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, November 22–23, 2024, St. Petersburg* (pp. 11–18). St. Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russ.) EDN: SBVDLM

Korkonosenko, S.G. (2025). The concept of social mandate in the theory and practice of journalism. *Theoretical and Practical Issues of Journalism, 14*(1), 5–19. (In Russ.) https://doi.org/10.17150/2308-6203.2025.14(1).5-19 EDN: OSQKCD

Krasova, E.Yu. (2023). Ethnic tolerance in the views of Voronezh residents. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology,* (1), 24–29. (In Russ.)

Livanova, M.V. (2024). Slow journalism: social demand for thoughtful media consumption. In S.G. Korkonosenko (Ed.), *Journalism of the 21st Century: Social Mandate: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, November 22–23, 2024, St. Petersburg* (pp. 315–321). St. Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russ.) EDN: IHNYWN

Oleshko, V.F. (1996). *Sociojournalism: Pragmatic Modeling of Mass Communication Technologies.* Ekaterinburg: A.M. Gorky Ural State University Publ. (In Russ).

Oleshko, V.F. (2012). Social journalism: what it should be during an information epoch? *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology*, (5), 113–117. (In Russ.)

Oleshko, V.F., & Zhuravleva, V.M. (2023). Social journalism in the context of developing content digitalization trends. *Proceedings of Voronezh State University. Series*: *Philology. Journalism,* (4), 152–155. (In Russ.) EDN: ICPGZB

Polyanskaya, A.M. (2025). The problem of digitalization of journalism and the emergence of the passive reader. In S.G. Korkonosenko (Ed.), *Journalism of the 21st Century: Agendas: Proceedings of the XXIX International Scientific and Practical Conference, November 21–22, 2025, St. Petersburg* (pp. 311–317). St. Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russ.) EDN: ZMMJMH

Pronina, E.E. (2024). "Social mandate" and "public interest" in journalism: resolving the antinomy. In S.G. Korkonosenko (Ed.), *Journalism of the 21st Century: Social Mandate: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, November 22–23, 2024, St. Petersburg* (pp. 99–104). St. Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russ.) EDN: UPKAPS

Raspopova, S.S. (2023). The system of journalism education in the context of global media transformation. *Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture, 29*(3), 21–30. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.3.043

Shinyaeva, O.V., & Kamanina, V.E. (2021). The implementation of the mass media functions in the context of global and national challenges: assessments of public and journalists. *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences,* (1), 70–85. (In Russ.) https://doi.org/10.21685/2072-3016-2021-1-7 EDN: HKQRRQ

Steblovskaya, S.B. (2019). Features of social problematics coverage in regional mass-media (Murmansk Radio 'Big Radio'). *The World of Science, Culture and Education*, (2), 551–553. (In Russ.) EDN: ZIXJPV

Stetsenko, T.I. (2025). Institutions of power and media: partnership in the interests of society. In S.G. Korkonosenko (Ed.), *Journalism of the 21st Century: Agendas: Proceedings of the XXIX International Scientific and Practical Conference, November 21–22, 2025, St. Petersburg* (pp. 338–344). St. Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russ.) EDN: UKZQZC

Tulupov, V.V. (2009). Conventional communication strategy in journalistic practices. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika,* (5), 20–49. (In Russ.) EDN: KZUORD

Tulupov, V.V. (2025). Features of the domestic press in the digital age. In *Media in 2025: Topics, Formats, Opportunities: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, October 24, 2025, Tiraspol* (pp. 7–13). Tiraspol: T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University Publ. (In Russ.) EDN: MHOYAX

Volkov-Lannit, L. (1968). *Alexander Rodchenko Draws, Photographs, Argues.* Moscow: Iskusstvo Publ. (In Russ.)

Voskresenskaya, M.A. (2025). Cultural and humanitarian dimension of the social mandate for journalism: problematic field of research. In S.G. Korkonosenko (Ed.), *Journalism of the 21st Century: Agendas: Proceedings of the XXIX International Scientific and Practical Conference, November 21–22, 2025, St. Petersburg* (pp. 527–534). St. Petersburg: Media-papir Publ. (In Russ.) EDN: DTBIHJ

Сведения об авторах:

Тулупов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, рекламы и дизайна, декан факультета журналистики, Воронежский государственный университет, Российская Федерация, 394068, Воронеж, ул. Хользунова, 40-а. ORCID: 0009-0000-2292-7972; SPIN-код: 3479-1119. E-mail: vlvtul@mail.ru

Красова Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна, Воронежский государственный университет, Российская Федерация, 394068, Воронеж, ул. Хользунова, 40-а. ORCID: 0009-0006-3370-1198; SPIN-код: 5913-8789. E-mail: kelan20042004@mail.ru

Bio notes:

Vladimir V. Tulupov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Public Relations, Advertising, and Design, Dean of the Faculty of Journalism, Voronezh State University, 40-a Kholzunov St, Voronezh, 394068, Russian Federation. ORCID: 0009-0000-2292-7972; SPIN-code: 3479-1119. E-mail: vlvtul@mail.ru

Elena Yu. Krasova, PhD in History, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Public Relations, Advertising, and Design, Voronezh State University, 40-a Kholzunov St, Voronezh, 394068, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-3370-1198; SPIN-code: 5913-8789. E-mail: kelan20042004@mail.ru

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 682–696
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-682-696
EDN: CKJOGR
УДК 070.1:070.449

Научная статья / Research article

Медиаобраз промышленного региона: тематические доминанты и стереотипы

Л.К. Лободенко[1], А.Б. Чередникова[1], Ю.В. Асташова[1], А.А. Котов[2, 3]

[1]*Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация*
[2]*Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация*
[3]*Федеральная служба по аккредитации, Москва, Российская Федерация*
lobodenkolk@susu.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования медиаобраза Челябинского промышленного региона в контексте тематических приоритетов и стереотипов. *Цель* – выявить главные темы информационной повестки региональных средств массовой информации «74.ру» и 1obl.ru за 2025 г. и систематизировать стереотипы, формирующие медиаобраз территории. Выбор объекта исследования обусловлен необходимостью преодоления когнитивного разрыва между реальным процессом развития города и области и репрезентацией в медиа. Тематическая структура выступает индикатором редакционного внимания, а стереотипы – инструментом представления смысла. Эмпирическую базу составили 35 575 медиатекстов, обработанных с применением информационно-аналитической системы «АПИ-мониторинг». Использованы методы количественного и качественного контент-анализа с опорой на теорию установления повестки дня (тематический и атрибутивный уровни). Сопоставлены редакционная политика двух изданий и динамика трансляции позитивных, негативных и нейтральных стереотипов. В результате выявлено, что лидирующие позиции в медиаповестке «74.ру» занимают темы социальной сферы, истории, культуры и экономического потенциала, при этом СМИ демонстрирует преобладание негативной тональности (54,8 %), тогда как 1obl.ru ориентируется на нейтрально-позитивный тон (73,1 %). Установлено, что в медиапространстве Челябинского региона наблюдается устойчивая тенденция трансформации деструктивных стереотипов («суровая промышленная зона», «режим черного неба») в позитивные образы технологически прогрессивной и социально комфортной территории.

Ключевые слова: теория установления повестки дня, информационная повестка, медийная репрезентация, тональность публикаций, редакционная политика, региональная идентичность, Челябинская область

Вклад авторов. Разработка концепции исследования, написание и редактирование статьи – Л.К. Лободенко; сбор материалов, анализ данных и написание текста –

© Лободенко Л.К., Чередникова А.Б., Асташова Ю.В., Котов А.А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

А.Б. Чередникова; анализ данных и редактирование – Ю.В. Асташова; валидация (проверка данных), доработка и редактирование – А.А. Котов. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 26-18-20066) «Медиаобраз промышленного региона в СМИ, социальных медиа и его воздействие на молодежную аудиторию: нейромаркетинговые исследования». Автор А.А. Котов внес вклад в подготовку данной публикации в инициативном порядке и не является получателем финансирования по указанному гранту.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 10 мая 2026 г.; отрецензирована 12 июня 2026 г.; принята к публикации 28 июня 2026 г.

Для цитирования: *Лободенко Л.К., Чередникова А.Б., Асташова Ю.В., Котов А.А.* Медиаобраз промышленного региона: тематические доминанты и стереотипы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 682–696. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-682-696 EDN: CKJOGR

Media Image of an Industrial Region: Dominant Themes and Stereotypes

Lidia K. Lobodenko[1], Anna B. Cherednyakova[1], Yulia V. Astashova[1], Andrey A. Kotov[2, 3]

[1]*South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation*
[2]*RUDN University, Moscow, Russian Federation*
[3]*Federal Service for Accreditation, Moscow, Russian Federation*
lobodenkolk@susu.ru

Abstract. This study presents the results of research on the media image of the Chelyabinsk industrial region in the context of dominant themes and stereotypes. The aim is to identify the main topics of the media agenda in regional mass media outlets "74.ru" and "1obl.ru" for 2025 and to systematize the stereotypes that shape the media image of the territory. The choice of research object is motivated by the need to bridge the gap between the actual development of Chelyabinsk and its representation in the media. The thematic structure serves as an indicator of editorial attention, while stereotypes function as a tool for meaning construction. The empirical base consists of 35,575 media texts processed using the API-Monitoring system. Quantitative and qualitative content analysis methods were employed, grounded in agenda-setting theory (at the thematic and attribute levels). The editorial policies of both outlets and the dynamics of positive, negative, and neutral stereotype framing were compared. The results reveal that the leading positions in the media agenda of "74.ru" are occupied by topics related to the social sphere, history, culture, and economic potential, with the outlet demonstrating a predominance of negative tone (54.8%), whereas "1obl.ru" focuses on a neutral-to-positive tone (73.1%). The study establishes that the media space of the Chelyabinsk region exhibits a stable trend of transforming negative stereotypes ("harsh industrial zone", "black sky conditions") into positive images of a technologically progressive and socially comfortable territory.

Keywords: agenda-setting, media agenda, media representation, publication tone, editorial policy, regional identity, Chelyabinsk region

Author contributions. Development of the research concept, manuscript writing & editing – Lidia K. Lobodenko; research data collection & analysis, writing – Anna B. Cherednyakova; data analysis & editing – Yulia V. Astashova; validation (data verification), refinement & editing of text – Andrey A. Kotov. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Funding. This study was supported by the Russian Science Foundation (project No. 26-18-20066) "Media Image of an Industrial Region in Mass and Social Media and Its Impact on the Youth Audience: Neuromarketing Research". A.A. Kotov contributed to the preparation of this article independently and did not receive funding from this grant.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted May 10, 2026; revised June 12, 2026; accepted June 28, 2026.

For citation: Lobodenko, L.K., Cherednyakova, A.B., Astashova, Yu.V., & Kotov, A.A. (2026). Media Image of an Industrial Region: Dominant Themes and Stereotypes. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 682–696. (In Russ.) http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-682-696 EDN: CKJOGR

Введение

В условиях медиатизации имидж территории формируется не только на основе реальной ситуации в различных сферах деятельности, во многом он определяется спецификой интерпретации событий в медиапространстве. Позитивный медиаобраз выступает как символический капитал территории, укрепляющий политическую стабильность, влияющий на социальную и инвестиционную привлекательность региона. В его репрезентации участвуют различные медийные ресурсы, государственные и частные, и данный процесс превращается «в динамичную совместную работу, в ходе которой общественное восприятие и поведение формируются в результате взаимодействия и конкуренции между интернет-платформами и средствами массовой информации» (Feng et al., 2025).

Изучение медиаобраза региона проводится в рамках разных научных дисциплин: медиалингвистики, медиапсихологии, культурологии, семиотики, политологии. Теоретической базой служит теория установления повестки дня (McCombs, Shaw, 1972), согласно которой СМИ осуществляют выбор новостей и ранжируют информационную повестку на двух уровнях: тематическом (темы и сюжеты) и атрибутивном (фреймы, символы и стереотипы). Стереотипы, регулярно транслируемые медиа, стандартизируют медиаобраз и превращают его в устойчивую когнитивную структуру, формирующую общественное мнение и массовое сознание.

Тема создания и трансформации медиаобраза промышленных регионов остается недостаточно изученной. Существующие исследования сфокусированы преимущественно на имидже городов или федеральных территорий, тогда как специфика медиаобраза промышленных районов, исторически ассоциирующихся с негативными стереотипами (экологические проблемы, суро-

вый климат, промышленная эстетика), требует отдельного анализа. Особенно актуальным является изучение доминирующих тем информационной повестки конкурирующих региональных СМИ, которые определяют структуру медиаобраза, а значит, стереотипов (негативных и позитивных), влияющих как на репрезентацию региона, так и на его восприятие целевыми аудиториями.

Понятие «медиаобраз» находится на пересечении нескольких научных направлений, в рамках которых оно рассматривается в контексте языковых средств, управления вниманием аудитории и политических коммуникаций (Симакова, Кваша, 2023; Шамне, Милованова, 2025; Essoh, 2023). Применительно к территории медиаобраз выступает как «особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией» (Богдан, 2007, с. 122), формируемый на основе концептуальных представлений общества и культурной памяти (Erofeeva et al., 2021). Он включает в себя научные, художественные и мифологические фрагменты картины мира, что позволяет репрезентировать локальную идентичность и укреплять ее в массовом сознании (Замятин, Замятина, 2011; Ильина, Драчева, 2023). Иногда в рамках сетевых медиакоммуникаций он трактуется как «социообраз» (Волкова, Ашур, 2021) и определяется как «совокупность эмоциональных, рациональных, архетипных и приобретенных в процессе социальной деятельности представлений широких слоев населения» (Балалуева, 2014, с. 87).

В смежных областях медиаобраз концептуализируется как имидж или территориальный бренд, направленный на целенаправленное коммуникативное и эмоционально-психологическое воздействие (Бачерикова, Романова, 2017; Важенина, 2013; Пашкина, 2012). Однако, в отличие от управляемого брендинга, медиаобраз в медийном дискурсе часто формируется через стереотипы, которые выступают мощным инструментом конструирования общественного мнения, упрощая и стандартизируя восприятие действительности (Марущак, 2012; Протасова, 2025). Стереотип – это «упрощенное, заранее принятое представление», возникающее опосредованно (Липпман, 2024, с. 95). В журналистике такие стереотипы закрепляются через устойчивые обобщения, несущие определенную эмоциональную коннотацию (Лозовский, 2007; Чепкасов, 2016).

Цель – выявить доминирующие темы в репрезентации медиаобраза Челябинского региона, а также проанализировать и систематизировать основные стереотипы, транслируемые в медиапространстве.

Материалы и методы

Для решения задач исследования применялись методы количественного и качественного контент-анализа, экспертной оценки и статистической обработки данных. При исследовании информационной повестки СМИ использовалась информационно-аналитическая система «АПИ-мониторинг»[1].

[1] См.: 25 лет успешной работы // АПИ-мониторинг. URL: https://www.api-monitoring.ru/ (дата обращения: 18.04.2026).

Эмпирическая база (35 575 медиатекстов) была сформирована на основе публикаций региональных сетевых изданий Челябинска «74.ру» и 1obl.ru за 2025 г. Согласно данным системы «Медиалогия»[2] они занимают верхние строки рейтинга наиболее цитируемых СМИ Челябинской области. Информационно-рекламный портал «74.ру» – один из самых популярных и посещаемых в регионе (аудитория 170 тыс. человек). Сетевое общественно-политическое издание 1obl.ru принадлежит Правительству Челябинской области, оно первое в категории государственных изданий подобного формата; 1obl.ru ежедневно предлагает своей аудитории (30 тыс. человек) около 40 новостей о событиях Челябинска и Челябинского региона.

Анализ публикаций (рис. 1) показывает, что ежемесячно каждое издание выпускает более 1000 медиатекстов по различным темам.

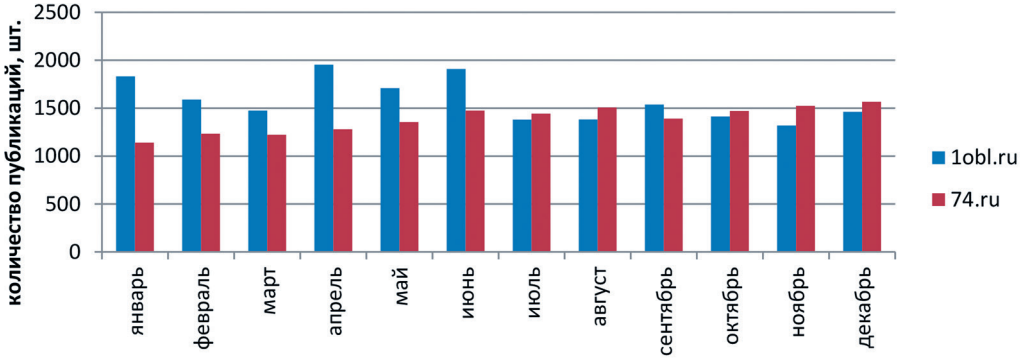

Рис. 1. Количество публикаций в сетевых изданиях 1obl.ru и «74.ru» по месяцам, 2025
Источник: создано А.Б. Чередняковой.

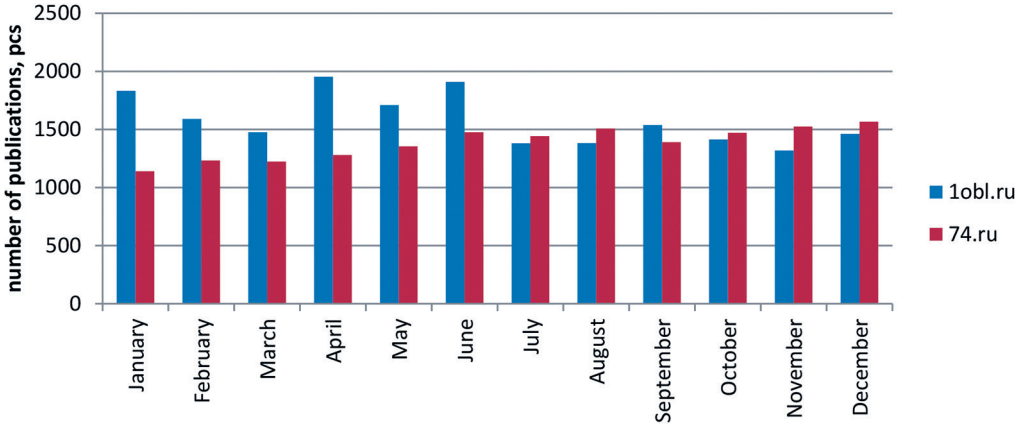

Figure 1. Monthly number of online media texts on 1obl.ru and 74.ru, 2025
Source: created by Anna B. Cherednyakova.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ изданий позволяет сделать вывод об их сопоставимости как по степени влиятельности в региональном медиапространстве, так и по интенсивности производства медиаконтента.

[2] Челябинская область: рейтинг СМИ за 2025 год // Медиалогия. URL: https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/14487/ (дата обращения: 18.04.2026).

Результаты и обсуждение

Медиаобраз Челябинской области – многоаспектный конструкт. На первоначальном этапе исследования из медиатекстов (35 575) двух сетевых изданий («74.ру» и 1obl.ru) было выделено 9 доминирующих тематических рубрик (табл. 1): политика; природные и географические особенности региона; история и культура; экономика и промышленный потенциал; социальная сфера (образование, медицина, спорт); туризм; охрана окружающей среды и экология; преступления, происшествия и правонарушения; прочее (публикации коммерческого характера, объявления и т.п.). Категория «прочее» была исключена из дальнейшего анализа.

Таблица 1. **Распределение медиатекстов по тематическим рубрикам в 2025 г.**

Код	Раздел	«74.ру»		1obl.ru		Всего	
		Кол-во, ед.	Доля, %	Кол-во, ед.	Доля, %	Кол-во, ед.	Доля, %
1	Политика	1238	7,45	1430	7,54	2668	7,5
2	Природные и географические особенности региона	553	3,33	1471	7,76	2024	5,7
3	История и культура	3074	**18,51 (2)**	3563	**18,79 (2)**	6637	**18,7**
4	Экономика и промышленный потенциал региона	3329	**20,04 (1)**	2699	**14,23 (3)**	6028	**16,9**
5	Социальная сфера (образование, медицина, спорт)	2709	**16,31 (3)**	5032	**26,53 (1)**	7741	**21,8**
6	Туризм региона	607	3,65	263	1,39	870	2,4
7	Охрана окружающей среды. Экология	1973	11,88	1598	8,43	3571	10,0
8	Преступления, происшествия и правонарушения	1914	11,52	1991	10,50	3905	11,0
9	Прочее	1214	7,31	917	4,83	2131	6,0
	Всего	16 611	100	18 964	100	35 575	100

Примечание. (1) – 1-е место; (2) – 2-е место; (3) – 3-е место.

Источник: составлено Ю.В. Асташовой.

Table 1. **Distribution of media texts by thematic categories in 2025**

Code	Thematic categories	74.ru		1obl.ru		Total	
		Articles	Share, %	Articles	Share, %	Articles	Share, %
1	Politics	1238	7.45	1430	7.54	2668	7.5
2	Natural and geographical features of the region	553	3.33	1471	7.76	2024	5.7
3	History and culture	3074	**18.51 (2)**	3563	**18.79 (2)**	6637	**18.7**
4	Economy and industrial potential of the region	3329	**20.04 (1)**	2699	**14.23 (3)**	6028	**1.9**
5	Social sphere (education, medicine, sports)	2709	**16.31 (3)**	5032	**26.53 (1)**	7741	**2.8**
6	Local tourism	607	3.65	263	1.39	870	2.4
7	Environmental protection. Ecology	1973	11.88	1598	8.43	3571	10.0
8	Crime and offences	1914	11.52	1991	10.50	3905	11.0
9	Miscellaneous	1214	7.31	917	4.83	2131	6.0
	Total	16 611	100	18 964	100	35 575	100

Note. (1) – 1st place; (2) – 2nd place; (3) – 3rd place.

Source: compiled by Yulia V. Astashova.

Были выделены следующие доминирующие темы (рис. 2): социальная сфера (21,8 %); история и культура (18,7 %); экономика и промышленный потенциал региона (16,9 %). В наименьшей степени представлены такие темы, как природные и географические особенности региона (5,7 %) и туризм (2,4 %).

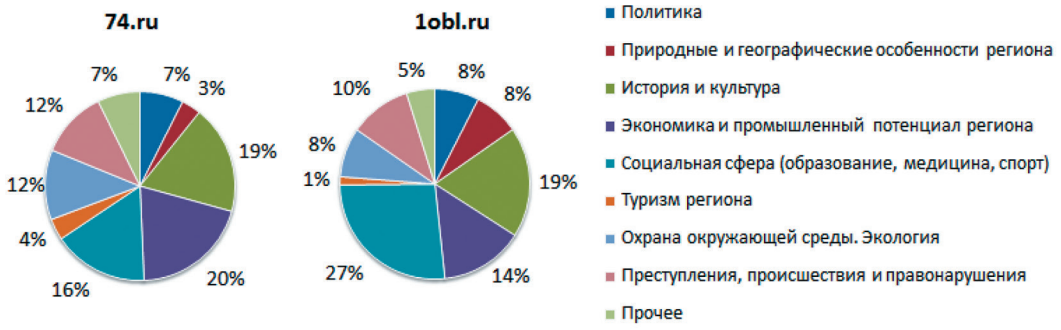

Рис. 2. Тематическая структура медиаобраза Челябинской области в «74.ру» и 1obl.ru, 2025
Источник: создано А.Б. Чередняковой.

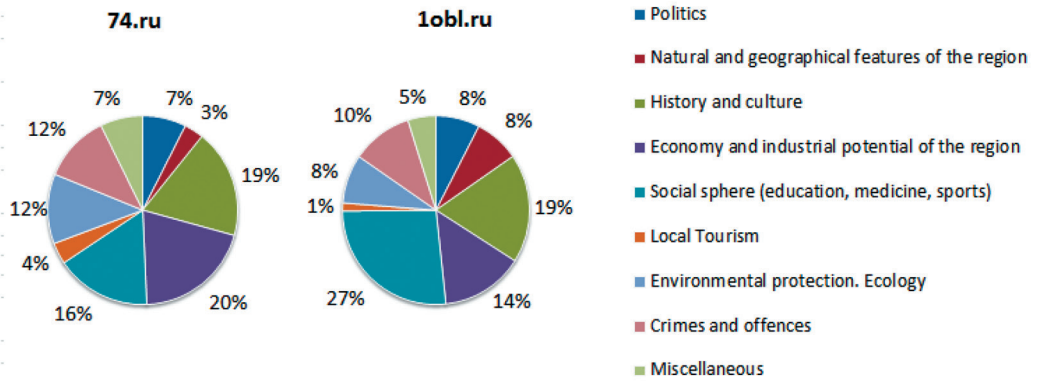

Figure 2. The thematic structure of the media image of the Chelyabinsk region on 74.ru and 1obl.ru, 2025
Source: created by Anna B. Cherednyakova.

Издание 1obl.ru уделяет основное внимание социальной сфере, оно опережает «74.ру» по количеству подобных публикаций почти в два раза (табл. 2). Детальный анализ подрубрик показал, что в 1obl.ru преобладают материалы о физкультуре и спорте (43,3 %), что в 3 раза превышает аналогичный показатель в «74.ру». Публикаций о медицине и здравоохранении в 1obl.ru почти вдвое больше, чем в «74.ру».

В контексте репрезентации медиаобраза наряду с доминантными темами имеет значение тональность. Как показано на рис. 3, в издании «74.ru» преобладает негативная тональность (54,8 %), тогда как 1obl.ru освещает события преимущественно в нейтральном или позитивном ключе (73,1 %).

Анализ публикаций в наиболее популярных тематических рубриках (табл. 3) показывает, что в издании «74.ру» негативная тональность преобладает во всех разделах.

Таблица 2. **Сравнительный анализ публикационной активности по теме «Социальная сфера» в 2025 г.**

Код	Раздел	«74.ру»		1obl.ru	
		Кол-во, ед.	Доля, %	Кол-во, ед.	Доля, %
5	**Социальная сфера (образование, медицина, спорт)**	**2709**	**100,0**	**5032**	**100,0**
5.1	Образование и наука	907	33,5	912	18,1
5.2	Медицина и здравоохранение	1092	40,3	1942	38,6
5.3	Физическая культура и спорт	710	26,2	2178	43,3

Источник: составлено Ю.В. Асташовой.

Table 2. **Comparative analysis of publication activity in the Social Sphere category in 2025**

Code	Thematic categories	74.ru		1obl.ru	
		Articles	Share, %	Articles	Share, %
5	**Social shpere (education, healthcare, sport)**	**2709**	**100.0**	**5032**	**100.0**
5.1	Education and science	907	33.5	912	18.1
5.2	Medicine and healthcare	1092	40.3	1942	38.6
5.3	Physical culture and sport	710	26.2	2178	43.3

Source: compiled by Yulia V. Astashova.

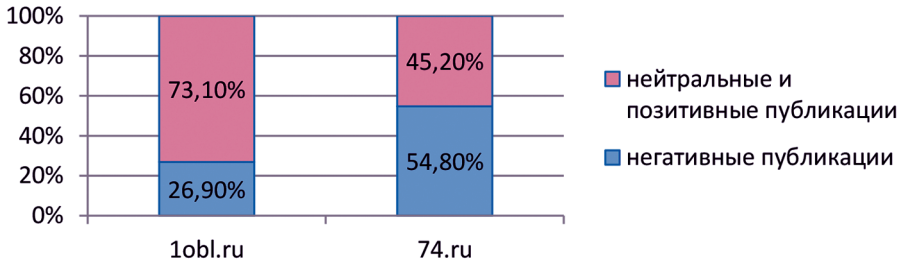

Рис. 3. Распределение тональности публикаций в 2025 г.
Источник: создано А.Б. Чередняковой.

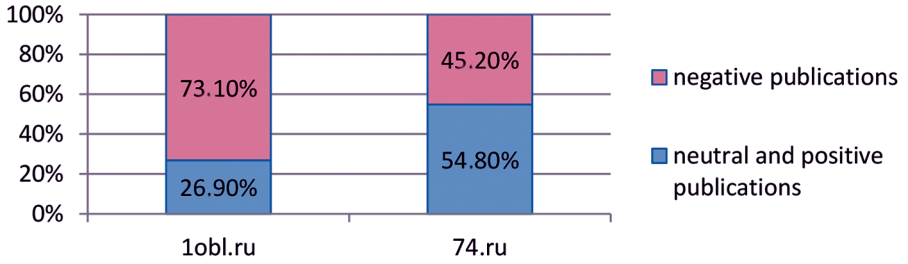

Figure 3. Distribution of publication tonality in 2025
Source: created by Anna B. Cherednyakova.

Таблица 3. **Доля публикаций с негативной тональностью в ключевых рубриках 1obl.ru и «74.ру» в 2025 г.**

Тематический раздел	Доля публикаций с негативной тональностью, %	
	1obl.ru	«74.ру»
Социальная сфера	24,94	66,01
История и культура	9,06	56,56
Экономика и промышленный потенциал региона	19,09	55,04
Преступления, происшествия и правонарушения	91,52	95,34

Источник: составлено Ю.В. Асташовой.

Table 3. **Share of negative publications in key thematic categories on 1obl.ru and 74.ru in 2025**

Thematic categories	Negative publications, %	
	1obl.ru	74.ru
Social sphere	24.94	66.01
History and culture	9.06	56.56
Economy and industrial potential of the region	19.09	55.04
Crime and offences	91.52	95.34

Source: compiled by Yulia V. Astashova.

Качественный анализ медийного пространства (сайты, СМИ, телевидение, радио, социальные сети, мессенджеры) Челябинской области позволил выделить распространенные позитивные, нейтральные и негативные стереотипы, противопоставление которых обусловлено амбивалентностью сформированного медиаобраза. Ключевые стереотипы были выделены по каждому тематическому разделу (табл. 4).

Таблица 4. **Перечень позитивных, негативных и нейтральных стереотипов**

Позитивные и нейтральные стереотипы	Негативные и нейтральные стереотипы
1. Раздел «Политика»	
Столица Южного Урала, политическая стабильность, технократы новой волны, новые урбанистические проекты власти и др.	Регион промышленной номенклатуры, промышленный лоббизм, коммунальный коллапс и др.
2. Раздел «Природные и географические особенности региона»	
Граница Европы и Азии (сердце Евразии), край 3000 озер, Уральские горы, южноуральские самоцветы и др.	Территория техногенных катастроф, суровый индустриальный пейзаж, суровый климат, нашествие клещей и др.
3. Раздел «История и культура»	
Танкоград / Город трудовой доблести, многонациональный регион, златоустовская гравюра, челябинский метеорит, уральские мастера, культурная столица и др.	Суровый Челябинск, суровая промышленная зона, суровые мужики, культура рабочих окраин, специфический говор и челябинское «чо» и др.
4. Раздел «Экономика и промышленный потенциал региона»	
Опорный край державы, технологический суверенитет, робототехника, промышленный локомотив и др.	Суровый индустриальный край, уральский Детройт, кадровый голод, «дорожная революция» и др.
5.1. Раздел «Социальная сфера (образование)»	
Межвузовский кампус, южноуральская инженерная школа, флагманские школы, студенческий регион и др.	Отток деловой активной молодежи, высокая конкурентная борьба вузов, отток сильных педагогов и др.
5.2. Раздел «Социальная сфера (медицина)»	
Уральская медицинская школа, уникальная лазерная хирургия глаза, уральские кардиохирурги творят чудеса, центр ядерной медицины и др.	Регион повышенного риска онкологических заболеваний, экологические заболевания, дефицит врачей и др.
5.3. Раздел «Социальная сфера (спорт)»	
Центр проведения спортивных соревнований, хоккейная школа Южного Урала (ХК «Трактор» и ХК «Металлург») и др.	В городе только хоккей, отток перспективных спортсменов, спорт доступен состоятельным гражданам и др.
6. Раздел «Туризм региона»	
Южноуральская Швейцария, национальные парки (Таганай и Зюраткуль), место силы «Аркаим», горнолыжные курорты, южноуральские курорты и санатории и др.	Серый город, индустриальная пустыня, сервис «из СССР», пробки на М-5, завышенная стоимость отдыха и др.

Окончание табл. 4

Позитивные и нейтральные стереотипы	Негативные и нейтральные стереотипы
7. Раздел «Охрана окружающей среды. Экология»	
Белая металлургия, экомодернизация, рекультивация свалок, снижение выбросов, зеленый щит Магнитки / зеленый пояс Челябинска, экотранспорт и др.	Режим «черное небо», промышленные выбросы, Карабаш – самая грязная точка планеты, радиационная речка Теча, авария на предприятии «Маяк», коркинский разрез и др.
8. Раздел «Преступления, происшествия и правонарушения»	
Снижение уличной преступности, безопасные общественные пространства, благополучные микрорайоны и др.	Рабочие окраины (ЧМЗ), челябинские гопники, суровый Ленинский район и др.

Источник: составлено А.Б. Чередняковой и Ю.В. Асташовой.

Table 4. **Classification of positive, negative, and neutral stereotypes**

Positive and neutral stereotypes	Negative and neutral stereotypes
1. Categorie “Politics”	
Capital of the South Urals, political stability, new wave technocrats, new urban projects of the government, etc.	Industrial region, industrial lobbying, utility collapse, etc.
2. Categorie “Natural and geographical features of the region”	
The border of Europe and Asia (the heart of Eurasia), 3000 lakes region, the Ural Mountains, South Ural gems, etc.	The territory of man-made disasters, harsh industrial landscape, harsh climate, tick invasion, etc.
3. Categorie “History and culture”	
Tankograd / City of Labor Valour, multinational region, Zlatoust engraving, Chelyabinsk meteorite, Ural craftsmen, cultural capital, etc.	Harsh Chelyabinsk, harsh industrial area, harsh men, the culture of the working suburbs, specific dialect and Chelyabinsk *Cho*, etc.
4. Categorie “Economy and industrial potential of the region”	
The supporting edge of the state, technological sovereignty, robotics, industrial leader, etc.	Harsh industrial region, Ural Detroit, staff shortage, “road revolution” and others
5.1. Categorie “Social sphere (education)”	
Interuniversity campus, South Ural Engineering School, Leading schools, student region, etc.	“Brain drain” of business-active youth, highly competitive universities, “brain drain” of strong teachers, etc.
5.2. Categorie “Social sphere (healthcare)”	
Ural Medical School, unique laser eye surgery, Ural cardiac surgeons work wonders, The Center for Nuclear Medicine, etc.	A region at increased risk of cancer, environmental diseases, shortage of doctors, etc.
5.3. Categorie “Social sphere (sports)”	
Sports competition center, South Ural hockey school (HC Traktor and HC Metallurg), etc.	There is only hockey in the city, ‘brain drain’ of promising athletes, sports are affordable for affluent citizens, etc.
6. Categorie “Local tourism”	
South Ural Switzerland, National parks (Taganay and Zyuratkul), the place of power “Arkaim”, ski resorts, South Ural resorts and sanatoriums, etc.	Grey city, industrial desert, service as if “in the USSR”, traffic jams on the M-5, excessive cost of rest, etc.
7. Categorie “Environmental protection. Ecology”	
White metallurgy, eco-modernization, Landfill reclamation, Emissions reduction, the green shield of Magnitogorsk / the green belt of Chelyabinsk, eco-transport, etc.	“Black sky” regime, industrial emissions, Karabash is the dirtiest place on the planet, the contaminated by radiation river Techa, the accident at the Mayak enterprise, Korkinsky coal mine, etc.
8. Categorie “Crime and offenses”	
Street crime reduction, safe public spaces, prosperous neighborhoods , etc.	Outskirts of the city (ChMZ district), Chelyabinsk hoodlums, harsh Leninsky district, etc.

Source: compiled by Anna B. Cherednyakova and Yulia V. Astashova.

Медиаобраз Челябинской области строится на контрасте индустриальной мощи и сложной экологии, а также на образах уникальных природных объектов, культурных инициатив и туристической привлекательности. Информационная повестка региона формируется с учетом задач постепенного смещения фокуса с экологических проблем на развитие спорта, науки, культуры. Сложившиеся негативные стереотипы базируются на проблемах региона, решение которых обеспечивает формирование новых позитивных стереотипов о Челябинской области, представляющих современный медиаобраз региона как культурной столицы, центра рекреационного туризма, экомодернизации и т.п.

Примеры трансляции позитивных и негативных стереотипов в рамках тематического раздела «История и культура», опубликованных в изучаемых изданиях, представлены в табл. 5.

Таблица 5. **Примеры трансляции стереотипов тематического раздела «История и культура» в «74.ру» и 1obl.ru**

Вид стереотипа и пример	Темы, маркеры и лексические единицы в СМИ	Источники
Позитивный: танкоград / Город трудовой доблести	Эпоха трудового героизма населения во время Великой Отечественной войны; гордость, сила духа и щит страны; рабочие династии, преемственность поколений, трудовой подвиг тыла, промышленное сердце страны и др.	Артем Жога: Челябинск занимает особое место среди уральских столиц (13.09.2025, 1obl.ru); Музей под открытым небом, посвященный трудовому подвигу южноуральцев, появится в Челябинске (30.04.2025, 1obl.ru)
Негативный: суровый Челябинск	Описание жителей как людей с «железным» характером, бесстрашных и жестких; образ тяжелого быта, агрессивной среды, отсутствия комфорта; трансляция ироничного регионального штампа для привлечения внимания к материалу («настолько суровый, что…») и др.	Фотограф показал непарадную сторону Челябинской области – 34 атмосферных снимка (20.07.2025, 74.ru); Челябинские воры настолько суровы, что «на дело» берут молотки. Будьте осторожны (06.01.2025, 1obl.ru)

Источник: составлено А.Б. Чередняковой.

Table 5. **Stereotype representations in the thematic category History and Culture on 74.ru and 1obl.ru**

Stereotype and its references	Themes, markers, vocabulary units in Mass media	Sources
Positive: Tankograd / City of Labor Valour	The era of labor heroism of the people during the Second World War, Pride, fortitude, and the country shield; working dynasties, the succession of generations; the labor feat of the home front; the industrial heart of the country, etc.	Artyom Zhoga: Chelyabinsk holds a special place among the Ural capitals (09/13/2025, 1obl.ru); An open-air museum dedicated to the labor feat of South Ural residents will appear in Chelyabinsk (30.04.2025, 1obl.ru)
Negative: Harsh Chelyabinsk	Description of the inhabitants as people with strong character, fearless and tough; the image of a difficult life, harsh environment, lack of comfort; broadcasting an ironic regional cliche to draw attention to the material (“so harsh that…”), etc.	The photographer showed the harsh side of the Chelyabinsk region – 34 descriptive photos (07/20/2025, 74.ru); Chelyabinsk thieves are so harsh that they take hammers for their “business”. Watch out! (06.01.2025, 1obl.ru)

Source: compiled by Anna B. Cherednyakova.

Позитивный стереотип «Танкоград / Город трудовой доблести» актуализируется в СМИ через обращение к историческим событиям периода Великой Отечественной войны, используется для формирования героического индустриального имиджа региона и развития локального патриотизма. Негативный стереотип «суровый Челябинск» используется для гиперболизации сложных реалий (индустриальной среды, характера людей, погоды). При этом данный стереотип поддерживается за счет упоминаний в развлекательных шоу, мемах и шутках, высмеивающих стойкость и брутальность местных жителей.

Заключение

Изучение медиаобраза индустриального региона является одной из ключевых задач в связи с необходимостью преодоления когнитивного разрыва между реальными процессами развития различных сфер деятельности и их репрезентацией в современном медиапространстве. Содержательно-тематический анализ информационной повестки сетевых изданий «74.ру» и 1obl.ru позволил выявить восемь ключевых тематических разделов. Лидирующие позиции занимают медиатексты о развитии социальной сферы, об истории и культуре, экономике и промышленном потенциале области. Регион успешно преодолевает исторический кризис идентичности, трансформируя деструктивные стереотипы (например, «суровая промышленная зона», «режим черного неба», «серый город») в позитивный образ самобытного, технологически прогрессивного и социально комфортного для жизни края с сильным внутренним характером.

В информационной повестке активно формируются и закрепляются новые позитивные стереотипы: «Челябинск – культурная столица России 2027 г.»; «Южный Урал – край 3000 озер»; «центр культурных и спортивных мероприятий» и др. При этом индустриальный вектор медиаобраза транслируется не только через деструктивную экологическую критику, но и через экомодернизацию производства и внедрение передовых технологических решений. Таким образом, информационный фокус сместился с констатации проблем промышленного региона на освещение путей их решения, что существенно повышает экономическую и социальную привлекательность территории.

Список литературы

Балалуева И.А. Медиаобраз и социообраз: процессы взаимоуправления в информационном обществе // Право и управление. XXI век. 2014. № 4(33). С. 86–91. EDN: TPWFXP

Бачерикова М.Л., Романова И.М. Имидж территории: понятийно-терминологическая систематизация // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2017. № 1–3(49). С. 369–384. EDN: YNEAUN

Богдан Е.Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2007. № 4. С. 122–127. EDN: ICDAKV

Важенина И.С. Имидж, репутация и бренд территории : монография. Екатеринбург : Институт экономики Уральского отд-ния РАН, 2013. 408 с. EDN: VLNNCJ

Волкова И.И., Ашур Х.Ю.Д. Медиаобраз Иордании в интернет-СМИ Рунета: особенности «неперсонификации» // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10. № 1. С. 39–50. https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).39-50 EDN: RZSOKU

Замятин Д.Н., *Замятина Н.Ю.* Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Известия Российской анадемии наук. Серия географическая. 2011. № 5. С. 97–108. EDN: OJBBVX

Ильина Е.Н., Драчева Ю.Н. Медиаобраз регионов в «Сказочной карте России» // Филологический класс. 2023. Т. 28. № 2. С. 9–21. EDN: WRTPVT

Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчуновой. М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2004. 382 с.

Лозовский Б.Н. Журналистика и средства массовой информации : крат. словарь. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург : Урал. гос. ун-т, 2007. 306 с.

Марущак А.В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве // Журналистский ежегодник. 2012. № 1. С. 93–96. EDN: PJXOGH

Пашкина Т.А. Понятие «имидж территории» в современной науке и практике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2012. Т. 12. № 2. С. 63–66.

Протасова М.Д. Медиаобраз: теоретические аспекты изучения понятия // Вестник науки. 2025. Т. 5. № 3(84). С. 668–674. EDN: VNUJGC

Симакова С.И., Кваша Д.И. Медиаобраз как одна из составляющих формирования медиаэстетического кода региона // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2023. Т. 29. № 1. С. 28–38. https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.1.003 EDN: CMVESL

Чепкасов А.В. Образ – имидж – стереотип региона (к определению понятий) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 6. С. 83–92. EDN: UOGACN

Шамне Н.Л., Милованова М.В. Медиаобраз нецентральной территории в российских СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2025. Т. 24. № 2. С. 29–43. https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.3

Erofeeva I., Melnik G., Prostokishina N. Teaching methods for modeling the image of territory in a media text: the problem of meaning formation // Media Education. 2021. Vol. 17. No. 4. P. 601–611. https://doi.org/10.13187/me.2021.4.601 EDN: UIJITN

Essoh L.F. The role of media in shaping the mental image of the region “Ma’an as a Model” // Journal of Namibian Studies: History Politics Culture. 2023. Vol. 33. No. 3. P. 762–782. https://doi.org/10.59670/jns.v33i.1901

Feng S., Zhang X., Wang Y. Analysis of communication effects of media agenda synergy: a hidden Markov model-based approach to modeling the timing of media releases // Journalism and Media. 2025. Vol. No. 4. Article 173. https://doi.org/10.3390/journalmedia6040173

McCombs M., Shaw D.L. The agenda-setting function of mass media // Public Opinion Quarterly. 1972. Vol. 36. No. 2. P. 176–187. https://doi.org/10.1086/267990

References

Bacherikova, M.L., & Romanova, I.M. (2017). Territorial Image: conceptual and terminological systematization. *Regional Economics and Management: Electronic Scientific Journal,* (1–3), 369–384. (In Russ.) EDN: YNEAUN

Balalueva, I.A. (2014). Media-image and socio-image: mutual management in information society. *Journal of Law and Administration. XXI Century*, (4), 86–91. (In Russ.) EDN: TPWFXP

Bogdan, E.N. (2007). Media image of Russia as a concept of the journalism theory. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, (4), 122–127. (In Russ.) EDN: ICDAKV

Chepkasov, A.V. (2016). Pattern – Image – The Stereotype of the region (the definition of the concept). *Vestnik NSU. Series: History and Philology, 15*(6), 83–92. (In Russ.) EDN: UOGACN

Erofeeva, I., Melnik, G., & Prostokishina, N. (2021). Teaching methods for modeling the image of territory in a media text: the problem of meaning formation. *Media Education*, *17*(4), 601–611. https://doi.org/10.13187/me.2021.4.601 EDN: UIJITN

Essoh, L.F. (2023). The role of media in shaping the mental image of the region "Ma'an as a Model". *Journal of Namibian Studies: History Politics Culture, 33*(3), 762–782. https://doi.org/10.59670/jns.v33i.1901

Feng, S., Zhang, X., & Wang, Y. (2025). Analysis of communication effects of media agenda synergy: a hidden Markov model-based approach to modeling the timing of media releases. *Journalism and Media*, *6*(4), 173. https://doi.org/10.3390/journalmedia6040173

Ilina, E.N., & Dracheva, Yu.N. (2023). Media images of the regions in the project "Fairy-Tale Map of Russia". *Philological Class, 28*(2), 9–21. (In Russ.) EDN: WRTPVT

Lippmann, W. (1922). *Public Opinion.* Harcourt, Brace and Company.

Lozovsky, B.N. (2007). Journalism and Mass Media. Yekaterinburg: Ural State University Publ. (In Russ.)

Marushchak, A.V. (2012). Political and social image of Russia in the US Media Space. *Journalistic Yearbook,* (1), 93–96. (In Russ.)

McCombs, M., & Shaw, D.L. (1972). The agenda-setting function of mass media. *Public Opinion Quarterly*, *36*(2), 176–187. https://doi.org/10.1086/267990

Pashkina, T.A. (2012). The concept of "Territorial Image" in modern science and practice. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, *12*(2), 63–66. (In Russ.) EDN: PJXOGH

Protasova, M.D. (2025). Media image: theoretical aspects of studying the concept. *Vestnik Nauki, 5*(3), 668–674 (In Russ.) EDN: VNUJGC

Shamne, N.L., & Milovanova, M.V. (2025). Media image of non-central territory in Russian media. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 24*(2), 29–43. (In Russ.) https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2025.2.3

Simakova, S.I., & Kvasha, D.I. (2023). Media Image as One of the Components for Formation of Media Aesthetic Code of the Region. *Izvestiya Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*, *29*(1), 28–38. (In Russ.) https://doi.org/10.15826/izv1.2023.29.1.003 EDN: CMVESL

Vazhenina, I.S. (2013). *Image, Reputation and Brand of Territory*. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.) EDN: VLNNCJ

Volkova, I.I., & Ashour, H.Y.J. (2021). Media image of Jordan in Runet media: specifics of non personification. *Theoretical and Practical Issues of Journalism, 10*(1), 39–50. (In Russ.) https://doi.org/10.17150/2308-6203.2021.10(1).39-50 EDN: RZSOKU

Zamyatin, D.N., & Zamyatina, N.Yu. (2011). Humanitarian geography: object of learning and the main trends of development. *Izvestiya RAN (Akad. Nauk SSSR). Seriya Geograficheskaya,* (5), 97–108. (In Russ.) EDN: OJBBVX

Сведения об авторах:

Лободенко Лидия Камиловна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, д. 76. ORCID: 0000-0002-0809-1686; SPIN-код: 2396-9777. E-mail: lobodenkolk@susu.ru

Чередникова Анна Борисовна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, д. 76. ORCID: 0000-0002-5681-8800; SPIN-код: 7230-5306. E-mail: cheredniakovaab@susu.ru

Асташова Юлия Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Южно-Уральский государственный университет, Российская Федерация, 454080, Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, д. 76. ORCID: 0000-0001-8854-2266; SPIN-код: 1414-9172. E-mail: astashovayv@susu.ru

Котов Андрей Александрович, аспирант кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2; глава пресс-службы, Федеральная служба по аккредитации, Российская Федерация, 125093, Москва, Пресненская наб., д. 10, стр. 2. ORCID: 0000-0001-5311-494X; SPIN-код: 3122-9416. E-mail: andres.kotov@yandex.ru

Bio notes:

Lidia K. Lobodenko, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, 76 Lenina Ave, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0809-1686; SPIN-code: 2396-9777. E-mail: lobodenkolk@susu.ru

Anna B. Cherednyakova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, 76 Lenina Ave, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5681-8800; SPIN-code: 7230-5306. E-mail: cheredniakovaab@susu.ru

Yulia V. Astashova, PhD in Economics, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Journalism, Advertising and Public Relations, South Ural State University, 76 Lenina Ave, Chelyabinsk, 454080, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8854-2266; SPIN-code: 1414-9172. E-mail: astashovayv@susu.ru

Andrey A. Kotov, PhD Student at the Department of Mass Communications, RUDN University, 10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation; Head of the Press Service, Federal Service for Accreditation, 10 Presnenskaya nab, bldg 2, Moscow, 125093, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-5311-494X; SPIN-code: 3122-9416. E-mail: andres.kotov@yandex.ru

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 697–709
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-697-709
EDN: CLUQLW
УДК 316.77:070:654.197

Научная статья / Research article

Трансформация дискурса ведущих в шоу о преображениях: от нормативного конформизма к легитимации индивидуальности

Ф.Т. Ахунзянова[1], И.И. Волкова[2, 3]

[1]*Костромской государственный университет, Кострома, Российская Федерация*
[2]*Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация*
[3]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация*
✉ farida.ahunzyano@mail.ru

Аннотация. Анализируются концептуальные изменения дискурсивных практик ведущих американских шоу о преображениях, которые фиксируют сдвиг от нормативного конформизма к легитимации индивидуальности. Сравнительному анализу подвергнуты два проекта с участием одних и тех же ведущих – Стейси Лондон и Клинтона Келли – в разных медиаэпохах: шоу линейного телевидения «Что не стоит носить» (2003–2013, 248 эпизодов) и стриминговый проект «Носите то, что хотите» (2025, 8 эпизодов). Качественный дискурс-анализ, ориентированный на прагматические цели, тактики взаимодействия и координацию вербальных и невербальных средств, позволяет выявить устойчивые коммуникативные паттерны, а не количественные частотности. Результаты показывают, что в раннем проекте доминировал авторитарный дискурс, реализуемый через тактики негативного оценивания, обвинения и насмешки, что способствовало утверждению внешних эстетических стандартов. В проекте 2025 г. зафиксирован кооперативный вектор коммуникации, основанный на эмпатии, уважении к индивидуальному выбору и деконструкции жестких стилистических норм. Асимметрия эмпирической базы, обусловленная неполнотой доступного корпуса стримингового проекта на начальном этапе, не снизила достоверности выводов благодаря достигнутой информационной насыщенности. Полученные данные вносят вклад в понимание того, как платформизация и культурные сдвиги трансформируют взаимодействие «ведущий – аудитория» в реалити-форматах, что имеет значение для медиаэтики, инклюзивной репрезентации и эволюции прагматики развлекательного дискурса.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, реалити-формат, трансформация медиадискурса, платформизация контента, дисциплинарный дискурс, этика самовыражения

© Ахунзянова Ф.Т., Волкова И.И., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Вклад авторов. Концептуализация, исследование (сбор и анализ данных), написание статьи – Ф.Т. Ахунзянова; методология, валидация (проверка данных), доработка и редактирование – И.И. Волкова. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 20 декабря 2025 г.; отрецензирована 28 января 2026 г.; принята к публикации 22 февраля 2026 г.

Для цитирования: *Ахунзянова Ф.Т., Волкова И.И.* Трансформация дискурса ведущих в шоу о преображениях: от нормативного конформизма к легитимации индивидуальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 697–709. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-697-709 EDN: CLUQLW

Transforming Host Discourse in Makeover Shows: From Normative Conformity to the Legitimization of Individuality

Farida T. Akhunzianova[1], Irina I. Volkova[2, 3]

[1]*Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation*
[2]*RUDN University, Moscow, Russian Federation*
[3]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*
✉farida.ahunzyano@mail.ru

Abstract. This study examines conceptual shifts in the discursive practices of hosts in American makeover shows, capturing a transition from normative conformity to the legitimization of individuality. A comparative analysis is conducted on two projects featuring the same hosts – Stacy London and Clinton Kelly – across different media eras: the linear television series *What Not to Wear* (2003–2013, 248 episodes) and the streaming project *Wear Whatever the F You Want* (2025, 8 episodes). Qualitative discourse analysis, focusing on pragmatic goals, interactional tactics, and the coordination of verbal and non-verbal cues, reveals stable communicative patterns rather than mere statistical frequencies. The findings show that the earlier project was dominated by an authoritarian discourse, operationalized through tactics of negative evaluation, accusations, and mockery, thereby reinforcing external aesthetic standards. The 2025 project, in contrast, exhibits a cooperative communicative orientation grounded in empathy, respect for individual choice, and the deconstruction of rigid stylistic norms. The asymmetry of the empirical base – due to the incomplete corpus of the streaming project at its initial release – did not compromise the validity of the findings, thanks to the achieved data saturation. These results contribute to understanding how platformization and cultural shifts transform host-participant interaction in reality TV formats, with implications for media ethics, inclusive representation, and the evolving pragmatics of entertainment discourse.

Keywords: communicative strategies, reality format, media discourse transformation, content platformization, disciplinary discourse, ethics of self-expression

Author contributions. Conceptualization, investigation (data collection & analysis), writing – original draft – Farida T. Akhunzianova; methodology, validation (data verification), writing –

review & editing – Irina I. Volkova. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted December 20, 2025; revised January 28, 2026; accepted February 22, 2026.

For citation: Akhunzianova, F.T., & Volkova, I.I. (2026). Transforming Host Discourse in Makeover Shows: From Normative Conformity to the Legitimization of Individuality. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 697–709. (In Russ.) http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-697-709 EDN: CLUQLW

Введение

Развлекательные американские шоу о преображениях (*makeover shows*) представляют собой значимый медиафеномен, формирующий культурные нормы, стандарты красоты и представления о самоидентификации по всему миру (Gerbner, 1998). Эти программы не просто развлекают аудиторию, они внедряют инновационные подходы в креативных индустриях, которые затем транслируются и адаптируются в других странах, определяя тенденции развития медиакоммуникаций.

В условиях цифровизации и смены платформ – от линейного телевещания к стриминговым сервисам – шоу о преображениях меняют коммуникативные стратегии ведущих, что отражает более широкие общественные тенденции. Авторы исходят из гипотезы, что вектор этих изменений направлен от нормативного конформизма (навязывания единых эстетических стандартов) к легитимации индивидуальности (поддержки самоопределения и разнообразия стилей). Именно этот вектор составляет предмет настоящего исследования.

В основе работы лежит различение коммуникативной стратегии (общая линия речевого поведения, направленная на достижение глобальной цели) и коммуникативных тактик (конкретные речевые действия, реализующие стратегию). Анализ определений и подходов к этим понятиям[1] (Анохина, 2008; Иссерс, 2024; Макаров, 2003; Van Dijk, 1977) позволил выявить проблематику исследования применительно к видеоформату «шоу о преображениях».

Успех коммуникации напрямую зависит от того, какой набор речевых тактик использует коммуникатор, особенно это важно в рамках пространства массмедиа, которое представляет собой коммуникативный феномен глобального характера. Существенная часть массмедиа наполнена развлекательным контентом, где коммуникация – это не просто передача информации, а комплексный процесс взаимодействия между ведущими, участниками и аудиторией, предполагающий наличие разных речевых приемов, направленных на удержание внимания зрителя, его эмоциональное вовлечение и формирование определенного типа восприятия происходящего. Важно подчеркнуть, что

[1] См.: *Клюев Е.В.* Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия : учеб. пособие для ун-тов и нт-тов. М. : Рипол классик, 2002. 316 с.; *Матвеева Т.В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. 562 с.

в медиадискурсе используются как вербальные, так и невербальные средства воздействия (тональность, жесты, проксемика).

Зарубежные исследования убедительно показывают, что шоу о преображениях 2000–2010-х гг. функционировали как инструменты нормативного контроля. Бренда Вебер на материале более 2500 часов передач приходит к выводу, что жанр наполнен противоречиями: чтобы раскрыть «истинное Я», участник должен быть переосмыслен экспертами; чтобы обрести силу – сдаться им; чтобы быть особенным – выглядеть и вести себя как все (Weber, 2009). Дана Хеллер утверждает, что эти программы пропагандируют самореализацию и соответствие культурным идеалам как две неразрывные добродетели, насаждая конформизм под видом индивидуального освобождения (Heller, 2006). Гай Редден подчеркивает, что трансформация личного стиля через дисциплину и хирургию превращает обычных людей в мимолетных знаменитостей, но затем отбрасывает их обратно, создавая проблемы идентичности (Redden, 2007). Дженнифер Дуглас на примере шоу «Что не стоит носить» показывает, как узкие гендерные нормы и идеалы женственности высшего класса маскируются самоутверждающей риторикой (Douglas, 2008).

Наконец, Элизабет Аффузо (Affuso, 2023) формулирует логику шоу о преображениях в рамках культуры ухода за собой и ее превращения ухода в инструмент заботы о себе. Однако при этом она подчеркивает следующее: проблема заключается в том, что в погоне за модными преобразованиями люди переоценивают роль экспертов в области моды в реалити-шоу, безоговорочно принимая от них готовые стилистические решения, то есть выбирая пассивную социально-коммуникативную позицию.

Особого внимания заслуживают работы Лори Уэллетт и Джеймса Хея, Яэль Шерман, которые анализируют реалити-ТВ как технологию «управления через самоуправление», где зрители обучаются правильно заботиться о себе, усваивая внешние стандарты (Ouellette, Hay, 2008; Sherman, 2008). В свою очередь, Кэтрин Сендер исследует «рефлексивную аудиторию» *makeover*-шоу, показывая, что зрители активно интерпретируют транслируемые идеалы, что создает пространство для сопротивления и пересмотра нормативов (Sender, 2012). Этот вывод перекликается с более поздними исследованиями, фиксирующими сдвиг в сторону «культуры заботы о себе» (Affuso, 2023). Другие авторы также отмечают, что современные *makeover*-форматы постепенно отказываются от откровенно авторитарных тактик в пользу эмпатии и поддержки индивидуального выбора (Camauer, 2016; Oak, Petrov, 2020).

Зарубежные ученые выделяют различные, но равнозначно справедливые аспекты концептуальной и нарративной составляющих американских шоу о преображениях. При этом они почти не рассматривают, как меняются коммуникативные практики самих ведущих при переходе к новым медиаформатам, в частности от линейного ТВ к стримингу. В российских исследованиях американские шоу о преображениях также не получили системного описания. Вместе с тем отдельные аспекты реалити-форматов и развлекательных жанров экранной коммуникации разрабатывались в диссертационных работах (Акинфеев, 2008; Волкова, 2015; Кемарская, 2022; Уразова, 2008).

Исходя из этого, ключевая проблема исследования определяется как анализ коммуникативных стратегий и тактик, используемых в данных шоу, а также выявление их трансформации в современном медиапространстве при изучении дискурса одних и тех же ведущих в разных медиаэпохах. Речь идет о проектах с участием Стейси Лондон и Клинтона Келли – «Что не стоит носить» (линейное ТВ) и «Носите то, что хотите» (стриминг).

Рассмотрены следующие исследовательские вопросы:

1. Какие коммуникативные тактики доминируют в раннем проекте и как они конструируют авторитарный дискурс?

2. Какие тактики приходят им на смену в новом проекте?

3. Как смена платформы (от ТВ к стримингу) соотносится с изменением дискурсивных практик?

Цель – выявить качественные изменения в коммуникативных стратегиях одних и тех же ведущих при переходе от модели линейного однонаправленного вещания к сетевому стриминговому формату, то есть сдвиг от нормативного конформизма к легитимации индивидуальности.

Материалы и методы

Эмпирическая база исследования – 248 выпусков реалити-шоу «Что не стоит носить» (*What Not to Wear*), транслировавшихся на американском канале TLC с 2003 по 2013 г., и 8 выпусков шоу «Носите то, что хотите» (*Wear Whatever the F You Want*), премьера которого состоялась в апреле 2025 г. на стриминговом сервисе *Amazon Prime Video*. В обоих проектах ведущими выступают эксперты моды и стиля Стейси Лондон и Клинтон Келли.

Проекты отобраны в силу их высокой культурной значимости и устойчивого зрительского резонанса. Первое шоу стабильно занимает лидирующие позиции в рейтингах модных и реалити-форматов, а новый проект 2025 г., несмотря на платный доступ и недавний запуск, уже демонстрирует высокие оценки аудитории (4,2/5 на *Prime Video*, 7/10 на других площадках).

В работе применяется качественный дискурс-анализ с фокусом на прагматические цели, тактики взаимодействия и вербально-невербальную координацию. Первый корпус используется для типологизации доминирующей коммуникативной модели 2000-х гг., второй – для выявления формирующихся тенденций платформенной медиасреды. Таким образом, ключевым параметром становится не объем корпуса (248 vs 8), а его информационная насыщенность (Patton, 2002). Отобранные 8 эпизодов достаточны для фиксации устойчивых паттернов, поскольку в них последовательно реализуется новая коммуникативная тактика ведущих, повторяющаяся от эпизода к эпизоду, что позволяет зафиксировать смену стратегического вектора.

Все эпизоды просмотрены авторами с транскрипцией диалогов ведущих и участников. Единица анализа – реплика ведущего, сопровождаемая невербальными маркерами (интонация, жесты, мимика). Анализ тактик проводился по следующим категориям (Иссерс, 2024): «анализ-минус», или негативное

оценивание (критика внешности, стиля); обвинение (приписывание вины за плохой вид); приказ (императивные конструкции); насмешка (ирония, сарказм); «анализ-плюс», или комплимент (позитивная оценка после преображения); кооперативные тактики (совет, совместный выбор, эмпатия).

Результаты и обсуждение

«Что не стоит носить» (*What Not to Wear*, далее WNTW) – американское реалити-шоу о преображении героев, основанное на британском шоу с тем же названием. Премьера шоу состоялась 18 января 2003 г., а финал – 18 октября 2013 г. Всего вышло 12 сезонов (362 эпизода, из которых проанализированы 248).

В официальном описании WNTW шоу позиционируется как превращение «модных катастроф» в «стильные успехи». Кандидатов предлагали друзья или родственники, считавшие их стиль неудачным. Ведущие Стейси Лондон и Клинтон Келли (профессиональные стилисты) объясняли правила: участник получал 5000 долларов на новый гардероб, но взамен должен был отказаться от всей своей старой одежды. Показательно, что со временем участницами стали исключительно женщины, хотя в первых выпусках были и мужчины.

Коммуникативный анализ восьми сезонов выявил доминирование авторитарных стратегий, обоснованных институциональным статусом ведущих. Их речь направлена на достижение слепого подчинения и проявляется в агрессии. Согласно исследованиям ключевые критерии авторитарности дискурса – навязывание своей картины мира и коммуникативное превосходство, что ведет к нарушению автономии партнера по общению (Сапун, Куликова, 2019, с. 59).

В качестве примера рассмотрим эпизод S6. E13 Jessica, который оказался довольно популярным у аудитории, войдя в сотню лучших выпусков шоу. Как и во всех прочих эпизодах, его ключевые прагматические характеристики – асимметричность коммуникативной инициативы в отношениях ведущих и участницы, интерактивное доминирование и контроль со стороны ведущих. Дискурсивную составляющую реализации авторитарных коммуникативно-речевых стратегий составляют следующие коммуникативные тактики:

- приказ – указывание героине на то, что она должна сделать: *Вы больше не должны одеваться в таких магазинах*; *Вам придется покупать одежду, следуя нашим правилам, довериться нам, покупать все, что мы сочтем подходящим*;
- анализ-минус – проведение анализа ситуации, связанной с внешним видом героини с приданием негативной оценки самой героине: *Вы, на мой взгляд, совершенно не тянете на персонального помощника и на возраст 27 лет*; *Вы выглядите неряшливо*; *Если вы работаете в офисе, совершенно не обязательно одеваться, как старушенция*;
- обвинение – приписывание героине вины за ее внешний вид: *Ей безразлично, что носить. Она одевается не по возрасту. Одежда не подходит для офиса*; *У Вас красивая фигурка, а Вы ничего не делаете, чтобы ее подчеркнуть*;

• замечание – указание на ошибки или на поведение участницы: *Раньше у вас был свой стиль, а потом вы как-то потерялись*; *Весь мир для Вас, вы можете выглядеть молодой, сексуальной, сногсшибательной женщиной, а вы ноете, ноете, что ваши лучшие годы прошли*;

• насмешка, доходящая до оскорбления, – применяется с целью вывести героиню на эмоции, понизить ее самооценку: [в ответ на ремарку героини «по-моему, я выгляжу вполне прилично»]: *Да уж, так же прилично, как мусорный мешок*; *Что это?* [о платье] *Я думала, это полотенце. От этого надо держаться подальше*; *Теперь посмотрим обувь… О, одни из самых уродливых на моей памяти. Чтобы их носить* [о туфлях], *нужны копыта, а не ноги. Невероятно уродливые*; *Мы увидели множество порванных джинсов, ужасные толстовки и очень странную манеру носить – все, как капуста*.

Отмечается также довольно высокий уровень речевой агрессивности ведущих, проявляемой посредством экспрессивной лексики (*Я от вас просто о*** […]; *Вы – лузер*; *О, господи!*), фонационных средств (повышенный тон голоса, усиленный темп речи, властная интонация), кинесических (мимика, характерная для человека, увидевшего что-то неприятное, активная жестикуляция) и проксемических (грубое нарушение дистанции – вторжение в интимную зону собеседницы) средств невербальной коммуникации.

Отметим, что при продолжительности выпуска около 43 минут реализация речевой агрессии со стороны ведущих в адрес главной героини шоу занимает 24 минуты, то есть 55 % времени. В итоге ведущие достигают своей цели, убедив девушку, что у нее нет собственного стиля и она неэстетично выглядит (точнее, «отвратительно» – в контексте передачи). Происходит своего рода стигматизация, то есть клеймение, навешивание социального ярлыка, стигмы – негативной оценочной характеристики, критического, уничижительного или дискредитирующего характера. Джессика признается: «Я не понимала, что все так плохо, пока не попала сюда. Все ужасно». Ее ценностная картина меняется: она начинает воспринимать свой образ до передачи как воплощение неудачницы, как отражение безвкусицы и дурного тона, и все проблемы, которые у нее были в жизни или могли появиться, связаны именно с этим. Ведущие настоятельно подчеркивают, что такую женщину не ждет ни внимание мужа, ни карьерный рост.

После принятия героиней своего «стилистического бессилия» и превосходства ведущих в данной области, реализация авторитарной коммуникативной стратегии не заканчивается, но меняет свой вектор с отрицательного на положительный. Когда Джессика демонстрирует свой новый образ и наряды, подобранные ведущими, те моментально перестраиваются на такие коммуникативные тактики, как «анализ-плюс» – проведение анализа перемен, произошедших с героиней, с позитивной оценкой как перемен, так и самой героини, а также активную поддержку через комплименты. В результате со стороны ведущих продолжается манипулятивное воздействие, цель которого теперь – убедить Джессику, что отныне она «правильный» член общества, подходящий под заданные стандарты.

Таким образом, коммуникативные стратегии и тактики ведущих, выявленные в WNTW, позволяют сделать вывод о социальной роли, которую играло данное шоу в рамках медиапространства 2003–2013 гг. С нашей точки зрения, оно выполняло не только развлекательную и гедонистическую функции, позволяя зрительской аудитории веселиться и получать удовольствие от того, как ведущие фактически издеваются над главной героиней. Очевиден социальный посыл: чтобы не стать такой же неудачницей, нужно четко соблюдать определенные каноны, в том числе связанные с внешним видом и красотой. Аудитории демонстрировались некие образцы как идеалы, при этом ведущими транслировалась идея о том, что эти идеалы продиктованы обществом и необходимы каждому человеку, поскольку позволяют обрести индивидуальность, однако в действительности суть всех эпизодов шоу сводилась к тому, что все должны соответствовать единому стандарту.

Преображения женщин в данном шоу в значительной степени превратили их в один и тот же тип «социально приемлемых», «деловых» и при этом «повседневных» женщин, выглядящих одинаково и совершенно не похожих на уникальных личностей с собственной индивидуальностью и стилем. Спустя несколько лет в журнале *Trends of the Times* иронично отмечалось: «Все они [образы в шоу WNTW] в конечном итоге давали одну и ту же „скромную деловую-повседневную секцию универмага Macy's“. Не говоря уже о том, что трансформации и переделки часто старили всех женщин как минимум на 10 лет»[2].

В 2025 г. произошло возвращение Стейси Лондон и Клинтона Келли. Они представили широкой общественности свой новый проект – «Носите то, что хотите» (*Wear Whatever the F You Want*, WWTFYW). Главной задачей ведущие поставили отказ от прежней философии моды, подразумевающей навязывание общих эстетических стандартов независимо от возраста и обстоятельств. В одном из интервью они отметили, что новый подход ставит клиента на первое место, даже если его вкусы принципиально отличаются от общепринятых: вместо жестких правил фокус смещается на самого человека, и окончательный выбор остается именно за ним[3].

Новое шоу во многом является отражением актуальных трендов современного медиапространства. Во-первых, оно учитывает тот факт, что с развитием интернета общество стало более демократичным, толерантным и информационно насыщенным, чего не наблюдалось во время первого шоу, когда люди в силу отсутствия знаний о моде и стиле просто не могли критически оценить навязываемые образы. Во-вторых, этот проект удачно вписывается в тенденцию коммерциализации медиапотребления: его выпуски выходят на

[2] How about “Wear Whatever the F You Want”? // Trends of the Times. 2025. April 29. Available from: https://www.trendsofthetimes.com/2025/04/29/how-about-wear-whatever-the-f-you-want/ (accessed: 18.04.2026).

[3] Everybody has an opinion today – Wear Whatever the F You Want host Stacy London shares how style now centers on what people like // Reality TV. 2025. April 30. Available from: https://www.sportskeeda.com/us/reality-tv/everybody-opinion-today-wear-whatever-f-you-want-host-stacy-london-shares-style-now-centers-people-like (accessed: 18.04.2026).

Amazon Prime – платформе, являющейся одновременно востребованным стриминговым сервисом и центром онлайн-шопинга. Следовательно, у зрителей есть возможность перейти на *Amazon* после просмотра эпизода и найти предметы одежды, обуви, аксессуары и многое другое из того, что было показано в WWTFYW.

В отличие от первого шоу, в новый проект участники приходят добровольно, стремясь за счет внешних перемен разрешить свои внутренние противоречия. Принципиально отличаются и коммуникативные стратегии ведущих. Теперь Стейси Лондон и Клинтон Келли сами объявляют правила моды устаревшими и неправильными и помогают своим героям отказаться от них, сосредоточившись на самовыражении.

Для сравнения возьмем первый выпуск «Взрослая „девочковая девочка“» (*Grown-Up Girly Girl*), где главной героиней является молодая женщина, которую тоже, как и героиню из первого примера, зовут Джессика. Показателен следующий момент: в первом шоу все эпизоды были названы именами женщин – *Morna, Eileen, Donna, Kerry, Christine* и т.п. В новом проекте каждый эпизод имеет обобщенное метафорическое название, зачастую отсылающее к устоявшимся стереотипам, что подчеркивает сложность и неоднозначность как участницы эпизода, так и соответствующей социальной категории в целом. Например, термин *Girly Girl* («девочковая девочка») из названия анализируемого нами выпуска в американском глянцевом дискурсе обозначает девушку, которая предпочитает традиционный женственный стиль в одежде, любит рассуждать на тему отношений с противоположным полом, предпочитает деятельность, связанную с традиционной гендерной ролью девушки в обществе. В американских СМИ этот термин имеет несколько пренебрежительную эмоциональную окраску, что обусловлено тем, что девушка, активно демонстрирующая (в особенности внешне) свою гендерную принадлежность (обычно этот образ связывают с атрибутикой бантиков, рюшей и т.п.), может вызывать к себе лишь снисходительное отношение, но никак не восприниматься всерьез. Авторы проекта добавляют к данному термину определение *Grown-Up* («взрослая»), ломая устоявшийся стереотип и подразумевая, что даже во взрослом возрасте женщина имеет право носить бантики и рюши, при этом она будет вполне самостоятельной, успешной и серьезной личностью. Ведущие не препятствуют героине оставаться в этом образе, не обвиняют ее в этом желании, напротив, поддерживают ее и дают рекомендации о том, как это сделать интереснее и утонченнее.

Доля критики и речевой агрессии сведена к минимальным показателям, ирония сменяется добродушным юмором: «Мы так сильно прикусываем языки, что, кажется, они сейчас начнут кровоточить», – признается К. Келли. Коммуникативные тактики «анализа-плюс», одобрения, похвалы и комплимента становятся доминирующими на протяжении всего выпуска, реализуя в своей совокупности коммуникативную стратегию кооперации. Речевым действиям соответствуют невербальные средства коммуникации: при общении соблюдается уважительная дистанция, мимика преимущественно отражает

радостное ожидание и восторг, ведущие часто обнимаются со своим героем, а также включаются в число наблюдателей, выполняя вместе с ним, например, незамысловатые танцевальные движения, что позволяет на коммуникативном уровне создать «Мы-общность», дать участнику и аудитории возможность чувствовать себя с ведущими на равных, в отличие от первого шоу, где ведущие максимально подчеркивали свое превосходство и незыблемый авторитет. Тем самым реализуется и стратегия солидаризации – демонстрация близости, общности, единодушия.

Сравнение двух проектов показывает системный сдвиг: в WNTW доминировали тактики негативного оценивания, приказа и насмешки, составлявшие более половины эфирного времени; в WWTFYW эти тактики практически исчезли, уступив место кооперативным стратегиям (совет, эмпатия, совместный выбор) и юмору. Изменилась и невербальная коммуникация – от агрессивной проксемики и властной интонации к уважительной дистанции и тактильному контакту, создающему «Мы-общность».

Заключение

Проведенное исследование подтверждает трансформацию дискурса ведущих в американских шоу о преображениях – от нормативного конформизма к легитимации индивидуальности. Ответы на три исследовательских вопроса позволяют сформулировать конкретные выводы.

В раннем проекте «Что не стоит носить» доминировали авторитарные тактики: приказ, негативное оценивание («анализ-минус»), обвинение, замечание, насмешка (вплоть до оскорблений). Вербальная агрессия занимала до 55 % эфирного времени; невербальные средства (повышенный тон, вторжение в интимную зону, мимика презрения) усиливали давление. Эти тактики конструировали дискурс, навязывающий единые эстетические стандарты и формирующий конформное поведение.

В проекте 2025 г. «Носите то, что хотите» авторитарные тактики практически исчезли. Им на смену пришли кооперативные тактики: совет, одобрение, комплимент, эмпатия, добродушный юмор. Невербальная коммуникация изменилась кардинально: вместо агрессивной проксемики – уважительная дистанция, объятия, совместные танцы, создающие «Мы-общность». Ведущие не навязывают, а сопровождают индивидуальный выбор участника.

Смена платформы (от линейного ТВ к стримингу) сопряжжена с изменением дискурсивных практик, однако не является единственной причиной. Ключевую роль сыграли более широкие культурные сдвиги: рост толерантности, критика бодишейминга, запрос на аутентичность. Стриминг, в отличие от линейного вещания, позволяет экспериментировать с форматом и не зависит от рекламных моделей, требующих скандальности.

Ограничение исследования – асимметрия эмпирической базы (8 эпизодов нового шоу), что не позволяет сделать окончательные выводы об устойчиво-

сти новой модели. Однако достигнутая информационная насыщенность дает основание говорить о наличии индикаторов формирующегося тренда.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом полного сезона WWTFYW после его завершения, сравнение с другими *makeover*-шоу на стриминговых платформах, а также изучение реакций аудитории выраженных в комментариях и социальных сетях. Полученные результаты вносят вклад в понимание эволюции прагматики развлекательного дискурса и роли платформизации в трансформации медиаэтики.

Список литературы

Акинфеев С.Н. Жанровая структура российского развлекательного телевидения : автореф. дис. ... канд. филол. наук [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. М., 2008. 21 с.

Анохина В.С. Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье) // Вестник Ставропольского государственного университета. 2008. Т. 56. № 3. С. 64–71. EDN: JVCZIJ

Волкова И.И. Игра как системообразующий феномен экранных коммуникаций : автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. М., 2015. 42 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 9-е изд., доп. М. : ЛКИ, 2024. 320 с. EDN: UFGTFJ

Кемарская И.Н. Форматная драматургия телевизионного произведения в медийном пространстве цифровой эпохи : автореф. дис. ... д-ра филол. наук [Место защиты: Академия медиаиндустрии]. М., 2022. 377 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. 280 с.

Сапун Т.В., Куликова Л.В. Дискурсивная репрезентация авторитарности в академической коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 2(17). С. 57–66. https://doi.org/10.17516/2311-3499-058 EDN: ASKAXZ

Уразова С.Л. Реалити-шоу в контексте современного телевидения : дис. ... канд. филол. наук [Место защиты: Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания]. М., 2008. 212 с. EDN: NQGFAT

Affuso E. Fashioning self-care: Queer Eye, affect and makeover culture // Documenting Fashion / eds. E. Caoduro, B. Ulfsdotter. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2023. P. 203–224.

Camauer L. Denigrating and being denigrated for a higher end: constructing ordinary expertise through supportive and belligerent talk // Discourse, Context and Media. 2016. Vol. 13. Part A. P. 4–10. https://doi.org/10.1016/j.dcm.2016.02.001

Douglas J. Why i watch *What Not to Wear*, or, how women get in gender trouble // The Journal of American Popular Culture. 2008. Vol. 7. No. 1.

Gerbner G. Cultivation analysis: an overview // Mass Communication and Society. 1998. Vol. 1. No. 3–4. P. 175–194. https://doi.org/10.1080/15205436.1998.9677855

Heller D. The Great American Makeover: Television, History, Nation. London : Palgrave Macmillan, 2006. 256 p.

Oak A., Petrov J. Makeover media as fashion journalism: *What Not to Wear*, fashion, authority, and *Gonzo* subjectivity // Popular Communication. 2020. Vol. 18. No. 4. P. 313–326. https://doi.org/10.1080/15405702.2020.1839079

Ouellette L., Hay J. Better Living Through Reality TV: Television and Post-Welfare Citizenship. Chichester : Wiley-Blackwell, 2008. 272 p.

Patton M.Q. Qualitative Research and Evaluation Methods. 3rd ed. Thousand Oaks, CA : Sage Publications, 2002. 688 p.

Redden G. Makeover morality and consumer culture // Makeover television: realities remodelled / ed. D. Heller. London ; New York : I.B. Tauris Publ., 2007. P. 150–164.
Sender K. The Makeover: Reality Television and Reflexive Audiences. New York : New York University Press, 2012. 259 c.
Sherman Y.D. Fashioning Our Selves: Power, Gender and Normalization in Personal Makeover Television Shows: Doctoral dissertation [Emory University]. Atlanta, 2008.
Van Dijk T.A. Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse. London ; New York : Longman, 1977. 261 p.
Weber B.R. Makeover TV: Selfhood, Citizenship, and Celebrity. Durham : Duke University Press, 2009. 344 p.

References

Affuso, E. (2023). Fashioning self-care: Queer Eye, affect and makeover culture. In E. Caoduro & B. Ulfsdotter (Eds.), *Documenting Fashion* (pp. 203–224). Edinburgh University Press.
Akinfeev, S.N. (2008). *Genre Structure of Russian Entertainment Television* [Unpublished doctoral dissertation]. M.V. Lomonosov Moscow State University. (In Russ.)
Anokhina, V.S. (2008). Strategies and tactics of communicative behavior in small social group (family). *Bulletin of Stavropol State University, 56*(3), 64–71. (In Russ.) EDN: JVCZIJ
Camauer, L. (2016). Denigrating and being denigrated for a higher end: constructing ordinary expertise through supportive and belligerent talk. *Discourse, Context & Media, 13*(A), 4–10. https://doi.org/10.1016/j.dcm.2016.02.001
Douglas, J. (2008). Why i watch *What Not to Wear*, or, how women get in gender trouble. *Americana: The Journal of American Popular Culture, 7*(1).
Gerbner, G. (1998). Cultivation analysis: an overview. *Mass Communication & Society, 1*(3–4), 175–194. https://doi.org/10.1080/15205436.1998.9677855
Heller, D. (Ed.). (2006). *The Great American Makeover: Television, History, Nation.* Palgrave Macmillan.
Issers, O.S. (2024). *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech] (9th ed.). Moscow: LKI Publ. (In Russ.) EDN: UFGTFJ
Kemarskaya, I.N. (2022). *Format Dramaturgy of a Television Work in the Media Space of the Digital Era* [Unpublished doctoral dissertation]. Moscow: Academy of Media Industry. (In Russ.)
Makarov, M.L. (2003). *Fundamentals of Discourse Theory.* Moscow: Gnosis Publ. (In Russ.)
Oak, A., & Petrov, J. (2020). Makeover media as fashion journalism: *What Not to Wear*, fashion, authority, and *Gonzo* subjectivity. *Popular Communication, 18*(4), 313–326. https://doi.org/10.1080/15405702.2020.1839079
Ouellette, L., & Hay, J. (2008). *Better Living Through Reality TV: Television and Post-Welfare Citizenship*. Wiley-Blackwell.
Patton, M.Q. (2002). *Qualitative Research and Evaluation Methods* (3rd ed.). Sage Publications.
Redden, G. (2007). Makeover morality and consumer culture. In D. Heller (Ed.), *Makeover Television: Realities Remodelled* (pp. 150–164). I.B. Tauris.
Sapun, T.V., & Kulikova, L.V. (2019). Discursive representation of authoritarianism in academic communication. *Ecology of Language and Communicative Practice,* (2), 57–66. (In Russ.) https://doi.org/10.17516/2311-3499-058 EDN: ASKAXZ
Sender, K. (2012). *The Makeover: Reality Television and Reflexive Audiences.* New York University Press.
Sherman, Y.D. (2008). *Fashioning Our Selves: Power, Gender and Normalization in Personal Makeover Television Shows* [Doctoral dissertation]. Emory University.

Urazova, S.L. (2008). *Reality Show in the Context of Modern Television* [Doctoral dissertation, Institute for Advanced Training of Television and Radio Broadcasting Professionals]. Moscow. (In Russ.) EDN: NQGFAT

Van Dijk, T.A. (1977). *Text and Context: Explorations in the Semantics and Pragmatics of Discourse*. Longman.

Volkova, I.I. (2015). *Game as a System-Forming Phenomenon of Screen Communications* [Unpublished doctoral dissertation]. RUDN University. (In Russ.)

Weber, B.R. (2009). *Makeover TV: Selfhood, Citizenship, and Celebrity.* Duke University Press.

Сведения об авторах:

Ахунзянова Фарида Тагировна, кандидат культурологии, доцент кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Институт гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственный университет, Российская Федерация, 156005, Кострома, ул. Дзержинского, д. 17/11. ORCID: 0000-0002-4610-5241; SPIN-код: 2001-3322. E-mail: farida.ahunzyano@mail.ru

Волкова Ирина Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; ведущий научный сотрудник Лаборатории комплексных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38. ORCID: 0000-0002-2693-1204; SPIN-код: 4272-3231. E-mail: volkova-ii@rudn.ru

Bio notes:

Farida T. Akhunzianova, PhD in Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Institute of Humanities and Social Technologies, Kostroma State University, 17/11 Dzerzhinskogo St, Kostroma, 156005, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-4610-5241; SPIN-code: 2001-3322. E-mail: farida.ahunzyano@mail.ru

Irina I. Volkova, Doctor of Sciences in Philology, Professor, Professor at the Department of Mass Communication, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation; Leading Research Fellow at the Asia-Pacific Integrated Research Laboratory, Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St, Moscow, 119034, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2693-1204; SPIN-code: 4272-3231. E-mail: volkova-ii@rudn.ru

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 710–722
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

МЕДИАПОЛИТИКА, РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ

MEDIA POLICY, REGULATION AND POLITICAL COMMUNICATIONS

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-710-722
EDN: CZIPYS
УДК 070:001.89:165

Научная статья / Research article

Годовые отчеты Института Рейтера как форма отраслевого форсайта медиаиндустрии: эпистемологические основания и ограничения

Ю.М. Ершов

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в Севастополе, Севастополь, Российская Федерация
✉ershovym@my.msu.ru

Аннотация. Анализируются годовые отчеты *Journalism, Media, and Technology Trends and Predictions* Института Рейтера как специфическая форма производства знания о медиаиндустрии. Актуальность исследования обусловлена широким использованием этих обзоров в академических и прикладных работах на фоне дефицита теоретических моделей журналистики и растущего спроса на оперативные отраслевые ориентиры. *Цель* – выявить методологические основания и эпистемологические ограничения данных отчетов. Эмпирическую базу составил корпус публикаций 2012–2026 гг. В качестве методов использованы качественный дискурс-анализ и сравнительный анализ, направленные на реконструкцию исследовательской модели, структуры выборки и неявных теоретических допущений. Показано, что отчеты Института Рейтера опираются на воспроизводимую, но структурно ограниченную модель экспертных опросов, характеризующуюся смещением выборки в сторону топ-менеджмента западных медиакомпаний и слабой репрезентацией периферийных медиасистем. При отсутствии явной теоретической рефлексии они функционируют как носители имплицитной теории, основанной на установках «мягкого» технологического детерминизма и индустриального понимания журналистики. Обосновывается, что данные обзоры не столько описывают состояние медиаиндустрии, сколько конструируют допустимые горизонты ее развития, нормируя профессиональные ожидания и выступая инструментом коллективного воображения будущего. Делается вывод о необходимости критического использования подобных материалов в научных исследованиях и журналистском образовании с четким различением их статуса как источника экспертных оценок и как формы эмпирического форсайта.

© Ершов Ю.М., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Ключевые слова: экспертное знание в медиа, экспертные обзоры, отраслевой прогноз, эмпирический форсайт, профессиональные ожидания, технологический детерминизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 20 апреля 2026 г.; отрецензирована 8 мая 2026 г.; принята к публикации 22 мая 2026 г.

Для цитирования: *Ершов Ю.М.* Годовые отчеты Института Рейтера как форма отраслевого форсайта медиаиндустрии: эпистемологические основания и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 710–722. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-710-722 EDN: CZIPYS

Reuters Institute Annual Reports as a Form of Media Industry Foresight: Epistemological Foundations and Limitations

Yuri M. Ershov

Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, Sevastopol, Russian Federation
✉ershovym@my.msu.ru

Abstract. The article examines the annual *Journalism, Media, and Technology Trends and Predictions reports* of the Reuters Institute as a specific form of knowledge production about the media industry. The relevance of the study is driven by the widespread use of these reports in both academic and applied research, particularly against the backdrop of a scarcity of theoretical frameworks in journalism studies and a growing demand for rapid, industry-oriented guidance. The aim of the article is to identify the methodological foundations and epistemological limitations of these reports. The empirical basis of the study is a corpus of publications from 2012 to 2026. The methodological approach combines qualitative discourse analysis and comparative analysis to reconstruct the research model, sample composition, and implicit theoretical assumptions. The study demonstrates that the Reuters Institute reports rely on a reproducible yet structurally constrained model of expert surveys, characterized by a bias toward top-level Western media executives and a weak representation of peripheral media systems. In the absence of explicit theoretical reflection, these reports function as carriers of an implicit theory grounded in assumptions of "soft" technological determinism and an industry-centered understanding of journalism. The article argues that these reports do not simply describe the state of the media industry, but actively construct the horizons of its conceivable development, normalizing professional expectations and operating as an instrument of the collective imagination of journalism's future. The article concludes that such materials should be used critically in academic research and journalism education, with a clear distinction between their status as sources of expert opinion and as tools of empirical foresight.

Keywords: expert knowledge in media, expert reports, industry forecast, empirical foresight, professional expectations, technological determinism

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: submitted April 20, 2026; revised May 8, 2026; accepted May 22, 2026.

For citation: Ershov, Yu.M. (2026). Reuters Institute Annual Reports as a Form of Media Industry Foresight: Epistemological Foundations and Limitations. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 710–722. (In Russ.) http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-710-722 EDN: CZIPYS

Введение

В последнее десятилетие годовые отчеты *Journalism, Media and Technology Trends and Predictions*, публикуемые *Reuters Institute for the Study of Journalism*[1], стали одним из наиболее цитируемых источников в академических и прикладных исследованиях медиаиндустрии. Эти материалы активно используются для описания текущих тенденций и прогнозирования развития журналистики и медиарынков. В то же время в научной литературе сравнительно редко ставится вопрос о методологических основаниях подобных обзоров и их статусе как формы экспертного знания. Как правило, они рассматриваются либо как источник эмпирических данных, либо как набор прогнозных оценок, не подвергаясь рефлексии в качестве самостоятельного исследовательского объекта.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть отчеты Института Рейтера не как источник точных прогнозов, а как устойчивую практику производства знания о медиаиндустрии, обладающую собственными методологическими ограничениями и эпистемологическими предпосылками.

Цель – выявить методологические основания и ограничения годовых отчетов Института Рейтера как формы экспертного анализа и прогнозов в сфере медиа. Для ее достижения ставятся следующие задачи: реконструировать исследовательскую модель, лежащую в основе отчетов; определить особенности используемой выборки и структуры экспертных опросов; выявить неявные теоретические допущения, определяющие интерпретацию данных; определить эпистемологический статус данных материалов в системе медиаисследований.

Теоретическое обоснование

Накопленная за последнюю четверть века литература по тематике научного прогнозирования и обоснованных предсказаний будущего может быть классифицирована несколькими способами:

1) по дальности горизонта планирования – долгосрочные прогнозы на следующие поколения, среднесрочные и текущие прогнозы;

2) по исследовательским задачам – фундаментальные исследования, создающие методологии, прикладные исследования, решающие конкретные научные проблемы;

[1] *Newman N.* Journalism, media, and technology trends and predictions 2026 // Reuters Institute. 2026. January 12. Available from: https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/journalism-media-and-technology-trends-and-predictions-2026 (accessed: 02.04.2026).

3) по предмету исследования – форсайт глобальных трендов, критических технологий, медиаотрасли и др.

В когорту футурологов с самым дальним горизонтом предсказаний следует ввести Элвина Тоффлера с его предсказанием третьей волны в виде постиндустриального общества (2004; Toffler, 1980), а также современных футурологов Рэя Курцвейла с его «эпохой духовных машин» (Kurzweil, 1999) и Юваля Харари с «Homo Deus: краткая история завтрашнего дня» (2022; Harari, 2015).

В области научного прогнозирования будущего (*foresight studies*) выделяются несколько наиболее фундаментальных работ, среди которых в первую очередь надо назвать двухтомный труд Уэнделла Белла «Основания исследований будущего: гуманитарная наука новой эры: история, цели и знания» (Bell, 1996). В этих двух томах систематизирована история футурологии, обозначены ее цели и методы. У. Белл подчеркивает, что практики форсайта направлены не столько на точное предсказание будущего, сколько на формирование рамок его интерпретации и артикуляцию возможных сценариев. «Люди стремятся узнать не только то, что происходит сейчас, но и то, что может произойти, что могло бы произойти или что произойдет в будущем при определенных условиях» (Bell, 1996). Этот эпистемологический подход находит продолжение в работах Джеймса Датора, который рассматривает форсайт как инструмент коллективного воображения, формирующий не «истину о будущем», а пространство допустимых альтернатив (Dator, 2002).

Редактор профильного журнала *Foresight* Озкан Саритас вместе с коллегами проводит наукометрический и содержательный анализ публикаций по форсайту, показывая, как за два десятилетия менялись темы, методы и области применения этой прогностической системы (Saritas et al., 2022). Следует назвать еще одну фундаментально-обзорную статью, в которой содержится анализ трендов за 1999–2022 гг. Авторы выделяют основные тематические кластеры и направления развития методологии научно обоснованных предсказаний, включая корпоративный и отраслевой форсайт (Dhiman, Arora, 2024).

Что касается отраслевых прогнозов, то эта область давно уже захвачена «большой четверкой» международных консалтинговых компаний *Deloitte, PricewaterhouseCoopers* (PwC)*, Ernst & Young* и KPMG. *Deloitte* выпускает ежегодные отчеты *Future of Media and Entertainment*, фокусируясь на цифровизации, искусственном интеллекте и сценариях изменений. Компания PwC ежегодно публикует глобальный отчет и прогноз *Global Entertainment & Media Outlook* с горизонтом планирования 5 лет. В свою очередь, KPMG выпускает профильные аналитические обзоры и исследования тенденций в секторе технологий, медиа и телекоммуникаций TMT (Technology, Media, and Telecommunications).

Трудоемкость составления годовых отчетов и отраслевых прогнозов на ближайший период объясняет, почему этим занимаются исследовательские отделы международных консалтинговых компаний. В этот ряд можно поставить и Институт Рейтера по изучению журналистики, который с 2012 г. выпускает свои годовые обзоры трендов и предсказания будущего отрасли.

Институт Рейтера – это ведущий международный научно-исследовательский центр при Оксфордском университете и его прогнозы стали де-факто каноном отраслевого прогноза.

В том же году, когда Институт Рейтера выпустил свой первый годовой обзор, Высшая школа экономики начала выпуск журнала «Форсайт». В 2012 г. в четвертом номере этого журнала была опубликована статья о долгосрочных тенденциях развития сектора массовых коммуникаций (Качкаева, Кирия, 2012). Вероятно, это первый подробный обзор международного опыта прогнозирования развития медиаотрасли и попытка дать на основе экспертных опросов обоснование перспектив развития российской медиасферы.

Однако нехватка профессиональной статистики и большие пробелы в статистике государственной сдерживают научные исследования медиаотрасли и препятствуют систематическим форсайт-исследованиям. Дистрибьюторские, полиграфические фирмы, продюсерские студии и агрегаторы новостного контента не обязаны регистрироваться как СМИ. «Отрасль с формальной точки зрения крайне размыта, статистический учет медиапредприятий затруднен в связи с отсутствием четких юридических критериев для их идентификации. Имеющиеся в различных источниках сведения о медиаиндустрии крайне разрозненны, а обобщить эти данные не удается, в том числе из-за неустоявшегося понятийно-категориального аппарата» (Смирнов, 2010).

Еще одно препятствие связано с разобщенностью не только секторов медиарынка, но и экспертов. В российской медиасфере есть отдельные эксперты, но нет экспертного сообщества. Будет затруднительно составить список не то что 2000, но и в 200 человек, которые смогут с пониманием перспектив развития отрасли заполнить анкету по методу Дельфи (Ершов, 2015, с. 9). Об этом писали А.Г. Качкаева и И.В. Кирия: «Большинство экспертов, вовлеченных в наше форсайт-исследование, указывали на существование того или иного тренда либо рынка, но не смогли оценить потенциальные эффекты, обусловленные ростом масштабов» (2012, с. 15).

В области медиаисследований годовые обзоры и экспертные опросы рассматриваются преимущественно как инструмент фиксации текущих тенденций, однако их методологические основания и ограничения редко становятся предметом специального анализа. Таким образом, сохраняется дефицит исследований, связанный с рассмотрением подобных материалов как формы производства знания, что и определяет актуальность настоящей работы.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили годовые отчеты *Journalism, Media and Technology Trends and Predictions*, публикуемые *Reuters Institute for the Study of Journalism* с 2012 по 2026 г. Данные отчеты представляют собой регулярные аналитические обзоры, основанные на опросах представителей медиаиндустрии и экспертного сообщества.

В исследование включен полный корпус доступных отчетов за обозначенный период, что позволяет обеспечить сопоставимость данных и проследить динамику формулируемых трендов в долгосрочной перспективе. Такой подход ориентирован не на проверку отдельных прогнозов, а на выявление устойчивых характеристик исследовательской модели и способов интерпретации медийных процессов.

Единицами анализа выступают:

- вводные аналитические разделы отчетов, в которых формулируются ключевые проблемы и контексты развития медиаиндустрии;
- перечни и формулировки основных трендов;
- итоговые прогнозные суждения;
- описания методологии экспертных опросов, включая характеристики выборки.

В качестве основного метода исследования использован качественный дискурс-анализ, направленный на выявление устойчивых смысловых структур, повторяющихся интерпретационных моделей, а также неявных теоретических допущений. Данный метод применяется для выявления институционально заданных рамок производства экспертного знания. Он дополняется сравнительным анализом отчетов разных лет, что позволяет зафиксировать как стабильные элементы исследовательской оптики, так и изменения в трактовке ключевых тенденций.

Методологически исследование ориентировано на анализ экспертного знания как особого типа эмпирического материала. В связи с этим рассматриваемые отчеты интерпретируются не как нормативное описание глобальной медиаиндустрии, а как отражение представлений определенной профессиональной группы, сформированных в рамках конкретного институционального контекста.

Ограничения исследования связаны с характером используемого корпуса: анализируемые материалы отражают преимущественно позиции представителей определенных секторов медиаиндустрии и могут не включать альтернативные исследовательские перспективы. Данное обстоятельство учитывается при интерпретации полученных результатов.

Результаты и обсуждение

Модель исследования и структура опросов

В отчетах Института Рейтера страничка с описанием методологии включается лишь на протяжении последних 5 лет. Для ранних волн опроса (например, 2016, 2018 г.) раздел *Survey Methodology* размещен в архиве как самостоятельная страница, к которой отсылает PDF отчета («подробное описание методологии доступно на сайте»). Однако о применяемых методах можно судить и из раздела «Благодарности», приводится следующее: «Автор хотел бы поблагодарить 280 руководителей новостных изданий из 51 страны и территории, которые уделили время для ответа на наш опрос, посвященный ключевым

вызовам и возможностям в предстоящем году. В число респондентов вошли 64 главных редактора, еще 64 генеральных директора или управляющих директора, а также 51 руководитель цифровых или инновационных подразделений, представляющий ведущие мировые традиционные медиакомпании».

Из этого упоминания следует, что ядро обзоров Рейтера составляют данные опросов топ-менеджмента СМИ, которые объединены, вероятно, с агрегированными данными медиаплатформ и аналитических сервисов. И саморепрезентация платформ, и высказывания руководителей компаний нередко характеризуются ведомственным или корпоративным оптимизмом. Методология, опирающаяся на такие источники, будет всегда эклектична и слабо формализована. Тем не менее процедура опросов топ-менеджеров воспроизводима из года в год и дает возможность Институту Рейтера методично сравнивать данные за несколько лет. При этом в разделе методологии содержится важное допущение: «Результаты отражают эту стратегическую группу избранных лидеров отрасли, а не репрезентативную выборку».

Ограничения и допущения

В обзорах Института Рейтера мы не обнаруживаем рефлексии над используемым методом и рассуждений о возможных или допустимых его ограничениях. Налицо *sampling bias* или предвзятость выборки, когда мнение рядовых сотрудников игнорируется, а позиция статусных менеджеров выдается за позицию отрасли. Руководители могут охотнее участвовать в опросах, потому что это выгодно для их имиджа и паблисити. Отсутствие рефлексии над методом – это не упущение Института Рейтера, а скорее жанровая стратегия, позволяющая избегать академических споров и не вступать в открытую методологическую полемику (например, об ошибках выборки), поддерживая ощущение объективного среза.

В рейтеровских обзорах, несмотря на обозначение полусотни стран-участниц опроса, слабо представлены периферийные медиасистемы и почти не идет речь о прессе регионов. Географическую сосредоточенность на развитых странах Европы и США можно объяснить тем, что 51 % экспертов, судя по данным опроса, проведенного в 2025 г., проживали в Великобритании (16 %), Германии (11 %), Франции (6 %), Италии (5 %), Нидерландах (5 %), Испании и США (по 4 %). Наверное, уместно упомянуть, что России и российских экспертов в выборке Института Рейтера нет и никогда не было.

Структурные ограничения касаются и представленности разных секторов медиарынка. Чуть более половины участников опроса представляли печатные СМИ (52 %), около пятой части (22 %) – цифровые бренды, а еще пятая часть (19 %) – телерадиовещательные компании. Около 7 % пришлось на различные новостные агентства и другие СМИ. Институт Рейтера в своих обзорах не затрагивает политэкономию медиаплатформ и каналов, не упоминая государственный или общественный статус исследуемых организаций. В поле зрения исследователей не попадают и альтернативные модели журналистики, связанные, например, с донатами, краудфандингом и подобными им способами монетизации.

Не учитывает Институт Рейтера не только неравенство доступа к цифровым ресурсам в разных странах, но и культурные различия в медиапотреблении. Из исследований медиасистем Д. Халлина и П. Манчини известно, что в Северной Европе весьма живуча привычка читать книги и газеты, а вот в Средиземноморье больше любят смотреть телевизор и футбол (Hallin, Mancini, 2004). И все же мы связываем слепые зоны обзоров не с авторской предвзятостью, а с диспропорциями выборки и ориентацией исследователей на устойчивые и успешные медиакомпании. Обзоры Института Рейтера воспроизводят нормативный образ «жизнеспособной журналистики» класса *Guardian* или *The New York Times*.

Теоретическая имплицитность

Из последнего по времени отчета, вышедшего в январе 2026 г., приведем пространную цитату, характеризующую подход Института Рейтера к предсказаниям, в авторском переводе:

> В этом году издатели сосредоточатся на перестройке своего бизнеса для эпохи искусственного интеллекта (ИИ), формируя более оригинальный контент и более человечное лицо. Они также будут выходить за рамки публикаций, инвестируя больше средств в различные форматы, особенно видео, и адаптируя свой контент, чтобы сделать его более гибким, а значит, более простым для переформатирования и персонализации.

Несмотря на эмпирическую насыщенность, отчеты характеризуются ограниченной теоретической рефлексией. Во-первых, это технологический детерминизм мягкого типа. Общество может сначала отставать в адаптации к новым технологиям, но в итоге приспосабливается. Так и к ИИ журналистика в конце концов приспособится, и даже научится создавать более оригинальный контент. Во-вторых, журналистика здесь понимается исключительно как индустрия, а не общественный институт. Субъект – издатели, действия – инвестиции, производство контента. И прямодушная вера в адаптивность профессиональных практик, которые все преодолеют.

Указанные нами допущения в рейтеровских обзорах не обсуждаются, но они структурируют интерпретацию данных и задают границы мыслимого будущего. Правда, границы эти очень расплывчаты: «В целом отрасль может сократиться, и часть внимания переключится на другие сферы, но в конечном итоге процветать, скорее всего, будут компании, понимающие свою роль и ценность, которую они могут создать для конкретных аудиторий. Это также, вероятно, будет означать создание более сплоченных организаций, четко определяющих свои ценности, но в то же время способных принимать изменения, чтобы воспользоваться открывающимися возможностями». Кризисы трактуются как вызовы, а не системные пределы. Деградация структурных частей системы, утрата общественных функций и институциональный распад остаются за рамками обзора.

Обзоры Института Рейтера можно читать как имплицитную или слабую теорию, которая растворена в эмпирике или маскируется под эмпирику. Без примечаний и объяснительного аппарата эти рассуждения мало о чем

говорят. Обратим внимание на модальность высказываний. В каждой процитированной выше фразе присутствует *highly likely* – с высокой долей вероятности или скорее всего. Будущее у Рейтера всегда вырастает из текущих трендов и не мыслится как разрыв или слом. Даже такие радикальные технологические прорывы, как ИИ, встраиваются в эволюционную модель индустриального выживания. И все это усиливает эффект предсказуемости, управляемости и индустриального оптимизма.

Рассмотрев целый ряд годовых обзоров, можно сказать, что рейтеровские предсказания редко бывают точечными, но затрагивают широкий круг участников медийного рынка (издатели, например, или креаторы). И почти никогда эти утверждения не формулируются как верифицируемые гипотезы. В общем их функция – не угадывать будущее, а очерчивать диапазон допустимых сценариев, которые также должны настроить и в какой-то степени дисциплинировать ожидания индустрии. К примеру, таковы ожидания СМИ от внедрения ИИ-ассистентов, о которых много говорят в последние годы, но пока мало кто научился с их помощью зарабатывать.

При ретроспективном чтении предыдущих обзоров и сравнении их текстов видно, что ключевые нарративы стабильно повторяются. Таким образом, на протяжении десятилетий выдается прогноз о падении подписки на периодические издания, о перетекании контента из принта в цифру, о вытеснении видеоформатами линейного ТВ-эфира и др. Заметно постепенное смещение акцентов, а не резкие развороты в прогнозах. Например, оценки взаимодействия СМИ и социальных сетей эволюционировали от отрицания и торга до адаптации, принятия, после чего отношения снова изменялись на противоположный вектор.

Технологические отчеты как форма эмпирического форсайта

Все это в комплексе позволяет трактовать рейтеровские обзоры не как прогноз в строгом смысле, а как форму эмпирического форсайта, утверждения которого изменчивы уже потому, что панель экспертов регулярно меняется. Эту прогностическую волатильность можно рассмотреть, сравнив данные годовых отчетов 2012 и 2026 гг. (табл.). Сравнительный анализ формулируемых трендов позволяет выявить устойчивые тематические линии и изменения в исследовательской оптике.

Таблицу с данными Института Рейтера о долгосрочных изменениях мы составили исключительно для иллюстрации уязвимости теории технологического детерминизма, подменяющей общественные вопросы управленческими. Значимость обзоров Института Рейтера заключается не столько в точности их прогнозов, сколько в их способности влиять на коллективную профессиональную имагинацию. Читать эти обзоры продуктивнее не как «отчеты о реальности», а как документы журналистского и редакторского воображения. Их аналитический потенциал раскрывается лишь при сравнении выпусков разных лет, при выявлении повторяющихся допущений и структурных ограничений.

Долгосрочные изменения: 2012 vs 2026

Объект форсайта	2012	026	Изменения
Распространение печати	Падение на 8,7 % по CAGR (Compound Annual Growth Rate)	На грани исчезновения	Ускорение кризиса
Онлайн-доход	Ожидается рост	Остался минорным	Стратегия не сработала
Редакционные штаты	Сокращение, но структура держится	Массовые закрытия редакций	Распад по нижней линии
Трафик социальных сетей	Казался многообещающим	Упал на 40 %	Платформы превратились во врагов
ИИ-лицензирование[2]	Не существовало	Исключены для местных СМИ	Новый барьер
Доступ к капиталу	Затруднен, но возможен	Почти невозможен для местных СМИ	Консолидация ускоряется

Источник: составлено Ю.М. Ершовым по материалам Института Рейтера.

Long-term changes: 2012 vs. 2026

Foresight object	2012	2026	Changes
Print circulation	Decline of 8.7% (CAGR)	On the verge of extinction	Acceleration of the crisis
Online revenue	Growth expected	Remained marginal	The strategy failed
Editorial staff	Reduction, but structure holds	Mass closures of newsrooms	Collapse along the bottom line
Social media traffic	Seemed promising	Dropped by 40 percent	Platforms turned into enemies
AI licensing[3]	Did not exist	Excluded for local media	New barrier
Access to capital	Difficult but possible	Almost impossible for local media	Consolidation accelerates

Source: compiled by Yuri M. Ershov based on Reuters Institute reports.

Полученные результаты позволяют поставить вопрос о статусе отраслевых технологических прогнозов в системе медиаисследований. Несмотря на методологические, концептуальные и структурные ограничения, рейтеровские и подобные им отраслевые обзоры полезны для сравнительных и ретроспективных исследований, поскольку содержат большой массив экспертных сведений, накопленных за многие годы. Эти обзоры ценны именно как источник первичных экспертных ожиданий. И метод Делфи, и другие научно обоснованные прогностические системы строятся на структурированной технике экспертных оценок, что во многих случаях позволяет достигнуть консенсуса по сложным прогнозам и проблемам за счет использования коллективного разума.

Но обзоры Института Рейтера проблематичны как универсальное описание отрасли и представление о всей мировой медиаиндустрии. Не стоит использовать их в качестве теоретической опоры в построении собственной концепции, потому что они и не претендуют на концептуализацию. Структурные кризисы

[2] Под ИИ-лицензированием понимается лицензирование данных для обучения (издатель или платформа разрешает использовать свои массивы текстов, видео и др. в тренировочных датасетах), а разработчик нейросети платит редакции за это по договору.

[3] AI licensing refers to the practice of licensing data for training purposes (a publisher or platform permits the use of its text, video, and other content in training datasets), whereby the AI developer pays the media organization for this use under a contract.

и революционные, непредвиденные события, как мы показали в таблице медийных изменений, оказываются концептуально трудноуловимыми. Академическому сообществу нужно читать такие обзоры критически, определяя статус данных текстов как исследовательские предположения и экспертные оценки. Необходимо осознавать и возможности, и риски академического применения обзоров Рейтера. Их использование в качестве универсального источника данных требует учета институциональных и методологических ограничений.

Тем не менее у обзоров Института Рейтера есть стабильная академическая «жизнь»: они появляются в списках литературы по темам платформизации новостей, трансформации редакций, влияния ИИ и т.д., особенно в работах по медиаменеджменту и экономике СМИ. В поле практического журналистского образования (медиатренинги, обучающие программы) эти обзоры тоже широко востребованы: их пересказывает профильная пресса, они используются как точка отсчета для планирования на год. Консалтинговые и индустриальные отчеты (например, FT Strategies) прямо называют этот документ *excellent resource for the news industry* и используют его как основу для собственных рекомендаций издателям.

Размышляя о причинах популярности рейтеровских обзоров, мы назвали бы их симптомом дефицита больших теорий журналистики. Экспертные обзоры начинают выполнять квазитеоретическую функцию ориентации в будущем. Ускорение технологических трансформаций нашей жизни и медиасреды порождает потребность в быстрых ориентирах. Отраслевой прогноз Института Рейтера – корпоративный отклик на запрос о перспективном планировании в редакциях СМИ. Анализ этих обзорных и прогностических текстов позволяет не только лучше понять современную структуру знания о журналистике, но и поставить вопрос о горизонтах теории медиа. В этом смысле обзоры Института Рейтера важны не потому, что они точно угадывают, что будет с профессией, а потому, что они формируют то, как мы думаем о будущем журналистики.

Заключение

Проведенный анализ показал, что годовые отчеты Института Рейтера – это устойчивая практика производства экспертного знания о медиаиндустрии, основанная на регулярных опросах профессионального сообщества. Их методологическая модель обеспечивает воспроизводимость и сопоставимость данных, однако одновременно задает ряд ограничений, связанных с характером выборки и интерпретацией результатов. Отсутствие явной теоретической рефлексии компенсируется наличием имплицитных допущений, среди которых ключевую роль играют индустриальное понимание журналистики и элементы технологического детерминизма. Это позволяет рассматривать данные отчеты как форму эмпирического форсайта, выполняющую функцию структурирования представлений о будущем медиаиндустрии, но требующую критического анализа при использовании в научных исследованиях.

Список литературы

Ершов Ю.М. Форсайт критических технологий для российской медиаиндустрии // Журналистский ежегодник. 2015. № 4. С. 8–11. https://doi.org/10.17223/23062096/4/1 EDN: VPINUH

Качкаева А.Г., Кирия И.В. Долгосрочные тенденции развития сектора массовых коммуникаций // Форсайт. 2012. Т. 6. № 4. С. 6–18. EDN: PJHKHL

Смирнов С.С. Статистика медиаиндустрии России: проблемы отраслевой идентификации и учета // Медиаскоп. 2010. № 4. С. 7. EDN: OOTLGZ

Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. С. Барабанов, К. Бурмистров, Л. Бурмистрова [и др.]; науч. ред. П.С. Гуревич. М. : АСТ, 2004. 781 с.

Харари Ю.Н. Homo Deus : краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М. : Синдбад, 2022. 496 с.

Bell W. Foundations of Futures Studies: Human Science for a New Era. New Brunswick, NJ : Transaction Publishers, 1996. 848 p.

Dator J.A. Advancing Futures: Futures Studies in Higher Education. Santa Barbara : Praeger, 2002. 408 p.

Dhiman V., Arora M. How foresight has evolved since 1999? Understanding its themes, scope and focus // Foresight. 2024. Vol. 26. No. 2. P. 253–271. https://doi.org/10.1108/FS-01-2023-0001

Hallin D.C., Mancini P. Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 342 p.

Kurzweil R. The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence. New York : Viking Press, 1999. 388 p.

Saritas O., Burmaoglu S., Ozdemir D. The evolution of Foresight: what evidence is there in scientific publications? // Futures. 2022. Vol. 137. Article 102916. https://doi.org/10.1016/j.futures.2022.102916

References

Bell, W. (1996). *Foundations of Futures Studies: Human Science for a New Era*. Transaction Publishers.

Dator, J.A. (2002). *Advancing Futures: Futures Studies in Higher Education*. Praeger.

Dhiman, V., & Arora, M. (2024). How foresight has evolved since 1999? Understanding its themes, scope and focus. *Foresight*, *26*(2), 253–271. https://doi.org/10.1108/FS-01-2023-0001

Ershov, Yu.M. (2015). Critical technologies foresight for the Russian media industry. *Journalistic Yearbook,* (4), 8–11. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/23062096/4/1 EDN: VPINUH

Hallin, D.C., & Mancini, P. (2004). *Comparing Media Systems: Three Models of Media and Politics.* Cambridge, University Press.

Harari, Y.N. (2015). *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow.* Harper.

Kachkayeva, A.G., & Kiriya, I.V. (2012). Long-term trends in the mass communication industry. *Foresight and STI Governance, 6*(4), 6–18. (In Russ.) EDN: PJHKHL

Kurzweil, R. (1999). *The Age of Spiritual Machines: When Computers Exceed Human Intelligence.* Viking Press.

Saritas, O., Burmaoglu, S., & Ozdemir, D. (2022). The evolution of Foresight: what evidence is there in scientific publications? *Futures*, *137*, 102916. https://doi.org/10.1016/j.futures.2022.102916

Smirnov, S.S. (2010). Statistics on Russian media industry: problems of identification and statistical analysis within the industry. *Mediaskop*, (4), 7. (In Russ.) EDN: OOTLGZ

Toffler, A. (1980). *The Third Wave.* William Morrow.

Сведения об авторе:

Ершов Юрий Михайлович (1960–2026)†, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в Севастополе, Российская Федерация, 299001, Севастополь, ул. Героев Севастополя, д. 7. ORCID: 0000-0003-3526-3727; SPIN-код: 6400-9432. E-mail: ershovym@my.msu.ru

Bio note:

Yuri M. Ershov (1960–2026)†, Doctor of Sciences in Philology, Professor at the Department of Journalism, Sevastopol Branch of Lomonosov Moscow State University, 7 Heroes of Sevastopol St, Sevastopol, 299001, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3526-3727; SPIN-code: 6400-9432. E-mail ershovym@my.msu.ru

† *In memoriam.* Статья публикуется посмертно. Профессор Юрий Михайлович Ершов ушел из жизни 18 июня 2026 г. на этапе подготовки данной рукописи к печати / This article is published posthumously. Professor Yuri M. Ershov passed away on June 18, 2026 during the preparation of this manuscript.

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 723–735
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-723-735
EDN: DEFMCQ
УДК 070:327.5

Научная статья / Research article

Медиагеографический анализ смыслового пространства международных конфликтов и кризисов

Т.С. Якова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
✉t-yakova@mail.ru

Аннотация. Проанализировано смысловое пространство международных конфликтов и кризисов в медиагеографической перспективе. Актуальность работы обусловлена возрастающей ролью смысловых и ценностных факторов в динамике современных конфликтов, которые все чаще разворачиваются не только в физическом, но и в символическом пространстве. Теоретико-методологическую рамку исследования составил медиагеографический подход к изучению ментальных ландшафтов разных стран мира: оценка больших данных проводилась с интеграцией методов рангового, факторного и контентного анализа в пространственно-временную систему координат. Выявлены устойчивые страновые и региональные паттерны: доминирование запросов о «добре» в странах Ближнего Востока, Северной Африки, а также в России и Индии; концентрация интереса к «свободе» в конфликтных и нестабильных регионах; пятикратное глобальное превышение запросов на «безопасность» над запросами на «свободу»; корреляция темы «несправедливость» с зоной перманентного кризиса на Ближнем Востоке. Результаты подтвердили тезис о том, что ценностные дихотомии выступают маркерами конфликтогенного потенциала ментальных ландшафтов.

Ключевые слова: символическое пространство, медиатизация кризисов, пространственный анализ, ценностные дихотомии, ментальные ландшафты

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24 апреля 2026 г.; отрецензирована 15 мая 2026 г.; принята к публикации 26 мая 2026 г.

Для цитирования: *Якова Т.С.* Медиагеографический анализ смыслового пространства международных конфликтов и кризисов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 723–735. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-723-735 EDN: DEFMCQ

© Якова Т.С., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Media-Geographical Analysis of the Semantic Space of International Conflicts and Crises

Tamara S. Yakova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
✉t-yakova@mail.ru

Abstract. This article explores the semantic space of international conflicts and crises from a media-geographical perspective. The relevance of this work stems from the growing role of semantic and value factors in the dynamics of contemporary conflicts, which increasingly unfold not only in physical but also in symbolic space. The theoretical and methodological framework of the study draws on a media-geographical approach to analyzing mental landscapes in different countries. Big data analysis was conducted through the integration of rank, factor, and content analysis within a spatiotemporal framework. The study revealed consistent country and regional patterns: the dominance of requests for "good" in the countries of the Middle East and North Africa, as well as in Russia and India; a concentration of interest in "freedom" in conflict-ridden and unstable regions; a fivefold global excess of requests for "security" over requests for "freedom"; and a correlation between the theme of "injustice" and the zone of permanent crisis in the Middle East. The results confirmed the thesis that value dichotomies act as markers of the conflictogenic potential of mental landscapes.

Keywords: symbolic space, mediatization of crises, spatial analysis, value dichotomies, mental landscapes

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: submitted April 24, 2026; revised May 15, 2026; accepted May 26, 2026.

For citation: Yakova, T.S. (2026). Media-Geographical Analysis of the Semantic Space of International Conflicts and Crises. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 723–735. (In Russ.) http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-723-735 EDN: DEFMCQ

Введение

В условиях трансформации глобального информационного пространства, цифровизации коммуникационных процессов и усиления роли медиа в формировании общественного сознания особую значимость приобретает изучение ментальных ландшафтов стран мира. Современные международные конфликты и кризисы все чаще разворачиваются не только на физическом (территориальном) или военно-политическом уровне, но и в символической, смысловой сфере, где борьба за ценности, интерпретации и нарративы становится не менее важной, чем за ресурсы или влияние. В этой связи исследование ценностных ориентиров как ключевых элементов ментального пространства представляет собой актуальную научную задачу, лежащую на пересечении медиагеографии, теории международных отношений и коммуникативистики.

В современных международных исследованиях все более востребованным становится медиагеографический подход, позволяющий анализировать не только физическое и медийное, но и ментальное пространство разных

стран мира. Последнее представляет сложную структуру смыслов, ценностных ориентаций и психологических установок, транслируемых и потребляемых в глобальной информационной среде. Центральной проблемой выступают вопросы, какие ценностные маркеры структурируют ментальные ландшафты различных обществ, как они влияют на восприятие международных конфликтов и сотрудничества. В этом контексте особого внимания заслуживает анализ потребления интернет-аудиториями различных стран базовых смысловых дихотомий, таких как «добро/зло», «справедливость/несправедливость», «свобода/безопасность». Именно эти категории, будучи универсальными для большинства культур, приобретают специфическое наполнение в зависимости от национального контекста, исторического опыта и геополитического положения. Выявление закономерностей и различий в их потреблении позволяет не только диагностировать текущее состояние ментальных ландшафтов, но и прогнозировать потенциальные конфликтогенные зоны в международных отношениях.

Теоретическое обоснование

В научной литературе вопросы ценностных ориентаций и смысловых конструктов рассматриваются в рамках различных дисциплин – от социальной психологии до политической культурологии и коммуникативистики. Значительную часть научной литературы составляют работы Ш. Шварца по теории ценностей, Р. Инглхарта об эволюции ценностных установок в разных странах под влиянием социально-экономического развития и дискуссии по ключевым тезисам их разработок (Шварц и др., 2012; Vollmer, Randler, 2012; Schwartz, 1992; 1994; Schwartz, Butenko, 2014; Inglehart, 2008; 2016), на которые мы опирались в ходе исследования. Однако медиагеографический подход, интегрирующий анализ физического, медийного и ментального пространств, до сих пор не применяется для кросс-культурного изучения потребления базовых ценностных дихотомий интернет-аудиториями. В частности, остается открытым вопрос о том, как соотносятся предпочтения пользователей из разных стран в выборе между свободой и безопасностью, как интерпретируются понятия справедливости и несправедливости в контексте международных событий, какие факторы определяют эти различия.

Теоретическую рамку нашего исследования составляет медиагеографический подход (Якова, 2026; Якова, Янгляева, 2019; Николайчук и др., 2018; Adams, Jansson, 2012; Couldry, McCarthy, 2004; Falkenheimer, Jansson, 2006; Salovaara-Moring, 2008; Thielmann, 2010), акцентирующий внимание на взаимосвязях медиа и пространств в различных их формах и на разных уровнях. Эмпирическая часть (данные, извлеченные из поисковой системы Google, с 2004 по 2025 г.) анализируется посредством применения методов рангового, факторного, контентного и интент-анализа цифровых следов интернет-аудиторий в пространственно-временную систему координат (с учетом сравнительно-странового анализа данных о потреблении смысловых конструктов

в социальных медиа, поисковых системах и новостных агрегаторах). Особое внимание уделяется выделению ценностных дихотомий как маркеров ментального пространства.

Современная политическая практика свидетельствует о том, что попытки урегулирования международных конфликтов, основанные только на материальных компромиссах (разделении сил, создании буферных зон), терпят неудачу, если не учтены смысловые противоречия (например, разное понимание суверенитета или справедливости). Долгосрочное урегулирование требует внимательного отношения к смыслам в конфликтующих обществах и поисков путей их трансформации: изменения образов врага, признания травм и нарративов другой стороны, создания новых, объединяющих символов.

В рамках медиагеографического подхода мы рассматриваем смысловое пространство конфликта как концептуальный каркас для изучения его физического, медийного и ментального пространств и определяем его как динамически конструируемое и оспариваемое конфликтующими сторонами медийно-коммуникативное поле. Мы сфокусировали внимание на изучении смысловых констант, которые в этой системной структуре являются объектами исследования. Выявление и анализ смысловых констант формируют основу для перехода от поверхностного описания конфликтов к изучению их глубинной семиотической структуры, пониманию механизмов конфликтной динамики, которые остаются невидимыми при традиционной оценке материальных факторов.

Ценностные ориентиры в медиагеографическом анализе выступают как смысловые координаты, которые структурируют информационное поле конфликта, определяют его географию и задают механизмы мобилизации. Их изучение позволяет перейти от наблюдения событий к пониманию их культурно-смысловой подоплеки. Конфликты, в том числе и международные, осмысливаются участниками и наблюдателями через призму базовых оппозиций (добро/зло, справедливость/несправедливость, свобода/безопасность). Смыслы добра и зла определяют моральную легитимность сторон: участники позиционируют себя как носителей «добра» (защитников, освободителей), а противника – как воплощение «зла» (террористов, агрессоров), что абсолютизирует конфликт и исключает компромисс. Смыслы «справедливость/несправедливость» формируют нарративы о правах, победителях и жертвах. Например, одна сторона апеллирует к «исторической справедливости» (возврат территорий), другая – к «несправедливой агрессии». Понимание свободы и безопасности определяет приоритеты и границы допустимого: для одной стороны ключевой ценностью может быть свобода (суверенитет, самоопределение), для другой – безопасность (стабильность, защита границ, предсказуемость). Именно конфликт ценностей часто лежит в основе споров о вмешательстве и суверенитете. Через призму ценностных ориентаций в разных регионах мира одни и те же акторы могут восприниматься диаметрально противоположно: различия выявляются в результате медиагеографического анализа, который позволяет картографировать зоны ментальных

ландшафтов и определять линии ценностных разломов, границы между ареалами доминирования разных ценностных систем, которые нередко совпадают с линиями реальных или потенциальных конфликтов. Анализ ценностных ориентиров позволяет понять, почему один и тот же конфликт видится по-разному в различных точках мира, где проходят самые глубокие смысловые разломы, какие аргументы будут наиболее эффективными для мобилизации поддержки или, наоборот, деэскалации в конкретном регионе.

В исследованиях российских и зарубежных авторов отмечается, что ценностные разломы стали ключевым измерением современных конфликтов, а их медийное конструирование – полем стратегической борьбы (Золотухина-Аболина, 2007; Линченко, 2025; Малахов, 2002; Манойло, 2017; Смирнова и др., 2021; Хантингтон, 2003, Шварц и др., 2012). Этот тезис в значительной степени подтверждается результатами медиагеографического исследования потребления трех пар смыслов (ценностных ориентиров) интернет-аудиториями разных стран мира.

Результаты и обсуждение

Статистика по потреблению населением разных стран смыслов «добро» и «зло» в различных тематических кластерах позволяет выявить закономерности в развитии социумов в условиях постмодерна, для которого характерны нелинейный дискурс, нарушение причинно-следственных связей и подмена нравственных ориентиров. Метасмыслы «добро» и «зло» являются маркерами, разделяющими людей и страны на две группы: тех, кто ориентируется на традиционные ценности модерна, и тех, кто сменил их на новые, постмодернистские. Наблюдая за потреблением смыслов «добро» и «зло» мировой интернет-аудиторией в течение нескольких лет, мы можем констатировать, что к 2025 г. уровень интереса к добру и к злу стал примерно одинаков (рис. 1), но при этом существуют заметные различия между странами, акцентирующими внимание только на одном из метасмыслов.

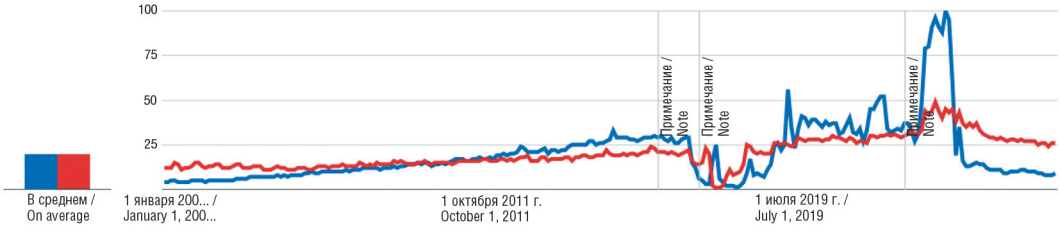

Рис. 1. Динамика относительной популярности запросов «добро» (синий) и «зло» (красный) по странам мира, 2004–2025

Источник: создано Т.С. Яковой по данным Google Trends.

Figure 1. Trends in the relative popularity of the search queries “good” (blue) and “evil” (red) by country, 2004–2025

Source: created by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

В десятке лидеров по относительной популярности темы «добро» в Google за последние 20 лет представлены преимущественно в странах Ближнего Востока и Северной Африки: после Турции и Ирака следуют Сирия, Оман, Судан, Йемен, Иордания, Ливан, Кувейт, Палестина. Полученные статистические данные, на наш взгляд, отражают системную культурно-лингвистическую и социальную закономерность. В этих странах большинство населения говорит на арабском языке (его диалектах), в котором слово «добро» используется чаще, чем в европейских языках, и входит в повседневные формулы общения (например, в приветствие «мир вам»). В этом регионе также преобладает ислам, где концепция добра занимает центральное место и интегрирована в религиозные практики. Она активно обсуждается мусульманами в повседневных делах, особенно во время религиозных событий, таких как Рамадан, Курбан-байрам и других праздников. Многие из перечисленных выше стран переживают или пережили в недавнем прошлом конфликты и гуманитарные кризисы: в условиях нестабильности «добро» ассоциируется с базовыми потребностями (безопасностью, помощью, выживанием), что стимулирует соответствующие запросы. Таким образом, лидерство стран Ближнего Востока и Северной Африки в ранговом списке по относительной популярности слова «добро» опирается на три фактора: лингвистический (высокая частотность слова в повседневной речи), религиозный (глубокая интеграция концепции добра в исламскую этику), социальный (актуальность темы в условиях конфликтов и кризисов).

Отдельно отметим Турцию и Ирак, которые возглавили ранжированный список. Турция занимает лидирующие позиции по нескольким причинам. Во-первых, в стране высокий уровень проникновения интернета и высокая активность пользователей, во-вторых, турецкое общество имеет глубокие исламские традиции (слово *iyilik* переводится как «добро» и используется в повседневной жизни). Кроме того, Турция является крупным центром для беженцев и международных гуманитарных миссий, что также поддерживает актуальность темы. Ирак последние десятилетия находится в состоянии перманентного кризиса: война, гражданский конфликт, деятельность ИГИЛ*, политическая нестабильность. В таких условиях поиск добра носит экзистенциальный характер (люди ищут информацию о гуманитарной помощи и религиозной поддержке в тяжелых ситуациях).

Обратим внимание, что в Индии и России также преобладают запросы, связанные с понятием «добро». В индийском обществе добро – это активная, практикуемая и философски обоснованная основа мироздания, особенно в индуизме и буддизме. Кроме того, принцип ненасилия Махатмы Ганди стал национальной идеей и этическим идеалом. В России культурный код глубоко пронизан православными ценностями, а доброта (производное от добра) считается одной из главных добродетелей. В российском культурном поле добро воспринимается как моральный абсолют и основа правильной жизни, что ак-

* Запрещенная в Российской Федерации организация.

тивно поддерживается религиозной, литературной и культурной традицией. Таким образом, Россия и Индия со своими уникальными культурными кодами фокусируются на добре как на фундаментальном принципе.

Тема зла популярна в Европе и США. На первый взгляд, это кажется парадоксом: страны, ассоциирующиеся с высоким уровнем жизни и стабильностью, лидируют в поисковых запросах, связанных с понятием «зло». На наш взгляд, этому есть объяснение культурологического, политического и лингвистического характера. Производство продуктов массовой культуры (кино, сериалов, видеоигр, литературы) способствует тому, что тема зла постоянно тиражируется в медиапространстве этих стран. Политики в США и Европе часто используют риторику борьбы со злом, что провоцирует общественные дискуссии и, как следствие, поисковые запросы. В культуре западных стран зло – предмет интенсивной рефлексии и творческого осмысления.

Полученные нами результаты демонстрируют различия в культурных кодах: в странах Ближнего Востока концепция добра является практическим ориентиром повседневной жизни, а в западных обществах зло – предмет интеллектуального и художественного осмысления исторических и современных вызовов.

Востребованность глобальной интернет-аудиторией концептов «свобода» и «безопасность» также подтверждается результатами медиагеографического анализа. Частота поисковых запросов «безопасность» почти в 5 раз превосходит частоту запросов по теме «свобода» (рис. 2). В числе лидеров по относительной популярности поискового запроса «свобода» Армения, Парагвай, Литва, Венгрия, Ирак, Палестина, Колумбия, Иран, Эквадор, Гондурас.

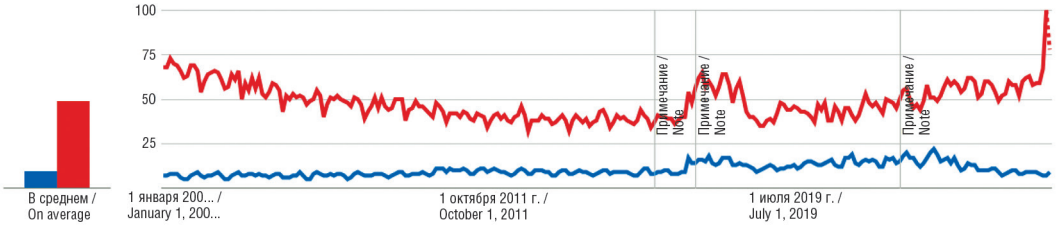

Рис. 2. Динамика относительной популярности запросов «свобода» (синий) и «безопасность» (красный) по странам мира, 2004–2025

Источник: создано Т.С. Яковой по данным Google Trends.

Figure 2. Trends in the relative popularity of the search queries “freedom” (blue line) and “security” (red line) by country, 2004–2025

Source: created by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

Интерпретация результатов анализа больших данных демонстрирует актуальность, остроту, многоуровневость и даже дефицит свободы в вышеуказанных странах. Так, для Армении, Палестины, Ирака и Ирана поисковые запросы «свобода» являются прямым следствием конфликтов, которые переживали или переживают эти страны. В Армении потеря Нагорного Карабаха (Арцаха) в 2023 г. воспринимается населением как утрата свободы и угроза безопасности. Интернет-статистика отражает страх потери суверенитета

и поиск новых геополитических гарантий. Несмотря на то, что в августе 2025 г. была подписана декларация о мирном урегулировании конфликта между Арменией и Азербайджаном, интерес населения к теме свободы остался на высоком уровне. Для палестинцев свобода является синонимом права на самоопределение и создание собственного государства. Это ядро многолетнего затяжного конфликта с Израилем. В Ираке интерес населения к теме «свободы» связан со стремлением к суверенитету и независимости от влияния внешних сил (США, Ирана). В Иране же свобода – это мощный внутренний политический лозунг в борьбе против теократического режима. Рост запросов напрямую коррелирует с волнами протестов («женщина, жизнь, свобода») и является индикатором высокой внутренней конфликтогенности.

В странах Латинской Америки (Колумбия, Гондурас, Эквадор, Парагвай) концепт «свобода» является синонимом безопасности и правопорядка и означает свободу от насилия (действий наркокартелей, бандитских группировок), бедности и коррупции. Эти страны находятся в эпицентре социально-экономических конфликтов, где государство часто не может обеспечить базовую безопасность и верховенство права.

Отметим неравномерность географического распределения интереса к концепту «свобода» населением стран мира. Так, в топе по запросам о свободе отсутствуют США, Великобритания, Франция и др. развитые страны, для которых свобода является базовой, гарантированной ценностью, и ее обсуждение ведется в более абстрактном или правовом поле.

По обращению населения к теме «безопасность» лидируют Португалия, Австралия, ЮАР, Великобритания, ОАЭ, Канада, Пакистан, Индия, Малайзия, США. Высокий интерес интернет-аудиторий стран мира к теме безопасности может быть связан с несколькими факторами: внешними военными угрозами, состоянием внутренней безопасности и общественного порядка (преступность, терроризм, социальные волнения), кибер- и информационной безопасностью, экономической (зависимость от ресурсов, логистики) и экологической безопасностью.

Так, интерес к теме безопасности населения Индии и Пакистана напрямую связан с внешней военной угрозой, поскольку страны находятся в зоне активного конфликта: постоянная напряженность вокруг Кашмира, периодические обострения и ядерное противостояние двух государств заставляют граждан постоянно мониторить данную тему. В отношении ЮАР речь идет, в первую очередь, о внутренней безопасности: в стране высокий уровень преступности, запросы о безопасности отражают повседневные страхи населения за свою жизнь и имущество.

Великобритания и США как члены НАТО напрямую вовлечены в несколько конфликтов. Тема безопасности для граждан этих стран многогранна и включает в себя гибридные угрозы, кибербезопасность, внутренние политические проблемы, угрозы терроризма.

Высокий интерес к теме безопасности у населения стран, которые традиционно считались безопасными (Австралия, Канада), скорее всего, отражает

тревогу о будущем в условиях давления геополитических акторов. Австралия находится в эпицентре тихоокеанского противостояния между США и Китаем, что в итоге заставило руководство страны кардинально пересмотреть оборонную доктрину (вступление в AUKUS). В контексте этих событий запросы о безопасности отражают опасения населения перед сменой баланса сил в мире. В Канаде участились кибератаки на государственные учреждения (количество попыток достигает триллионов за год); запросы граждан связаны в первую очередь с кибербезопасностью (опасность похищения личных данных, взломы в банковской сфере и др.).

Исследование смыслового пространства международных конфликтов и кризисов позволило выявить, что существуют смысловые константы, которые лежат в основе базового ценностного кода и определяют для населения разных стран легитимность существующего мироустройства, распределения ресурсов, действий конфликтующих сторон. Так, на протяжении 20 лет фиксируется внимание глобальной интернет-аудитории к паре метасмыслов «справедливость/несправедливость» (рис. 3). В вышеуказанном контексте «справедливость» можно интерпретировать как обоснование правоты своей позиции, как требование соответствия между действиями и моральными или правовыми нормами, как ориентир для преобразований, а «несправедливость» – как маркер кризиса легитимности, нарушения законов и правил (моральных, этических и др.), как обоснование протестов и несогласия с существующим порядком вещей.

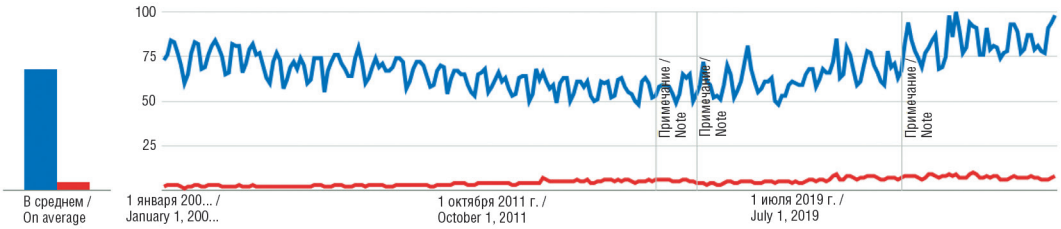

Рис. 3. Динамика относительной популярности запросов «справедливость» (синий) и «несправедливость» (красный) по странам мира, 2004–2025

Источник: создано Т.С. Яковой по данным Google Trends.

Figure 3. Trends in the relative popularity of the search queries “justice” (blue line) and “injustice” (red line) by country, 2004–2025

Source: created by Tamara S. Yakova based on Google Trends.

Лидерство Индонезии, Румынии, Парагвая, Италии, Чехии, Польши, Испании, Турции, Болгарии и Бразилии по уровню относительной популярности темы «справедливость» в Google объясняется тем, что эти страны не ведут активных внешних войн, но переживают интенсивные внутренние политические и экономические процессы. Здесь интерес населения к справедливости скорее носит созидательный и реформаторский характер. Так, для стран Восточной Европы (Румыния, Болгария, Чехия, Польша) запросы о справедливости тесно связаны с борьбой с коррупцией и преодолением исторического

наследия. Конфликтогенность в этих странах проявляется в виде внутриполитической борьбы и социальных протестов.

В Турции обращение населения к концепту «справедливость» и, соответственно, относительная популярность этого запроса в Google на протяжении последних 20 лет в значительной степени были связаны с интересом к Партии справедливости и развития, риторика которой была выстроена с опорой на этот концепт как на один из ключевых. В Индонезии интерес населения к справедливости указывает на активную гражданскую позицию и работу гражданского общества в условиях трансформации общественных институтов. В Бразилии запросы о справедливости были центральными в течение десятилетия во время масштабных антикоррупционных расследований.

Лидерами по частоте запросов «несправедливость» являются страны, участвующие в конфликтах, переживающие внутренние противоречия, неустойчивость государственных институтов или кризис легитимности власти: Йемен, Ливия, Сирия, Судан, Иордания, Палестина, Ирак и др. Эта группа стран находится в зоне перманентного кризиса на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Для населения этих стран концепт «несправедливость» особенно актуален в связи с гражданскими войнами и иностранными интервенциями, это реакция граждан на лишения и трудности, на последствия вооруженных конфликтов, отсутствие политических свобод, коррупцию и социальное неравенство (даже при внешней стабильности). Это показатель глубинной внутренней конфликтогенности.

Заключение

Результаты проведенного исследования подтверждают эвристическую ценность медиагеографического подхода к анализу смыслового пространства конфликтов и кризисов. На основе полученных эмпирических данных можно сформулировать следующие выводы:

1. Глобальная интернет-аудитория демонстрирует сопоставимый уровень интереса к метасмыслам «добро» и «зло», однако обнаруживаются глубокие страновые различия. Страны Ближнего Востока и Северной Африки лидируют по запросам о «добре», что объясняется лингвистическими, религиозными и социальными факторами. Напротив, тема «зла» более востребована в Европе и Америке, где зло становится предметом интеллектуального и художественного осмысления. Россия и Индия демонстрируют устойчивый фокус на добре как на фундаментальном культурном коде.

2. Частота поисковых запросов по теме безопасности почти в пять раз превышает частоту запросов по теме «свобода» в глобальном масштабе. Интерес к свободе концентрируется в странах, переживающих острые конфликты или социально-экономическую нестабильность, где свобода воспринимается как синоним выживания и суверенитета. В развитых западных странах свобода является базовой ценностью и не генерирует устойчивого поискового интереса. Высокий уровень запросов о безопасности в США, Великобритании,

Австралии, Индии и Пакистане связан с многофакторными угрозами – от внешних военных и гибридных угроз до кибератак.

3. Поисковые запросы, связанные с темой «справедливость», доминируют в странах, переживающих внутренние политические трансформации, где она выступает лозунгом антикоррупционных реформ. Напротив, концепт «несправедливость» концентрируется в зоне перманентного кризиса Ближнего Востока и Северной Африки, становясь маркером гражданских войн, иностранных интервенций и латентного недовольства властью.

Ценностные ориентиры выступают действенными маркерами ментального пространства, определяющими конфликтогенный потенциал восприятия международных событий. Медиагеографический анализ потребления смыслов позволяет диагностировать состояние ментальных ландшафтов и прогнозировать зоны конфликтной напряженности. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением эмпирической базы и разработкой прогностических моделей конфликтогенности.

Список литературы

Золотухина-Аболина Е.В. О специфике высших духовных ценностей // Философские науки. 2007. № 1. С. 11–18. EDN: WSUOLC

Линченко А.А. Стратегии формирования цивилизационного сознания в контексте транскультурного поворота memory studies // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 86. С. 50–66. https://doi.org/10.17223/1998863X/86/5 EDN: JKXFPV

Малахов В.А. Ценность как категория культуры // Философская мысль. 2002. № 5. С. 76–85.

Манойло А.В. Современные политические конфликты: право на вмешательство // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 178–188. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.13 EDN: ZVMOOD

Николайчук И.А., Янгляева М.М., Якова Т.С. Крылья хаоса. Масс-медиа, мировая политика и безопасность государства : монография. М. : ИКАР, 2018. EDN: NVIVGF

Смирнова О.В. Лазутина, Г.В, Денисова И.Н. Международные конфликты в контексте ценностных отношений общества: особенности участия СМИ // Медиаальманах. 2021. № 3(104). С. 32–40. https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2021.3240 EDN: JSXJUQ

Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. М. ; СПб. : АСТ, 2003. 603 с.

Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70. EDN: QYXAEH

Якова Т. С. Конфликтогенный потенциал международной политики: медиагеографический анализ европейского ментального пространства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26. № 1. С. 165–175. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-165-175 EDN: SPDKCE

Якова Т.С., Янгляева М.М. Медиагеография : монография. М. : Изд-во ИКАР, 2019. 188 с. EDN: HHPJCJ

Adams P.C., Jansson A. Communication geography: a bridge between disciplines // Communication Theory. 2012. Vol. 22. No. 3. P. 299–318. https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2012.01406.x

Couldry N., McCarthy A. MediaSpace: Place, Scale and Culture in a Media Age. London : Routledge, 2004. https://doi.org/10.4324/9780203010228

Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media Studies / eds. J. Falkenheimer, A. Jansson. Göteborg : Nordicom, 2006. 306 p.

Inglehart R.F. Changing values among Western publics from 1970 to 2006 // West European Politics. 2008. Vol. 31. No 1–2. P. 130–146. https://doi.org/10.1080/01402380701834747

Inglehart R.F. The Danger of deconsolidation: how much should we worry? // Journal of Democracy. 2016. Vol. 27. No 3. P. 18–23. https://doi.org/10.1353/jod.2016.0053

Salovaara-Moring I.I. Media Geographies: Newspapers and Economic Crisis. Saarbrücken : VDM Verlag Dr. Müller, 2008. 292 p.

Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in Experimental Social Psychology. 1992. Vol. 25. P. 1–65. https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6

Schwartz S.H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // Journal of Social Issues. 1994. Vol. 50. No 4. P. 19–45. https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x

Schwartz S.H., Butenko T. Values and behavior: validating the refined value theory in Russia // European Journal of Social Psychology. 2014. Vol. 44. No. 7. P. 799–813. https://doi.org/10.1002/ejsp.2053

Thielmann, T. Locative media and mediated localities. An introduction to media geography // Aether: The Journal of Media Geography. 2010. Vol. 5a. P. 1–17.

Vollmer K.H., Randler K.H. Circadian preferences and personal values: morning types prefer social values, evening types prefer individual values // Personality and Individual Differences. 2012. Vol. 52. No. 6. P. 738–743. https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.01.001

References

Adams, P.C., & Jansson, A. (2025). Communication geography: a bridge between disciplines. *Communication Theory, 22*(3), 299–318. https://doi.org/10.1111/j.1468-2885.2012.01406.x

Couldry, N., & McCarthy, A. (2004). *MediaSpace: Place, Scale and Culture in a Media Age*. Routledge. https://doi.org/10.4324/9780203010228

Falkenheimer J., & Jansson, A. (Eds.) (2006.) *Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media Studies.* Göteborg: Nordicom.

Huntington, S.P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order.* Simon & Schuster.

Inglehart, R.F. (2008). Changing values among Western publics from 1970 to 2006. *West European Politics*, *31*(1–2), 130–146. https://doi.org/10.1080/01402380701834747

Inglehart, R.F. (2016). The danger of deconsolidation: how much should we worry? *Journal of Democracy, 27*(3), 18–23. https://doi.org/10.1353/jod.2016.0053

Linchenko, A.A. (2025). Strategies for the formation of civilizational consciousness in the context of the transcultural turn in memory studies. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, (86), 50–66. (In Russ.) https://doi.org/10.17223/1998863X/86/5 EDN: JKXFPV

Malakhov, V.A. (2002). Value as a cultural category. *Philosophical Thought*, (5), 76–85. (In Russ.)

Manoilo, A.V. (2017). Modern political conflicts: the right to intervene. *Polis. Political Studies*, (6), 178–188. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.13 EDN: ZVMOOD

Nikolaichuk, I.A., Yanglyaeva, M.M., & Yakova, T.S. (2018). *Wings of Chaos. Mass Media, World Politics, State Security*. Moscow: IKAR Publ. (In Russ.) EDN: NVIVGF

Salovaara-Moring, I.I. (2008). *Media Geographies: Newspapers and Economic Crisis.* VDM Verlag Dr. Müller.

Schwartz, S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, *25*, 1–65. https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6

Schwartz, S.H. (1994). Are there universal aspects in the structure and contents of human values? *Journal of Social Issues, 50(*4), 19–45. https://doi.org/10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196.x

Schwartz, S.H., & Butenko, T. (2014). Values and behavior: validating the refined value theory in Russia. *European Journal of Social Psychology, 44*(7), 799–813. https://doi.org/10.1002/ejsp.2053

Schwartz S., Butenko T.P., Sedova, D.S., & Lipatova, A.S. (2012). Theory of basic personal values: validation in Russia. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 9(*2), 43–70. (In Russ.) EDN: QYXAEH

Smirnova, O.V., Lazutina, G.V., & Denisova, I.N. (2021). International conflicts in the context of value relations in society: features of media participation. *Medi@lmanah*, (3), 32–40. (In Russ.) https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2021.3240 EDN: JSXJUQ

Thielmann, T. (2010). Locative media and mediated localities. An introduction to media geography. *Aether: The Journal of Media Geography, 5a*, 1–17.

Vollmer, K.H., & Randler, K.H. (2012). Circadian preferences and personal values: morning types prefer social values, evening types prefer individual values. *Personality and Individual Differences*, *52*(6), 738–743. https://doi.org/10.1016/j.paid.2012.01.001

Zolotukhina-Abolina, E.V. (2007). On the specificity of higher spiritual values. *Russian Journal of Philosophical Sciences*, (1), 11–18. (In Russ.) EDN: WSUOLC

Yakova, T.S. (2026). The conflict potential of international politics: media geographical research of the European mental space. *Vestnik RUDN. International Relations*, *26*(1), 165–175. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-165-175 EDN: SPDKCE

Yakova, T.S., & Yanglyaeva, M.M. (2019). *Media Geography*. Moscow: IKAR Publ. (In Russ.) EDN: HHPJCJ

Сведения об авторе:

Якова Тамара Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной журналистики и литературы, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 1. ORCID: 0000-0002-5640-267X; SPIN-код: 9009-2212. E-mail: t-yakova@mail.ru

Bio note:

Tamara S. Yakova, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Foreign Journalism and Literature, Lomonosov Moscow State University, 9 Mokhovaya St, bldg 1, Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5640-267X; SPIN-code: 9009-2212. E-mail: t-yakova@mail.ru

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 736–748
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-736-748
EDN: DEYALH
УДК 323.1:070

Научная статья / Research article

Медиа как фактор формирования каталонского национального сознания

Г.В. Прутцков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация
✉gpruttskov@hse.ru

Аннотация. Глобализация и утверждение единого информационного пространства существенно размывают национальные границы. Тем не менее геополитическая реальность как XX, так и XXI в. демонстрирует, что именно националистические идеи становятся для многих политических движений главным ориентиром. Эти идеи и образы, тиражируемые средствами массовой информации и направленные на конструирование национальной идентичности, широко распространены в современном социуме. Проанализировано формирование каталонской национальной идентичности через призму каталонских медиа XIX–XXI вв. На основе анализа научной литературы и публицистических источников рассмотрена эволюция роли каталонской прессы: от культурного возрождения языка до инструмента политической мобилизации в период кризиса 2017 г. Особое внимание уделено двуязычию прессы – одной из основных особенностей каталонской журналистики, непосредственно влияющей на национальное самосознание. Сделан вывод, что медиасистема региона носит выраженный национально ориентированный характер и выступает ключевым институтом социализации, сохраняющим уникальность языка и конструирующим образ «нации-жертвы» в противовес испанскому государству.

Ключевые слова: каталонская пресса, национальная идентичность, политическая мобилизация, двуязычие СМИ, нация-жертва, институт социализации

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 30 января 2026 г.; отрецензирована 22 февраля 2026 г.; принята к публикации 3 мая 2026 г.

Для цитирования: *Прутцков Г.В.* Медиа как фактор формирования каталонского национального сознания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 736–748. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-736-748 EDN: DEYALH

© Прутцков Г.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Media as a Factor in the Formation of Catalan National Consciousness

Grigory V. Pruttskov

HSE University, Moscow, Russian Federation
✉gpruttskov@hse.ru

Abstract. Globalization and the establishment of a unified information space significantly blur national boundaries. Nevertheless, the geopolitical realities of both the 20th and the 21st centuries demonstrate that it is nationalist ideas that have become the main point of reference for many political movements. These ideas and images, reproduced on a large scale by the mass media and aimed at constructing national identity, are widespread in contemporary society. This article examines the formation of Catalan national identity through the lens of Catalan media of the 19th–21st centuries. Drawing on an analysis of scholarly literature and journalistic sources, the author traces the evolution of the Catalan press from a vehicle for the cultural revival of the Catalan language to an instrument of political mobilization during the 2017 crisis. Special attention is paid to the bilingual nature of the press – one of the key features of Catalan journalism, which directly affects national self-awareness. The author concludes that the region's media system is distinctly national in orientation and functions as a key institution of socialization, preserving the uniqueness of the language and constructing the image of a "victim nation" in opposition to the Spanish state.

Keywords: Catalan press, national identity, political mobilization, media bilingualism, victim-nation, institution of socialization

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: submitted January 30, 2026; revised February 22, 2026; accepted May 3, 2026.

For citation: Pruttskov, G.V. (2026). Media as a Factor in the Formation of Catalan National Consciousness. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 736–748. (In Russ.) http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-736-748 EDN: DEYALH

Введение

В наши дни медиапотребление составляет основу процесса социализации личности практически во всех странах мира. Именно средства массовой информации традиционно выступают основным каналом распространения наиболее популярных в обществе концептов, среди которых важное место занимает идея национальной идентичности (Кондратьева, Сатучина, 2024; Bidzilya et al., 2024; Ershov, 2015). В условиях глобализации журналистика во многом замещает семью и ближайшее окружение в деле формирования национального самосознания граждан: она ставит перед ними вопросы самоопределения и предлагает идеологемы, позволяющие выстраивать самосознание на основе принадлежности к конкретной нации.

Образы и смыслы, тиражируемые средствами массовой информации в больших объемах и ориентированные на конструирование национальной идентичности, проникают во все слои современного социума. Опасность, связанная с отсутствием у государства четких национальных ориентиров, уже

давно вышла за рамки дискуссий и превратилась в общепризнанный факт. На протяжении современной истории СМИ выступали инструментом, который стимулировал возникновение наций и продолжает поддерживать их жизнеспособность. Современная информационная среда – пространство, в котором генерируются, распространяются и воспринимаются информационные потоки, – позволяет (а порой и вынуждает) людей осознавать свою этническую, идеологическую, религиозную принадлежность, свою позицию внутри социальной структуры и свою гражданскую позицию.

Понятие «национальная идентичность» впервые получило четкое оформление после подписания Вестфальского мира в 1648 г., завершившего Тридцатилетнюю войну и положившего начало эпохе европейских национальных государств. До этого власть в средневековой Европе опиралась преимущественно на религиозный авторитет папы римского, однако такая система оказывалась неустойчивой: феодальные войны и междоусобицы постоянно тормозили развитие. Для предотвращения новых масштабных конфликтов европейские монархи договорились о принципиально новой системе международных отношений, основанной на принципе суверенитета (Кочетков, 2012).

События последних десятилетий привлекли повышенное внимание к вопросу национальной идентичности Каталонии – проблема вышла далеко за пределы Испании и стала значимой для Европы. Чтобы глубже понять сущность национальной идентичности, автор ставит задачу – выявить основные движущие силы нациогенеза. Особое значение имеет анализ общей исторической судьбы, когда большинство жителей территории воспринимают прошлое, настоящее и будущее в едином ключе. Не менее важны единство национального самосознания и способность нации к самопрезентации на международной арене. Центральным фактором формирования нации остается развитие ее национальной идентичности.

Региональные элиты используют национализм как серьезный аргумент в переговорах с центральной властью по вопросам политики, экономики и международной субъектности Каталонии в Европе (Кирчанов, 2011). Исследователи отмечают глубокую историческую укорененность каталонской национальной идентичности (Кожановский, 2006) и многовековую борьбу региона за сохранение собственной самобытности и права на особый путь развития (Бусыгина, 2003). Помимо исторического анализа, современные исследования обращают внимание на материальные маркеры идентичности, например лингвистический ландшафт каталонских городов, где борьба за видимость каталонского языка становится частью повседневного политического противостояния (Byrne, Marcet, 2024).

Случай Каталонии – это частный, но очень показательный эпизод в контексте общей политической и экономической нестабильности современной Европы (Прутцков, 2018).

При этом для анализа каталонского кейса важно учитывать не только историческую эволюцию прессы, но и то, как медиа и языковая политика со-

вместно формируют политическую субъективность и национальный нарратив. Современные исследования показывают, что в Каталонии значимы сразу несколько уровней: фрейминг политического конфликта в медиа, партийные интерпретации темы независимости, роль региональных медиа в политическом поведении и корпусное планирование каталонского языка в медиасфере. Именно поэтому данная статья рассматривает каталонскую журналистику как коммуникативное пространство, в котором историческая память, языковая норма и политическая мобилизация действуют одновременно.

Обзор литературы

Термин «идентичность» (от лат. *identificare* – отождествлять) впервые появляется в печатных источниках в 1545 г. в работе английского автора Джона Бейла «Тайна неравенства», где этот термин означает «сходство, подобие». В XVII в. английский философ Джон Локк использует понятие для обозначения осознания индивидом собственной личностной тождественности, охватывающей все прошлые действия и мысли.

Научное осмысление термина как самостоятельной категории связано прежде всего с трудами Эрика Эриксона, чьи идеи позволяют интерпретировать механизмы формирования коллективной идентичности, в том числе в медиадискурсе. Идентичность определяется как ощущение личного тождества и исторической непрерывности, разворачивающееся на двух уровнях – индивидуальном и социальном, каждый из которых имеет положительный и отрицательный полюса (Эриксон, 1996; Erikson, 1968).

Индивидуальный уровень отражает восприятие себя как непрерывного во времени и пространстве существа, сочетающего природные данные (внешность, способности) с осознанием уникального жизненного пути и стремлением к максимальной самореализации. Социальный уровень связан с принятием этой тождественности окружающими и включает групповую идентичность (принадлежность к социальным группам, чувство солидарности) и психосоциальный аспект (осознание значимости собственного существования в обществе). Положительный полюс описывает желаемый образ личности, отрицательный – отвергаемые черты. Идентичность выполняет важнейшую адаптивную функцию: помогает человеку ориентироваться в социуме, понимать механизмы социальных институтов, преодолевать возрастные кризисы и сохранять ощущение собственной уникальности (Эриксон, 1996).

Значительный вклад в изучение идентичности внесли представители символического интеракционизма. Американский социолог и психолог Чарльз Кули ввел концепцию зеркального «Я», согласно которой личность формируется через восприятие того, как ее видят и оценивают другие люди и социальные группы. Американский философ, социолог и психолог Джордж Герберт Мид развил эту идею через понятие обобщенного другого – совокупности усвоенных общепринятых норм и ожиданий, через которые индивид смотрит

на себя со стороны и превращается из биологического организма в социальное существо, способное к рефлексии и глубокому самопониманию (Кули, 2019; Мид, 2014; Cooley, 2009; Mead, 2002).

В 1970–1980-е гг. когнитивистская парадигма (Генри Тэджфел, Джон Тернер, Доминик Абрамс, Майкл Хогг) сместила акцент на процессы категоризации и самосознания. Конструктивистский подход (Фредерик Барт, Питер Бергер, Томас Лукман, Кеннет Герген, Татьяна Стефаненко и др.) рассматривает социальную идентичность как продукт социальных взаимодействий и культурных контекстов: индивид конструирует свою идентичность на основе поощряемых в обществе поведенческих паттернов, ценностей и норм.

Существуют три основных способа интерпретации феномена идентичности. Социально-психологический подход видит ее как субъективное представление индивида о собственном «Я», формирующееся в процессе взаимодействия с группами и отдельными людьми в социально-культурной среде. Коммуникативный подход подчеркивает, что идентичность возникает и развивается в процессе обмена информацией с окружающими и социальными институтами. Социально-критический подход трактует идентичность как рамку, заданную социумом и историей, в которую человек включается еще до рождения.

Несмотря на различия, все подходы сходятся в том, что основой идентичности является образ самого себя, детерминированный культурной парадигмой и социальными условиями. Наиболее общепринятое определение: идентичность – это относительно стабильная и структурированная совокупность представлений индивида или группы о себе и о своей принадлежности к различным социальным категориям (Пименова, 2011).

Каталония – один из крупнейших и экономически наиболее мощных регионов Испании. Площадь региона составляет 32 114 км², население – около 8 млн человек, вклад в ВВП Испании – почти 20 %. По объему ВВП Каталония сопоставима с такими странами, как Дания или Финляндия. С 2005 г. регион имеет собственный домен верхнего уровня .cat – один из первых в мире среди негосударственных территорий (Прутцков, 2015).

Развитая промышленность и экономическая мощь исторически способствовали формированию сильного национального самосознания каталонцев, которое на протяжении веков вызывало конфликт с центральной властью в Мадриде (Прутцков, 2018). Каталония была независимой лишь в X–XII вв. в период Барселонского графства (до вхождения в состав Арагонского королевства). В XV в. регион вошел в объединенную Испанию, сохраняя при этом значительные вольности и собственное законодательство. Однако в начале XVIII в. политика Филиппа V привела к ограничению использования каталонского языка, ликвидации местных политических институтов и самоуправления. Именно эти репрессии стали катализатором зарождения каталонского национализма – сначала как движения за сохранение языка и культуры, а затем как борьбы за политическую автономию.

В 1870-е гг., после революции 1868–1874 гг., каталонизм приобрел организационные формы. Большая каталонская энциклопедия определяет его как «движение за политическую самостоятельность Каталонии, а в некоторых случаях – всех каталонских земель». Каталонизм представляет собой сложный синтез социально-политических, психологических и языковых факторов, направленных на становление и укрепление каталонской нации.

В это же время обозначились две основные линии: культурное возрождение (*Renaixença*) – нормализация литературного каталонского языка, который до того воспринимался как сельский диалект испанского; политический национализм – борьба за превосходство каталонского языка и независимость региона.

Несмотря на накопленный массив исследований, в актуальной литературе по-прежнему недостаточно явно сведены в один аналитический фокус три измерения: медийный фрейминг каталонского конфликта, языковая политика в медиасфере и влияние региональных медиа на политическое поведение и самоидентификацию аудитории. Новизна настоящей работы состоит в том, что каталонский случай рассматривается не только как политический конфликт, но и как устойчивая медиасистема, в которой пресса и телевидение участвуют в воспроизводстве национального нарратива и языковой нормы.

Материалы и методы

В данном исследовании применяется качественный анализ медиадискурса в сочетании с историко-сравнительным методом. Эмпирическую базу составили публикации каталонских СМИ на каталонском и испанском языках за период с XIX в. по 2025 г., включая такие издания, как *El Punt Avui, VilaWeb, La Vanguardia, El Periódico de Catalunya.* Анализ проводился с использованием методов дискурс-анализа и framing analysis, что позволило выявить ключевые нарративы, конструирующие каталонскую национальную идентичность. Дополнительно были проанализированы научные публикации, публицистические источники и официальные документы, связанные с каталонским политическим кризисом 2006–2017 гг.

Результаты и обсуждение

Историческая эволюция каталонской медиасистемы в XIX – начале XX в.

Журналистика всегда играла ключевую роль в каталонской истории. Именно пресса стала мощным инструментом как возрождения языка, так и политической борьбы за независимость. Одна из самых устойчивых особенностей каталонской журналистики – двуязычие. Первая газета, оставившая след, появилась в 1713 г. – *Diario del Sitio y Defensa de Barcelona* (испаноязычная, выходила дважды в неделю). С этого момента и начинается проблема двуязычия, которая остается актуальной и сегодня. Каталонский был родным

языком большинства жителей, тогда как испанский (*castellano*) ассоциировался с чиновниками из Мадрида. Еще в 1930-е гг. многие сельские каталонцы вообще не владели испанским.

Главной заслугой каталонской прессы XIX в. стала пропаганда идей каталонизма через борьбу за литературный каталонский язык. В 1880–1890-е гг. газеты вели активную кампанию: каталонский перестал считаться «некультурным» среди горожан, произошла лингвистическая нормализация. Важнейшую роль сыграли *Diari Català* и *La Renaixensa* – издания, которые не только популяризировали язык, но и формировали национальное сознание.

К началу XX в. каталонский язык не просто сравнялся с испанским в прессе – он начал его постепенно вытеснять в определенных сегментах. При этом испаноязычная пресса (в первую очередь *La Vanguardia*) относилась к каталонизму лояльно, но более умеренно. Именно эта объективность и беспристрастность обеспечили устойчивую популярность даже среди националистов: читатели ценили независимые суждения, не затуманенные идеологией. В целом испаноязычная пресса в Каталонии часто выступала внутренним «противовесом» радикальному каталонизму, привлекая образованную аудиторию, которая стремилась к балансу.

Институционализация медиадискурса в XXI в.: от Статута 2006 г. до кризиса 2017 г.

Начало XXI в. ознаменовалось резким усилением борьбы за самоопределение – уже не только на уровне общественных настроений, но и на институциональном уровне. Новый Статут автономии Каталонии, одобренный на региональном референдуме 18 июня 2006 г., был принят испанским парламентом (Генеральными кортесами) в июле того же года в существенно отредактированном виде. Документ значительно расширял полномочия региона, в том числе в финансовой сфере, а его преамбула содержала упоминание Каталонии как «нации». Однако оппозиционная Народная партия оспорила этот компромиссный текст в Конституционном суде Испании.

Рассмотрение дела затянулось на четыре года, что спровоцировало рост массового недовольства в регионе. В условиях этой правовой неопределенности с сентября 2009 по апрель 2010 г. в ряде муниципалитетов прошли неофициальные консультативные референдумы о независимости. Хотя более 90 % участников высказались «за», явка оставалась низкой (менее 50 %), а в голосовании могли участвовать даже лица, не являвшиеся гражданами Испании.

В июне 2010 г. Конституционный суд вынес итоговое постановление, признав неконституционными ряд ключевых положений документа. Суд постановил, что, хотя преамбула Статута может использовать термин «нация» в историко-культурном смысле, с юридической точки зрения в рамках испанской Конституции Каталония трактуется исключительно как «национальность» (Ларионова, 2011). Это решение стало катализатором радикализации политических требований: на выборах в парламент Каталонии (Женералитет) 25 ноября 2012 г. убедительную победу одержали сторонники самоопределения,

а 23 января 2013 г. парламент принял Декларацию о суверенитете (85 «за», 41 «против», 2 воздержались). Отметим, что влияние региональных СМИ на электоральные предпочтения в пользу партий, поддерживающих независимость, эмпирически подтверждено в общеевропейском исследовании Дж. Паркера (Parker, 2024).

Вслед за этим региональное правительство (Женералитет) объявило о подготовке референдума о независимости, намеченного на 2014 г., несмотря на то, что Конституция Испании 1978 г. не предусматривает ни права одностороннего выхода региона из состава государства, ни процедуры проведения региональных референдумов. Конституционный суд оперативно приостановил действие соответствующего регионального закона, однако 9 ноября 2014 г. власти Каталонии провели в обход запрета альтернативное «народное голосование» (*consulta*).

Эскалация конфликта достигла пика 1 октября 2017 г., когда, несмотря на прямые запреты Мадрида и силовое противодействие, в Каталонии был проведен односторонний референдум о независимости. Согласно официальным (хотя и оспоренным центральными властями из-за отсутствия единого реестра избирателей) данным Женералитета за независимость проголосовало 90,18 % участников (2 044 038 человек), против – 7,83 % (177 547 человек) при заявленной явке 43,03 % (Прутцков, 2018).

Это событие спровоцировало глубочайший конституционный кризис в новейшей истории Испании и привело к беспрецедентному противостоянию между центральным и региональным правительствами, кульминацией которого стало временное применение 155-й статьи Конституции. В условиях политического тупика средства массовой информации стали ключевым фактором политической мобилизации. Профильные каталонские издания и цифровые платформы, такие как *El Punt Avui* и *VilaWeb*, последовательно транслировали и легитимировали суверенистскую повестку, формируя информационный фон для консолидации сторонников независимости.

Конструирование и деконструкция каталонской идентичности: медиадискурс

В каталонских средствах массовой информации националистически настроенные журналисты целенаправленно нагнетали напряженность, создавая трагический образ Каталонии как древнейшей нации, невинной жертвы, подвергаемой трехсотлетнему угнетению со стороны Испании. Этот нарратив включал мотивы военной оккупации, культурно-лингвистической колонизации, истекающей кровью нации, стираемой в прах и т.п. Именно такой мифологизированный образ лег в основу медийного конструирования каталонской национальной идентичности (Figueres, 1989; Leguina, 2014).

Сегодня каталонский национализм можно считать уникальным политическим феноменом не только в Испании, но и в мировом масштабе. С конструктивистской точки зрения (широко используемой в испанской политической мысли) процесс формирования каталонской идентичности сопровождается

постепенной, но радикальной трансформацией традиционных социальных институтов и связей, в результате чего возникают новые политические идентичности. Журналистика, прежде всего каталоноязычная, созданная местными интеллектуалами, внесла решающий вклад в развитие идеологии каталонизма. В последние годы исследователи обращают внимание на феномен «цифровой каталонской республики» – онлайн-пространства, где национальная идентичность воспроизводится независимо от физического контроля территории (Pitroso, 2024), а также на конструирование образа Каталонии и Барселоны в видео и игровом кино (Castro et al., 2025).

В публичном пространстве звучали и голоса, прямо противостоявшие националистическим идеям. Один из наиболее последовательных критиков каталонского национализма – испанский философ Антонио Роблес. На протяжении десятилетий он считает каталонизм, оторванный от остальной части испанского народа, преступной идеей, противоречащей объективному историческому развитию. Каталонистов, активно пропагандирующих сепаратизм в прессе, Роблес называет иностранцами в собственной стране, чуждыми народной культуре и духу. Проанализировав публикации каталонских СМИ с начала 2000-х гг., он отметил, что радикальные националистические идеи почти исключительно выходят на каталонском языке, тогда как противоположные взгляды на этом языке практически отсутствуют. В ответ Роблес инициировал громкую кампанию среди журналистов под провокационным названием «И по-испански тоже, пожалуйста». Самая значительная работа Роблеса по этой теме – книга «История сопротивления национализму в Каталонии», где он аргументированно показывает, что значительная часть населения и элит региона последовательно выступает против самоизоляции и сепаратизма на всех уровнях.

Другой яркий критик – журналист и публицист Иван Тубау. Защищая испанское единство, он атакует национализм не с позиций этатизма или централизма, а с либертарианских и гражданских позиций. По мнению Тубау, современный каталонский национализм – это не органическое явление, а продукт пропагандистских усилий ангажированных журналистов и политических элит. В книге «Ничего для отечества. Как журналисты изобретают виртуальные государства» он аргументирует искусственный характер каталонского национализма, опираясь на исторические условия последних трехсот лет. При этом Тубау критикует современную испанскую власть, но призывает каталонцев не отделяться, а активно включаться в общеиспанскую борьбу за гражданские права и повышение уровня жизни во всей стране, а не в одном регионе (Alonso-Muñoz, 2014).

Заключение

Национальная идентичность не является врожденным качеством – она формируется на протяжении всей жизни человека под влиянием множества факторов: общности языка, традиций, культурных кодов, исторического про-

шлого и, в особенности, единого информационного пространства, в котором ведущую роль играют средства массовой информации. Журналисты и медиа транслируют идеи на широкую аудиторию, побуждая индивида осознать свою национальную принадлежность – сознательно или подсознательно. В этом смысле национальную идентичность можно охарактеризовать как медиаидентичность: большинство дискурсов, поддерживающих и укрепляющих национальное самосознание, сегодня активизируются именно через СМИ.

Каталония – яркий пример того, как журналистика может стать определяющим фактором нациогенеза. Огромное значение имел Ренессанс в литературе и прессе, корни которого уходят в историческое противостояние кастильскому влиянию. Национальная идентичность каталонцев опирается не только на историческую традицию, но и на мощный массив публицистических текстов на каталонском языке, опубликованных в региональных СМИ. При этом националистически ориентированные издания трактуют Каталонию как независимую политическую единицу.

В медиасистеме Каталонии жители региона предстают как группа с ярко выраженной национальной и этнорегиональной идентичностью. Акцент делается на том, что каталонцы успешно отвечают на вызовы современности и в большей степени ассоциируют себя с Европой, чем с Испанией. Развитие сепаратистских настроений порождает ожесточенную полемику, которая немедленно находит отражение в прессе и на телевидении.

Можно утверждать, что медиасистема Каталонии носит национально ориентированный характер: значительная часть ее ресурсов направлена на конструирование и поддержание концепта национальной идентичности. В эпоху информатизации роль СМИ как инструмента формирования национальной идентичности резко возрастает – особенно важным здесь оказывается язык, на котором распространяется информация.

Средства массовой информации Каталонии усиливают у населения ощущение национальной идентичности, создают платформу для демонстрации уникальных черт автономного сообщества и его жителей. Кроме того, медиасистема способствует развитию образования и культуры региона, сохраняя уникальность каталонского языка в глобализированном мире. Таким образом, в настоящее время каталонские СМИ представляют собой один из важнейших общественных институтов, под эгидой которого объединяются носители и пропагандисты каталонского языка и каталонской национальной идеи.

Каталонская медиасистема важна не только как канал отражения уже существующей идентичности, но и как механизм ее повседневного воспроизводства через языковую норму и редакционную политику. Поэтому сопоставление исторической роли каталонской прессы с современными практиками медийной и цифровой политической коммуникации позволяет рассматривать каталонский кейс как модель взаимодействия национального проекта, медиатизации и языковой политики в условиях многослойного политического конфликта.

Список литературы

Бусыгина И.М. Практика территориально-политического строительства в Испании и России: попытка сравнительного анализа // Казанский федералист. 2003. № 3. С. 32–33. EDN: VPZBRP

Кирчанов М.В. Основные проблемы развития каталонского национализма в 2000-е годы // Общество: политика, экономика, право. 2011. № 1. С. 33–37. EDN: NQYUVZ

Кожановский А.Н. Быть испанцем... Традиция. Самосознание. Историческая память. М. : АСТ : Восток – Запад, 2006. 318 с.

Кондратьева О.Н., Сатучина Т.Ю. Конструирование национальной идентичности в дискурсе современных российских массмедиа // Вопросы теории и практики журналистики. 2024. Т. 13. № 2. С. 325–341. https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13(2).325-341 EDN: CIWNLB

Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162. EDN: PAVDFZ

Кули Ч.Х. Избранное : сб. переводов / сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. М. : ИНИОН РАН, 2019. 234 с.

Ларионова М.В. Язык и политика в коммуникативном пространстве испанского политического дискурса // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2(17). С. 215–220. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-2-17-215-220 EDN: NTTZPD

Мид Дж. Философия настоящего / под ред. А.И. Мерфи; пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузьминова. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 272 с.

Пименова О.И. Концептуализация представлений о социальной идентичности в социальных науках // Вестник Вятского государственного университета. 2011. № 4-4. С. 65–69. EDN: PARLAV

Прутцков Г.В. Некоторые аспекты борьбы за самоопределение Каталонии (по материалам газет «Ла Вангуардия», «Эль Периодико де Каталунья», «Эль пунт Авуи» за 2013–2014 гг.) // Меди@льманах. 2015. № 5(70). С. 54–60. EDN: VHYMNH

Прутцков Г.В. Тенденция к самоопределению малой нации в Европе: опыт Каталонии // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 3(54). С. 113–125. https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.3.54.6 EDN: ZCLRJR

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; под общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М. : Прогресс, 1996. 344 с.

Alonso-Muñoz L. El tratamiento en la prensa del movimiento independentista en Cataluña // Sphera Publica: Revista de Ciencias Sociales y de la Comunicación. 2014. Vol. 2. No. 14. P. 104–126.

Bidzilya Y., Snitsarchuk L., Solomin Y., Shkurko H., Shvets V. The role of the media in the formation of national (ethnic) identity // Cadernos De Educação Tecnologia E Sociedade. 2024. Vol. 17. No. se2. P. 208–219. https://doi.org/10.14571/brajets.v17.nse2.208-219

Byrne S., Marcet E. La lluita continua: socio-political debate and the linguistic landscape of a Catalan city // Social Semiotics. 2024. Vol. 34. No. 1. P. 113–139. https://doi.org/10.1080/10350330.2022.2037389

Castro D., Nieto-Ferrando J., Gómez-Morales B. Exploring Barcelona's portrayal in promotional videos and fiction films // Annals of Tourism Research Empirical Insights. 2025. Vol. 6. No. 2. Article 100192. https://doi.org/10.1016/j.annale.2025.100192

Ershov Y.M. National identity in new media // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 200. P. 206–209. https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.08.053

Figueres J.M. La Premsa Catalana. Barcelona : Col.lecciò Nissaga, Dalmau, 1989. 120 p.

Leguina J. Los 10 mitos del nacionalismo Catalán. Barcelona : Planeta, S.A, 2014. 224 p.

Parker J. Regional media and non-statewide party voting in Europe // Regional & Federal Studies. 2024. Vol. 34. No. 4. P. 621–653. https://doi.org/10.1080/13597566.2023.2189240

Pitroso G. The Catalan digital republic. A theoretical review // Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe. 2024. Vol. 23. No. 1. P. 21–51. https://doi.org/10.53779/QMBB2588

References

Alonso-Muñoz, L.A. (2014). El tratamiento en la prensa del movimiento independentista en Cataluña. *Sphera Publica: Revista de Ciencias Sociales y de la Comunicación, 2*(14), 104–126.

Bidzilya, Y., Snitsarchuk, L., Solomin, Y., Shkurko, H., & Shvets, V. (2024). The role of the media in the formation of national (ethnic) identity. *Cadernos de Educação Tecnologia e Sociedade, 17*(se2), 208–219. https://doi.org/10.14571/brajets.v17.nse2.208-219

Busygina, I.M. (2003). The practice of territorial-political construction in Spain and Russia: an attempt of comparative analysis. *Kazan Federalist,* (3), 32–33. (In Russ.) VPZBRP

Byrne, S., & Marcet, E. (2024). La lluita continua: socio-political debate and the linguistic landscape of a Catalan city. *Social Semiotics, 34*(1), 113–139. https://doi.org/10.1080/10350330.2022.2037389

Castro, D., Nieto-Ferrando, J., & Gómez-Morales, B. (2025). Exploring Barcelona's portrayal in promotional videos and fiction films. *Annals of Tourism Research Empirical Insights, 6*(2), 100192. https://doi.org/10.1016/j.annale.2025.100192

Cooley, C.H. (2009). *Human Nature and the Social Order.* Cornell University Library.

Erikson, E.H. (1968). *Identity: Youth and Crisis.* W.W. Norton Company.

Ershov, Y.M. (2015). National identity in new media. *Procedia – Social and Behavioral Sciences, 200*, 206–209. https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.08.053

Figueres, J.M. (1989). *La Premsa Catalana.* Col.lecciò Nissaga, Dalmau.

Kirchanov, M.V. (2011). Main problems of development of Catalan nationalism in 2000ies. *Society: Politics, Economics, Law,* (1), 33–37. (In Russ.) EDN: NQYUVZ

Kochetkov, V.V. (2012). National and ethnic identity in the modern world. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science,* (2), 144–162. (In Russ.) EDN: PAVDFZ

Kondratyeva, O.N., & Satuchina, T.Yu. (2024). National identity construction in modern Russian mass media discourse. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, *13*(2), 325–341. (In Russ.) https://doi.org/10.17150/2308-6203.2024.13(2).325-341 EDN: CIWNLB

Kozhanovsky, A.N. (2006). *To Be a Spaniard... Tradition. Self-Awareness. Historical Memory*. Moscow: AST: East – West Publ. (In Russ.)

Larionova, M.V. (2011). Language and politics in the communicational space of Spanish political discourse. *MGIMO Review of International Relations,* (2), 215–220. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-2-17-215-220 EDN: NTTZPD

Leguina, J. (2014). *Los 10 Mitos del Nacionalismo Catalán.* Barcelona: Planeta, S.A.

Figueres, J.M. (1989). *The Catalan Premise* [La Premsa Catalana]. Barcelona: Col.lecciò Nissaga, Dalmau.

Mead, G. (2002). *The Philosophy of the Present*. Prometheus Books.

Parker, J. (2024). Regional media and non-statewide party voting in Europe. *Regional & Federal Studies, 34*(4), 621–653. https://doi.org/10.1080/13597566.2023.2189240

Pimenova, O.I. (2011). Conceptualizing notions of a social identity in social sciences. *Herald of Vyatka State University,* (4-4), 65–69. (In Russ.) EDN: PARLAV

Pitroso, G. (2024). The Catalan digital republic. A theoretical review. *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe, 23*(1), 21–51. https://doi.org/10.53779/QMBB2588

Prutskov, G.V. (2015). Some aspects of the struggle for Catalonia's self-determination (a case study of *La Vanguardia*, *El Periodico de Catanlunya* and *El Punt Avui* newspapers for 2013–2014). *Medi@lmanah Journal,* (5), 54–60. (In Russ.) EDN: VHYMNH

Prutsskov, G. (2018). Self-determination of smaller nations in Europe: the case of Catalonia. *International Trends, 16*(3), 113–125. (In Russ.) https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.3.54.6 EDN: ZCLRJR

Сведения об авторе:

Прутцков Григорий Владимирович, доктор филологических наук, профессор, Институт медиа, факультет креативных индустрий, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. ORCID: 0009-0006-8259-3031; SPIN-код: 1395-5983. E-mail: gpruttskov@hse.ru

Bio note:

Grigory V. Pruttskov, Doctor of Philological Sciences, Professor, Institute of Media, Faculty of Creative Industries, HSE University, 20 Myasnitskaya St, Moscow, 101000, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-8259-3031; SPIN-code: 1395-5983. E-mail: gpruttskov@hse.ru

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 749–761
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

ИИ В МЕДИА: ПРОИЗВОДСТВО, ЭТИКА, ВОСПРИЯТИЕ
AI IN MEDIA: PRODUCTION, ETHICS, PERCEPTION

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-749-761
EDN: DLDOGG
УДК 004.8:001.81

Научная статья / Research article

Искусственный интеллект и человек: сравнительный анализ научных обзорных текстов

М.Л. Поляков[1, 2]

[1]*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*
[2]*Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*
✉polyakov-ml@ranepa.ru

Аннотация. Представлено экспериментальное сравнение качества научных обзорных текстов, созданных человеком и тремя большими языковыми моделями (ChatGPT-4o, Gemini Flash 2.0, T-Lite) – технологиями, которые сегодня чаще всего обозначаются как искусственный интеллект (ИИ). В условиях стремительного внедрения ИИ в академическую среду проблема различения или неразличимости машинных и человеческих текстов становится критически важной. В исследовании были сгенерированы три обзора по теме «Развитие методов глубинного обучения» (20 тыс. знаков каждый) и сравнены с фрагментом диссертации автора того же объема, а также с текстом, стилизованным под научный обзор. Оценка проводилась четырьмя экспертами – специалистами в области ИИ – и тремя языковыми моделями. Результаты показали, что текст, сгенерированный Gemini Flash 2.0, занял первое место по сумме баллов у обеих групп оценщиков, текст, написанный человеком, – третье. Эксперты оценили вероятность машинного происхождения человеческого текста в 78 %, то есть не смогли уверенно идентифицировать его. Гипотеза о превосходстве человеческого текста и возможности его однозначного распознавания не подтвердилась. Сделан вывод о том, что современные системы ИИ способны создавать научные обзоры, сопоставимые по качеству с человеческими текстами и трудно отличимые от них. Данное обстоятельство обусловливает необходимость пересмотра подходов к академическому письму и рецензированию.

Ключевые слова: ИИ, большие языковые модели, large language models, научный текст, академическое письмо, эксперимент, идентификация авторства

© Поляков М.Л., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Уведомление об использовании искусственного интеллекта. При написании статьи использовалась Perplexity – поисковая система и чат-бот на базе искусственного интеллекта. Система помогала подбирать источники и сделала часть рутинного перевода таблиц и аннотации к статье с русского на английский, а также систематизировала список источников. Эти части текста были отредактированы автором, найденные источники проверены.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 2 марта 2026 г.; отрецензирована 13 марта 2026 г.; принята к публикации 31 марта 2026 г.

Для цитирования: *Поляков М.Л.* Искусственный интеллект и человек: сравнительный анализ научных обзорных текстов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 749–761. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-749-761 EDN: DLDOGG

Artificial Intelligence and Human: A Comparative Analysis of Scientific Review Articles

Maksim L. Polyakov[1, 2]

[1]*The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation*
[2]*MGIMO University, Moscow, Russian Federation*
✉polyakov-ml@ranepa.ru

Abstract. This article presents an experiment comparing the quality of scientific review articles written by humans and by three large language models (LLM) – ChatGPT-4o, Gemini Flash 2.0, T-Lite – technologies commonly referred to as artificial intelligence (AI). As AI is rapidly integrated into academia, the issue of distinguishing between machine-generated and human-written texts is becoming critical. The author generated three review articles on the topic "Development of deep learning methods" (20,000 characters each) and compared them with a fragment of his own PhD thesis of the same length, as well as with a "mock" text imitating a scientific review. Four AI domain experts and three LLMs served as evaluators. The results showed that the text generated by Gemini Flash 2.0 ranked first in total scores for both groups of evaluators, while the human-written text ranked third. Experts assigned a 78% probability to the hypothesis that the human text was machine-generated, indicating that they could not reliably identify it as human-authored. The hypothesis that the human text would outperform the LLM texts and be unambiguously identifiable was not supported. The article concludes that modern AI systems can produce scientific reviews comparable in quality to those written by humans and that are difficult to distinguish from them, necessitating a revision of academic writing and peer review practices.

Keywords: AI, large language models, scientific text, academic writing, experiment, authorship identification

Declaration of Artificial Intelligence. In preparing this manuscript, the author used Perplexity AI (an AI-powered search engine) as an auxiliary tool. The system was employed for preliminary academic source retrieval, organization of the bibliographic list, and draft translation of tables and the abstract from Russian into English. The author emphasizes that artificial intelligence is

not a co-author of this work. All texts generated or processed with the assistance of AI were carefully edited, fact-checked, and critically reviewed by the author. The author bears full responsibility for the accuracy, integrity, and originality of the material presented.

Conflicts of interest. The author declares no conflict of interest.

Article history: submitted March 2, 2026; revised March 13, 2026; accepted March 31, 2026.

For citation: Polyakov, M.L. (2026). Large Language Models and Human Authors: A Comparative Analysis of Scientific Review Articles. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 749–761. (In Russ.) http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-749-761 EDN: DLDOGG

Введение

Большие языковые модели (Large Language Models, LLM) стали подрывной инновацией (по К. Кристенсену[1]) в академическом письме. Они меняют технологию создания текстов, скорость их написания и объемы публикаций. С 2023 г. исследователи фиксируют рост числа работ, написанных с применением генеративных моделей. Исследование, проведенное в Стэнфордском университете (Stanford University)*, показало следующее: системный анализ 1,1 млн препринтов и публикаций (arXiv, bioRxiv, Nature portfolio, 2020–2024 гг.) выявил рост LLM-модифицированного контента – до 22 % в компьютерных науках (аннотации и введения) и 7,7–9 % в математике. По мнению исследователей, не менее 13,5 % аннотаций 2024 г. на перечисленных платформах созданы или существенно переработаны с помощью LLM; речь идет примерно о 200 тыс. статей. LLM-тексты значительно чаще встечаются в аннотациях, введениях, обзорах литературы и выводах, в отличие от разделов, описывающих методы и эксперименты (Liang et al., 2025).

Количественное исследование, проведенное учеными Корнеллского университета (Cornell University) и Университета Беркли (The University of California, Berkeley)*, охватившее 2 млн препринтов на ресурсе arXiv с января 2018 по июнь 2024 г., выявило относительный рост доли ИИ-текстов на 36–60 % начиная с 2023 г. (Kusumegi et al., 2025). Исследования также показывают, что языковые модели способны генерировать идеи научных работ, превосходящие по новизне, яркости, осуществимости и результативности идеи ученых (Si et al., 2024).

В русскоязычной академической среде пока преобладают обзорные статьи о применении LLM в академических целях, а также о методических и этических проблемах взаимодействия с языковыми моделями[2] (Гасанова, Романова, 2024;

[1] *Кристенсен К.М.* Дилемма инноватора: как из-за новых технологий погибают сильные компании / пер. с англ. Т. Овсенева. М. : Альпина паблишер, 2019. С. 31.

[2] См.: *Баранников К.А., Добрякова М.С., Новикова Е.Г., Тен Н.Г.* Искусственный интеллект и высшее образование: возможности, практики и будущее. URL: https://education.yandex.ru/aihighreport (дата обращения: 12.02.2026); Белая книга этики в сфере искусственного интеллекта / под ред. А.В. Незнамова. М. : Nova Creative Group, 2024. 200 с. URL: https://ethics.a-ai.ru/white-book/reader/ (дата обращения: 12.02.2026).

* Организация, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Гельман, 2025; Кузьменко, 2025; Сысоев, 2024). Исследователи подчеркивают, что несмотря на продуктивность, использование LLM приводит к снижению разнообразия стиля и сложности текстов, а также требует обязательной экспертной оценки качества (Тимохов, 2025). Параллельно с этим в российской науке формируется исследовательская традиция, осмысляющая трансформацию медиа под воздействием ИИ. Так, в коллективной монографии «Искусственный интеллект в развитии медиа» (Мухина, Олешко, 2026) представлен широкий спектр подходов – от технологических до этических. Автор данной статьи участвовал в обсуждении этих проблем при подготовке теоретического обоснования изменений в журналистике (Волкова и др., 2024).

Настоящее исследование переводит проблематику LLM в практическую область сравнительного анализа текстов. Одна из ключевых проблем, возникающих с появлением и публикацией LLM-текстов, – неясность различий в качестве между сгенерированными текстами и текстами, написанными человеком, а также отсутствие общепринятых в академическом сообществе экспертных, этических и технологических подходов к оценке развития технологии генерации наукообразных текстов.

Цель – сравнить обзорные научные тексты, написанные человеком и машиной, с помощью специалистов в предметной области и самих языковых моделей. Гипотеза исследования состояла в том, что LLM-тексты содержат стилистические и содержательные отличия, которые позволят экспертам и языковым моделям выявить их и отличить от текстов человека. Наоборот, текст, написанный человеком, будет выделяться своим качеством среди текстов, созданных машинами. Для достижения цели решались следующие задачи: составление с помощью трех разных LLM списка книг с краткими аннотациями для дальнейшей работы над обзорной частью статьи; написание, компиляция и агрегация трех обзоров; сравнение синтезированных обзоров с обзором, написанным только человеком, с применением машинного анализа и экспертной оценки текстов специалистами по предметной области.

Материалы и методы

Материалом для анализа послужили пять текстов: текст, написанный человеком, три обзорных текста, созданных при помощи LLM, и один контрольный текст-имитация, также сгенерированный LLM[3].

Текст, написанный человеком, представлял собой фрагмент диссертации «Трансформация медиарынка под воздействием цифровых платформ в России»[4], посвященный развитию методов глубинного обучения. Текст был написан автором данной статьи в 2023 г., его объем – 20 тыс. знаков (с пробелами). Текст сопровождался списком из 30 источников.

[3] Все тексты доступны по ссылке: https://drive.google.com/file/d/1xoBo6-DQ3V7TCL2ZTgAVPBfcBYZsCgeJ/view?usp=drivesdk

[4] *Поляков М.Л.* Трансформация медиарынка под воздействием цифровых платформ в России : дис. ... канд. филол. наук [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. М. : РУДН, 2024. 237 с.

Три ИИ-текста – обзор научных публикаций на тему «Развитие методов глубинного обучения» с момента зарождения этой технологии до настоящего времени – каждый объемом 20 тыс. знаков. Для создания обзоров использовались три большие языковые модели: ChatGPT-4o (OpenAI), Gemini Flash 2.0 (Google), T-Lite (Т-Банк, версия 2025 г.). При создании каждого из трех текстов использовался одинаковый набор из семи последовательных промптов, после каждого из которых следовал этап минимального редактирования (исправление орфографических ошибок, унификация шрифтов; смысл текста не менялся). Процедура включала следующие этапы: создание списка из 20 книг, статей, исследований по теме; хронологическая систематизация материала; обзор каждого периода; редактирование и компиляция обзоров в единый текст; установление связи между научными открытиями и их применением в индустрии; добавление цитат; составление списка литературы по академическим требованиям.

После генерации тексты были проверены на наличие явных логических ошибок и несуществующих источников. В трех случаях (ChatGPT-4o, Gemini Flash 2.0, T-Lite) библиографические записи оказались корректными; текст-имитация содержал вымышленные ссылки на книги Дж.К. Роулинг, что было оставлено намеренно как часть экспериментального замысла.

Пятый контрольный текст представлял собой развернутый пересказ книг Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере того же объема, оформленный в соотвествии с требованиями ГОСТа. После его написания с помощью той же LLM имя «Гарри Поттер» было заменено на «искусственный интеллект», а «Волан-де-Морт» – на «методы глубинного обучения» по всему тексту, кроме списка литературы. Объем и оформление текста полностью повторяли три предыдущих обзора (табл. 1).

Все пять текстов были анонимизированы и представлены для анализа четырем специалистам Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС). Трое из них – сотрудники Исследовательского центра искусственного интеллекта Института общественных наук РАНХиГС, один – преподаватель цифровых дисциплин (без указания на бывшую должность в технокомпании). Имена участников не раскрываются по этическим соображениям.

Эксперты были проинформированы, что среди предложенных текстов есть созданные языковыми моделями. Им было предложено оценить качество этих текстов, используя семь критериев, по 10-балльной шкале для каждого критерия. Критерии оценивания: глубина обзора; логика изложения; кругозор автора; академичность и качество письма; описание связи с индустриальным применением; уместное цитирование ключевых исследователей в области; оформление ссылок в соответствии с академическими стандартами. Кроме того, эксперты могли оставлять комментарии в свободной форме.

Тексты также были оценены тремя языковыми моделями: GigaChat (версия 2025), ChatGPT-4o, Gemini Flash 2.0. Каждый текст загружался в отдельной сессии (новом чате) для исключения влияния предыдущих оценок. Ответы моделей фиксировались вручную.

Таблица 1. **Авторство текстов для анализа и время на их создание**

№ п/п	Авторство	Тема	Методы, способы письма	Объем в знаках	Доля машинного текста, %	Количество источников	Время написания, ч
1	М.Л. Поляков (фрагмент диссертации канд. филол. наук)	Развитие методов глубинного обучения	Авторский анализ, письмо, компиляция	20 000	0	30	80–100
2	Chat GPT 4o + редактор	Развитие методов глубинного обучения	Синтез, компиляция	20 000	98	20	1
3	Gemimi Flash 2.0 + редактор	Развитие методов глубинного обучения	Синтез, компиляция	20 000	98	22	1
4	T-Lite + редактор	Развитие методов глубинного обучения	Синтез, компиляция	20 000	98	19	1
5	Chat GPT 4o + редактор	Обзор книги о Гарри Поттере	Синтез, компиляция, мистификация	20 000	98	20	1

Примечание. Под долей машинного текста понимается объем текста, сгенерированного LLM без существенной ручной правки. Тексты после генерации подвергались минимальному форматированию и исправлению очевидных опечаток (менее 2 % от объема).

Источник: составлено М.Л. Поляковым.

Table 1. **Authorship of texts for analysis and time for their creation**

No.	Authorship	Subject	Methods and writing tools	Volume, characters	LLM generated articles, %	Number of sources	Time of writing, hours
1	Maksim L. Polyakov (part of PhD Thesis)	Development of deep learning methods	Analysis, writing, compilation	20,000	0	30	80–100
2	Chat GPT 4o + editor	Development of deep learning methods	LLM synthesis, compilation	20,000	98	20	1
3	Gemimi Flash 2.0 + editor	Development of deep learning methods	LLM synthesis, compilation	20,000	98	22	1
4	T-Lite + editor	Development of deep learning methods	LLM synthesis, compilation	20,000	98	19	1
5	Chat GPT 4o + editor	Review of Harry Potter books	LLM synthesis, compilation	20,000	98	20	1

Note. By share of LLM-generated text is defined the proportion of text generated without substantial manual editing. After generation, the texts underwent only minimal formatting and correction of obvious typos (less than 2% of volume).

Source: compiled by Maksim L. Polyakov.

Все тексты были проверены на оригинальность в системе «Антиплагиат. ВУЗ». Проверка показала, что оригинальность текстов составила 77–80 %. Такой процент объясняется высокой долей общенаучной лексики и цитированием одних и тех же источников; все тексты прошли проверку без признаков недобросовестных заимствований (табл. 2).

Таблица 2. **Общая схема эксперимента, участие людей и языковых моделей**

Модели, эксперты, задачи	Обзор источников	Генерация текста	Оценка и сравнение текстов
Chat GPT-4o	I	I	I
GICA Chat (версия 2025)	0	0	I
Gemimi Flash 2.0	I	I	I
T-Lite	I	I	0
Четыре эксперта	X	X	I

Примечание. I – справилась; 0 – не справилась, X – не использовалась.

Источник: составлено М.Л. Поляковым.

Table 2. **Overall experimental design: Involvement of human participants and LLMs**

LLMs, experts	Sources review	Text generation	Evaluation and comparison of texts
Chat GPT-4o	I	I	I
GICA Chat (version 2025)	0	0	I
Gemimi Flash 2.0	I	I	I
T-Lite	I	I	0
Four Experts	X	X	I

Note. I – handled it; 0 – failed; X – not used.

Source: compiled by Maksim L. Polyakov.

По итогам опроса, проведенного среди четырех специалистов, первое место по сумме баллов занял текст, написанный при помощи модели Gemini Flash 2.0 (167 баллов из 280 возможных). На втором месте – ChatGPT-4o (145 баллов), третье место занял текст, написанный человеком (120 баллов), четвертое – текст T-Lite (106). Последнее место у контрольного текста о книгах о Гарри Поттере, написанного ChatGPT-4o (39). Один из экспертов (читатель 1) в опросе поставил текст-имитацию на второе-третье место (табл. 3).

Таблица 3. **Результаты оценивания текстов четырьмя экспертами**

Автор текста	Читатель 1	Читатель 2	Читатель 3	Читатель 4	Итог, макс. 280	Места
М.Л. Поляков	6	25	41	48	120	3
Chat GPT-4o	10	37	42	56	145	2
Gemimi Flash 2.0	6	48	51	62	167	1
T-Lite	7	18	41	40	106	4
Chat GPT-4o, текст-имитация	7	13	12	7	39	5

Источник: составлено М.Л. Поляковым.

Table 3. **Results of text evaluation by four experts**

Author's text	Reader 1	Reader 2	Reader 3	Reader 4	Total, max. 280	Rating
Maksim L. Polyakov	6	25	41	48	120	3
Chat GPT-4o	10	37	42	56	145	2
Gemimi Flash 2.0	6	48	51	62	167	1
T-Lite	7	18	41	40	106	4
Chat GPT-4o, control text	7	13	12	7	39	5

Source: compiled by Maksim L. Polyakov.

По результатам оценки текстов, проведенной тремя языковыми моделями, наибольшее число баллов набрал текст, сгенерированный Gemini Flash 2.0 (178 баллов из 210 возможных), второе место занял T-Lite (174 балла), третье – текст, написанный человеком (162 балла), четвертое – текст ChatGPT-4o (161 балл), пятое (последнее) – текст-имитация (79 баллов) (табл. 4).

При оценке текста GigaChat дала следующий комментарий: «Текст 3 (сгенерированный Gemini Flash 2.0) сосредоточен на этапах развития глубинного обучения с упором на ранние работы и зарождение этой области. Здесь также встречаются ссылки на научные источники и имена исследователей, что *свидетельствует о том, что текст написан человеком*».

Таблица 4. **Результаты оценивания текстов языковыми моделями**

Автор текста	Gemini Flash 2.0	Chat GPT-4o	Giga Chat	Итог, макс. 210	Места
М.Л. Поляков	58	53	51	162	3
Chat GPT-4o	46	60	55	161	4
Gemimi Flash 2.0	68	52	58	178	1
T-Lite	53	63	58	174	2
Chat GPT, текст-имитация	13	55	11	79	5

Источник: составлено М.Л. Поляковым.

Table 4. **Results of text evaluation by language models**

Author's text	Gemini Flash 2.0	Chat GPT-4o	Giga Chat	Total, max. 210	Rating
Maksim L. Polyakov	58	53	51	162	3
Chat GPT 4o	46	60	55	161	4
Gemimi Flash	68	52	58	178	1
T-Lite	53	63	58	174	2
Chat GPT 4o, control text	13	55	11	79	5

Source: compiled by Maksim L. Polyakov.

Ответ на вопрос экспертов, какова вероятность, что текст был написан с помощью машинного письма, выявил, что контрольный текст все расценили как наиболее вероятный машинный (90 %). Вторым по вероятности оказался

текст модели T-Lite (81 %). Третье место занял текст, написанный человеком (78 %), четвертое – текст ChatGPT-4o (65 %), самая низкая вероятность – у текста модели Gemini Flash 2.0 (59 %) (табл. 5).

Таблица 5. **Экспертная оценка экспертами вероятности, что текст написан LLM**

Текст	Вероятность использования LLM, %	Места в списке кандидатов на машинное письмо
М.Л. Поляков	78	3
Chat GPT-4o	65	4
Gemimi Flash 2.0	59	5
T-Lite	81	2
Chat GPT, текст-имитация	90	1

Источник: составлено М.Л. Поляковым.

Table 5. **Expert assessment of the probability of LLM authorship**

Text	Probability of using LLM, %	Rating for the most generated text
Maksim L. Polyakov	78	3
Chat GPT-4o	65	4
Gemimi Flash 2.0	59	5
T-Lite	81	2
Chat GPT, control text	90	1

Source: compiled by Maksim L. Polyakov.

Сочетание результатов этого вопроса с общей оценкой качества письма выявило лидера у всех групп оценщиков – текст, сгенерированный с помощью Gemini Flash 2.0. Текст, написанный человеком (автором этой статьи), занял третье место по всем системам оценивания, то есть не был идентифицирован как человеческий ни экспертами, ни языковыми моделями (табл. 6).

Представленная выборка из пяти текстов и небольшое число экспертов могут показаться недостаточными для глубоких выводов, однако уровень экспертов – специалистов по ИИ – и качество использованных текстов позволяют это сделать. Гипотеза о том, что текст человека может быть идентифицирован специалистами в предметной области среди сходных LLM-текстов, выдвинутая в начале исследования, не подтвердилась. Последовательный промптинг и минимальное редактирование позволяют создавать LLM-тексты, близкие к человеческим по стилю и глубине проработки; они устанавливают связи между теорией и практикой, содержат оригинальные идеи. Эти тексты практически неотличимы для эксперта от текстов ученых в предметной области (по крайней мере, в обзорной части исследований) и, как показывает практика, приемлемы в академических целях.

Языковые модели в данном эксперименте также не идентифицировали человеческий текст как заведомо лучший или отличный от машинного: человеческий текст занял третье место в их рейтинге. Исследователи фиксируют стремительный рост научных текстов, предположительно созданных языковыми моделями. LLM уже используются соискателями ученых степеней для перевода, написания введений диссертаций, аннотаций, отдельных фрагментов,

поиска и оформления списка литературы. По мере развития больших языковых моделей и их распространения в академической среде будет расти число полностью или частично сгенерированных текстов.

Таблица 6. **Общий результат оценивания текстов экспертами и языковыми моделями**

Автор текста	Оценка экспертов	Оценка LLM	Итог, макс 490	Место в рейтинге
М.Л. Поляков	120	162	282	3
Chat GPT-4o	145	161	306	2
Gemimi Flash 2.0	167	178	345	1
T-Lite	106	174	280	4
Chat GPT-4o, текст-имитация	39	79	118	5

Источник: составлено М.Л. Поляковым.

Table 6. **Results of text evaluation by human experts and language models**

Author's text	Expert assessment	LLM assessment	Total, max 490	Rating
Maksim L. Polyakov	120	162	282	3
Chat GPT 4o	145	161	306	2
Gemimi Flash	167	178	345	1
T-Lite	106	174	280	4
Chat GPT-4o, control text	39	79	118	5

Source: compiled by Maksim L. Polyakov.

Многие наукометрические платформы (Scopus, Web of Science) и образовательные организации (UCLA, Ivy League, НИУ ВШЭ, РАНХиГС) разработали и ввели кодексы этики и инструкции по использованию ИИ. Научные журналы вводят процедуру обязательной проверки текстов не только на плагиат, но и на наличие машинного текста; опубликован обзор таких практик (Park, 2023). Для этой цели используются специализированные сервисы проверки машинных текстов, такие как Turnitin, ZeroGPT, GigaCheck, Copyleaks AI Detector, Originality.ai. Однако эти меры не смогут остановить лавинообразный рост потока машинных текстов, так как появилось множество языковых моделей, созданных специально для обхода детекторов искусственно сгенерированных текстов. Этот процесс называется гуманизацией текста.

В академическом сообществе сегодня нет единого мнения о месте LLM в науке. Одни теоретики, например Ноам Хомски, предупреждают о фундаментальных ограничениях языковых моделей и невозможности их сравнения с человеческим разумом[5]. Другие предлагают гибридные модели взаимодействия, в которых ИИ дополняет, но не заменяет исследователя[6] (Marcus, 2025).

[5] *Chomsky N.* Noam Chomsky: The False Promise of ChatGPT // The New York Times. 2023. March 8. Available from: https://www.nytimes.com/2023/03/08/opinion/noam-chomsky-chatgpt-ai.html (accessed: 12.02.2026).

[6] *Marcus G.* How o3 and Grok 4 accidentally vindicated neurosymbolic AI. 2025. July 13. Available from: https://garymarcus.substack.com/p/how-o3-and-grok-4-accidentally-vindicated (accessed: 12.02.2026).

Третьи, которых можно назвать «евангелистами» ИИ (Idris et al., 2024), выступают за глубокую интеграцию LLM в академическую среду, делая акцент на новых метриках качества, этических кодексах и совместных проектах человека и машины.

Заключение

Технологии ИИ произвели прорыв в области академического письма, прежде всего в подготовке обзоров литературы, генерации исследовательских идей и написании черновиков текстов. Этот прорыв, как показывает проведенный эксперимент, не означает автоматического замещения человека в исследовательском процессе, но существенно расширяет его возможности. Однако он требует пересмотра сложившихся процедур подготовки, рецензирования и защиты академических работ. Роль университетов и классическая система обучения также должны претерпеть кардинальные изменения. Упор в образовании и в научных исследованиях, вероятно, сместится в сторону практических занятий и экспериментальных форматов, подобных представленному в данной статье. Вместо простой трансляции знаний и оценки навыков компиляции чужих текстов, приоритетом станет способность формулировать исследовательские вопросы, критически оценивать результаты, полученные с помощью LLM, и выстраивать с ними продуктивный диалог.

Сторонники глубокой интеграции ИИ в науку полагают, что университеты могут стать центрами инноваций, где генерация и проверка гипотез происходят в тесном сотрудничестве с LLM. Прозрачное раскрытие факта использования ИИ должно стать обязательной частью методологии научного исследования. В перспективе вероятно появление открыто декларируемых гибридных научных текстов, требующих специального раздела о вкладе человека (human contribution statement). Возможен также переход к микропубликациям гипотез или к публикации наборов данных (вместо традиционных длинных статей).

Независимо от конкретных сценариев, ясно одно: академическое сообщество уже не сможет игнорировать присутствие LLM. Задача ближайших лет – выработать сбалансированные нормы, которые позволят использовать мощь генеративного ИИ, не разрушая при этом доверия к научному знанию и не обесценивая подлинно человеческого вклада – критического мышления, творческой интуиции и этической ответственности.

Список литературы

Волкова И.И., Поляков М.Л., Морева А.Н. Журналистика в эпоху искусственного интеллекта: к проблеме теоретического обоснования // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы : материалы XV Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 19 ноября 2024 г. М. : РУДН, 2024. Т. 1. С. 280–284.

Гасанова Р.Р., Романова Е.А. Искусственный интеллект в высшей школе: проблемы, возможности, риски // Вестник РУДН. Серия: Информатизация образования. 2024. № 4. С. 501–515. https://doi.org/10.22363/2312-8631-2024-21-4-501-515 EDN: SLOHPH

Гельман В.Я. Использование систем генеративного искусственного интеллекта ChatGPT при написании научных статей // Информатизация образования и науки. 2025. № 1(65). С. 79–86. EDN: OQOQDE

Искусственный интеллект в развитии медиа : монография / ред. О.С. Мухина, В.Ф. Олешко. Екатеринбург : Урал. федерал. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2026. 459 с. EDN: CULSKN

Кузьменко М.В. Искусственный интеллект в исследовательской деятельности и академическом письме: аналитический обзор направлений и ограничений применения // Непрерывное образование: XXI век. 2025. Т. 13. № 3. С. 22–42. http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2025.10846 EDN: HKOHBK

Сысоев П.В. Этика и ИИ-плагиат в академической среде: понимание студентами вопросов соблюдения авторской этики и проблемы плагиата в процессе взаимодействия с генеративным искусственным интеллектом // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 2. С. 31–53. https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53 EDN: VTAIUO

Тимохов А.Д. Сравнительный анализ генерации заголовков к научным работам на русском и английском языках с использованием больших языковых моделей // Litera. 2025. № 5. С. 297–319. https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.5.74592 EDN: QFSGSS

Idris M.D., Feng X., Dyo V. Revolutionising higher education: unleashing the potential of large language models for strategic transformation // IEEE Access. 2024. Vol. 12. P. 67738–67757. https://doi.org/10.1109/ACCESS.2024.3400164

Kusumegi K., Yang X., Ginsparg P., de Vaan M., Stuart T., Yin Y. Scientific production in the era of large language models // Science. 2025. Vol. 390. No. 6779. P. 1240–1243. https://doi.org/10.1126/science.adw3000

Liang W., Zhang Y., Wu Z., Lepp H., Ji W., Zhao X., Cao H., Liu S., He S., Huang Z., Yang D., Potts C., Manning C.D., Zou J. Quantifying large language model usage in scientific papers // Nature Human Behaviour. 2025. Vol. 9. P. 2599–2609. https://doi.org/10.1038/s41562-025-02273-8

Park S.H. Use of Generative artificial intelligence, including large language models such as ChatGPT, in scientific publications: policies of *KJR* and prominent authorities // Korean Journal of Radiology. 2023. Vol. 24. No. 8. P. 715–718. https://doi.org/10.3348/kjr.2023.0643

Si C., Yang D., Hashimoto T. Can LLMs generate novel research ideas? A large-scale human study with 100+ NLP researchers // arXiv:2409.04109 [cs.CL]. 2024. https://doi.org/10.48550/arXiv.2409.04109

References

Gasanova, R.R., & Romanova, E.A. (2024). Artificial intelligence in higher education: problems, opportunities, risks. *RUDN Journal of Informatization in Education, 21*(4), 501–515. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2312-8631-2024-21-4-501-515 EDN: SLOHPH

Gelman, V.Ya. (2025). Using ChatGPT generative artificial intelligence systems in writing scientific papers. *Informatization of Education and Science,* (1), 79–86. (In Russ.) EDN: OQOQDE

Idris, M.D., Feng, X., & Dyo, V. (2024). Revolutionising higher education: unleashing the potential of large language models for strategic transformation. *IEEE Access, 12,* 67738–67757. https://doi.org/10.1109/ACCESS.2024.3400164

Kuzmenko, M.V. (2025). Artificial intelligence in research and academic writing: an analytical review of application domains and limitations. *Lifelong Education: The 21st Century, 13*(3), 22–42. (In Russ.) http://dx.doi.org/10.15393/j5.art.2025.10846 EDN: HKOHBK

Kusumegi, K., Yang, X., Ginsparg, P., de Vaan, M., Stuart, T., & Yin, Y. (2025). Scientific production in the era of large language models. *Science, 390*(6779), 1240–1243. https://doi.org/10.1126/science.adw3000

Liang, W., Zhang, Y., Wu, Z., Lepp, H., Ji, W., Zhao, X., Cao, H., Liu, S., He, S., Huang, Z., Yang, D., Potts, C., Manning, C.D., & Zou, J. (2025). Quantifying large language model usage in scientific papers. *Nature Human Behaviour, 9*, 2599–2609. https://doi.org/10.1038/s41562-025-02273-8

Mukhina, O.S., & Oleshko, V.F. (Eds.) (2026). *Artificial Intelligence in Media Development*. Ural Federal University Publ. (In Russ.) EDN: CULSKN

Park, S.H. (2023). Use of generative artificial intelligence, including large language models such as ChatGPT, in scientific publications: policies of *KJR* and prominent authorities. *Korean Journal of Radiology*, *24*(8), 715–718. https://doi.org/10.3348/kjr.2023.0643

Si, C., Yang, D., & Hashimoto, T. (2024). Can LLMs generate novel research ideas? A large-scale human study with 100+ NLP researchers. *arXiv:2409.04109* [cs.CL]. https://doi.org/10.48550/arXiv.2409.04109

Sysoyev, P.V. (2024). Ethics and AI-plagiarism in an academic environment: students' understanding of compliance with author's ethics and the problem of plagiarism in the process of interaction with generative artificial intelligence. *Higher Education in Russia, 33*(2), 31–53. (In Russ.) https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-2-31-53 EDN: VTAIUO

Timokhov, A.D. (2025). Cross-linguistic analysis of llm performance in academic title generation. *Litera,* (5)*,* 297–319. (In Russ.) https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.5.74593 EDN: QFSGSS

Volkova, I.I., Polyakov, M.L., & Moreva, A.N. (2024). Journalism in the era of artificial intelligence: towards a theoretical framework. In *Mass Media in a Multipolar World: Problems and Prospects: Proceedings of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference, November 19, 2024, Moscow* (Vol. 1, pp. 280–284). RUDN University Publ. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Поляков Максим Львович, кандидат филологических наук, доцент кафедры интегрированных коммуникаций, автор-разработчик магистратуры «Цифровые коммуникации и новые медиа», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Российская Федерация, 119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82; профессор кафедры международной журналистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, д. 76. ORCID: 0000-0001-6110-7045; SPIN-код: 8775-1156. E-mail: polyakov-ml@ranepa.ru

Bio note:

Maksim L. Polyakov, PhD in Philology, Associate Professor, Author and Developer Master Program *Digital Communications and New Media*, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82 Vernadsky Ave, Moscow, 119571, Russian Federation; Professor of International Journalism Department, MGIMO University, 76 Vernadsky Ave, Moscow, 119454, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6110-7045; SPIN-code: 8775-1156. E-mail: polyakov-ml@ranepa.ru

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 762–773
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-762-773
EDN: EHDEZN
УДК 070.449:004.8

Научная статья / Research article

Троллинг чат-ботов как реакция на нейрокомментинг и индикатор кризиса интерактивности

О.С. Мухина, В.Ф. Олешко, Е.В. Олешко

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация
olga.mukhina@urfu.ru

Аннотация. Проанализирован нейрокомментинг – актуальный и пока недостаточно изученный феномен, появившийся в пользовательском интернет-пространстве. Растущая популяризация искусственного интеллекта и нежелание большинства пользователей коммуницировать с ботами обусловливает необходимость проводить самостоятельный «тест Тьюринга» для выявления авторства ботов. Попытки такого тестирования приводят к появлению другого необычного феномена: троллинга ботов людьми. На основе анализа 287 комментариев ботов из десяти чатов были классифицированы комментарии ботов и реакции на них пользователей. Представлены краткая периодизация развития нейрокомментинга и варианты целей заказчиков данной услуги. Полученные результаты демонстрируют, что четверть пользователей склоняется к игнорированию ботов. Большинство (38 %) тех, кто отвечает ботам, хочет быть информированным о том, кто робот, а кто человек. Каждая третья реакция эмоциональна и представляет собой троллинг ботов, каждая пятая – содержит требование заблокировать бота. Однако лишь немногие пользователи (7 %) готовы к коммуникации с роботами. Вероятно, в ближайшем будущем, если владельцы платформ не разработают эффективную систему фильтрации ботов, мы придем либо к полноценной коммуникации между людьми и ботами, либо к потере интерактивности как важной составляющей современной медиасистемы.

Ключевые слова: тест Тьюринга, кризис медиасистемы, пользовательский контент, фильтрация контента, генеративный искусственный интеллект, коммуникация человека и ИИ

Вклад авторов. Концептуализация, методология, исследование (сбор и анализ данных), написание текста – О.С. Мухина; концептуализация, валидация (проверка данных), доработка и редактирование – В.Ф. Олешко; исследование (сбор и анализ данных) – Е.В. Олешко. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Мухина О.С., Олешко В.Ф., Олешко Е.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

История статьи: поступила в редакцию 21 января 2026 г.; отрецензирована 27 февраля 2026 г.; принята к публикации 11 мая 2026 г.

Для цитирования: *Мухина О.С., Олешко В.Ф., Олешко Е.В.* Троллинг чат-ботов как реакция на нейрокомментинг и индикатор кризиса интерактивности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 762–773. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-762-773 EDN: EHDEZN

Trolling of Chatbots as a Response to Neurocommenting and an Indicator of the Crisis of Interactivity

Olga S. Mukhina ✉, Vladimir F. Oleshko, Eugene V. Oleshko

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation
✉olga.mukhina@urfu.ru

Abstract. This article examines neurocommenting – a contemporary and insufficiently studied phenomenon emerging in online user environments. The growing popularization of artificial intelligence and the reluctance of most users to communicate with bots necessitate conducting informal "Turing tests" to identify robotic authorship. Such attempts lead to another unusual phenomenon: users trolling chatbots. Based on an analysis of 287 bot comments from ten chats, bot comments and user reactions to them were classified. A brief periodization of neurocommenting development and various objectives of clients commissioning this service are presented. The results demonstrate that a quarter of users tend to ignore bots. The majority (38%) of those who respond to bots wish to know who is a robot and who is human. Every third reaction is emotional and constitutes trolling of the bot; every fifth contains a demand to block the bot. However, only a small minority (7%) are willing to communicate with robots. It is likely that in the near future, if platform owners do not develop effective anti-bot filtering systems, we will arrive at either full-fledged human-bot communication or the loss of interactivity as a crucial component of the modern media system.

Keywords: Turing test, media system crisis, user-generated content, content filtering, generative artificial intelligence, human-AI communication

Author contributions. Conceptualization, methodology, investigation (data collection & analysis), writing – original draft – Olga S. Mukhina; conceptualization, validation (data verification), writing – review & editing – Vladimir F. Oleshko; investigation (data collection & analysis) – Eugene V. Oleshko. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted January 21, 2025; revised February 27, 2026; accepted May 11, 2026.

For citation: Mukhina, O.S., Oleshko, V.F., & Oleshko, E.V. (2026). Trolling of Chatbots as a Response to Neurocommenting and an Indicator of the Crisis of Interactivity. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 762–773. (In Russ.) http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-762-773 EDN: EHDEZN

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) стремительно эволюционирует. Новым трендом в пользовательском интернет-пространстве становится нейрокомментинг: специально настроенные ИИ-боты автоматически реагируют на посты, в режиме 24/7 публикуя комментарии, которые уже сложно отличить от написанных человеком. Чат-боты имитируют человеческий разговор, а люди используют их для повышения своей заметности и онлайн-влияния (Федоров, 2025). По разным данным, уже 10–20 % комментариев в чатах создаются ботами, даже в нишевых каналах от 1000 подписчиков[1]. Перед владельцами медийных площадок и перед обычными пользователями возникает проблема: потребность выявления сообщений, сгенерированных роботами. Как верно отмечают исследователи, может возникнуть необходимость в своеобразном «тесте Тьюринга» с собеседником (Новицкая, 2025): тесте, который определяет, с кем веется диалог – с человеком или машиной.

Первые пользовательские попытки проводить подобные тесты порождают необычный феномен: в 2025 г. мы назвали его троллингом ботов людьми (Мухина, Олешко, 2025). Интересно, что этот новый вид троллинга имеет черты, кардинально противоположные классическому троллингу.

В традиционном понимании троллинг – это размещение подстрекательских, оскорбительных и неуместных комментариев с целью вызвать отрицательные эмоции собеседника (Штанькова, Галичкина, 2024). В период становления социальных сетей этим обычно занимались ради собственного удовольствия (Hossain et al., 2025), развлечения и удовлетворения эго – часто это были подростки. Позднее цели стали более разнообразными: экономическими, политическими и др. (Fichman, Akter, 2025), а сама деятельность трансформировалась в профессиональную. Однако развлекательная функция и сегодня выделяется в качестве основной, а вместе с ней такие качества троллей, как скука, склонность к психопатии (Lee, 2025) и нарциссизму (Rohmann et al., 2024). Бывают и другие задачи троллинга – провокации конфликтов или, напротив, отвлечение от острых дискуссий (Геворгян, 2024). Чаще всего тролли стараются вывести пользователей из состояния равновесия и вызвать раздражение (Бешкарев, Гурбанова, 2024; Tian et al., 2024). Атмосфера онлайн-пространства при этом становится некомфортной для коммуникации обычных людей (Осокина, 2024). Поэтому стандартными способами борьбы с троллями остаются их игнорирование и строгая модерация (Капшунов, 2023). Традиционно объектом троллинга является человек. Формой выступают провокации в виде оскорблений, сарказма или пародирования, темой – социальная группа, в которой выявляются недостатки. Тональность высказываний обычно утвердительная (Анисимов, Смотрин, 2024).

[1] *Рожков Р.* Что за разговор: как устроен нейрокомментинг в Telegram-каналах // Forbes. 2025. 27 мая. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/537955-cto-za-razgovor-kak-ustroen-nejrokommenting-v-telegram-kanalah (дата обращения: 20.03.2026).

В отношении нового вида троллинга использование данного понятия на первый взгляд кажется неуместным. Ведь основная цель троллинга – вывести из равновесия, вызвать эмоции, а роботы не могут их испытывать. Объектом теперь является бот, а интонации часто вопросительные. Меняется основная задача. Теперь главная цель – выявить бота, чтобы дать модератору основание заблокировать его и коммуницировать в чате только с живыми людьми. Однако форма в виде подстрекательства, сарказма и оскорблений действительно напоминает классический троллинг.

Мы решили изучить феномен нейрокомментинга, делая акцент на возрастающих способностях ИИ-ботов и на реакциях пользователей на них.

Материалы и методы

С декабря 2025 по февраль 2026 г. мы отслеживали десять чатов[2], в которых ИИ-боты систематически размещают комментарии. При отборе чатов для анализа мы опирались преимущественно на данные, которые получили от поставщиков услуг нейрокомментинга: по нашей просьбе они предоставляли нам примеры функционирования своих ИИ-ботов. Два чата («Phase Today Чат» и «Аспиранты УрФУ – чат») уже были нам известны, поскольку их модератором является один из авторов данной статьи.

Мы отслеживали новые публикуемые комментарии, а также искали интересующие нас примеры по истории чатов, собрав таким образом примеры с июля 2023 по февраль 2026 г. Поиск в истории чатов осуществлялся по ключевому слову «бот», а также по именам пользователей, известных как наиболее активные борцы с ботами.

Общее количество найденных нами комментариев превысило 2000. При этом лишь в чате канала «СОБЧАК» по ключевому слову «бот» было обнаружено 1973 примера. Для анализа мы случайным образом выбрали 300 примеров, каждый из которых содержал комментарий бота и чаще всего ответ человека. Из них при детальном анализе мы удалили 13, которые не относились к нашей теме и оказались в выборке ошибочно. Таким образом, мы получили 287 примеров работы ИИ-ботов и реакций на них пользователей.

[2] Рыжий М. – Чат – Telegram* – заблокирован на территории Российской Федерации. URL: https://t.me/redmilliard_chat (дата обращения: 20.01.2026); Светский интроверт – Telegram*. URL: https://t.me/svintrovertchat (дата обращения: 20.01.2026); FuckYourStyle Chat – Telegram*. URL: https://t.me/fvckyourstylechat (дата обращения: 20.01.2026); С вас пять тыщ – Telegram*. URL: https://t.me/fivethousandtopay (дата обращения: 20.01.2026); Ментальные разговоры – Telegram*. URL: https://t.me/+2ap3tsRIHmllNDE6 (дата обращения: 20.01.2026); СОБЧАК – Telegram*. URL: https://t.me/ksbchk (дата обращения: 20.01.2026); Сильно стильно – Telegram*. URL: https://t.me/hipsdonotlie (дата обращения: 20.01.2026); Сорокалетние подростки – Telegram*. URL: https://t.me/krupchat (дата обращения: 20.01.2026); Phase Today Чат – Telegram*. URL: https://t.me/phase_today_ru_chat (дата обращения: 20.01.2026); Аспиранты УрФУ – чат – Telegram*. URL: https://t.me/+y2ssCmcw9e05NDMy (дата обращения: 20.01.2026). * – заблокирован на территории Российской Федерации.

Результаты и обсуждение

Первые упоминания ботов в проанализированных чатах относятся к лету 2022 г. Однако это были боты, рассылающие однотипные сообщения по шаблонам. Они не могли проанализировать пост, к которому относились.

Первые признаки современного нейрокомментинга мы заметили только летом 2023 г. На тот момент это явление было новым. Пользователи относились к нему скорее с любопытством, нежели с раздражением (*Шикарный бот! Классно раскидывает! Как вы такого крутого бота запилили?*). Первых ИИ-ботов несложно было вычислить, и их было немного. Люди не боялись, что останутся без живого общения.

С осени 2024 г. активность ботов в чатах резко выросла. Люди начали демонстрировать негативные эмоции и проверять, бот перед ними или человек, а также отправлять в ответ саркастические комментарии с целью показать окружающим, что они имеют дело с ботом (*О, нищий бот у Павла на канале отрабатывает свои денежки; Здравствуй, бот Петр, который очень рада (в женском роде)*). Это явление мы и назвали троллингом ботов (Мухина, Олешко, 2025).

К концу 2025 г. стало сложнее вычислить бота. Люди все чаще выбирают позицию игнорирования или проверяют кратким вопросом без лишних эмоций: *«Бот?»* С другой стороны, растет количество обращений к администраторам чатов с просьбами заблокировать ботов (*Админ, сделай что-то с ботами. Где модератор?*). Возникает и реальная опасность потери интерактивности как значимого элемента современной медиасистемы, поскольку люди не хотят коммуницировать в чатах, наполненных ботами (*Сколько ботов. Иногда ощущение, что у нас уже мертвый интернет; Ботов настолько много, что стыдно писать реальному человеку*).

Сообщения ботов по содержанию мы разделили на несколько вариантов (рис. 1). Почти половина (47,74 %) сообщений от ИИ-ботов – это комментарии, которые соответствуют содержанию постов и написаны качественно. Такие тексты все сложнее отличить от комментариев реальных людей. Подобные сообщения преследуют одну из двух целей:

1. Самопрезентация и реклама. В таком случае имя бота нередко сразу указывает на род деятельности продавца. Например, *Психолог Марина, Наталья | Астрология | Таро* или *Виктор | Криптотрейдер*. Встречается и более тонкий подход, когда бот назван обычными именем и фамилией – тогда расчет на то, что комментарий спровоцирует пользователей кликнуть на имя автора, а в личном профиле уже содержится информация об услугах и ссылка на канал.

2. Продвижение канала, к посту которого боты пишут комментарии. В таком случае заказчиком является владелец данного канала, и его интерес – в росте числа комментариев и поддержании видимости активности.

Откровенная реклама (*Не знаешь, где брать деньги? Пиши мне*) встречается довольно редко (менее чем в 4 % случаев).

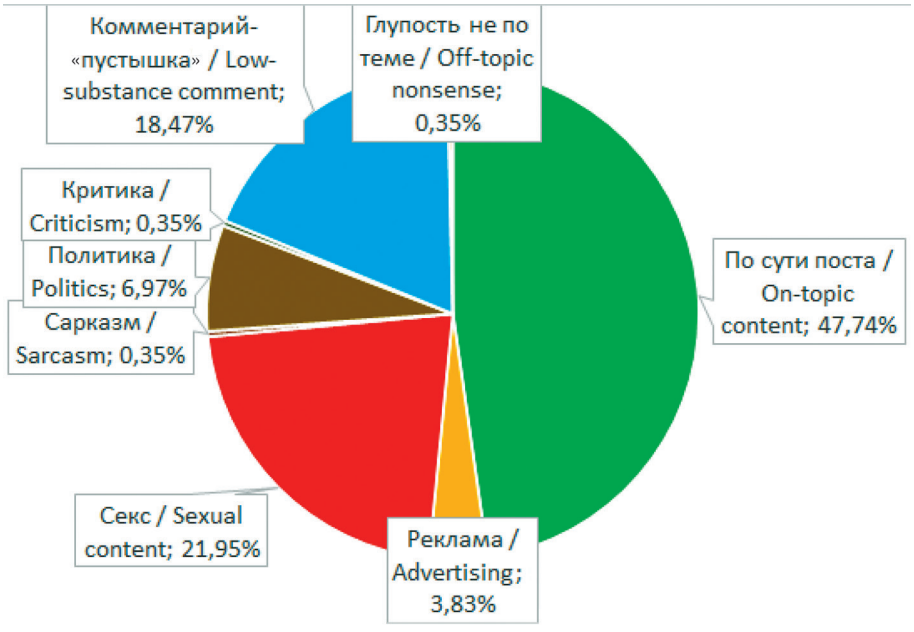

Рис. 1. Сообщения ИИ-ботов по содержанию
Источник: создано О.С. Мухиной, В.Ф. Олешко, Е.В. Олешко.
Figure 1. Classification of AI bot messages by content
Source: created by Olga S. Mukhina, Vladimir F. Oleshko, Eugene V. Oleshko.

Отдельным пунктом мы выделили тему секса. Она проявляется в двух формах: откровенные предложения интимных услуг либо содержательные комментарии по теме поста с эротической или порнографической аватаркой бота. По итогам нашего анализа можно сделать вывод, что продавцы интимных услуг нашли новый метод продаж в лице ИИ-ботов, поскольку каждый пятый комментарий относится к данной категории. Тема политики по сравнению с темой секса несколько менее популярна. Тем не менее почти 7 % комментариев ИИ-ботов преследует конкретные политические цели.

Еще один блок комментариев мы условно назвали «пустышкой», однако в целом это комментарии по теме поста. Однако они бессодержательны, и это говорит о низком качестве выбранной заказчиком нейросети (*Очень в тему; Интересно, спасибо!; Боже! Роскошь!* или даже чуть более развернутый вариант *Интересное исследование, подтверждающее связь психики и сновидений*).

Единичные случаи представляют собой более интересные примеры в виде сарказма или критики поста (*Неужели этот безвкусный оммаж на оверсайз кто-то еще покупает*) или, напротив, некачественные комментарии не по теме поста.

Изредка (в 0,7 % случаев) боты начинают со слов «Я не бот», но чаще всего стараются выглядеть как обычные люди, не упоминая тему ИИ. Большинство (77,7 %) сообщений от ботов влекло за собой и комментарии людей (оставшуюся четверть тоже можно считать реакцией – в виде игнорирования). Эти диалоги мы разделили на четыре категории (рис. 2).

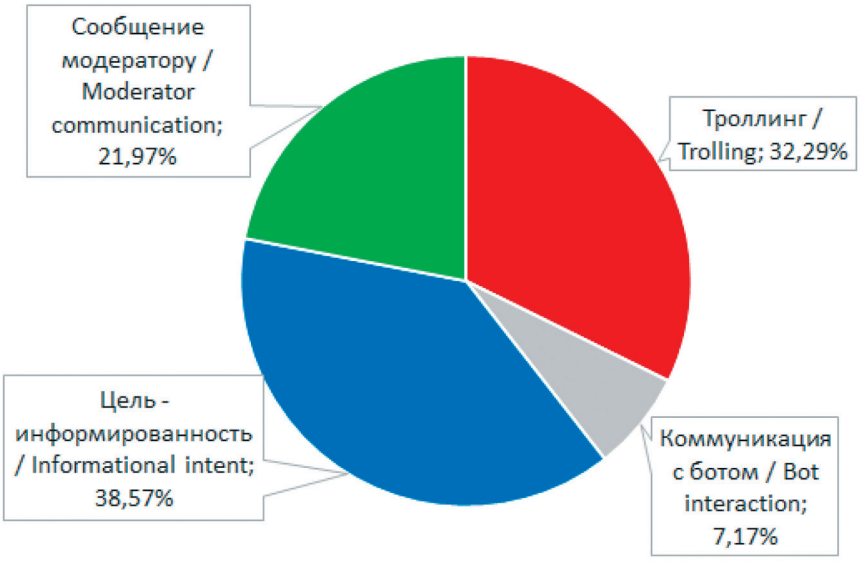

Рис. 2. Формат диалогов людей с ИИ-ботами
Источник: создано О.С. Мухиной, В.Ф. Олешко, Е.В. Олешко.
Figure 2. Format of human communication with AI bots
Source: created by Olga S. Mukhina, Vladimir F. Oleshko, Eugene V. Oleshko.

Большинство (38,57 %) ответов людей были направлены на информирование о том, что конкретное сообщение писал бот, а не человек. Информированность могла быть собственной – тогда человек уточнял у бота (*Бот?*) или у других пользователей (*Это бот?*). Однако чаще собеседник уверенно распознавал бота и хотел, чтобы окружающие узнали об этом (*Сразу боты набежали; Ох, боты; Какой шустрый бот*).

Треть сообщений соответствует нашему определению троллинга ботов людьми в виде саркастических замечаний и намеренных провокаций – вопросов или иллюстраций (*Сделать, что ли, конкурс смешных комментариев от ботов?; Всем бы такой уверенности как у ботов!*). Каждый пятый ответ от пользователя был призывом к модератору заблокировать ботов (*У вас тут кто-нибудь смотрит за комментариями? Много ботов; Админ, можно уже этого бота заблочить?*). Однако для блокировки качественно созданного ИИ-бота у модератора чаще всего нет оснований, кроме языковой интуиции, свидетельствующей о том, что писал именно бот. Реже, при долгой работе в одном чате, модератор уже просто знает всех ботов, которые в данный чат пишут. Как однажды ответила на такой призыв модератор: *Тут просто смешались люди/боты, я уже не понимаю, кто о чем и кого удалять*. Поэтому удаляют в основном комментарии ботов не по теме поста (откровенную рекламу, сообщения сексуального и политического характера). Показательный диалог произошел в одном из проанализированных нами чатов, когда на вопрос пользователя «Бот – это реклама или поддержание разговора?» администратор ответил: «Если заблокируют – спам. Если нет, то поддержание разговора». Добавим, что в данном чате, как и в ряде других, администратор

в целом лояльно относится к ботам, не делая разницы с обычными пользователями: такой модератор блокирует ботов не за то, что они боты, а за то, что они некачественные (*Мужик, допили бота, а то в бан*).

При этом пользователи демонстрируют нежелание не только коммуницировать с ботами, но и в принципе находиться с ними на одной площадке (*Я хочу общаться с людьми; Хорошо удалили ботов. Ни один приличный человек не оставит живой коммент рядом с такой кринжатиной*). Вместе с тем 7 % ответов пользователей были направлены на общение с ботами (*Вы бот, я не люблю с роботами общаться; Ты бот, тебе все интересно*).

Если вернуться к наиболее эмоциональной пользовательской реакции в виде троллинга ботов, то мы заметили три варианта ее проявления.

1. Сарказм или даже оскорбления (57,5 %). Подобные сообщения основаны на убеждении, что живой человек, скорее всего, ответит, а вот бот – нет. Как пояснил один пользователь после своего грубого ответа боту: *Это я пингую, точно ли бот*. Но чаще используется сарказм (*Интересные боты пасутся в комментариях; У ботов зато нет таких проблем, вон им как весело вместе*).

2. Вопрос боту (41,25 %), но не с целью информированности, а в качестве провокации (*И чем он вам интересен?; Это какие-то запчасти на ваш классный байк?*), поскольку боты в основном пока не умеют вступать в коммуникацию. Как пояснили нам исполнители услуги нейрокомментинга, боты теоретически уже способны вести диалог (это называется нейрочаттингом), но делают это пока некачественно, поэтому на рынке популярна только услуга нейрокомментинга, при которой бот способен отправить один комментарий на пост на канале.

3. Реже используется ответ в виде иллюстрации (1,25 %), поскольку боты-нейрокомментаторы тоже пока плохо анализируют, и поставщики нейрокомментинга данную функцию обычно не подключают. В целом это тоже можно считать особой формой провокации диалога.

Добавим, что на момент написания настоящей статьи (начало 2026 г.) пользователи чатов нередко дезориентированы, не понимая, кто из их собеседников является человеком, а кто – ботом (*Меня терзают смутные сомнения о схожести аккаунтов предыдущих двух дам… Или я начала видеть ботов там, где их нет?*). Нам попадались и диалоги, в которых люди подозревали друг друга в том, что один из них бот (*Да ты бот рил? – Я бот? Ты на сообщения нормально отвечать не умеешь, а я бот?*).

Слово «бот» постепенно становится и новой формой оскорбления с акцентом на низком уровне интеллекта собеседника или отсутствии человечности (*Вы даже не женщина, а какой-то бот страшный*). Пользователи отмечают, что *с каждым днем ботов все больше и больше*, и *под любым постом одни боты с рекламой*. Встречаются и философские замечания: *На ИИшный пост отвечают ИИшные боты… Дожили*. Ярким примером того, как боты могут захватить чат, является канал «СОБЧАК», где модерация минимальна или полностью отсутствует (*Тут вообще живые люди остались?; Я здесь одна не бот?!*).

Сообщения от людей прямо демонстрируют, что они не желают коммуницировать в окружении такого количества ботов (*Хочется пообщаться, но желание пропадает*). Пользователи настойчиво требуют удалить ботов или уже закрыть комментарии.

Вместе с тем есть и те, кто отвечает ботам с юмором или сарказмом, что неудивительно, учитывая, какой популярностью пользуются нейросети для общения (Гаркуша, 2025). Следует отметить, что подобные комментарии в нашей выборке, формально направленные боту, все же были написаны для той части чата, которая представлена живыми людьми (*Нифига ты душевно с ботом побазарил*). Как верно отмечают пользователи, *AI меняет стандарты*.

При интерпретации результатов следует учитывать несколько ограничений. Во-первых, эмпирические данные собраны только в Telegram. Архитектура и политика модерации других платформ (VK, TikTok) могут существенно влиять на динамику нейрокомментинга, поэтому обобщения на другие среды требуют осторожности. Во-вторых, выборка включает 287 диалогов из десяти чатов; несмотря на случайный отбор, ее размер не позволяет говорить о статистической репрезентативности для всех русскоязычных сообществ. В-третьих, технологии ИИ и тактики нейрокомментинга стремительно эволюционируют. Исследование фиксирует срез 2023 – начало 2026 гг.; выводы о неспособности ботов вести диалог или об эффективности провокаций могут устареть к моменту публикации. Указанные ограничения не ставят под сомнение основные результаты, но подчеркивают необходимость кроссплатформенных исследований с расширенной выборкой.

Заключение

Аналитики предполагают, что уже в 2026 г. доля сообщений от ИИ-ботов в интернет-пространстве вырастет до 40 %. Их комментарии станут неотличимыми от комментариев реальных людей, они начнут распознавать не только текст, но и изображения, и видео. Урегулировать этот процесс потенциально могут только владельцы платформ, если ужесточат контроль[3]. Пользовательские провокации, актуальные сегодня, уже не смогут выявить робота.

Сегодня можно констатировать, что люди не хотят коммуницировать с ботами. Формируется необычная форма дискриминации 2020-х: люди активно «выживают» роботов из своего интернет-пространства. Можно предположить, что в ближайшем будущем обычные пользователи, в том числе модераторы отдельных каналов, уже не смогут бороться с этим явлением. Мы видим три варианта развития событий:

1. Владельцы платформ внедрят качественный фильтр от ИИ-ботов.

2. Пользователи перейдут к стадии принятия и начнут коммуницировать с ботами, не делая различий с людьми.

[3] *Рожков Р.* Что за разговор: как устроен нейрокомментинг в Telegram-каналах // Forbes. 2025. 27 мая. URL: https://www.forbes.ru/tekhnologii/537955-cto-za-razgovor-kak-ustroen-nejrokommenting-v-telegram-kanalah (дата обращения: 20.03.2026).

3. Изобилие ИИ-комментариев и неспособность людей выявить ботов может привести к отказу большинства пользователей коммуницировать. Это может уничтожить интерактивность как важную составляющую современной медиасистемы и лишить журналистов эффективной обратной связи.

В заключение отметим, что по мере взросления поколения, не знавшего интернета без искусственного интеллекта, неизбежно будет расти доля пользователей, готовых общаться с ботами наравне с людьми. Однако без качественной системы фильтрации ИИ-ботов модераторы не смогут различить комментарии людей и машин и отделить настоящую обратную связь от «искусственной».

Список литературы

Анисимов Н.Д., Смотрин А.О. Троллинг в Интернете: разновидности и влияние // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2024. № 1(41). С. 80–89. EDN: ZYBACY

Бешкарев Н.С., Гурбанова А.И. Троллинг и кибербулинг в интернет-пространстве // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию акад. М.Ф. Решетнева и Дню космонавтики, Красноярск, 8–12 апреля 2024 г. Красноярск : Сибирский гос. ун-т науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2024. Т. 3. С. 1239–1240. EDN: HMMUMS

Гаркуша В.Н. Современная коммуникация и нейросети // Наука настоящего и будущего. 2025. Т. 2. С. 187–190. EDN: XTCFDC

Геворгян К.М. Виды и функции троллинга в сетевой коммуникации // Филология, иностранные языки и медиакоммуникации : материалы симпозиума в рамках XIX (LI) Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, Кемерово, 25 апреля 2024 г. Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2024. С. 15–17. EDN: MFNKBR

Капшунов Д.С. Троллинг как одна из проблем социально-информационного пространства // Молодежь, наука и цивилизация : материалы Междунар. студ. науч. конф., Красноярск, 18 мая 2023 г. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД РФ, 2023. С. 676–679. EDN: KPYVUL

Мухина О.С., Олешко В.Ф. Троллинг ботов людьми – новый тренд в пользовательском интернет-пространстве // Журналістыка-2025: стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 27-й Міжнар. навук.-практ. канф., Минск, 14 ноября 2025 г. Минск : Бел. гос. ун-т, 2025. С. 61–65. EDN: PLACGW

Новицкая Т.Е. Искусственный интеллект и модусы медиатизированной социальности // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2025. № 1(293). С. 152–156. https://doi.org/10.52065/2520-6885-2025-293-27 EDN: QNSMKC

Осокина А.С. Троллинг подростков в социальных сетях: особенности его проявления // Бизнес-трансформация: управление улучшениями. 2024. № 4(9). С. 82–88. EDN: IZOQFF

Федоров А.В. Искусственный интеллект и дезинформация // Вопросы элитологии. 2025. Т. 6. № 3. С. 30–51. EDN: UPWGTK

Штанькова П.А., Галичкина Е.Н. Лексические характеристики троллинга (на материале русского языка) // Креативная лингвистика : сб. науч. статей. Астрахань : Астраханский гос. ун-т им. В.Н. Татищева, 2024. С. 133–137. EDN: CUCGRV

Fichman P., Akter S. Political trolling on TikTok // Telematics and Informatics. 2025. Vol. 96. Article 102226. https://doi.org/10.1016/j.tele.2024.102226

Hossain M.A., Quaddus M., Akter S., Mikalef P., Warren M. Trolling in social media: a deindividuation and contagion perspective // Information & Management. 2025. Vol. 62. No. 7. Article 104211. https://doi.org/10.1016/j.im.2025.104211

Lee S.Y. Do bored people engage in online trolling more actively? Exploring the role of dark personalities and boredom proneness // Personality and Individual Differences. 2025. Vol. 234. Article 112956. https://doi.org/10.1016/j.paid.2024.112956

Rohmann E., Winkler S.M., Ozimek P., Bierhoff H.-W. Are narcissists trolls? A cross-sectional study about aggression, trolling behavior, narcissism, and the moderating role of self-esteem // Telematics and Informatics. 2024. Vol. 90. Article 102122. https://doi.org/10.1016/j.tele.2024.102122

Tian J., Zhu M., Zhao X. Why does sadism troll? The role of negative emotional reactions from others // Journal of Research in Personality. 2024. Vol. 110. Article 104470. https://doi.org/10.1016/j.jrp.2024.104470

References

Anisimov, N.D., & Smotrin, A.O. (2024). Trolling on the Internet: types and influence. *Philosophy and Humanities in Information Society*, (1), 80–89. (In Russ.) EDN: ZYBACY

Beshkarev, N.S., & Gurbanova, A.I. (2024). Trolling and cyberbullying in the internet space. In *Actual Problems of Aviation and Cosmonautics: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of Academician M.F. Reshetnev and Cosmonautics Day, April 8–12, 2024, Krasnoyarsk* (Vol. 3, pp. 1239–1240). Reshetnev Siberian State University of Science and Technology Publ. (In Russ.) EDN: HMMUMS

Fedorov, A.V. (2025). Artificial Intelligence and disinformation. *Issues in Elitology*, *6*(3), 30–51. https://elitology-journal.com/index.php/ioe/article/view/252 (In Russ.) EDN: UPWGTK

Fichman, P., & Akter, S. (2025). Political trolling on TikTok. *Telematics and Informatics*, *96*, 102226. https://doi.org/10.1016/j.tele.2024.102226

Garkusha, V.N. (2025). Modern communication and neural networks. *Science of the Present and the Future, 2*, 187–190. (In Russ.) EDN: XTCFDC

Gevorgyan, K.M. (2024). Types and functions of trolling in online communication. In *Philology, Foreign Languages, and Media Communications: Proceedings of the Symposium within the Framework of the XIX (LI) International Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists, April 25, 2024, Kemerovo* (pp. 15–17). Kemerovo State University. (In Russ.) EDN: MFNKBR

Hossain, M.A., Quaddus, M., Akter, S., Mikalef, P., & Warren, M. (2025). Trolling in social media: a deindividuation and contagion perspective. *Information & Management*, *62*(7), 104211. https://doi.org/10.1016/j.im.2025.104211

Kapshunov, D.S. (2023). Trolling as one of the problems of the socio-information space. In *Youth, Science and Civilization. Proceedings of the International Student Scientific Conference, May 18, 2023, Krasnoyarsk* (pp. 676–679). Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Publ. (In Russ.) EDN: KPYVUL

Lee, S.Y. (2025). Do bored people engage in online trolling more actively? Exploring the role of dark personalities and boredom proneness. *Personality and Individual Differences, 234*, 112956. https://doi.org/10.1016/j.paid.2024.112956

Mukhina, O.S., & Oleshko, V.F. (2025). Trolling bots by people as a new trend in the user Internet space. In *Journalism-2025: State, Problems and Prospects: Proceedings of the 27th International Scientific and Practical Conference, November 14, 2025, Minsk* (pp. 61–65). Belarusian State University. (In Russ.) EDN: PLACGW

Navitskaya, T. (2025). Artificial intelligence and modes of mediatized sociality. *Proceeedings of BSTU. Issue 6, History, Philosophy*, (1), 152–156. (In Russ.) https://doi.org/10.52065/2520-6885-2025-293-27 EDN: QNSMKC

Osokina, A.S. (2024). Trolling of teenagers in social networks: peculiarities of its manifestation. *Business Transformation: Managing Improvements*, (4), 82–88. (In Russ.) EDN: IZOQFF

Rohmann, E., Winkler, S.M., Ozimek, P, & Bierhoff, H.W. (2024). Are narcissists trolls? A cross-sectional study about aggression, trolling behavior, narcissism, and the moderating role of self-esteem. *Telematics and Informatics, 90*, 102122. https://doi.org/10.1016/j.tele.2024.102122

Shtankova, P.A., & Galichkina, E.N. (2024). Lexical characteristics of trolling (based on the material of the Russian language). In *Creative Linguistics: Collection of Scientific Articles* (pp. 133–137). Astrakhan State University Publ. (In Russ.) EDN: CUCGRV

Tian, J., Zhu, M., & Zhao, X. (2024). Why does sadism troll? The role of negative emotional reactions from others. *Journal of Research in Personality, 110*, 104470. https://doi.org/10.1016/j.jrp.2024.104470

Сведения об авторах:

Мухина Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620000, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. ORCID: 0000-0001-8791-6086; SPIN-код: 9151-6887. E-mail: olga.mukhina@urfu.ru

Олешко Владимир Федорович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620000, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. ORCID: 0000-0003-3001-7391; SPIN-код: 3113-8337. E-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru

Олешко Евгений Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры периодической печати и сетевых изданий, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Российская Федерация, 620000, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19. ORCID: 0000-0002-1377-369X; SPIN-код: 1770-6771. E-mail: evgeny.oleshko@urfu.ru

Bio notes:

Olga S. Mukhina, PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Periodical Press and Online Media, Ural Federal University, 19 Mira St, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8791-6086; SPIN-code: 9151-6887. E-mail: olga.mukhina@urfu.ru

Vladimir F. Oleshko, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Periodical Press and Online Media, Ural Federal University, 19 Mira St, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3001-7391; SPIN-code: 3113-8337. E-mail: vladimir.oleshko@urfu.ru

Eugene V. Oleshko, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Periodical Press and Online Media, Ural Federal University, 19 Mira St, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1377-369X; SPIN-code: 1770-6771. E-mail: evgeny.oleshko@urfu.ru

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 774–784
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

LITERATURE AS A MEDIA ARCHIVE
ЛИТЕРАТУРА КАК МЕДИЙНЫЙ АРХИВ

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-774-784
EDN: EMDJNF
UDC 82.09:070:316.7

Research article / Научная статья

The Politics of Fat Representation and Digital Media Discourse in Kate Stayman-London's *One to Watch*: A Review Article

Pavithra R. Arimuthu[1], Ananthan Balakrishnan[1], Anna N. Moreva[2]

[1]*SRM Institute of Science and Technology, Kattankulathur, Republic of India*
[2]*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation*
✉arimuthupavithra@gmail.com

Abstract. This review article examines the representation of fatness and digital media discourse in Kate Stayman-London's novel *One to Watch* (2020). The study synthesises existing research on fat representation in media, digital body surveillance, and affective economies to explore how contemporary fiction engages with and critiques the stigmatisation of plus-size bodies in a media-saturated world. Using critical discourse analysis (CDA) as a methodological framework, the review identifies four recurring media frames within the novel: medicalisation of fatness, sexual objectification, moral condemnation, and spectacular disgust. The analysis demonstrates that Stayman-London's multimodal narrative – incorporating tweets, blog posts, online headlines, and comments – not only reproduces real-world digital harassment but also constructs counter-discourses of vulnerability and resilience. The review concludes that *One to Watch* serves as a transformative cultural artefact that archives contemporary bodily autonomy and offers a literary intervention into media-driven body politics. The findings contribute to ongoing discussions in media studies, cultural journalism, and Fat Studies by showing how fictional narratives can illuminate the mechanisms of online stigmatisation and resistance.

Keywords: media frames, embodiment, stigmatisation, cultural journalism, critical discourse analysis, online communication, digital harassment

Author contributions. Development of the research concept, research data collection, analysis, manuscript writing, & interpretation of results – Pavithra R. Arimuthu; supervision, guidance, and manuscript review – Ananthan Balakrishnan; validation (data verification), writing – review & editing – Anna N. Moreva. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

© Arimuthu P.R., Balakrishnan A., Moreva A.N., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Conflicts of interest. The authors declare no conflict of interest.

Article history: submitted 11 March, 2025; revised 23 April, 2026; accepted 4 May, 2026.

For citation: Arimuthu, P.R., Balakrishnan, A., & Moreva, A.N. (2026). The Politics of Fat Representation and Digital Media Discourse in Kate Stayman-London's *One to Watch*: A Review Article. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 774–784. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-774-784 EDN: EMDJNF

Политика репрезентации полноты и дискурс цифровых медиа в романе Кейт Стейман-Лондон *One to Watch*: обзорная статья

П.Р. Аримуту[1], А. Балакришнан[1], А.Н. Морева[2]

[1]*Институт науки и технологий SRM, Каттанкулатур, Республика Индия*
[2]*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Российская Федерация*
✉arimuthupavithra@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены репрезентация полноты и дискурс цифровых медиа в романе Кейт Стейман-Лондон *One to Watch* (2020). Исследование синтезирует имеющиеся научные работы об изображении полноты в медиа, в экономике переживаний, в цифровом наблюдении за телом, чтобы выяснить, как современная художественная литература осмысляет и критикует стигматизацию грузных людей в медиатизированном мире. В качестве методологической рамки используется критический дискурс-анализ. В романе выделены четыре повторяющихся медийных фрейма: медикализация полноты, сексуальная объективация, моральное осуждение и эстетическое отвращение. Анализ показывает, что мультимодальное повествование Стейман-Лондон, включающее твиты, посты в блогах, заголовки онлайн-СМИ и комментарии, не только воспроизводит реальные практики цифрового преследования, но и конструирует контр-дискурсы уязвимости и устойчивости. Сделан вывод о том, что *One to Watch* выступает в качестве трансформативного культурного артефакта, который архивирует современную телесную автономию и предлагает литературное вмешательство в политику тела, распространяемую в медиапространстве. Полученные результаты вносят вклад в текущие дискуссии в области медиаисследований, культурной журналистики и фэт-стадис (Fat Studies), демонстрируя, как художественные нарративы могут прояснять механизмы онлайн-стигматизации и сопротивления.

Ключевые слова: медийные фреймы, телесность, стигматизация, культурная журналистика, критический анализ дискурса, онлайн-коммуникация, цифровое преследование

Вклад авторов. Разработка концепции исследования, сбор научных данных, анализ, написание рукописи и интерпретация результатов – П.Р. Аримуту; руководство и рецензирование рукописи – А. Балакришнан; валидация (проверка данных), доработка и редактирование текста – А.Н. Морева. Все авторы прочли и одобрили окончательную версию рукописи.

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11 марта 2026 г.; отрецензирована 23 апреля 2026 г.; дата принятия к публикации 4 мая 2026 г.

Для цитирования: *Arimuthu P.R., Balakrishnan A., Moreva A.N.* The Politics of Fat Representation and Digital Media Discourse in Kate Stayman-London's *One to Watch*: A Review Article // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 774–784. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-774-784 EDN: EMDJNF

Introduction

The representation of fat bodies in Western media has historically been characterised by negative stereotypes, invisibility, or stigmatisation (Afful, Ricciardelli, 2015; Cohen et al., 2019). In recent years, digital platforms – from fashion blogs to reality TV recaps and social media comments – have intensified the scrutiny of body size, framing thinness as an ideal while positioning fatness as a site of moral failure, public health concern, or grotesque spectacle (Aubrey et al., 2024; Möri et al., 2022). Cultural journalism and entertainment media often amplify these frames, turning individual bodies into objects of surveillance and commodification (Kristensen, 2019; Kristensen, From, 2018).

Simultaneously, a growing body of literary fiction has begun to engage with fat representation not merely as a topic but as a narrative and discursive problem. Kate Stayman-London's *One to Watch* (2020) is a notable example: a contemporary adult novel that blends romantic comedy with a multi-platform digital narrative (tweets, blog posts, emails, Instagram content, online comments). The novel tells the story of Bea Schumacher, a plus-size fashion blogger who becomes the first fat lead on a reality dating show called "Main Squeeze", and who must navigate online harassment, media sensationalism, and her own journey toward self-acceptance.

This review article has three objectives:

1. To synthesise existing interdisciplinary literature on fat representation in media, digital body surveillance, and affective economies, identifying key theoretical concepts and research gaps.

2. To analyse how *One to Watch* constructs and critiques digital media discourse around fatness, using critical discourse analysis to examine four recurrent frames.

3. To assess the novel's contribution as a cultural artefact that mediates between literary storytelling and media studies, offering insights into online stigmatisation and resilience.

The review is intended for an audience of media scholars, literary critics, and journalism researchers. Unlike empirical studies of real-world media content, this review takes a literary text as its primary source, arguing that fiction can serve as a valid and valuable site for examining media discourses – a position increasingly recognised in cultural and critical media studies (Couldry, 2012; Kristensen, 2019).

Literature Review

The literature on fat representation, digital media, and body surveillance can be grouped into three thematic clusters.

Fat representation in media. Early research established that mainstream media (television, magazines, advertising) overwhelmingly present thinness as desirable

and fatness as deviant (Fouts, Burggraf, 1999; Grabe et al., 2008; Levine, Murnen, 2009). Reality television, in particular, was shown to normalise criticism of bodies, often framing weight as a moral failing (Fouts, Burggraf, 1999). More recent studies have examined digital platforms: R. Cohen et al. (2019) analysed body-positive Instagram accounts, finding that while they challenge mainstream beauty norms, they also risk commodifying empowerment. J.S. Aubrey et al. (2024) compared body positivity and body neutrality on TikTok, concluding that identity politics and emotional tone significantly affect how fat individuals experience digital spaces. However, none of these studies analyse fictional narratives as data sources – a gap this review addresses by treating *One to Watch* as a simulated archive of media discourse.

Digital media and body surveillance. With the rise of social media, body surveillance has become more pervasive and personalised. M. Möri et al. (2022) found that internalised body standards, perpetuated by both mass and social media, predict body dissatisfaction through self-discrepancy mechanisms. V.U. Wanniarachchi et al. (2022) conducted a text analysis of social media content (Twitter, YouTube, Reddit), revealing systematic linguistic patterns of fat stigma and body objectification. A.M. Jiménez-García et al. (2025) showed that body-positive social media can alleviate psychological distress, but the effect depends on content quality and user vulnerability. N.N. Kristensen and U. From (2018) explored how cultural journalists navigate hybrid professional identities on social media, blurring boundaries between journalism and user-generated commentary. These studies confirm that digital environments are key sites of body politics, yet they rarely connect to literary representations. *One to Watch* offers a unique opportunity to examine how these dynamics are artistically refracted.

Affective economies and fatness. M. Windram-Geddes (2013) introduced the concept of 'affective economics' to describe how emotions of fear, disgust, and shame circulate around fat bodies, commodifying them in spaces like gyms, clinics, and media. M.D. Jones et al. (2014) conducted a naturalistic study of 'fat talk' – everyday conversations about weight – and found that such talk increases shame and behavioural consequences independent of actual body size. These studies suggest that fatness is not merely a physical attribute but an affective and discursive category. However, existing research focuses on real-world interactions; the question of how fiction *mediatises* affective economies remains underexplored. This review argues that Stayman-London's novel makes a specific contribution by embedding affective dynamics within journalistic headlines and online comments, showing how they operate as performative public shaming.

Research gap and review contribution. In summary, while substantial research exists on fat representation, digital surveillance, and affective economics, there is limited academic work that analyses contemporary fiction as a *simulation* of media discourse. Most studies either examine actual media content or treat fiction as a source of themes rather than as a formal discourse system. This review fills that gap by using critical discourse analysis to examine how *One to Watch* organises and

critiques media frames, and by arguing that the novel functions as an analytical review of its own – a literary artefact that archives and interrogates real-world digital practices.

Materials and Methods

The primary source for this review is Kate Stayman-London's *One to Watch* (The Dial Press, 2020), specifically all multimodal media artefacts embedded in the novel: fictional tweets, blog posts, online headlines, Instagram content, emails, and entertainment recaps. These artefacts constitute approximately 45 discrete items that simulate real-world digital journalism and user-generated content.

The novel was selected because:

- It explicitly thematises media discourse (reality TV, online comments, fashion blogs) as a central plot device.
- It has received critical attention but limited systematic academic analysis from a Media Studies perspective.
- It offers a rich dataset of simulated digital texts that mirror actual online harassment patterns documented in existing research (Jones et al., 2014; Wanniarachchi et al., 2022).

Following Fairclough's three-dimensional model (1995), this review applies critical discourse analysis to examine:

- Text dimension: linguistic features (word choice, metaphors, modality, transitivity) in the novel's embedded media excerpts.
- Discursive practice: how these texts simulate production (e.g., byline, publication platform) and consumption (implied audience reactions).
- Social practice: how the novel's discourse about fatness connects to broader societal power relations, including healthism, neoliberal beauty standards, and online misogyny.

The analysis is qualitative and interpretative, organised around four recurrent frames identified through iterative reading:

1. Medicalisation (fatness as public health threat).
2. Sexual objectification (fat body as sexual spectacle).
3. Moral condemnation (fatness as anti-feminist or irresponsible).
4. Spectacular disgust (fatness as grotesque apocalypse).

Each frame is illustrated with one or two representative excerpts, followed by a discursive analysis that links back to the theoretical literature.

The literature review (Section 3) synthesises peer-reviewed studies from media studies, body image research, cultural journalism, and Fat Studies. Sources were selected based on relevance, recency (2015–2025), and methodological rigour. The synthesis is organised thematically, not chronologically, to highlight convergences and gaps.

In Kate Stayman-London's novel *One to Watch* (2020), the author employs a specific literary device: she attributes invented headlines, articles, and commentary

to real-world media outlets, including but not limited to *Jezebel*, *TeenVogue*, *TheCut.com*, and *healthywomen.com*. It must be explicitly stated that all such headlines, texts, and bylined pieces are entirely fictional creations of the author. The real-world publications named in the novel have not published, endorsed, or in any way been associated with the quoted materials.

This device is a deliberate artistic strategy aimed at enhancing narrative verisimilitude – that is, lending the fictional media environment the texture and credibility of actual journalistic platforms. By invoking recognisable media brands, Stayman-London invites readers to map the novel's critique of fat stigmatisation onto real discourses circulating in digital journalism, feminist commentary, and lifestyle media. The use of authentic outlet names serves a critical function: it sharpens the novel's satire of media sensationalism and underscores the universality of the stigmatising frames analysed in this review.

Consequently, in the present review article, all excerpts taken from such sources are explicitly identified as *fictional headlines* or as *invented by Stayman-London*. No claim is made that the quoted texts exist outside the novel's fictional universe. This clarification is essential for maintaining academic rigour and avoiding any potential misunderstanding regarding the empirical status of the analysed material.

Results and Discussion

The analysis identified four recurrent frames in the novel's embedded media excerpts. Each frame is presented with a representative example and a discursive analysis linking back to the literature.

Medicalisation – fatness as public health threat. Excerpt (fictional headline from *healthywomen.com*):

Let's look at the facts: Bea Schumacher is obese, and obesity is scientifically linked to more than 60 diseases. At a time when our healthcare system is already overburdened, we should be encouraging Americans to eat healthier and exercise more[1].

The excerpt employs the medicalised term "obese" rather than "fat" or "plus-size", activating a discourse of risk and individual responsibility. The phrase "overburdened healthcare system" positions Bea's body as a drain on collective resources – a classic example of neoliberal healthism (affective economics, as per Windram-Geddes, 2013). The implied solution ("encouraging Americans to eat healthier") erases structural factors (poverty, food access, genetics) and locates blame entirely on the individual. This frame replicates findings from V.U. Wanniarachchi et al. (2022) that online fat stigma often employs pseudo-medical language to lend objectivity to moral judgment.

[1] Stayman-London, K. (2020). *One to Watch: A Novel* (p. 68). The Dial Press.

Sexual objectification – the fat body as sexual spectacle. Excerpt (fictional headline):

I LOVE MY THICK BLOGGER – WOULD YOU BANG A BIG GIRL? According to our new survey, 60 percent of men say they'd sleep with Bea Schumacher[2].

This headline reduces Bea to a sexual object. The colloquial "bang" and the label "big girl" strip her of agency, while the survey format pretends to offer neutral data. Transitivity analysis shows that Bea is not a grammatical subject but an object of male desire ("would you bang" – passive recipient). This frame echoes findings from G. Fouts and K.K. Burggraf (1999) and S. Grabe et al. (2008) that reality TV and entertainment media commodify female bodies through sexualised humour. The novel uses this exaggerated example to critique how digital journalism prioritises sensationalism over respectful representation.

Moral condemnation – fatness as anti-feminist. Excerpt (fictional headline from *Jezebel*):

BEA SCHUMACHER IS SETTING FEMINISM BACK FIFTY YEARS[3], with the article arguing that fat activists face prejudice and that Bea's visibility distracts from #MeToo goals.

This frame co-opts feminist language to police body size. The hyperbolic "setting feminism back fifty years" implies that only thin, conventionally respectable bodies deserve equality – a classic intra-feminist exclusion discussed by R. Cohen et al. (2019) in their analysis of "acceptable fatness" in body-positive media. Discursively, the headline creates a moral panic: Bea is not just a bad role model but a threat to the entire feminist project. The novel here exposes how progressive language can be weaponised against marginalised groups, revealing tensions between bodily autonomy and respectability politics.

Spectacular disgust – the "fatpocalypse". Excerpt (fictional headline from *MondayMorningQB.com*):

THE FATPOCALYPSE IS UPON US… If you've never seen her, picture a barnyard animal that gave up on itself at birth and still thinks it can wear a crop top[4].

The neologism "fatpocalypse" combines "fat" with "apocalypse", framing fat visibility as a catastrophic event. The dehumanising comparison to a "barnyard animal" removes Bea's personhood entirely – this is symbolic violence, not critique. This frame aligns with Kristensen's (2019) observation that cultural journalism sometimes slides into sensationalism when covering "deviant" bodies. The novel's inclusion of such extreme discourse serves to highlight the actual viciousness of online comments that fat public figures receive daily (see Wanniarachchi et al., 2022, on linguistic patterns of fat dehumanisation).

[2] Stayman-London, K. (2020). *One to Watch: A Novel* (p. 36).
[3] Stayman-London, K. (2020). *One to Watch: A Novel* (p. 69).
[4] Stayman-London, K. (2020). *One to Watch: A Novel* (p. 67).

Counter-discourse: Resilience and reappropriation. Importantly, the novel does not merely reproduce oppressive frames. Bea's responses provide counter-discourses of resilience. For example, when incels send her hundreds of SlimFast cases, she donates them to a food bank, quipping: *They're the exact same thing as Soylent, you misogynist turds*[5]. This rhetorical reversal – returning the shaming gift as aid – reframes the fat body from passive victim to active agent. Additionally, Bea's internal monologues explicitly articulate the politics of self-acceptance:

That I can't change my body type (and don't even want to!), that thin women are no more happy than I am, that these insecurities are seeded and tended in my brain by the weight loss industry[6]. Such moments illustrate the novel's contribution: it reimagines digital aggression as a site of both vulnerability and resilience.

The four frames identified above correspond closely to empirically documented patterns of online fat stigma (Jones et al., 2014; Wanniarachchi et al., 2022). This convergence suggests that Stayman-London's novel functions as a cultural archive – a literary simulation that captures and critiques real-world media practices. Unlike a social scientific content analysis, which would quantify the prevalence of such frames in actual media, the novel offers a concentrated, artistic representation that makes the mechanisms of stigmatisation visible through narrative and character development.

From a media studies perspective, *One to Watch* contributes in three ways:

- It demonstrates how multiple media frames operate simultaneously on a single fat body, creating an intersection of medical, sexual, moral, and spectacular discourses. This complexity is often flattened in empirical studies that isolate one frame at a time.
- It shows the psychological cost of digital surveillance by giving readers access to Bea's interiority. While quantitative studies (Grabe et al., 2008; Möri et al., 2022) establish correlations between media exposure and body dissatisfaction, the novel illustrates the temporal, emotional process of internalising and resisting media messages.
- It offers a model of counter-discourse that is neither naive optimism nor cynical defeat. Bea's resilience is partial, hard-won, and accompanied by relapses – a realistic portrayal that aligns with A.M. Jiménez-García et al.'s (2025) finding that body-positive content works best when it acknowledges difficulty.
- Nevertheless, the novel is not without its ideological limitations. Bea's journey toward self-acceptance, while emotionally resonant, risks romanticising individual resilience at the expense of structural critique. By foregrounding a relatively privileged protagonist – medium-fat, financially comfortable, able-bodied, and conventionally attractive by plus-size standards – Stayman-London may inadvertently reproduce intra-community hierarchies that marginalise larger, queer, or disabled fat bodies. Furthermore, the novel's commercially satisfying ending (Bea finds romantic love and professional success) raises the

[5] Stayman-London, K. (2020). *One to Watch: A Novel* (p. 36).

[6] Stayman-London, K. (2020). *One to Watch: A Novel* (p. 28).

question of whether self-worth is implicitly tied to external validation – a conservative trope that softens the radical implications of fat activism. These limitations do not invalidate the novel's achievements but suggest that its politics remain entangled with the very media logics it seeks to critique.

Limitations

This review has several limitations. First, it analyses only one literary text; generalising to other novels or media forms requires further research. Second, the analysis is interpretative and qualitative; no inter-coder reliability was calculated. Third, while the review synthesises existing literature, it does not conduct a systematic quantitative meta-analysis. Fourth, the review focuses on Anglophone media contexts; cross-cultural comparisons are absent. Future reviews could expand the corpus to include non-Western fat representation narratives or compare fictional and journalistic treatments of plus-size celebrities.

Conclusion

This review article has examined the politics of fat representation and digital media discourse in Kate Stayman-London's *One to Watch*. By synthesising existing research on media frames, body surveillance, and affective economies, and by applying critical discourse analysis to the novel's embedded digital artefacts, the review identified four dominant frames – medicalisation, sexual objectification, moral condemnation, and spectacular disgust – as well as counter-discourses of resilience.

The novel serves as a transformative cultural artefact that archives contemporary bodily autonomy. It illustrates how literary fiction can engage with and critique media practices, offering a narrative space where the psychological toll of online harassment is made tangible. For media scholars and journalism researchers, *One to Watch* provides a rich case study of how digital discourse is simulated, stigmatised, and resisted in popular culture. Future research might compare this novel with other fat-positive fiction (e.g., Julie Murphy's *Dumplin'*, Jess Baker's *Things I Have Learned About My Body*) or examine how real-life plus-size influencers navigate similar media frames.

The article concludes that interdisciplinary approaches – combining literary analysis, critical discourse analysis, and media studies – are essential for understanding the full complexity of fat representation in the digital age.

References

Afful, A.A., & Ricciardelli, R. (2015). Shaping the online fat acceptance movement: talking about body image and beauty standards. *Journal of Gender Studies, 24*(4), 453–472. https://doi.org/10.1080/09589236.2015.1028523

Aubrey, J.S., Zeng, J., Saha, K., Gahler, H., & Dajches, L. (2024). The body positive… or the body neutral? A content analysis of body positivity and body neutrality hashtagged videos on TikTok. *Body Image, 50*, 101737. https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2024.101737

Cohen, R., Irwin, L., Newton-John, T., & Slater, A. (2019). #bodypositivity: a content analysis of body positive accounts on Instagram. *Body Image, 29*, 47–57. https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2019.02.007

Couldry, N. (2012). *Media, Society, World: Social Theory and Digital Media Practice*. Polity Press.

Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language*. Longman.

Fouts, G., & Burggraf, K.K. (1999). Television situation comedies: female body images and verbalreinforcements.*SexRoles,40*(5-6),473–481.https://doi.org/10.1023/A:1018875711082

Grabe, S., Ward, L.M., & Hyde, J.S. (2008). The role of the media in body image concerns among women: a meta-analysis of experimental and correlational studies. *Psychological Bulletin, 134*(3), 460–476. https://doi.org/10.1037/0033-2909.134.3.460

Jiménez-García, A.M., Arias, N., Hontanaya, E.P., Sanz, A., & García-Velasco, O. (2025). Impact of body-positive social media content on body image perception. *Journal of Eating Disorders, 13*(1), 153. https://doi.org/10.1186/s40337-025-01286-y

Jones, M.D., Crowther, J.H., & Ciesla, J.A. (2014). A naturalistic study of fat talk and its behavioral and affective consequences. *Body Image, 11*(4), 337–345. https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2014.05.007

Kristensen, N.N. (2019). Cultural journalism – journalism about culture. *Sociology Compass, 13*(6), e12701. https://doi.org/10.1111/soc4.12701

Kristensen, N.N., & From, U. (2018). Cultural journalists on social media. *MedieKultur Journal of Media and Communication Research, 34*(65), 76–97. https://doi.org/10.7146/mediekultur.v34i65.104488

Levine, M.P., & Murnen, S.K. (2009). "Everybody knows that mass media are/are not [pick one] a cause of eating disorders": a critical review of the evidence for a causal link between media, negative body image, and disordered eating in females. *Journal of Social and Clinical Psychology, 28*(1), 10–39. https://doi.org/10.1521/jscp.2009.28.1.9

Möri, M., Mongillo, F., & Fahr, A. (2022). Images of bodies in mass and social media and body dissatisfaction: the role of internalization and self-discrepancy. *Frontiers in Psychology, 13*, 1009792. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1009792

Wanniarachchi, V.U., Scogings, C., Susnjak, T., & Mathrani, A. (2022). Fat stigma and body objectification: a text analysis approach using social media content. *Digital Health, 8*, 20552076221117404. https://doi.org/10.1177/20552076221117404

Windram-Geddes, M. (2013). Fearing fatness and feeling fat: encountering affective spaces of physical activity. *Emotion, Space and Society, 9*, 42–49. https://doi.org/10.1016/j.emospa.2013.06.006

Bio notes:

Pavithra Rajagopal Arimuthu, Research Scholar at the Department of Language, Culture and Society, Faculty of Engineering and Technology, SRM Institute of Science and Technology, Kattankulathur Campus, Chengalpattu District, Tamil Nadu, 603203, Republic of India. ORCID: 0009-0002-4035-042X. E-mail: arimuthupavithra@gmail.com

Ananthan Balakrishnan, Assistant Professor, PhD, Directorate of Learning and Development, Faculty of Engineering and Technology, SRM Institute of Science and Technology, Kattankulathur Campus, Chengalpattu District, Tamil Nadu, 603203, Republic of India. ORCID: 0009-0006-0768-9471. E-mail: ananthab1@srmist.edu.in

Anna N. Moreva, Head of the Asia-Pacific Integrated Research Laboratory, Senior Lecturer at the Department of Communication Technologies, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences, Moscow State Linguistic University, 38 Ostozhenka St, Moscow, 119034, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-3404-285X; SPIN-code: 8040-9681. E-mail: annseasoul@gmail.com

Сведения об авторах:

Аримуту Павитра Раджагопал, научный сотрудник отдела языка, культуры и общества, инженерно-технологический факультет, Институт науки и технологий SRM, Республика Индия, 603203, штат Тамилнад, округ Ченгалпатту, кампус в Каттанкулатур. ORCID: 0009-0002-4035-042X. E-mail: arimuthupavithra@gmail.com

Балакришнан Анантан, доцент, доктор философии, Директорат по обучению и развитию, инженерно-технологический факультет, Институт науки и технологий SRM, Республика Индия, 603203, штат Тамилнад, округ Ченгалпатту, кампус в Каттанкулатур. ORCID: 0009-0006-0768-9471. E-mail: ananthab1@srmist.edu.in

Морева Анна Николаевна, руководитель Лаборатории комплексных исследований Азиатско-Тихоокеанского региона, старший преподаватель кафедры коммуникационных технологий, Институт международных отношений и социально-политических наук, Московский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 119034, Москва, ул. Остоженка, д. 38. ORCID: 0009-0006-3404-285X; SPIN-код: 8040-9681. E-mail: annseasoul@gmail.com

RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism
Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика
ISSN 2312-9220 (Print); ISSN 2312-9247 (Online)
2026 Vol. 31 No. 3 785–795
http://journals.rudn.ru/literary-criticism

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

INTERVIEW

DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-3-785-795
EDN: EMUPVZ
УДК 070:37.016

От истоков медиаобразования к цифровому будущему: интервью с профессором Александром Шариковым

Н.Д. Десяева

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация
✉DesyaevaND@mgpu.ru

История статьи: поступила в редакцию 4 августа 2026 г.; отрецензирована 12 августа 2026 г.; принята к публикации 19 августа 2026 г.

Для цитирования: *Десяева Н.Д.* От истоков медиаобразования к цифровому будущему: интервью с профессором Александром Шариковым // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 3. С. 785–795. http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-785-795 EDN: EMUPVZ

From the Origins of Media Education to the Digital Future: An Interview with Professor Alexander V. Sharikov

Natalya D. Desyaeva

Moscow City University, Moscow, Russian Federation
✉DesyaevaND@mgpu.ru

Article history: submitted August 4, 2026; revised August 12, 2026; accepted August 19, 2026.

For citation: Desyaeva, N.D. (2026). From the Origins of Media Education to the Digital Future: An Interview with Professor Alexander V. Sharikov. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 31*(3), 785–795. (In Russ.) http://doi.org/10.22363/2312-9220-2026-31-3-785-795 EDN: EMUPVZ

© Десяева Н.Д., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode

Александр Вячеславович Шариков, профессор, кандидат педагогических наук, – один из основоположников российского медиаобразования и разработчик первого в стране профильного научного проекта на базе Академии педагогических наук СССР. В настоящее время он научный руководитель магистерской программы «Медиаменеджмент» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). На его счету более 300 научных трудов, включая знаковую монографию «Медиаобразование: мировой и отечественный опыт». В этом юбилейном интервью, приуроченном к 75-летию исследователя, Александр Вячеславович, чьи труды регулярно публикуются на страницах нашего журнала, делится экспертным анализом ценностей медиаобразования, его связи с медиакультурой, медиаграмотностью и медиакоммуникациями, а также оценивает влияние медиапотребления на человека.

– Александр Вячеславович, в настоящее время педагоги, социологи, искусствоведы активно обсуждают содержание понятия «медиаобразование. Вы фактически разработали эту категорию и ввели ее в научный оборот. Каковы существенные признаки этого явления? Как оно связано с медиакультурой, медиаграмотностью?

– Говоря о медиаобразовании в контексте смежных понятий, одним предложением однозначно не обойтись. Если отбросить слово «медиа», то мы имеем вечный треугольник: образование, культура, грамотность. В каких отношениях они находятся? Культура – это то, что взращивается. Имеется в виду что-то, за чем надо ухаживать, что требует определенных усилий. А тот механизм, который обеспечивает эту культуру, называется образованием. Другими словами, образование – это то, что функционально поддерживает культуру. Или, как говорится в философской литературе, это механизм воспроизводства культуры. То есть любая культура предполагает наличие механизма воспроизводства. Этот механизм и есть образование. Медиакультура воспроизводится с помощью медиаобразования.

По определению ЮНЕСКО, медиаобразование связано со всеми видами медиа и различными технологиями. Оно позволяет людям понять, как массовые коммуникации используются в социумах, овладеть способностями использовать медиа при общении с другими людьми. Все это базируется на знании того, как анализировать, критически осмысливать и создавать медиатексты. Это знание позволяет определять социальный контекст источников медиатекстов, политические, социальные, коммерческие, культурные интересы их авторов; использовать соответствующие медиапродукты для создания и распространения своих собственных медиатекстов.

В то же время медиаобразование – это процесс воспроизводства и производства, потому что культура не может находиться в статическом состоянии, она требует, помимо воспроизводства, еще какого-то движения, развития. В связи с этим мы определяем медиаобразование как способ, механизм воспроизводства и производства медиакультуры.

Медиаобразование имеет огромную общественную ценность – оно является неотъемлемой частью права гражданина любой страны мира на свободу самовыражения и права на информацию, является инструментом поддержки демократии.

Теперь к вопросу о грамотности. Грамотность – это достижение некого достаточного уровня владения теми или иными инструментами для полноценного существования в социуме. Важно подчеркнуть, что понятие «грамотность» возникает тогда, когда появляется и распространяется некое явление социально-культурного порядка. И если первоначально понятие «грамотность» связывалось с умениями и навыками трех видов – читать, писать, считать – то, начиная с середины XX в., появилось множество направлений, так или иначе связанных с информационно-коммуникационными технологиями, требующими формирования соответствующей грамотности. В 1970-е гг. возникает понятие «медиакультура» как обобщенная категория, объединяющая такие явления, как телевидение, радио, аудио- и видеозапись, книги, журналы, газеты, кино. Параллельно возникают понятия «медиаграмотность» и «медиаобразование», в рамках которых ставится задача освоения данных средств массовой коммуникации, понимания специфики их деятельности, в том числе угроз, которые они несут для развития человека и общества. Отсюда акцент в формировании медиаграмотности на развитие критического мышления, защиту населения от негативного воздействия средств массовой коммуникации, общественные призывы к организации медиаобразования.

– То есть развитие критического мышления участника медиапроцессов – это основная задача медиаобразования?

– Как раз нет. Моя концепция медиаобразования (социокультурная концепция), которая признана одной из самых оригинальных в мире (это установил А.В. Федоров из зарубежных источников), находится в оппозиции к «критической концепции», где в центре внимания лежит идея защиты молодого поколения от вредных явлений, присутствующих в медиа.

Я начал заниматься медиаобразованием в начале 1980-х гг., изучая, прежде всего, документы ЮНЕСКО, и столкнулся с противоречием. Западные авторы писали о том, что надо обучать детей и подростков навыкам журналистики, чтобы противостоять таким негативным явлениям, как пропаганда, реклама, насилие и эротика на экране, катастрофизм в новостях и др. Я же, углубившись в историю российской детско-юношеской журналистики, понял, что корни нашего движения юных журналистов восходят к началу XIX в., когда лицеисты Царскосельского лицея, в том числе Пушкин, начали выпускать свои журналы. Или даже раньше – к самодеятельным студенческим рукописным изданиям в российских университетах XVIII в. Там никто не говорил ни о пропаганде, ни о рекламе, ни о насилии, ни об эротике. Следовательно, не эти причины породили феномен детско-юношеской журналистики в России, а что-то другое. Именно авторский опыт юных журналистов того времени оказал большое влияние на отечественную журналистику XIX в. Тогда-то я и начал работу по созданию концепции, альтернативной критической.

Социокультурная концепция медиаобразования основана на идее творческого социального диалога. Для диалога нужен мыслящий участник коммуникации, понимающий ее язык. Проведу аналогию с зарождением кинообразования в первые советские годы. В то время происходили многочисленные эксперименты по формированию языка кино – новые монтажные решения, осмысление игры с ракурсами, планами. Но, когда эти достижения показывали публике, далеко не вся аудитория принимала и понимала эти новации. И тогда родились просветительские лекции перед началом сеанса и дискуссии после, где рассказывалось и обсуждалось все новое в киноязыке. Развивать новый язык кино, не посвятив в его секреты публику, стало невозможно. Отсутствие кинообразованности населения замедляло развитие кинокультуры как профессионального явления, то есть возникла проблема поддержания и развития кинокультуры через кинообразование.

И добавлю аргументы к мысли о том, что развитие критического мышления не может быть основной задачей медиаобразования. Одно из моих наблюдений конца 1980-х – начала 1990-х гг. состояло в том, что часто представители конфликтующих сторон говорили о развитии критического мышления, чтобы противодействовать пропаганде. Но вот примеры. Во время израильско-палестинской войны израильские учителя будут рассказывать ученикам, как бороться не с пропагандой вообще, а лишь с пропагандой противоположной стороны. И, скорее всего, ничего не будут говорить об израильской пропаганде. Арабские учителя будут рассказывать, как бороться с израильской пропагандой, и ни слова не скажут об арабской. Сейчас то же самое мы имеем в случае СВО. Украина говорит о развитии критического мышления против российской пропаганды, некритично относясь к своей собственной.

Отсюда следует, что критическое мышление опирается не только на универсальные механизмы, но и на ценностные основания личности, и в этом смысле его развитие – субъективный, а не объективный процесс. Критика – это деятельность, основанная на дихотомии «хорошо – плохо» или «полезно – вредно», а такое противопоставление всегда привязано к социальным установкам и ценностям. Это значит, что медиаобразование может быть объяснено релевантно не в рамках глобального мировидения, а в рамках культурно-исторического подхода, в основе которого лежат историко-культурные ценности каждой страны. Это ответ на вопрос: «Что хорошо для нас?» И начало обретения медиаграмотности и критического мышления в России выражается словами известной песни: «С чего начинается Родина?»

И еще одно логическое рассуждение: понятие «критическое мышление» применимо не только к медиапроцессам. Это все равно, что говорить, что цель изучения математики – развитие логического мышления. Это и так, и не так. А что, изучение русского языка или иностранных языков не развивает логическое мышление? А что, другие школьные предметы никак не развивают логическое мышление? Неправда! Развивают. А что, другие не медиаобразовательные предметы не развивают критическое мышление? Тоже неправда – развивают! Следовательно, развитие критического мышления не является

имманентной целью медиаобразования, а покрывает широкий спектр дисциплин. И потому существует вечный вопрос: «Какова главная цель медиаобразования?» Отвечу так: развитие критического мышления не является основной целью медиаобразования, но это его важная вспомогательная цель.

– Разработанная Вами социокультурная концепция медиаобразования складывалась в рамках особого стратегического научного поиска в 1980–90-х гг. прошлого века. Перечислю по вехам.

1. Введение в русский язык слова «медиа-образование», которое теперь пишут слитно (первая публикация – тезисы выступления на конференции в Рязани в 1987 г.).

2. Первая статья о медиаобразовании в головном научном журнале по педагогике советского периода «Советская педагогика» (1988).

3. Первый научный проект по медиаобразованию в СССР в рамках Академии педагогических наук СССР (АПН СССР) – победа в конкурсе научных проектов и его дальнейшая реализация (1990–1991).

4. Первая научная монография по теме: «Медиаобразование: мировой и отечественный опыт» (1990).

5. Разработка первой концепции медиаобразования для старших классов средней общеобразовательной школы (1991).

6. Разработка первых экспериментальных программ медиаобразования для старших классов средней общеобразовательной школы совместно с Е.А. Черкашиным (1991).

7. Реализация этих программ в кинолицее в 1992–1993 гг.

Эти достижения были специально отмечены в выступлении Президента Российской академии образования О.Ю. Васильевой на Экспертном семинаре по медиаобразованию, который проходил в Российской академии образования 24 июня 2025 г. Однако медиаобразование – это ведь не единственная область Ваших научных интересов?

– Особенность моего научного творчества состоит в том, что я постоянно сочетал теоретические изыскания с обширной практикой не только в поле медиапедагогики, но и в практике СМИ в качестве журналиста (писал статьи в газеты и журналы, вел передачи на «Радио России»), руководителя подразделения (социологической службы Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании, сектора Аналитического центра Видео Интернешнл), советника (председателя межгосударственной телерадиокомпании «Мир», директора «Радио России»), эксперта (Роскомнадзора и Аппарата Уполномоченного по правам ребенка при Президенте РФ). Активно участвовал в работе множества международных групп при Европейском вещательном союзе и ЮНЕСКО, где продолжаю свою деятельность в качестве члена Российского комитета программы ЮНЕСКО «Информация для всех». Мне по роду деятельности пришлось изучать массовую коммуникацию в самых разных аспектах – не только педагогических и социологических, но и политических, экономических, правовых, психологических, культурологических и некоторых других. В каждом из этих направлений я оставил какой-то

след, и потому список научных публикаций содержит работы не только по медиаобразованию. Проблемы истории и теории медиа, глобальных информационных процессов, аудиториологии (общих законов поведения аудитории), функционирования медиаотрасли, медиапсихологии – вот далеко не самый полный перечень моих научных интересов. Причем по теории медиаобразования, аудиториологии, теории глобальных медиаштормов мной были опубликованы самые первые работы в России.

– Согласно Вашей концепции медиаобразование (как процесс) и медиаграмотность (как результат) помогают нам лучше понимать средства массовой коммуникации, анализировать, оценивать медийные продукты и создавать что-то свое – как ответ в развернутом социальном диалоге. Это глобальная идея Вашего подхода, с которой невозможно не согласиться. Но есть и частные вопросы. Например, практика показывает, что медиаграмотными многие люди становятся стихийно – просто потому, что они находятся в медиасреде. Почему же мы говорим о том, что медиаобразование должно быть специально организованным процессом?

– Возможно, стихийное развитие медиакультуры и является причиной того, что, к сожалению, сегодня не существует единой теории медиаобразования (заметим, что медиаобразовательных теорий насчитывается свыше десятка), которая бы смогла интегрировать все богатство накопленного педагогического опыта разных направлений.

На уровне теорий вне педагогики (теоретической социологии и социальной философии массовой коммуникации) мы имеем весьма мозаичную картину – истинную эклектику при описании массово-коммуникационных процессов. В двукоренном слове «медиаобразование» более или менее понятным является второй корень – «образование». А вот понятие «медиа» – загадочное. Я сейчас работаю над текстом, в котором поднимается вопрос о том, когда в русском академическом языке появилось слово «медиа». И удалось обнаружить слово «медиа», записанное на кириллице в дореформенной орфографии (медіа), в книге доктора Н.В. Слетова, озаглавленной «Конспект лекций по анатомии и физиологии», которая увидела свет в 1897 г. Это слово понималось не как термин теории массовой коммуникации, которой тогда не было, а как анатомический и медицинский термин, который означал *средний слой оболочки артерии*. Почему? Потому что русское слово «медиа» – это транслитерация латинского слова *media*, у которого имеется множество значений, так или иначе несущих в себе идею срединности, опосредования. Термин в этом значении до сих пор используется в анатомии и в медицине. Но даже здесь смысловое ядро понятно: медиа = посредник.

Давно замечено, что процесс распространения медиаобразования происходит спонтанно, и ежегодно все новые и новые педагоги, не спрашивая разрешения, стихийно начинают практиковать самые разнообразные и порой неожиданные его формы. Педагоги-энтузиасты не всегда даже понимают, что занимаются именно медиаобразованием, «изобретая велосипед».

Вместе с тем наблюдаются тенденции к упорядочиванию этого процесса – именно педагогическое упорядочивание, заключающееся в определении ядра данной области знаний. В нем мы выделяем обучение искусству понимания социального, политического и экономического контекста сообщений, идущих по медийным каналам. Речь идет также и об адекватном восприятии социально обостренных и, прежде всего, новостных материалов. В медиаобразовании в настоящее время выделяется задача обучения симметричному действию – умению выразить свои мысли языком медиа, языком не только в строго лингвистическом, но и в более общем смысле – языком телевидения, радио, прессы, интернета. Деятели медиаобразования неоднократно подчеркивали, что умение выступить в СМИ – одно из фундаментальных умений, обеспечивающих качество демократии. И если средства массовой информации являются неотъемлемой частью демократического общества, то навыки работы со СМИ как в качестве грамотного реципиента, так и в роли грамотного коммуникатора чрезвычайно важны для понимания социальных действий других и выражения интересов тех социальных сил, к которым относится конкретный человек. Поэтому такой взгляд предлагает определение медиаобразования как процесса формирования у человека культуры медиатизированной социальной коммуникации. Стихийно такая культура не сформируется.

– У любого образовательного процесса есть результат. Это знания разного уровня и освоенные практики, которые обычно называют умениями и навыками. Что из этого перечня актуально для современного медиаобразования?

– В медиаобразовании нужны искусствоведческие знания, знания из области журналистики, социальной психологии. Пока мы не разобрались со значением слова «медиа», не можем дать общий перечень соответствующих конкретных умений. Если под медиа понимаем медийный круг 1970-х гг., у нас одна схема. Если включаем туда интернет, значит, это 1990-е гг. до настоящего времени, где-то до середины десятых. И это другая схема. Сейчас, если включаем сюда банковские операции, госуслуги, медицинские и прочее, у нас уже третья схема получается, то есть полно на этот вопрос можно ответить только с конкретизацией каких-то параметров. А востребованность этих параметров определяется аудиторией. Следовательно, мы можем говорить о разных образовательных результатах медиаобразования школьников, взрослых пользователей интернета и специалистов разных сфер.

– В публикациях и в диссертации «Возрастные особенности телевизионных ориентаций московских школьников» Вы одним из первых заговорили о проблемах влияния медиапотребления на развитие личности детей и подростков. Можно ли управлять медиаориентациями в контексте медиаобразования? Если можно, то как?

– Медиаориентациями можно управлять с помощью высококачественных медиапродуктов, которые предлагаются аудитории медийного пространства в рамках продуманной стратегии, нацеленной не только на массовую культуру. Если не будут поставлены стратегические задачи развития медиакультуры,

интересы современного российского школьника так и останутся в сфере развлекательной (преимущественно в области игровых технологий). А ведь есть еще образовательная и общеразвивающая. Постановка таких задач необходима, так как в условиях диктата рыночного спроса, когда кинопроизводство и телевидение во все большей степени функционируют в соответствии с принципом «чего изволите?», массовый зритель, лишенный развитой культуры восприятия, – явление фатальное не только для экранного искусства в его высших проявлениях, но и для культуры общества в целом.

– Самое главное в образовании, с точки зрения теории софт скилс, – развитие интереса. Это универсальная задача. Как можно развивать интересы школьников в области медиаобразования?

– В процессе развития у школьников умения ориентироваться в разнообразных медиамоделях необходимо развивать их интерес к творческой и критической деятельности в медиасреде. Все это помогает сделать медиаобразование не только учебной, но и увлекательной областью развития личности. Развитие интереса также предполагает опору на эстетическую (художественную) теорию медиаобразования, обучение аудитории основным законам и языку художественного спектра медиаинформации, развитие эстетического (художественного) восприятия и вкуса, способности к квалифицированному анализу художественных медиатекстов. Следовательно, в содержании медиаобразования необходимо выделить язык медиакультуры, авторский мир создателя художественного медиатекста, историю медиакультуры (история киноискусства, художественного телевидения, фотографии и т.д.). Таким образом, педагогическая стратегия развития интереса опирается на обучение критическому анализу художественных, публицистических, научно-популярных медиатекстов, их интерпретации и оценке.

– Очевидно, что медиапродукты – это средство медиаобразования. А что Вы скажете о формах? Как можно реализовать идеи, о которых Вы говорите?

– Российский и мировой опыт показывает существование трех направлений включения медиаобразования в учебный процесс: введение отдельного учебного предмета (так называемое специальное медиаобразование), решение задач медиаобразования в учреждениях дополнительного образования (факультативное медиаобразование) или непосредственно в школе в процессе изучения традиционных школьных курсов (интегрированное медиаобразование). Представляется, что следует развивать каждое из названных направлений в зависимости от поставленных задач и существующих условий.

– Одна из задач любого образования – формирование значимых для человека и общества ценностей – идей, убеждений. Во многих публикациях Вы пишете о том, что медиаканалы являются фактором духовной культуры, то есть создают собственные духовные ценности. Какие ценности генерируют современные медиапродукты?

– Традиционно в социогуманитарных исследованиях феномена массовой коммуникации довольно заметное место занимает проблематика влияния

СМИ на установки и ценностные ориентации населения. Наблюдения и специальные исследования показывают, что ценности, создаваемые современными медиапродуктами, укладываются в традиционные тенденции. Например, среди 18 ценностей теста Рокича россияне чаще всего ориентированы на ценности здоровья, счастливой семейной жизни и материально обеспеченной жизни (понимаемой как отсутствие материальных затруднений). Однако ценностные ориентации несколько разнятся в зависимости от пола и возраста. Так, для мужчин существенно важнее такие ценности, как «наличие хороших и верных друзей», «интересная работа», «продуктивная жизнь», «свобода», для женщин – «здоровье», «счастливая семейная жизнь», «любовь». С возрастом повышается значимость таких ценностей, как «здоровье», «материально обеспеченная жизнь», «счастливая семейная жизнь», «жизненная мудрость», «общественное признание», «счастье других», но при этом понижается значимость таких ценностей, как «наличие хороших и верных друзей», «интересная работа», «любовь», «активная деятельная жизнь», «развитие», «познание», «развлечения». Медиапродукты влияют не столько на содержание этих ценностей, сколько на процесс их формирования. Например, в разных социально-значимых ситуациях новостные каналы усиливают тенденции к осознанию людьми тех или иных ценностей. Что касается «собственных ценностей», то ценностным стало само медиапотребление. Однако это ценность инструментальная, хотя она и связана с духовными потребностями.

– Нужно ли медиаобразование взрослых? Для чего?

– Тут мне приходит в голову мысль, что медиаобразование нужно в первую очередь для представителей старших поколений. Представители молодого поколения должны учить пользоваться новой техникой своих родителей, уж я не говорю о бабушках и дедушках. И медиаобразование – именно та форма образования, которая наиболее соответствует современной ситуации в мире, когда умножение информации, ускоренная смена все новых и новых технологий приводят к тому, что молодое поколение обгоняет старшее на пути прогресса. В этом смысле медиаобразование и есть то самое, что нужно сегодня и человеку, и обществу, только это, по сути, «образование наоборот». Проблема коммуникационной «отсталости» старших поколений вполне может быть решена благодаря созданию системы «пожизненного» медиаобразования, чрезвычайно важной ввиду непрерывного бурного развития новейших коммуникаций. Получается, что медиаобразование становится средством, обеспечивающим взаимопонимание поколений. Это еще одна важная общественная ценность данного явления.

– Получается, что медиаобразование – сложившаяся или складывающая область знаний со своим предметом, закономерностями, терминологической (= понятийной) основой. Но современная медиасреда особенная – она развивается в условиях цифровизации коммуникации. Как меняется понятийный контекст медиаобразования?

– Одно из важных явлений – изменение содержания значимого для медиаобразования понятия «информационная грамотность», пожалуй, самого широкого в обсуждаемом контексте. Начиная с середины XX в. появилось множество теоретико-прикладных направлений в изучении отдельных видов информационно-коммуникационных процессов и явлений, которые обнажили необходимость формирования определенных типов грамотности[1], опирающихся на соответствующие разновидности культуры. Таким образом, речь идет о частных или «парциальных» культурах и, соответственно, «парциальных грамотностях». В 1970-х гг. формируются понятия «информационная культура», «информационное общество», в связи с чем возникает концепция информационной грамотности, включающая обучение населения приемам поиска информации и ее использования. Эти приемы востребованы в любой парциальной культуре. Например, с развитием кинематографа заговорили о кинограмотности и кинообразовании[2], причем не только в связи с подготовкой профессиональных кадров в данной сфере, но и в связи с обучением «грамотных кинозрителей», то есть зрителей, умеющих воспринимать соответствующую информацию.

В 1970-х гг. возникает понятие «медиакультура» как обобщенная категория, объединяющая явления от телевидения и радио до книг и газет[3]. Параллельно возникают понятия «медиаграмотность» и «медиаобразование»[4], в рамках которых ставится задача освоения средств массовой коммуникации, понимания специфики их деятельности, в том числе с акцентом на развитие критического мышления аудитории.

С распространением интернета начинают говорить об «интернет-культуре»[5] и соответствующей ей «интернет-грамотности»[6]. Ее перекрывает новая концепция, которую разные авторы называют по-разному: электронной (e-culture) или цифровой культурой[7]. Соответственно, возникают концепции электронной грамотности и цифровой грамотности. Эти феномены, в свою очередь, порождают явления мультимедийности, конвергенции различных видов медиа и т.п. В современном понимании цифровая грамотность включает

[1] *Boekhorst A.* Media and information literacy: An umbrella term? [Paper presentation]. European Conference on Information Literacy (ECIL), Istanbul, Turkey. 2013. October 22–25.

[2] *Gessner R.* The Moving Image: A Guide to Cinematic Literacy. New York : E.P. Dutton & Co., 1968; Кинообразование: формы, методы, практика : монография / под ред. Т.Н. Сторчак. М. : ВГИК, 2010.

[3] *Monaco J.* Media Culture: Television, Radio, Books, Newsmagazines Now. New York : International Popular Culture, 1978.

[4] *Houk A., Bogart C.* Media Literacy: Thinking About Matters of Communication. Dayton: Pflaum Publishing, 1974; Media education / eds. Morsy, Zaghloul // UNESCO. Available from: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000062522 (accessed: 15.05.2026).

[5] *Moore D.* The Internet Culture. Wokingham : Addison-Wesley, 1995; Internet Culture / ed. D. Porter. New York : Routledge, 1997.

[6] *Hofstetter F.T.* Internet Literacy. Boston : Irwin/McGraw-Hill, 1998.

[7] *Druckrey T.* Electronic Culture: Technology and Visual Representation. New York : Aperture, 1996; The Photographic Image in Digital Culture / ed. M. Lister. London ; New York : Routledge, 1995.

компоненты технологического и информационно-коммуникационного содержания. Получается, любая парциальная грамотность должна иметь некоторые смежные основания с другими видами грамотности, опираться на общую схему при построении соответствующих компетенций и их индикаторов. Именно в таком мобильном контексте развивается содержание медиаобразования в современном мире.

Сведения об авторе:

Десяева Наталья Дмитриевна, доктор педагогических наук, профессор, начальник департамента методики обучения, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет, Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4/1. ORCID: 0000-0002-1822-4032; SPIN-код: 6498-0760. E-mail: DesyaevaND@mgpu.ru.

Bio note:

Natalya D. Desyaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Teaching Methodology, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City University, 4/1 2nd Selskokhozyaystvenny Pass, Moscow, 129226, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1822-4032; SPIN-code: 6498-0760. E-mail: DesyaevaND@mgpu.ru